

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 2015

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Чебоксары, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Капеллер, доктор истории, профессор (Вена, Австрия)

Р.А. Кудрявцева, доктор филологических наук, профессор (Йошкар-Ола, Россия)

Л.П. Репина, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Москва, Россия)

В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор (Чебоксары, Россия)

А.К. Салмин, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник РАН (Санкт-Петербург, Россия)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Казань, Россия)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15

Тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 2 2015

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Professional Education
Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

A. Kappeler, Ph.D., Professor (Vienna, Austria)

R.A. Kudryavtseva, Doctor of Philology, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

L.P. Repina, Doctor of History, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

V.G. Rodionov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of History, Leading Researcher
of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of History, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary,
Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 930 (092) Фортунатов (470) "XIX"
ББК Т1(2)5 – 8 Фортунатов

Н.Н. АГЕЕВА

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.Ф. ФОРТУНАТОВА

Ключевые слова: С.Ф. Фортунатов, российская публицистика на рубеже XIX–XX вв., история Европы и США в XIX в., либерализм.

Впервые в отечественной историографии рассмотрена публицистическая деятельность российского историка Степана Федоровича Фортунатова (1850–1918). Выделены и проанализированы основные группы его публикаций в периодической печати: статьи по вопросам политической истории США и европейских стран в XIX в. и рецензии на труды по всеобщей истории и конституционному праву. Сделан вывод о том, что публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова способствовала распространению в широких кругах исторических знаний и либеральных идей конституционализма.

N. AGEEVA

JOURNALISTIC ACTIVITY OF S.F. FORTUNATOV

Key words: S.F. Fortunatov, Russian periodical press of the late XIX – early XX centuries, the XIX century history of Europe and the USA, liberalism.

For the first time in the Russian historiography the subject of research is journalistic activities of the Russian historian Stepan Fedorovich Fortunatov (1850–1918). The author identifies and analyzes the main groups of his publications in periodical press: articles on the XIX century political history of the USA and European countries, and reviews of works on world history and constitutional law. The author concludes that the journalistic activities of S.F. Fortunatov contributed to propagating knowledge of history and liberal ideas of constitutionalism among broad masses of population.

Публицистика в России на рубеже XIX–XX вв. играла огромную роль в общественно-политической и интеллектуальной жизни. В этот период в стране сложилась «развернутая система периодической печати, представленная разнообразными типами СМИ – разного предназначения и разной направленности, обслуживающими все социальные слои населения» [2. С. 42]. Периодические издания (как специализированные исторические, так и общественно-политические и научно-просветительские) являлись важным звеном в коммуникативном пространстве отечественной исторической науки [см. 3].

Представители российской науки, как правило, активно печатались в прессе. Многие из них, на наш взгляд, видели в этом не только возможность получить дополнительный доход, но и прежде всего, донести до широкой аудитории свои взгляды, способствовать популяризации науки. К их числу можно отнести и российского историка Степана Федоровича Фортунатова (1850–1918). Его сфера научных интересов – история США и европейских государств (преимущественно Англии, Франции и Германии) в XVIII–XIX вв. С.Ф. Фортунатов не оставил крупных научных трудов, но в течение многих лет преподавал в Московском университете, университете имени А.Л. Шанявского, на Высших женских курсах, в ряде гимназий Москвы. Именно публицистическая деятельность Фортунатова была достаточно успешной и принесла ему известность в широких кругах: его рецензии и статьи публиковались в «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Критическом обозрении», «Юридическом вестнике», «Научном слове». Будучи сторонником либерализма, он, как правило, печатался в изданиях, близких ему по духу.

Так, журнал «Критическое обозрение», который издавался в 1879–1880 гг., придерживался либерального направления. В основном сотрудниками журнала

являлись молодые преподаватели историко-филологического и юридического факультетов Московского университета. Они представляли собой «новую фазу в развитии русского либерализма» и отличались от предшественников более радикальным образом мышления, своими конституционно-реформаторскими идеями [14]. В журнале размещались рецензии на русские и иностранные сочинения и журнальные статьи по всеобщей и русской истории, филологии, философии, политической экономии и др., а также библиографическая хроника, отчеты об университетских диспутах, заседаниях в ученых обществах. В «Критическом обозрении» Фортунатов опубликовал ряд рецензий на книги западно-европейских историков по истории США, Англии и Франции.

К либеральному направлению можно отнести и «Юридический вестник», основанный Московским юридическим обществом. Журнал последовательно отстаивал реформы эпохи Александра II: земство, свободу слова, гласность судопроизводства, суд присяжных. В своих статьях, опубликованных на страницах этого журнала, Фортунатов обращается, прежде всего, к вопросам об особенностях конституционного устройства Англии и Франции и проблемам, связанным с реализацией основных прав и свобод в этих странах.

Журнал «Русская мысль» представлял достаточно широкий спектр общественно-политических взглядов. Здесь печатались и представители народничества, и славянофильства, и марксизма. Из всех толстых ежемесячников конца XIX в. «Русская мысль» пользовалась наибольшей популярностью и имела самое значительное число подписчиков. «Научное слово» можно отнести к научно-популярным изданиям, однако в нем преимущественно печатались профессора и приват-доценты Московского университета, что свидетельствует о его высоком научном уровне. В этих журналах Фортунатов публиковал рецензии на труды западноевропейских историков.

Отдельно следует выделить газету «Русские ведомости», сотрудником которой Фортунатов являлся более 30 лет. С конца XIX в. «Русские ведомости» считались одной из наиболее влиятельных либеральных газет. Быть популярной и востребованной среди читателей газете удавалось благодаря соединению информативности с аналитичностью, серьезному тону публикаций, а также широкому кругу авторов. Современники иронично называли «Русские ведомости» «профессорской» газетой из-за большого количества ученых, печатавшихся на ее страницах. Сотрудники и редакторы «Русских ведомостей» были не только профессионалами высокого уровня, но и имели четкую гражданскую позицию. Все вместе они выступали в газете единым фронтом в защиту принципов либерализма [1. С. 188]. Фортунатов опубликовал на страницах газеты большое количество статей по различным вопросам политической истории Европы и США XIX в. и рецензий на книги и учебные пособия по всеобщей истории и конституционному праву [4. С. 186].

Все публикации Фортунатова в периодической печати можно разделить на три группы. Прежде всего, это статьи, посвященные вопросам политической истории Англии, Франции и США в XVIII–XIX вв. В этих публикациях Фортунатов акцентировал внимание преимущественно на особенностях политического устройства этих государств, показывал специфику их государственной системы, функционирование и взаимодействие отдельных ветвей власти. Собственно историю революций Фортунатов в своих статьях затрагивал мало, его больше интересовали межреволюционные периоды, в которые власть, как правило, стремилась взять реванш и проводить реакционную политику.

Так, в 1879–1881 гг. С.Ф. Фортунатов опубликовал на страницах «Юридического вестника» и «Критического обозрения» серию статей, посвященных поли-

тической истории Франции XIX в. [см.: 5, 8, 9, 12], в которых он проследил борьбу французского народа за основные конституционные права и свободы от эпохи Реставрации до падения второй империи. Оценивая современную политическую ситуацию во Франции, он удовлетворенно отмечал: «В настоящее время с каждым днем все более и более упрочивается республиканский порядок во Франции, с каждым днем слабеют шансы на возможность установления в этой стране конституционной монархии. Однако от этого нисколько не теряют исторического значения попытки, которые делались во Франции для водворения конституционной монархии» [8. С. 713]. В статьях показана вся тщетность попыток властей (как при помощи реформ, так и прямого произвола и репрессий) остановить революционные настроения и подчеркивается неизбежность падения политических режимов, основанных на насилии: «Февральская революция является, поучительным примером, как ошибаются те правительства, которые меряют свою силу численною слабостью своих открытых противников. Сила правительства гораздо более зависит от того, опирается ли оно на сочувствие и деятельную поддержку общества. Если нет, то катастрофа рано или поздно неизбежна» [12. С. 448]. Очень ярко и привлекательно С.Ф. Фортунатов рисует и образы политиков-республиканцев А. Бодена, Л. Гамбетты и др.

Анализируя статьи Фортунатова в периодических изданиях, следует отметить, что в них не поднимались, как правило, какие-то сугубо узкие научные проблемы, и назвать их самостоятельными научными исследованиями в полном смысле этого слова нельзя. Но эти статьи касались важных проблем политической истории западноевропейских государств и США и имели несомненную актуальность для российского общества.

Вторая группа публикаций С.Ф. Фортунатова – это его рецензии в журналах. Следует отметить, что все эти публикации были достаточно обстоятельны. В рецензиях С.Ф. Фортунатов неизменно демонстрировал отличное знание современной научной литературы и глубокую осведомленность в научной проблеме. Нередко в ходе анализа одного научного труда он проводил его сравнение с другими значимыми исследованиями на эту тему [10. С. 22–23]. В основном он писал рецензии на новейшие труды по политической истории США, Англии и Франции, опубликованные за рубежом. Если же рецензировалось издание на русском языке, то С.Ф. Фортунатов, как правило, особо отмечал качество перевода [11. С. 153].

В отдельную группу публикаций следует выделить статьи и рецензии С.Ф. Фортунатова в «Русских ведомостях». Они менее объемные (учитывая формат издания), но не менее информативные. В своих статьях С.Ф. Фортунатов касался недавних политических событий и проводил исторические экскурсы для более детального анализа тех или иных политических процессов. В качестве примера можно привести его статью 1897 г. «Шестидесятилетие царствования королевы Виктории», в которой он отмечает, что «правление мастиной королевы замечательно не одною только своею продолжительностью», но и многими важными событиями [13]. С.Ф. Фортунатов достаточно обстоятельно анализирует основные направления и достижения ее правления как во внешней, так и во внутренней политике, подчеркивая в заключении, что «если не считать отношений к Ирландии, то вся история шестидесятилетнего царствования королевы Виктории представляет собой картину прогресса политического, экономического, умственного и нравственного» [13].

При освещении политических систем западноевропейских стран и США С.Ф. Фортунатов прежде всего интересовала система гарантий основных прав и свобод, ответственность исполнительных властей, стабильность различных форм

демократических устройств общества. Особенно активно эти проблемы поднимались им в статьях в 1905–1907 гг., что являлось ответом на запросы русского общества, которое в годы первой русской революции активно заинтересовалось проблемами парламентаризма и политическими свободами. Так, например, несколько статей С.Ф. Фортунатова были посвящены анализу существующих в Западной Европе парламентских систем [см.: 6, 7]. Сравнивая особенности политического устройства разных стран, С.Ф. Фортунатов обращает внимание на такие ключевые моменты, как права монарха, ответственность правительства, полномочия двух палат парламента. Последний вопрос он рассматривает наиболее подробно, так как он был крайне актуальным для России, где решалась судьба ее первого парламента. Отмечая, что «значительное большинство общественных деятелей в России стоит за необходимость двух палат», С.Ф. Фортунатов в целом соглашается с аргументами в пользу этой системы, но выделяет несколько условий, соблюдение которых должно способствовать реализации демократических начал в политической жизни страны [6].

Многочисленные рецензии С.Ф. Фортунатова в «Русских ведомостях» можно разделить на несколько групп: рецензии на труды западноевропейских и российских историков по истории стран Европы и США XVIII–XIX вв., учебные пособия (по различным периодам всеобщей истории – от древней до современной) и на книги по конституционному праву. Все рецензии С.Ф. Фортунатова в газете были написаны со знанием дела, отличались обстоятельным анализом содержания рассматриваемого сочинения. Учитывая достаточно широкую читательскую аудиторию «Русских ведомостей», историк в своих рецензиях стремился не только дать анализ новой книги, но и по возможности полно раскрыть суть поднятой в ней проблемы. Надо отметить, что С.Ф. Фортунатов, как правило, не писал «разгромных» рецензий, возможно потому, что выбирал для своих обзоров именно заинтересовавшие его сочинения.

Таким образом, публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова была достаточно плодотворной и, несомненно, способствовала как популяризации исторической науки, так и распространению идей либерализма в русском обществе. Можно даже сказать, что он не нашел своего места в научном мире, но смог реализовать свой потенциал в публицистической деятельности. Без оценки этого направления деятельности С.Ф. Фортунатова невозможно создать его портрет, но и история российской журналистики будет неполной без характеристики его публикаций в периодической печати.

Литература

1. *Богданова Е.М.* Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 188–191.
2. *Иванова Л.Д.* Формирование системы периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1(110). С. 42–47.
3. *Мамонтова М.А.* Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 267–277.
4. Русские ведомости. 1863–1913: сб. ст. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. 580 с.
5. *Фортунатов С.Ф.* Административный произвол во Франции в эпоху второй империи // Юридический вестник. 1880. Дек. С. 495–516.
6. *Фортунатов С.Ф.* Вопрос о двух палатах // Русские ведомости. 1905. № 136.
7. *Фортунатов С.Ф.* Две формы представительного правления // Русские ведомости. 1905. № 62.
8. *Фортунатов С.Ф.* Очерк конституционного движения во Франции в эпоху реставрации // Юридический вестник. 1879. Кн. XI. С. 713–735.

9. *Фортунатов С.Ф.* Последние годы второй империи // Юридический вестник. 1881. Кн. VIII. С. 511–535.
10. *Фортунатов С.Ф.* Рец. на кн. А. Stern. «Milton und seine Zeit» // Критическое обозрение. 1879. № 16. С. 22–25.
11. *Фортунатов С.Ф.* Рец. на кн. А. Мишель «Идея государства» // Научное слово. 1903. Кн. IV. С. 152–153.
12. *Фортунатов С.Ф.* Февральская революция и июльская монархия // Критическое обозрение. 1880. № 9. С. 445–448.
13. *Фортунатов С.Ф.* Шестидесятилетие царствования королевы Виктории // Русские ведомости. 1897. № 158.
14. *Шигабутдинов Р.Р.* Журнал «Критическое обозрение» в научной и общественной жизни России на рубеже 70–80 гг. XIX в. [Электронный ресурс]. URL: [http:// do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14](http://do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14) (дата обращения: 11.02.2015).

References

1. Bogdanova E.M. *Gazeta «Russkie vedomosti»: izdateli-redaktory i sotrudniki* [Newspaper «Russian vedomosti»: publishers-editors and staff]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.)* [Proc. of Int. conf. «Philology in Russia and abroad: proceedings of the international scientific conference» (St. Petersburg, February, 2012)]. St. Petersburg, Renome Publ., 2012, pp. 188–191.
2. Ivanova L.D. *Formirovanie sistemy periodicheskoi pechati v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Formation of the periodical press in Russia at the turn of XIX–XX centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Issues of the Ural Federal University. Ser. 1. The problems of education, science and culture], 2013, no. 1(110), pp. 42–47.
3. Mamontova M.A. *Kommunikativnoe prostranstvo otechestvennoi istoricheskoi nauki na rubezhe XIX–XX vekov* [Communicative space of historical discipline in Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2011, no. 36, pp. 267–277.
4. *Russkie vedomosti. 1863–1913: sb. st.* [Russian vedomosti. 1863–1913. Collected papers]. Moscow, 1913, 580 p.
5. Fortunatov S.F. *Administrativnyi proizvol vo Frantsii v epokhu vtoroi imperii* [Administrative arbitrariness in France during the second empire]. *Yuridicheskii vestnik* [Law review], 1880, December, pp. 495–516.
6. Fortunatov S.F. *Vopros o dvukh palatakh* [The question of the two wards]. *Russkie vedomosti* [Russian vedomosti], 1905, no. 136.
7. Fortunatov S.F. *Dve formy predstavitel'nogo pravleniya* [Two forms of representative governance]. *Russkie vedomosti* [Russian vedomosti], 1905, no. 62.
8. Fortunatov S.F. *Ocherk konstitutsionnogo dvizheniya vo Frantsii v epokhu restavratsii* [Essay constitutional movement in France in the era of restoration]. *Yuridicheskii vestnik* [Law review], 1879, vol. XI, pp. 713–735.
9. Fortunatov S.F. *Poslednie gody vtoroi imperii* [The Last years of the second Empire]. *Yuridicheskii vestnik* [Law review], 1881, vol. VIII, pp. 511–535.
10. Fortunatov S.F. *Retsenziya na knigu. Alfred Stern. «Milton und seine Zeit»* [Book review. Alfred Stern «Milton und seine Zeit»]. *Kriticheskoe obozrenie* [Critical review], 1879, no. 16, pp. 22–25.
11. Fortunatov S.F. *Retsenziya na knigu. Mishel' A. «Ideya gosudarstva»* [Book review Michelle A. «The Idea of the state»]. *Nauchnoe slovo* [Scientific word], 1903, vol. IV, pp. 152–153.
12. Fortunatov S.F. *Fevral'skaya revolyutsiya i iyul'skaya monarkhiya* [The February revolution and July monarchy]. *Kriticheskoe obozrenie* [Critical review], 1880, no. 9, pp. 445–448.
13. Fortunatov S.F. *Shestidesyatiletie tsarstvovaniya korolevy Viktorii* [Sixtieth anniversary of the reign of Queen Victoria]. *Russkie vedomosti* [Russian vedomosti], 1897, no. 158.
14. Shigabutdinov R.R. *Zhurnal «Kriticheskoe obozrenie» v nauchnoi i obshchestvennoi zhizni Rossii na rubezhe 70–80 gg. XIX v.* [Journal «Critical review» in scientific and social life of Russia in the 70–80 years of XIX century]. Available at: [http:// do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14](http://do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14) (Accessed 11 February 2015).

АГЕЕВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nageeva@mail.ru).

AGEEVA NATALYA – Assistant Professor, Department of Foreign Countries History and Culture, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 342.56:94(470.344)"1918/20"

ББК ТЗ(2Рос.Чув)61-33

Ж.С. ВАСИЛЬЕВА, С.Ю. МИХАЙЛОВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ НАРОДНЫХ СУДОВ И КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКИХ УЕЗДОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 – НАЧАЛЕ 1920 ГОДОВ

Ключевые слова: крестьяне, Чебоксарский уезд, Цивильский уезд, Ядринский уезд, судебный участок, местный народный суд, виды преступлений, оправдательный приговор.

Рассмотрен процесс формирования судебных участков в Чебоксарском, Ядринском и Цивильском уездах Казанской губернии в 1918 – начале 1920 гг. Приведены данные о ходе формирования местного народного суда. Проанализированы рассмотренные местными народными судами дела по видам преступлений и составу лиц, привлекавшихся к ответственности. Сделан вывод о том, что большая часть преступлений совершалась крестьянами, в силу чего суд выносил оправдательный приговор.

J. VASILIEVA, S. MIKHAYLOVA

INTERRELATIONS BETWEEN LOCAL PEOPLE'S COURTS AND PEASANT POPULATION OF KAZAN PROVINCE CHUVASH DISTRICTS IN 1918 – EARLY 1920s

Key words: peasantry, the Cheboksary district, the Tsivilsk district, the Yadrin district, judicial district, local people's court, types of crime, verdict of not guilty.

The authors consider the process of establishing judicial districts in Cheboksary, Tsivilsk and Yadrin districts of the Kazan Province in the period of 1918 – early 1920s. The article provides some data on the process of establishing Local People's Courts. The authors have analyzed the cases heard by the Local People's Courts according to the types of crimes and social stratification of the people brought to trial. The conclusion was made that the majority of crimes were committed by peasants, which was the reason for the courts to rule out the verdict of not guilty.

В современном российском социуме все шире и прочнее утверждается мнение о том, что эффективность функционирования судебной власти напрямую зависит от масштабов и форм общественного участия в нем. Однако путь к пониманию и принятию данного положения был довольно длительным, насыщенным противоречивыми событиями, в том числе носившими весьма радикальный характер. Пришедшая к власти в октябре 1917 г. большевистская партия провозгласила суд органом власти пролетариата и беднейшего крестьянства. Но были ли они готовы взять на себя бремя революционного правосудия, совпадало ли это с их возможностями? Если в крупных городах и промышленных центрах имели место удачные примеры вовлечения рабочих в деятельность новых судебных органов, то в сельской местности судебное строительство сопровождалось множеством трудностей, которые усугублялись в национальных регионах.

Чувашские уезды Казанской губернии (Чебоксарский, Цивильский, Ядринский) являлись районами внутренней периферии бывшей Российской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подавляющее большинство местного населения составляли крестьяне. В рассматриваемый период они в целом поддержали установление советской власти и ее решения. Вместе с тем формирование народных судов на местах началось лишь весной 1918 г.

Они осуществляли свои полномочия в границах определенных территорий. Как правило, в 1918 г. в каждой из волостей чувашских уездов Казанской губернии функционировал судебный участок, в Чебоксарском уезде их насчитывалось 11, в Цивильском – 12, в Ядринском – 16.

Последовавшее несколько позднее «укрупнение» судебных участков не было обусловлено инициативой местных жителей. Это стало следствием сугубо прагматического подхода органов губернской юстиции. Летом 1919 г. Казанский губернский отдел юстиции предписал, что в ходе рассмотрения вопросов о распределении судебных участков необходимо достигать «возможной экономии как живых сил, так и денежных средств государства, сократив часть судебных участков до необходимого минимума, разумеется, при условии соблюдения интересов местного населения» [4. Л. 2].

Весной 1918 г. в каждой из 11 волостей Чебоксарского уезда функционировал судебный участок. Осенью 1919 г. число судебных участков сократилось до 4, каждый из которых включал от 2 до 3 волостей.

В 1918 г. в Цивильском уезде состояло 12 волостей и, соответственно, функционировало 12 судебных участков. В августе этого же года исполком Цивильского Совета крестьянских депутатов принял решение о включении в состав судебного участка по две волости. В результате стало насчитываться 6 судебных участков в сельской местности.

В августе 1919 г. в волостях Ядринского уезда действовало 6 судебных участков, в каждый из которых входило от 2 до 3 волостей. Причем уездное совещание народных судей сочло необходимым признать должность добавочного судьи, который командировался на тот или иной участок в целях устранения задержки дел, обязательной [5. Л. 3–4].

Это создавало дополнительные организационные трудности для местных крестьян. Но не только для них. Существенно возростала нагрузка на народных судей и народных заседателей. Они были вынуждены заниматься не только рассмотрением и разрешением гражданских и уголовных дел. 21 февраля 1918 г. руководитель Комиссариата юстиции Казанской рабоче-крестьянской республики Р. Романовский своим решением возложил на местных судей обязанности следователей [3. Л. 8об.]. В июле 1919 г. Казанский губернский отдел юстиции разослал на места циркулярное письмо об организации бесплатной юридической консультации для широких крестьянских масс. В нем было предложено возложить обязанности юрисконсультов на народных судей, которые «должны быть наиболее осведомлены в правовой жизни страны и по своему положению должны пользоваться исключительным доверием населения» [4. Л. 2].

Местные народные судьи должны были избираться путем прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно – волостными Советами крестьянских депутатов. Эти Советы составляли списки очередных народных заседателей и определяли очередь их явки на сессию.

Первоначально списки избранных в народные судьи и народные заседатели содержали, как правило, пункты: фамилия, имя, отчество; место жительства, грамотность, возраст, прежняя служба.

Избрание судей могло происходить по самым разным сценариям. Так, 24 апреля 1918 г. сход Хормалинской волости Цивильского уезда принял решение, согласно которому было избрано 13 кандидатов, которые должны были являться по жребию на судебное заседание в составе 3 членов и разбирать назначенные дела [3. Л. 23об.].

Другой пример, когда 11 мая 1918 г. 124 участника собрания, на котором был образован Ядринский волостной совет крестьянских депутатов, одновременно избрали председателя и двух членов народного суда, постановив следующее: «впредь до основания законов признавать законной властью только распоряжения Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и Совета Народных Комиссаров» [2. Л. 39].

В 1918–1920 гг. в местных народных судах могли рассматриваться дела по таким видам преступлений, как убийство, причинение тяжких ран, изнасилование, разбой, кража, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, спекуляция, преступления по должности, лесная порубка, самогонварение и др. [1. Л. 20].

В сложившихся условиях на местах народные суды не могли эффективно выполнять функцию по разрешению социальных конфликтов. Это особенно наглядно подтверждалось данными отчетов об оправдательных приговорах [1. Л. 20–26]. Их количественная динамика имела тенденцию к росту. Иными словами, местные суды все чаще и чаще устанавливали, что следствие про-

ведено необъективно, виновный не установлен, подсудимый не виновен и не заслуживает наказания. «Оправдательный приговор – это явление исключительное, незаурядное, которое вызывает широкий общественный резонанс, противоречивые высказывания, порой ажиотаж, открытое возмущение, неприятие. Оправдание по уголовному делу – диковина, необычайно редкое, непредсказуемое, удивительное явление в судебной практике» [7. С. 142].

В Цивильском уезде народными судами было вынесено оправдательных приговоров в 1918 г. – 50, в 1919 г. – 198, в 1920 г. – 182. Среди оправданных лиц составляли в 1918 г. 92% – крестьяне, 4% – служащие, 4% – бывшие торговцы и предприниматели; в 1919 г. 96% – крестьяне, 1% – рабочие, 2% – служащие, 1% – бывшие торговцы и предприниматели; в 1920 г. 98,4% – крестьяне, 1,6% – служащие. Они были привлечены в 1918 г. по 4 видам преступлений (преступления по должности – 2%, лесная порубка – 6%, самогоноварение – 16%, другие преступления – 76%), в 1919 г. – по 8 (убийство – 2%, кража – 1%, взяточничество – 0,5%, спекуляция – 6,1%, преступление по должности – 2%, лесная порубка – 16,2%, самогоноварение – 9,1, другие преступления – 63,1%), в 1920 г. – по 8 видам преступлений (кража – 5%, подделка денежных знаков и документов – 1,6%, взяточничество – 0,5%, спекуляция – 7,7%, преступление по должности – 5%, лесная порубка – 13,2%, самогоноварение – 12,6%, другие преступления – 54,4%).

В Чебоксарском уезде народными судами было вынесено оправдательных приговоров в 1918 г. – 30, в 1919 г. – 176, в 1920 г. – 396. Среди оправданных лиц составляли в 1918 г. 86,7% – крестьяне, 3,3% – рабочие, 3,3% – служащие, 6,7% – бывшие торговцы и предприниматели; в 1919 г. 67,6% – крестьяне, 11,9% – рабочие, 8% – служащие, 12,5% – бывшие торговцы и предприниматели; в 1920 г. 79,8% – крестьяне, 12,6% – рабочие, 5,8% – служащие, 1,8% – бывшие торговцы и предприниматели. Они были привлечены в 1918 г. по 3 видам преступлений (изнасилование – 3,9%, самогоноварение – 3,3%, другие преступления – 93,4%), в 1919 г. – по 7 (кража – 2,3%, взяточничество – 1,1%, спекуляция – 11,9%, преступление по должности – 4%, лесная порубка – 7,4%, самогоноварение – 15,3%, другие преступления – 58%), в 1920 г. – по 8 видам преступлений (убийство – 0,5%, кража – 0,25%, взяточничество – 0,75%, спекуляция – 9,9%, преступление по должности – 2,3%, лесная порубка – 24,7%, самогоноварение – 18,2%, другие преступления – 43,4%).

В Ядринском уезде народными судами было вынесено оправдательных приговоров в 1918 г. – 116, в 1919 г. – 264, в 1920 г. – 368. Среди оправданных лиц составляли в 1918 г. 98,3% – крестьяне, 1,7% – служащие; в 1919 г. 98% – крестьяне, 2% – служащие; в 1920 г. 100% – крестьяне. Они были привлечены в 1918 г. по 4 видам преступлений (кража – 1,7%, преступление по должности – 0,9%, лесная порубка – 12,9%, другие преступления – 84,5%), в 1919 г. – по 7 (кража – 2,6%, взяточничество – 1,5%, спекуляция – 4,5%, преступление по должности – 4,5%, лесная порубка – 9,5%, самогоноварение – 1,9%, другие преступления – 75,4%), в 1920 г. – по 10 видам преступлений (убийство – 0,9%, изнасилование – 0,3%, кража – 1,3%, подделка денежных знаков и документов – 0,3%, взяточничество – 0,3%, спекуляция – 11,7%, преступление по должности – 8%, лесная порубка – 20,4%, самогоноварение – 2,2%, другие преступления – 54,6%).

В общей сложности местными народными судами Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов было оправдано 1523 лица, относившихся к категории крестьянства. К 1920 г. по сравнению с 1918 г. их численность возросла в 4,6 раза, их удельный вес среди оправданных практически не изменился и составил в среднем 92,5%, количество видов преступлений, по которым они были привлечены, увеличилось в 2,25 раза. Причем наибольший удельный вес имела категория «другие преступления». В нее входили дела о сносе жилищ и хозяйственных построек, о взыскании денег на содержание или убытков и тому подобное. Сле-

дом за ней шла категория «лесная порубка». Для крестьян чувашских уездов Казанской губернии жизненно важным являлся вопрос о лесе, который, по словам историка-этнографа Д.В. Егорова, «давал им все: жилье, утварь, дрова для поддержания очага, промысловую продукцию и т.д.» [6. С. 58]. Необходимость обеспечения существования крестьянских семей, особенности крестьянского мировоззрения («За лесом никто не ухаживал, Бог его вырастил», «Лес богат всем, его скоро не опустошишь») побуждали жителей Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов идти на совершение лесных порубок.

В апреле 1918 г. Комиссариат юстиции Казанской губернии признал необходимость принятия самых решительных мер по охране леса и постановил: дела данной категории подлежат рассмотрению в местных народных судах, которые должны были неукоснительно принимать их к своему рассмотрению и привлекать виновных к ответственности.

Данные тенденции могут свидетельствовать о том, что в сложной исторической обстановке периода установления советской власти и Гражданской войны резко возросли число социальных конфликтов и, как следствие, объем гражданских и уголовных дел, с которыми крестьяне обращались в местные народные суды. Однако они оказались неспособны выносить законные и обоснованные решения, последовательно выполнять свою социальную функцию, что, в свою очередь, порождало новые социальные конфликты. В этом заключалась историческая и социальная драма – представители социальной группы оказались не готовы в силу объективных (социально-политическая обстановка, отсутствие законодательства) и субъективных причин эффективно решать социальные конфликты внутри своей общности.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 1.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 17.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 2.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 5.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-852. Оп. 21. Д. 1.
6. *Егоров Д.В.* Чувашское крестьянское судопроизводство дореволюционного периода (на примере лесных порубок) // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 53–58.
7. *Самсонов И.Н.* Сущность и социально-ценностное значение оправдательного приговора // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 2–4. С. 142–146.

References

1. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 146. Opis 1. Document 1* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 146. Anagraph 1. Document 1].
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 371. Opis 1. Document 17* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 371. Anagraph 1. Document 17].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 631. Opis 1. Document 2* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 631. Anagraph 1. Document 2].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 83. Opis 1. Document 5* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 83. Anagraph 1. Document 5].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 852. Opis 21. Document 1* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 852. Anagraph 21. Document 1].
6. *Egorov D.V. Chuvashskoe krest'yanskoe sudoproizvodstvo dorevolutsionnogo perioda (na primere lesnykh porubok)* [The Chuvash country legal proceedings of the pre-revolutionary period (on the example of forest fellings)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 53–58.
7. *Samsonov I.N. Sushchnost' i sotsial'no-tsennostnoe znachenie opravdatel'nogo prigovora* [Sushchnost and social and valuable value of the verdict of not guilty]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt university], 2011, no. 2–4, pp. 142–146.

ВАСИЛЬЕВА ЖАННА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kaf_advok@mail.ru).
VASILIEVA JEANNE – Assistant Professor, Public Law Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

MIKHAYLOVA SVETLANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 316.343-58.12(9 (47.41)«18/19»

ББК ТЗ(2 Рос-8 Каз)51-282.5

И.В. ВАСИЛЬЕВА, Е.К. МИНЕЕВА

ДУШЕВЛАДЕНИЕ ДВОРЯН КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ (по материалам Генерального межевания земель)

Ключевые слова: Казанская губерния, душевладение, дворянство, Генеральное межевание земель, помещицы крестьяне, дворовые люди.

Проанализированы экономические примечания и описания дач Генерального межевания земель, проводившегося в конце XVIII – начале XIX вв. в Казанской губернии. На основе архивных материалов предпринята попытка дифференциации казанского дворянства в зависимости от численного состава помещичьих крестьян и дворовых людей. В этой связи были выделены следующие группы дворян: мелкие – владельцы от 1 до 100 душ; средние разделены на две подгруппы: 1) от 101 до 200 душ и 2) от 201 до 500 душ; крупные также разбиты на три подгруппы: 1) от 501 до 1000 душ, 2) от 1001 до 5000 душ, 3) от 5001 и более душ. Авторами статистически обработаны количественные данные материалов экономических примечаний Генерального межевания о дворянах и крепостных людях в пределах Казанской губернии. Экономические примечания – ценный исторический источник, работа над которым затруднительна ввиду обширности и разносторонности документа. Выбранный исследователями критерий определения типа господствующего сословия позволил выявить региональную особенность обеспечения помещиков зависимыми крестьянами. Исполненные при написании работы источники позволяют сделать вывод о преобладании в Казанском крае мелкого дворянства, а также высокой концентрации крепостных крестьян и дворовых людей в руках средних и крупных помещиков. Предложены результаты исследования трех типов дворян. Превалирование мелких владельцев в Казанском Поволжье было результатом земельной политики царского правительства, проводившейся в течение двух предшествующих столетий.

I. VASILEVA, E. MINEEVA OWNERSHIP OF SERFS BY NOBILITY OF KAZAN PROVINCE IN LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES (based on the General Land Surveying)

Key words: Kazan Province, ownership of serfs, nobility, General Land Surveying, landowners' peasants, serfs.

The article analyzes the economic notes and descriptions of dachas given in the materials of the General Land Surveying conducted in the late XVIII – early XIX centuries in the Kazan province. Based on the archival materials, the authors make an attempt at differentiating the Kazan nobility depending on the number of serfs they owned. In this regard, they distinguish the following groups of the nobles: small holders are the owners of 1 up to 100 serfs; middle holders are divided into two subgroups: the first subgroup includes the owners of 101 up to 200 serfs and the second – of 201 up to 500 serfs; the third group includes big holders, and it is divided into three subgroups: the first subgroup is made up by the owners of 501 up to 1000 serfs, the second – the owners of 1001 up to 5000 serfs and the third – the owners of 5001 and more serfs. The authors have made a statistical analysis of the quantitative data given in the economic notes of the General Land Surveying in relation to the Kazan province nobility and their serfs. The economic notes are a valuable historical source, which is difficult to work on due to its voluminosity and the diversity of the data it includes. The criterion the researchers selected for determining the types of the ruling class revealed the regional peculiarity concerning the provision of the serfs for the landowners. The sources used by the authors while writing the paper suggest the Kazan province saw the predominance of the gentry, as well as high concentration of serfs in the hands of middle and big landowners. The article presents the results of studying three types of nobility. The prevalence of small holders in the Kazan Volga region was the result of the land policy the tsarist government pursued in the previous two centuries.

Актуальность работы обуславливается тем, что на современном этапе с возрождением родословных обществ и дворянских собраний в статусе обще-

ственных организаций проблема объективного освещения истории дворянства имеет большое значение. Кроме того, следует помнить, что «Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, которое включает в свой состав более 140 млн человек не менее 170 этносов. Поэтому в условиях общественной жизни России национальные отношения занимают особое место» [7]. Казанская губерния, ставшая предметом данной исследовательской статьи, представляла собой один из многонациональных регионов России.

До настоящего времени изучение социальной структуры российского общества – одна из приоритетных задач исторической науки. Исключительную важность этот вопрос приобретает при рассмотрении периода феодализма с его менявшимися политическими и социально-экономическими ориентирами. В конце XVIII – начале XIX вв. основным элементом в сословной иерархии Российского государства являлось дворянство. Его высокое положение в социальной стратификации определялось исключительными правами и привилегиями. Но, несмотря на свое привилегированное положение во всеобщей структуре, оно принадлежит к ряду наименее исследованных сословий.

В истории России понятию «дворянство» в разные периоды давалось разное понимание. Концепция возникновения дворянского сословия в нашей стране нашла отражение в работах Н.П. Павлова-Сильванского, А.В. Романовича-Славятинского, М. Яблочкова и других историков [13, 21, 32].

В данной статье под дворянством понимается сословие, образованное в XVIII в. из высших разрядов «служилых людей по отечеству» и находившееся на военной, гражданской и придворной службе. Являвшееся правящим классом в государстве, оно обладало правом владения землей и крепостными крестьянами.

Характер исследуемых нами исторических вопросов связан с проблемным полем, образованным понятием «душевладение», предусматривающим владение душами. Термином «душа» в России до крестьянской реформы 1861 г. обозначали крепостных крестьян и дворовых людей [4]. Дворяне в XVIII – первой половине XIX вв. были душевладельцами, т.е. имели в своей неполной собственности крепостных людей, учтенных при переписи и подлежащих обложению подушной податью.

Рассмотрение поставленной темы потребовало привлечения материалов Генерального межевания. Межевание земель являлось важнейшим актом дворянского правительства Екатерины II в целях укрепления позиций господствовавшего класса. Основанием для его проведения было опубликование 19 сентября 1765 г. «Манифеста о генеральном размежевании земель во всей империи» [14].

Мероприятие, явившееся эффективной мерой по упорядочению владельческих прав на землю, растянулось почти на столетие. О времени Генерального межевания Казанской губернии в источниках и литературе можно встретить разные данные. В Полном собрании законов о начальном сроке межевания губернии написано: «весною нынешняго 1792 г. непременно начать Государственное межевание Казанскаго Наместничества» [16]. В татарской энциклопедии указано, что межевание земель в Казанской губернии проходило в 1793–1803 гг. [1]. По мнению В.Д. Димитриева, Генеральное межевание в Казанской губернии было проведено в 1793–1797 гг., решение спорных дел завершено в 1804 г. [3].

За этот период в административно-территориальном устройстве губернии произошли заметные изменения. В результате губернской реформы 1775 г. в Казанское наместничество, утвержденное указом от 28 сентября 1781 г., вошли 13 уездов: Арский, Казанский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Царево-Кокшайский, Ци-

вильский, Чебоксарский, Чистопольский и Ядринский. В 1796 г. Казанское наместничество было реорганизовано в Казанскую губернию, а затем упразднены Арский, Спасский и Тетюшский уезды. Но в 1802 г. два последних уезда были вновь восстановлены [15, 18, 19, 31].

Таким образом, по проведенному в Казанской губернии Генеральному межеванию были составлены описания дач по 12 уездам: Казанскому, Козмодемьянскому, Лаишевскому, Мамадышскому, Свияжскому, Спасскому, Тетюшскому, Царевококшайскому, Цивильскому, Чебоксарскому, Чистопольскому и Ядринскому [8–12, 22–28].

В источниковую базу Генерального межевания в Казанской губернии, находящуюся в архивах, входят следующие виды документов: 1) полевые записки землемеров, содержащие описания работ во время межевания дач; 2) коштные дела, представляющие группу материалов по межеванию земель дворян за их собственный счет; 3) спорные дела – дела о возникших спорах при доказательстве границ земельных владений в процессе межевания; 4) поуездные генеральные планы, поуездные карты и атласы, являющиеся графическим обобщением инструментальной съемки площади земельных владений, проведенной землемерами; 5) краткие таблицы по уездам и губерниям, включающие в себя полный спектр статистического материала, касающегося всех категорий населения; 6) описания дач Генерального межевания с экономическими примечаниями, содержащие цифровую, географическую и экономическую информацию, заключенную в табличную форму.

Спецификой Генерального межевания можно назвать его общий, валовой характер. В задачу землемеров входило размежевание не каждого по отдельности частного владения, а более крупных их единиц. Этому способствовала исторически сформировавшаяся система поместных дач. Дворянское землевладение носило характер личного или общего владения. Более подробно давались сведения о владельцах, где указывались их фамилия, имя и отчество, а также характеризовалось служебное положение. Часто владельцами поместий были женщины, социальное положение которых определялось положением их отцов или мужей. Если владелица стояла на более низкой ступени социальной лестницы, то составители экономических примечаний обязательно указывали еще имя и отчество отцов или мужей.

В описаниях дач Казанского края имеются сведения о численности населения мужского и женского пола по V ревизии. Именной указ о проведении V ревизии был опубликован 23 июня 1794 г. [17]. Подача «ревизских сказок» продолжалась до начала 1796 г. Несмотря на то, что после окончания переписи были обнаружены прописные и утаенные души, исследователи признают цифровые результаты населения в основном достоверными [6].

Некоторые дворяне обладали несколькими именьями, расположенными в разных селениях и уездах Казанского Поволжья. В связи с этими обстоятельствами численность крепостных людей у разных групп феодального класса разумно представить не по владениям, а по владельцам. Хотя специального указа о дифференциации господствовавшего сословия по количеству земли и крепостных душ никогда не издавалось, исторически сложилось негласное правило о разделении их на тех, кто имел более и менее 100 душ.

Вопрос о принципах группировки дворян на основе душевладения в историографии специально не изучался. Дореволюционные и советские историки, исследуя проблемы дворянского землевладения, рассматривали его структуру, особо отмечая численный состав крепостных крестьян. В.И. Семевский, описывая положение аграрного населения в царствование Екатерины II, разделял помещиков на 3 группы. Мелкопоместные дворяне владением крестьянами менее 10, от 10 до 30 и от 30 до 60 душ. Помещики средней зажиточности – от 60 до 100 душ и крупные – от 101 до 500, 501 до 1000 и более 1000 душ [30].

В исторической литературе советского периода группировка дворянства по числу принадлежавших им крестьян чаще всего встречается в обобщающих трудах по экономике России XVIII – первой половины XIX вв. Н.Л. Рубинштейн, опираясь на источники 1777 г. по Южным, Северо-Западным и Восточным (в том числе Казанской, Свияжской) провинциям, выделяет из категории владельцев всех типов только 2 наиболее крупные: 1) от 500 до 1000 душ мужского пола (д.м.п.), 2) 1000 и более д.м.п. [29].

Для нашей темы особую роль приобретают кандидатские диссертации Т.П. Ржаниковой и Л.С. Зудиной. Работа первого исследователя посвящена помещичьим крестьянам Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева. Внимание автора привлекла обеспеченность феодальной верхушки крепостными крестьянами в 70-е гг. XVIII в. Т.П. Ржаниковой был предложен свой вариант классификации дворян-душевателей: 1) от 1 до 30 душ, 2) 30 до 60, 3) 60 до 100, 4) 100 до 500, 5) 500 до 1000, 6) 1000 до 4000, 7) 4000 до 9000 душ [20].

Важные наблюдения и выводы о проблеме дворянского землевладения второй половины XVIII в. содержатся в исследовании Л.С. Зудиной. Она привлекла материалы Генерального межевания и выделила следующие группы дворян: мелкие – от 1 до 100 д.м.п., средние – 101 до 500, крупные – 500 и более душ мужского пола [5].

На основе описаний дач и экономических примечаний Генерального межевания нами также была предпринята попытка дифференциации казанского дворянства в зависимости от численного состава крепостных крестьян и дворовых людей обоего пола. В этой связи были выделены следующие группы дворян: мелкие – владельцы от 1 до 100 душ; средние разделены на 2 подгруппы: 1) от 101 до 200 душ; 2) 201 до 500 душ и, наконец, крупные разбиты на 3 подгруппы: 1) от 501 до 1000, 2) 1001 до 5000, 3) 5001 и более душ.

Поуездное сравнение характеристик дворянства в зависимости от численности крепостных крестьян, которыми они владели, помогает выявить особенности душевладения Казанского края.

Тщательное изучение Генерального межевания привело к следующим выводам. В 12 уездах Казанской губернии насчитывалось 1082 дворянина, имевших 157 220 крепостных людей. В среднем на одного помещика приходилось 145,3 крепостного крестьянина и дворовых людей. На первом месте по числу представителей господствовавшего сословия стоит Спасский уезд – 254 человека, за ним следует Лаишевский – 225. Третье и четвертое места занимают, соответственно, Чистопольский (173) и Казанский (137) уезды. Наименьшее количество лиц дворянского происхождения отмечено в Козмодемьянском уезде – всего 4 человека.

Основную массу душевателей Казанской губернии составляли мелкие дворяне. На их долю приходится 69,9%, или 756 помещиков. Они имели 26 363 души обоего пола, т.е. 16,8% от общего их количества. Эта группа дворян размещалась по уездам губернии неравномерно: от 50% в Козмодемьянском до 83,3% – в Царевококшайском. Численно преобладали мелкие владельцы: в Спасском уезде – 190, Лаишевском – 143 и Чистопольском – 132 человека. Поуездные данные о крепостном населении показывают, что в руках мелких феодалов было сосредоточено от 11,4% до 39% всех душ уездов. Итак, во всех уездах Казанского края преобладали мелкие дворяне, но в их руках находилась незначительная доля крепостного населения.

Средний тип помещиков в Казанской губернии насчитывал 259 (24%) владельцев, которые имели 57 804 (36,8%) крепостных крестьян и дворовых. Средние дворяне располагались по уездам неравномерно: они составляли от 16,1 до 29,6% в каждом из них, но в Козмодемьянском, Тетюшском и Чебоксарском их доля была сравнительно больше, чем в остальных уездах, а именно 50%; 38,9%

и 37,5%, соответственно. Численность принадлежавших им крестьян и дворовых людей составляла 24,8–46%, за исключением Козмодемьянского, Мамадышского, Царевококшайского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов, в которых было сосредоточено больше половины крепостных этих шести уездов. В среднем типе феодалов Казанского края преобладала первая подгруппа владельцев с числом душ от 101 до 200. В ее состав входили 134 (12,4%) помещика, державшего 19 119 (12,2%) крепостных. В процентном отношении такие дворяне преобладали в Казанском, Тетюшском, Чебоксарском и Чистопольском уездах. У второй подгруппы, насчитывавшей 125 (11,6%) аристократов, значилось 38 685 (24,6%) душ обоого пола. Владельцы этой категории имели перевес в Лаишевском, Свяжском, Царевококшайском, Цивильском и Ядринском уездах. Немаловажно отметить, что при отсутствии крупного душевладения в руках средних помещиков концентрировалось значительное количество крепостного населения. Подобное наблюдалось в Козмодемьянском, Мамадышском, Царевококшайском и Ядринском уездах Казанской губернии.

Крупные дворяне Средневолжского региона по размерам душевладения претерпевали сложную градацию. В губернии находилось 67 (6,1%) крупных владельцев, державших 73 053 (46,4%) души. Крупные феодалы по уездам размещались по-разному. Больше всего их было в Лаишевском и Спасском уездах, меньше – в Свяжском и Чистопольском, а в Козмодемьянском, Мамадышском, Царевококшайском и Ядринском уездах представители этой группы отсутствовали вовсе. Среди крупных преобладали владельцы от 501 до 1000 душ. На их долю приходилось 48 (4,4%) помещиков и 32 922 (20,9%) крепостных крестьянина и дворовых людей, значительная часть которых сосредотачивалась также в Лаишевском и Спасском уездах. Дворян, имевших от 1001 до 5000 душ, было всего 19 (1,7%) человек, и в их подчинении находилось 40 131 (25,5%) крепостных. Между тем в Казанском крае не было ни одного аристократа, владевшего более 5001 душой.

Этому способствовал ряд причин, главными из которых являлись следующие: во-первых, в течение многих лет государство специальными указами запрещало русским помещикам покупать земли у «инородцев». Запрет на куплю-продажу и другие операции с землями нерусского населения Казанской губернии был вызван фискальными интересами государства. Правительство пыталось прекратить сложившуюся практику, когда народы Поволжья продавали или закладывали свои земли русским дворянам, а те, не оформив ее юридически, селили на них крестьян. Это могло привести к нарушениям в выплате подушных денег. Во-вторых, проникновение дворян на территорию Казанского края тормозилось ясачными крестьянами, объединенными в сельские общины и оказывавшими упорное сопротивление захвату их земель [3]. Центральная власть, заинтересованная в сохранении налогоплательщиков, ограничивала захваты земель ясачных крестьян. Хотя в первой четверти XVIII в. вместе с отменой ясака, ясачные крестьяне Среднего Поволжья были переведены на подушное обложение и включены в состав государственных крестьян, но в официальных документах до второй четверти XIX в. они продолжали называться ясачными.

В конце XVIII – начале XIX вв. в Российской империи начал происходить переход от феодализма к капитализму, но власть дворянства продолжала оставаться сильной и преобладающей. Важное значение в укреплении и расширении дворянской собственности на землю и крепостных крестьян имело Генеральное межевание земель. В Казанском крае преобладали мелкие дворяне. Однако большинство (83,2%) крепостных крестьян и дворовых людей было сконцентрировано в руках средних и крупных феодалов.

Литература

1. *Айнутдинова Л.М.* Генеральное межевание // Татарская энциклопедия. Казань: Ин-т Тат. энциклопедии, 2005. Т. 2. С. 79.
2. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 384.
3. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII в. (до Крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 532 с.
4. Душа // Словарь современного русского литературного языка. М.: Рус. язык, 1993. Т. 4. С. 535–536.
5. *Зудина Л.С.* Дворянское землевладение во второй половине XVIII века: дис... канд. ист. наук. М., 1988. С. 79.
6. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 69–70.
7. *Минеева Е.К.* Национально-территориальные образования и историческая обусловленность межэтнических взаимоотношений в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 44.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 764. Инв. № 2390. Л. 1–71.
9. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 764. Инв. № 2391. Л. 1–70.
10. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 767. Инв. № 2394. Л. 1–164.
11. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 769. Инв. № 2396. Л. 5–152.
12. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 770. Инв. № 2398. Л. 1–90.
13. *Павлов–Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. 330 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 17. № 12474. С. 329–339.
15. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 21. № 15241. С. 276.
16. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 23. № 17027. С. 309–312.
17. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 23. № 17221. С. 529.
18. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 24. № 17634. С. 229–230.
19. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 27. № 20245. С. 124–125.
20. *Ржаникова Т.П.* Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (50-е – начало 70-х годов XVIII в.): дис... канд. ист. наук. Л., 1953. С. 28.
21. *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. 608 с.
22. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 1–379.
23. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 412. Л. 1–267.
24. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 1–146.
25. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 422. Л. 1–201.
26. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 427. Л. 1–172.
27. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 435. Л. 1–114.
28. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 1–180.
29. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 27.
30. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 21–32.
31. *Чибис А.А.* Казанская губерния // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 176–177.
32. *Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. 679 с.

References

1. Aynutdinova L.M. *General'noe mezhevanie* [General survey]. *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar encyclopedia]. Kazan, 2005, vol. 2, p. 79.
2. Dimitriev V.D. *Chuvashiya v epokhu feodalizma (XVI – nachalo XIX vv.)* [Chuvashia in the era of feudalism (XVI – XIX centuries.)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1986, 384 p.
3. Dimitriev V.D. *Istoriya Chuvashii XVIII v. (do Krest'yanskoi voiny 1773–1775 godov)* [History of Chuvashia eighteenth century (up to the Peasants' War of 1773–1775)]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2003, 532 p.
4. Dusha [Soul]. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993, vol. 4, pp. 535–536.
5. Zudina L.S. *Dvoryanskoe zemlevladenie vo vtoroi polovine XVIII veka. Dis... kand. ist. nauk* [Noble tenure in the second half of the XVIII century. Doct. Diss.]. Moscow, 1988, p. 79.
6. Kabuzan V.M. *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. (po materialam revizii)* [Population of Russia in XVIII – the first half of the XIX century (on materials of audits)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, pp. 69–70.

7. Mineeva E.K. *Natsional'no-territorial'nye obrazovaniya i istoricheskaya obuslovlennost' mezhetnicheskikh vzaimootnoshenii v Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape* [National and territorial educations and historical conditionality of interethnic relationship in the Russian Federation at the present stage]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 4, p. 44.

8. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 764. Inventarium numerus 2390. List 1–71* [Scientific archive of the Chuvash state institute of the humanities. Archives II. Storing Unite 764. Inventory number 2390, pp. 1–71].

9. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 764. Inventarium numerus 2391. List 1–70* [Scientific archive of the Chuvash state institute of the humanities. Archives II. Storing Unite 764. Inventory number 2391, pp. 1–70].

10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 767. Inventarium numerus 2394. List 1–164* [Scientific archive of the Chuvash state institute of the humanities. Archives II. Storing Unite 767. Inventory number 2394, pp. 1–164].

11. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 769. Inventarium numerus 2396. List 5–152* [Scientific archive of the Chuvash state institute of the humanities. Archives II. Storing Unite 769. Inventory number 2396, pp. 5–152].

12. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 770. Inventarium numerus 2398. List 1–90* [Scientific archive of the Chuvash state institute of the humanities. Archives II. Storing Unite 770. Inventory number 2398, pp. 1–90].

13. Pavlov–Sil'vanskii N.P. *Gosudarevy sluzhilye lyudi* [Monarchic sluzhilye people]. St. Petersburg, 1898, 330 p.

14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 1830, vol. 17, no. 12474, pp. 329–339.

15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 1830, vol. 21, no. 15241, pp. 276.

16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 1830, vol. 23, no. 17027, pp. 309–312.

17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 1830, vol. 23, no. 17221, pp. 529.

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 1830, vol. 24, no. 17634, pp. 229–230.

19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 1830, vol. 27, no. 20245, pp. 124–125.

20. Rzhaniukova T.P. *Pomeshchich'i krest'iane Srednego Povolzh'ya nakanune vosstaniya E. Pugacheva (50-e – nachalo 70-kh godov XVIII v.). Dis... kand. ist. nauk* [Landowner peasants of Central Volga area on the eve of E. Pugachev's revolt (the 50th – the beginning of the 70th years of the XVIII century)]. Doct. Diss.]. Leningrad, 1953, p. 28.

21. *Romanovich-Slavatinskii A.V. Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII v. do otmeny krepostnogo prava* [Dvoryanstvo in Russia from the beginning of the XVIII century before cancellation of a serfdom]. Kiev, 1912, 608 p.

22. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 402. List 1–379* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 402, pp. 1–379].

23. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 412. List 1–267* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 412, pp. 1–267].

24. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 416. List 1–146* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 416, pp. 1–146].

25. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 422. List 1–201* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 422, pp. 1–201].

26. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 427. List 1–172* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 427, pp. 1–172].

27. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 435. List 1–114* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 435, pp. 1–114].

28. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 1355. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 449. List 1–180* [The Russian state archive of ancient acts. Archives 1355. Anagraph 1. Storing Unite 449, pp. 1–180].

29. Rubinshtein N.L. *Sel'skoe khoziaistvo Rossii vo vtoroi polovine XVIII v. (istoriko-ekonomicheskii ocherk)* [Agriculture of Russia in the second half of the XVIII century (a historical and economic sketch)]. Moscow, 1957, p. 27.

30. Semevskii V.I. *Krest'iane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Peasants in reign of the empress Catherine II]. St. Petersburg, 1903, vol. 1, pp. 21–32.

31. Chibis A.A. *Kazanskaya guberniya* [Kazanskaya province]. *Chuvashskaya entsiklopediy* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2, pp. 176–177.

32. Yablochkov M. *Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii* [Istoriya of nobility in Russia]. St. Petersburg, 1876, 679 p.

ВАСИЛЬЕВА ИЗОЛЬДА ВАЛЕРИЕВНА – учитель истории и обществознания, МБОУ «Комсомольская средняя общеобразовательная школа № 1», Россия, Чувашская Республика, с. Комсомольское (izolda.vasileva.1969@mail.ru).

VASILEVA IZOLDA – Teacher of History and Social Science, Komsomolskoe Secondary General Education School № 1, Komsomolskoe, Chuvash Republic, Russia.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

MINEEVA ELENA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian History Department named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 342.553
ББК 67.400.7

Л.А. ГАРАНИН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ОКРУГА «ГОРОД ЙОШКАР-ОЛА»

Ключевые слова: Конституция РФ, местное самоуправление, представительный орган, депутаты, муниципальное образование.

Статья посвящена истории представительного органа муниципального образования столицы Республики Марий Эл. Исследована деятельность депутатского корпуса городского округа, проанализированы наиболее важные нормативно-правовые акты городского Собрания, рассмотрены проблемы и перспективы развития экономики, социальной сферы и общественных институтов города. Показаны роль и значение основных форм работы депутатского корпуса: дни депутата, публичные слушания, встречи с населением, отчеты в избирательных округах и др. Депутаты активно устанавливали и укрепляли межмуниципальные связи с органами местного самоуправления Республики Марий Эл и других субъектов Российской Федерации. Заключены соглашения о межмуниципальном сотрудничестве с городами Киров, Чебоксары, Саранск, Пенза.

L. GARANIN

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT REPRESENTATIVE BODY OF «YOSHKAR-OLA» URBAN AREA

Key words: The Constitution of the Russian Federation, local self-government, representative body, deputies, municipal unit.

The article is devoted to the history of the municipality of Yoshkar-Ola, the capital of the Republic of Mari El. The author makes research into the activities of the urban area deputies, analyzes the most important regulatory legal acts adopted by the Urban Assembly, and considers the problems and the prospects for further development of the economic and social sphere, as well as the public municipal institutions. The article shows the role and the significance of the main forms of deputies' activities (deputies' visiting days, public hearings, community meetings, reports for the constituencies etc.). Deputies worked well to establish and strengthen the inter-municipal relationships with the local self-government bodies of the Republic of Mari El, as well as with other subjects of the Russian Federation. They concluded agreements on inter-municipal cooperation with such cities as Kirov, Cheboksary, Saransk, and Penza.

Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, оно признается, гарантируется и осуществляется на всей территории страны. В ст. 130 Конституции России сказано, что «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью»¹. Другими словами, местное

¹ Конституция Российской Федерации. М.: Известия, 1995. С. 56.

самоуправление выступает одним из основных институтов гражданского общества, который позволяет населению страны на самом близком для них уровне принимать участие в управлении делами государства, самостоятельно решая отдельные вопросы местного значения.

В структуру органов местного самоуправления входят представительный орган, глава, местная администрация, контрольно-счетный орган, иные органы и выборные должностные лица муниципального образования, предусмотренные его уставом и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Пункт 2 ст. 34 Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» гласит, что наличие в структуре органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования, его главы, местной администрации является обязательным². Исходя из этого нами предпринята попытка определить место и роль, формы деятельности представительного органа местного самоуправления на примере городского округа «город Йошкар-Ола».

Отсчет современной истории муниципальной власти в стране начался в 1993 г. после подписания Президентом РФ Б.Н. Ельциным указов «О реформе представительных органов власти и местного самоуправления в Российской Федерации» от 9 октября 1993 г. и «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» от 26 октября того же года.

В соответствии с ними в ноябре 1993 г. Верховным Советом республики был принят закон Республики Марий Эл «О реформе местного самоуправления в Республике Марий Эл и основах его организации на период конституционной реформы». Затем одновременно с референдумом по новой Конституции Российской Федерации и выборами в Федеральное Собрание РФ согласно республиканскому закону прошли выборы депутатов в представительные органы власти республики.

У истоков создания представительного органа Йошкар-Олинского городского Собрания первого созыва стояли 15 депутатов, первая сессия Собрания состоялась 28 декабря 1993 г. Депутатам приходилось работать в сложной общественно-политической ситуации, когда практически отсутствовала законодательная база, федеральные законы и указы Президента страны не подкреплялись финансовыми ресурсами. Несмотря на трудности, представительный орган и исполнительная власть смогли сохранить стабильность и устойчивость развития города. В период приватизации и перепрофилирования детских дошкольных учреждений, школ, дворцов культуры и молодежи городским Собранием депутатов было принято решения о сохранении около 30 детских садов. Время подтвердило правильность этого решения.

Свою деятельность городское Собрание депутатов осуществляло в форме сессий и заседаний трех постоянных комиссий: по бюджету и платежам (председатель С.П. Новоселов), социальному развитию (председатель А.В. Смирнов) и законности и правопорядку (председатель В.Г. Загайнов). Проведено 24 сессии, на которых принято 581 решение.

Знаменательным историческим событием в деятельности городского Собрания депутатов первого созыва стало участие депутатов 24 июня 1995 г. в работе Конституционного Собрания республики, которое приняло третью Конституцию Республики Марий Эл.

Выборы в городское Собрание депутатов второго созыва состоялись в октябре 1996 г. По сравнению с первым созывом состав депутатского корпуса

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Фед. закон. № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. [Электронный ресурс] // Гарант: инф.-прав. портал. URL: http://base.garant.ru/186367/1/#block_999.

увеличился с 15 до 35 депутатов, в том числе в нем были представлены 13 женщин. Из них 13 человек имели опыт депутатской деятельности, 28 человек были руководителями различных уровней. Городское Собрание второго созыва провело 37 сессий, на которых было принято 665 решений.

Городскому Собранию второго созыва выпала особая миссия. 11 апреля 1997 г. представительный орган муниципального образования принял Устав столицы Республики Марий Эл, положив тем самым начало созданию правовой базы для становления местного самоуправления в г. Йошкар-Ола. В нем была закреплена выборная должность главы самоуправления города, высшего должностного лица, который возглавлял и представительный, и исполнительный органы. Председателем городского Собрания депутатов и одновременно главой администрации города являлся В.В. Козлов, который находился в этой должности до июля 2000 г.

Время в период работы городского Собрания второго созыва было сложным. В условиях дефолта на сессии часто принимались решения о привлечении кредитных ресурсов банка, почти половина, а иногда и 70% рассматриваемых городским Собранием вопросов касались предоставления налоговых льгот юридическим и физическим лицам. Несвоевременно принимался бюджет города, поэтому практически 2-3 месяца финансирование отраслей в муниципалитете велось от 1/12 части бюджета прошлого года.

Впервые депутатами второго созыва была опробована такая форма работы, как депутатские слушания, которые начиная с 2005 г. в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Уставом муниципального образования стали прообразом публичных слушаний по проектам бюджета, по вопросам градостроительной деятельности. За этот период было проведено 66 слушаний.

В июле 2000 г. решением городского Собрания были внесены изменения в Устав города. В соответствии с ним должности главы самоуправления города и председателя Йошкар-Олинского городского Собрания были разделены. Председатель городского Собрания был избран на альтернативной основе из 8 кандидатов. «С разделением должностей мэра и председателя горсобрания представительный орган власти города Йошкар-Ола стал полностью самостоятельным, – вспоминал впоследствии председатель городского Собрания Г.В. Васильев. – Однако самостоятельность предполагает более высокую ответственность перед городом и его жителями» [1. С. 17].

В этот период депутаты сделали шаг вперед в нормотворческой деятельности. В оптимальные сроки стал приниматься бюджет на очередной финансовый год, контролировалось его исполнение. Шире стали применяться муниципальные целевые программы, охватившие почти все направления жизнедеятельности города. В экономической сфере наметился определенный рост, благодаря чему депутатский корпус получил возможность выделять из бюджета города средства на исполнение муниципальных программ.

Нормативная база муниципального образования пополнилась рядом правовых актов и программ по вопросам социальной защиты населения – семьи и детства, молодежи и ветеранов, развития системы образования, здравоохранения и культуры. Так, в 2000 г. городское Собрание депутатов приняло муниципальную программу правовой помощи малоимущим слоям населения.

Депутаты третьего созыва буквально с нуля создавали нормативную правовую базу в сфере муниципальной собственности. Добиваясь эффективности использования муниципального имущества и муниципальных земель, депутаты последующих созывов постоянно решали и решают эти вопросы на заседаниях комиссий, заседаниях городского Собрания.

Представительный орган местного самоуправления выступил инициатором нескольких проектов Законов Республики Марий Эл по вопросам организации местного самоуправления, сбора налогов, статуса города Йошкар-Ола – столицы Республики Марий Эл.

29 апреля 2003 г. в Устав муниципального образования были внесены изменения. В результате принятых изменений в структуре городского Собрания появился президиум. Его основными функциями, как и в настоящее время, являются разработка проектов планов работы городского Собрания, повестки дня сессий, организация согласованной и совместной работы постоянных комиссий. В его состав вошли председатель городского Собрания, его заместитель, председатели постоянных комиссий и руководители депутатских групп.

24 июня 2004 г. депутатским корпусом были внесены изменения в Устав, в соответствии с которыми срок полномочий городского Собрания депутатов увеличился до пяти лет. Устанавливалось, что глава муниципального образования избирается из числа депутатов и одновременно является председателем городского Собрания, а глава администрации города назначается городским Собранием на конкурсной основе и работает по контракту.

29 декабря 2004 г. приступил к работе депутатский корпус четвертого созыва. В июне 2005 г. городским Собранием была принята новая редакция Устава муниципального образования, были разработаны и утверждены нормативные правовые акты в области территориального общественного самоуправления, бюджетного процесса, утверждены Положения об органах администрации городского округа.

В 2006 г. одобрена Стратегия социально-экономического развития городского округа «Город Йошкар-Ола» до 2015 г., которая обозначила основные направления дальнейшего развития города, в том числе по качественному улучшению городской среды и жизнеобеспечения населения города.

Дальнейшее развитие получила совместная работа Собрания депутатов и администрации городского округа по решению наиболее острых проблем различных сферах жизнедеятельности муниципального образования путем разработки, принятия и организации исполнения муниципальных целевых Программ, которых за пять лет работы было утверждено более 25. Среди них: «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства», «Совершенствование службы скорой медицинской помощи в муниципальном образовании», «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда», «Обеспечение жильем молодых семей города Йошкар-Ола», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Комплексная экологическая программа» и др.

По решению городского Собрания муниципальное образование участвовало в федеральной программе реформирования муниципальных финансов.

С целью изучения различных направлений деятельности органов местного самоуправления регулярно стали проводиться Дни депутата, на которых народные избранники на местах детально рассматривали проблемы, стоящие перед муниципальным образованием и горожанами, встречались с представителями администрации и органов государственной власти Республики Марий Эл.

Депутаты городского Собрания четвертого созыва провели большую работу по возвращению исторического герба города. 25 октября 2005 г. он был утвержден решением городского Собрания в несколько модифицированном виде и зарегистрирован Геральдическим Советом при Президенте Российской Федерации. В феврале 2006 г. впервые в истории утвержден флаг муниципального образования «Город Йошкар-Ола».

В четвертом созыве депутатская работа велась в пяти постоянных комиссиях. В их составе были прекрасно разбирающиеся специалисты каждый в своей сфере. Из 35 депутатов 26 являлись руководителями предприятий и органи-

заций, 14 имели опыт депутатской деятельности. С 2004 г. каждой постоянной комиссией проведено более 100 заседаний, принято более 800 решений.

С 29 октября 2009 г. по 3 октября 2014 г. работал депутатский корпус пятого созыва. Собранием депутатов проведено 63 сессии, в том числе 33 внеочередных, рассмотрено 880 вопросов, принято 832 решения, в том числе более 320 нормативных правовых актов и внесения в них изменений.

Бюджетная и налоговая политика Собрания депутатов была направлена на исполнение в полном объеме действующих расходных обязательств муниципального образования, в первую очередь перед гражданами; решение социальных проблем; ограничение принятия новых расходных обязательств; последовательное снижение дефицита бюджета городского округа «Город Йошкар-Ола».

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» и Уставом муниципального образования «Город Йошкар-Ола» проекты решений городского Собрания о бюджете городского округа «Город Йошкар-Ола» и отчеты о его исполнении публиковались и выносились для обсуждения на публичные слушания. С этой целью городским Собранием были приняты Порядок проведения внешней проверки годового отчета об исполнении бюджета и Регламент комиссии по проведению внешней проверки.

Одним из главных результатов работы городского Собрания пятого созыва являются принятие в июне 2010 г. Устава муниципального образования «Город Йошкар-Ола» в новой редакции и планомерная работа по приведению его в соответствие с постоянно изменяющимся российским законодательством в области местного самоуправления.

Одной из активно используемых форм городского Собрания оставались дни депутата. Пятый созыв Собрания депутатов городского округа провел 25 дней депутата, в том числе 14 выездных, на которых рассматривались вопросы реализации приоритетных национальных проектов «Здоровье» и «Образование». Также проведено 59 публичных слушаний по проектам правовых актов о внесении изменений в Устав муниципального образования «Город Йошкар-Ола», проектам бюджета городского округа, по вопросу утверждения отчетов об исполнении бюджета, проектам постановлений мэра города по земельным вопросам, градостроительной деятельности.

Депутатский корпус активно устанавливал и укреплял межмуниципальные связи с представительными органами местного самоуправления Республики Марий Эл и субъектов Российской Федерации. Состоялись выезды по обмену опытом работы депутатов муниципальных образований в Мари-Турекский район, Козьмодемьянск, Чебоксары и Киров, с представительными органами муниципальных образований последних подписаны Соглашения о межмуниципальном сотрудничестве. В рамках реализации соглашений запланированы установление и развитие деловых контактов между комиссиями и комитетами, депутатами, работниками аппаратов, проведение консультаций по различным вопросам организации местного самоуправления.

3 октября 2014 г. к работе приступило Собрание депутатов шестого созыва. Депутатский корпус значительно обновился. По партийной принадлежности лидируют представители «Единой России» (32 мандата), по одному депутату представлены представители региональных отделений политических партий КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Среди депутатов городского Собрания шестого созыва 5 медицинских работников, 1 представитель спортивного клуба, остальные руководители и заместители руководителей различных предприятий, организаций, учреждений. Поменялся возрастной состав. Примерно 34% составляют депутаты в возрасте от 30 до 40 лет, около 23% – от 40 до 50 лет [2. С. 2–3].

Вместе со страной представительный орган марийской столицы пережил сложный процесс трансформации всего общественно-политического уклада, смены правового, экономического и социального переустройства России. Неоднократно претерпевала изменения и структура органов местного самоуправления городского округа «Город Йошкар-Ола». В настоящее время конструктивное взаимодействие между органами местного самоуправления в городском округе «Город Йошкар-Ола», Правительством Республики Марий Эл, Государственным Собранием Республики Марий Эл и Советом муниципальных образований Республики Марий Эл обеспечивает стабильность и согласие в обществе, делает территорию муниципального образования более комфортной для проживания горожан.

Литература

1. Васильев Г. Самостоятельность – это больше ответственности // Отчина. 2013. № 9. С. 16–19.
2. Спасибо всем, кто пришел! // Йошкар-Ола. 2014. 16 сент.

References

1. Vasil'ev G. *Samostoyatel'nost'* – *eto bol'she otvetstvennosti* [Independence is a great responsibility]. *Otchina*, 2013, no. 9, pp. 16–19.
2. *Spasibo vsem, kto prishel!* [Thank you to everyone who came!]. *Joshkar-Ola* [Yoshkar-Ola], 2014, Sept. 16.

ГАРАНИН ЛЕОНИД АНАНЬЕВИЧ – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой правового обеспечения государственного и муниципального управления, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (law@marsu.ru).

GARANIN LEONID – Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Department of Legal Support for State and Municipal Management, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

УДК 002:004.056
ББК Х 401.114

А.П. ДАНИЛОВ, А.А. ДАНИЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: информационная безопасность, регионы, Россия, информационное общество, государственная информационная политика, Интернет, кризис.

Рассмотрены процессы формирования информационной безопасности в регионах России. Изучены вопросы возникновения и стандартизации значения термина «информационная безопасность», информатизации процессов формирования информационного общества. Отражены процессы становления информационного права, рассмотрена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

A. DANILOV, A. DANILOV

TO THE QUESTION OF INFORMATION SECURITY IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Key words: information security, regions, Russia, information society, state information policy, Internet, crisis.

The authors consider the processes of establishing information security in regions of Russia; study the issues concerning the origin and standardization of the meaning of the term «information security», informatizing the processes of shaping an information society. The authors cover the processes of establishing the information rights and consider the Doctrine of Information Security of the Russian Federation.

Существование современного общества немислимо без непрерывного обмена информацией и использования информационных технологий. Более того, повышение важности информации в жизни общества и возрастание числа людей, занятых в сфере информационной индустрии, становятся не

просто очередным этапом научно-технического прогресса, а новой эрой в развитии человечества. Речь идет о становлении информационного общества в условиях глобализации. Многие страны мира начали соотносить свои государственные интересы с развитием информационной инфраструктуры, активным информационным взаимодействием с гражданским обществом и СМИ. Но в то же время на государственном уровне пришло и понимание того, что злоупотребление свободой массовой информации в современных условиях может представлять угрозу для национальной безопасности страны.

Актуальность темы объясняется и тем, что и наша страна столкнулась с необходимостью правовой оценки и регламентации информационных отношений. С одной стороны, необходимо бороться с такими явлениями, как манипулирование общественным сознанием, умышленное искажение фактов, информационные войны, которые способны привести к серьезным социально-политическим конфликтам (наглядный пример тому – ситуация на Украине). С другой стороны, без свободы массовой информации невозможно функционирование гражданского общества. Поэтому политика по обеспечению информационной безопасности государства не должна быть как чересчур мягкой, так и излишне жесткой. Нельзя не учитывать и обширность территории нашей страны.

Во многих странах мира, в том числе и в России, все большее значение приобретают местные СМИ. На первый взгляд, этот процесс не может не радовать, так как является признаком демократизации жизни общества, говорит о росте правосознания граждан. Однако параллельно с увеличением популярности региональных печатных СМИ наблюдается падение интереса к центральным (общероссийским). Конечно, помимо печатной прессы есть еще телевидение и Интернет, но телевизионная журналистика в последнее время все более нацелена на выполнение развлекательной функции, а в Интернете все чаще можно встретить оппозиционные источники информации или даже откровенно революционные [4. С. 72]. В итоге люди плохо информированы о том, что происходит в собственной стране и мире. Единое информационное пространство государства распадается, дробится, за региональными интересами подчас невозможно увидеть интересы общегосударственные. Кроме того, система местных СМИ во многих регионах достаточно слабо развита, находится в прямой зависимости от местных структур власти [3. С. 88].

Возникновение и стандартизация значения термина «информационная безопасность» неразрывно связаны с изучением явления информатизации процессов формирования информационного общества. Этим вопросам посвящены труды зарубежных ученых М. Кастельса, Э. Тоффлера, Ф. Уэбстера и др. [8, 18, 20]. Влияние информационной индустрии на социально-политические отношения в отечественной науке отражено в трудах Р.Ф. Абдеева, Г.И. Калитич, Ю.М. Каныгина, К.К. Колина, А.И. Ракитова, Н.Н. Моисеева [1, 6, 9, 14, 17]. А.И. Каптерев, В.М. Коллонтай, В.М. Лейбин [7; 10. С. 32–39; 12; 19] в своих работах важное место отводят определению соотношения глобализации и информатизации мировой политики в качестве явлений национальной безопасности различных уровней федерального и регионального значения.

В 2000-е гг. выявлялась зависимость состояния информационной безопасности (в том числе и на региональном уровне) от воздействия процессов глобализации. В трудах ученых С.Н. Бухарина, А.В. Манойло, И.Н. Панарина, Д.Б. Фролова, В.В. Цыганова [13, 15, 22] проводится поиск механизмов противостояния противоправным действиям в области информационной индустрии, изучаются принципы ведения информационной психологической войны в отношении России. Значительное внимание зарубежными и отечественными учеными уделяется характеру влияния на национальную информационную безопасность процессов регионализации. Подобные вопросы получили отражение в трудах таких ученых, как В.В. Иванов, А.В. Подопригора, В.Р. Филиппов и др. [5; 16; 21. С. 125–142].

Понятие «информационная безопасность» появилось в российской науке в начале 90-х гг. XX в. применительно к защите компьютерной информации (баз данных, компьютерных сетей). Однако вскоре стало ясно, что угрозу информационной безопасности представляют не только компьютерные вирусы и возможность несанкционированного доступа к компьютерной информации. Развал СССР, миллионы обманутых вкладчиков «финансовых пирамид», ряд отечественных СМИ, оказавшихся в руках сил, поддерживающих различные бандформирования, информационные войны, предварявшие военную агрессию НАТО в Югославии и Ираке, – эти и другие подобные события послужили толчком к формированию более глубокого, комплексного, междисциплинарного понимания информационной безопасности государства.

Параллельно с трансформацией понятия информационной безопасности происходит становление «информационного права» как отдельной комплексной отрасли права. И если первоначально возникали споры, то уже к началу XXI в. самостоятельность предмета и метода данной отрасли, наличие особенного круга регулируемых ею информационных отношений уже ни у кого не вызывают сомнений. Информационное право становится правовым фундаментом информационного общества, которое активно формируется как в рамках национальных государств, так и в рамках международного сообщества. Убедительным примером, отражающим глобальный, международный характер происходящих в обществе изменений, может послужить «Окинавская Хартия Глобального информационного общества», которую подписали 22 июля 2000 г. лидеры стран «большой восьмерки».

В ней говорится о том, что у каждого должна быть возможность использовать преимущества глобального информационного общества, основывающегося на принципах взаимного терпения, уважения и свободного обмена информацией. Особое внимание уделяется в хартии нормативному обеспечению информационного общества, необходимости подготовки специалистов в данной сфере, продолжению тесного сотрудничества государств в области нормотворчества в формирующемся едином глобальном информационном обществе планеты Земля [11. С. 3–15]. Таким образом, важно понимать, что происходящие в нашей стране процессы по переосмыслению понятия информации, защиты информации, информационной безопасности и активному нормотворчеству в данной области являются частью более значимых международных процессов, так или иначе затрагивающих каждое государство.

Мир стоит на пути формирования общества нового типа – информационного общества. В этом обществе особенную роль будет играть массовая информация, что неминуемо затронет и средства массовой информации, скажется на статусе, правах и обязанностях журналистов, функциях средств массовой информации [2. С. 112–113]. Сегодня активно звучат голоса в пользу выделения массово-информационного права в отдельную отрасль права, разграничения информационного и массово-информационного права. Массово-информационное право выделилось в отдельную учебную дисциплину, позволяющую проводить правовую подготовку будущих журналистов. Без упоминания условий, в которых складывается современное нормативное регулирование деятельности СМИ и без понимания глобальности и наднационального характера формирующегося информационного пространства невозможно понять статус средств массовой информации в общей системе информационной безопасности государства.

Необходимо уяснить новый смысл, вкладываемый в понятие информационной безопасности. В сентябре 2000 г. была утверждена Доктрина информационной безопасности РФ. В ней под информационной безопасностью Российской Федерации предлагается понимать состояние защищенности национальных интересов России в информационной сфере, которые определяются совокупно-

стью интересов государства, общества и личности. Так как данная Доктрина является базовым концептуальным документом, определяющим политику государства в области массовой информации с точки зрения национальной безопасности государства (в том числе и политику взаимодействия государства со СМИ), то именно это определение понятия информационной безопасности необходимо брать за основу в работе. В доктрине раскрываются интересы личности, общества и государства. Интересы личности проявляются в реализации конституционных прав в части доступа к информации, ее использования и защиты информации, которая обеспечивает личную безопасность. Общественные интересы заключаются в обеспечении прав и законных интересов личности в информационной сфере, становлении правового социального демократического государства, в духовном обновлении Российского государства. Интересы государства зиждятся на создании условий, при которых возможна реализация конституционных прав и свобод гражданина и человека при незыблемости суверенитета и территориальной целостности России, обеспечении законности и соблюдении правопорядка, формировании взаимовыгодного и равноправного сотрудничества на международном уровне. Иными словами, сбалансированные интересы государства, общества и личности входят в более объемное понятие национальных интересов России. Защищенность национальных интересов в информационной сфере и называется информационной безопасностью государства. Исследователям проблемы еще предстоит дать оценку состоянию информационной безопасности в регионах России, выработать стратегии преодоления кризиса информационной безопасности, предложить концептуальные механизмы оптимизации работы органов государственной власти в части противодействия текущим и потенциальным угрозам информационной безопасности.

Литература

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
2. Данилов А.А. Исторический опыт развития телевидения в регионах России (вторая половина XX – начало XXI вв.). М.: УЦ «Перспектива», 2008. 296 с.
3. Данилов А.А. Проблемы формирования информационной среды в условиях социокультурной трансформации российского общества // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 88.
4. Данилов А.А. Роль телевидения в формировании информационной среды регионов Поволжья (1991–2007 гг.) // Нижегородская журналистика: история и современность. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2008. С. 72.
5. Иванов В.В. Путин и регионы. Централизация России. М.: Европа, 2006. 240 с.
6. Каныгин Ю.М., Калитич Г.И. Основы теоретической информатики. Киев: Наук. думка, 1990. 228 с.
7. Каптерев А.И. Информатизация социокультурного пространства. М.: Фаир-пресс, 2004. 512 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Колин К.К. Информационная цивилизация. М.: ИПИ РАН, 2002. 112 с.
10. Коллонтай В.М. Эволюция западных концепций глобализации // Международная экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 32–39.
11. Копылов В.А. Информационное право. М.: Юрист, 2002. 512 с.
12. Лейбин В.М. Глобалистика, информатизация, системные исследования. М.: Фаир-пресс, 2007. Т. 1. 280 с.
13. Манойло А.В., Петренко Л.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2007. 543 с.
14. Муссеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки рус. культуры, 1998. 224 с.
15. Панарин И.Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003. 320 с.
16. Подопригора А.В. Революция регионов: Россия на пороге глобальной трансформации. М.: ОЛМА, 2006. 317 с.
17. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.
18. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. по ред. П.С. Гуревича. М.: АСТ, 1999. 261 с.
19. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М.: Ноосфера, 1998. 500 с.
20. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект-пресс, 2004. 400 с.

21. Филиппов В.Р. «Деэтнизация территорий» в новейшей истории России // Федерализм. 2006. № 2. С. 125–142.
22. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М.: Академический проект, 2007. 335 с.

References

1. Abdeev R.F. *Filosofiya informatsionnoi tsivilizatsii* [Philosophy of information civilization]. Moscow, VLADOS Publ., 1994. 336 p.
2. Danilov A.A. *Istoricheskii opyt razvitiya televideniya v regionakh Rossii (vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv.)* [The historical experience of the development of television in the regions of Russia (second half of XX – the beginning of XXI century)]. Moscow, Perspective Publ., 2008. 296 p.
3. Danilov A.A. *Problemy formirovaniya informatsionnoi sredy v usloviyakh sotsiokul'turnoi transformatsii Rossiiskogo obshchestva* [Problems of formation of the information environment in terms of socio-cultural transformation of Russian society]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 11, p. 88.
4. Danilov A.A. *Rol' televideniya v formirovanii informatsionnoi sredy regionov Povolzh'ya (1991–2007 gg.)* [The role of television in shaping the information environment of the Volga region (1991–2007)]. *Nizhegorodskaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost'* [Nizhny Novgorod journalism: history and modernity]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod University Publ., 2008, p. 72.
5. Ivanov V.V. *Putin i regiony. Tsentralizatsiya Rossii* [Putin and regions. Centralization of Russia]. Moscow, Europe Publ., 2006, 240 p.
6. Kanygin Yu.M., Kalitich G.I. *Osnovy teoreticheskoi informatiki* [Foundations of theoretical computer science]. Kiev, 1990, 228 p.
7. Kapterev A.I. *Informatizatsiya sotsiokul'turnogo prostranstva* [Informatization of social and cultural space]. Moscow, Fair-Press Publ., 2004. 512 p.
8. Castells M. *Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I-III. Oxford: Blackwell Publishers, 1996–1998 (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2000, 608 p.
9. Kolin K.K. *Informatsionnaya tsivilizatsiya* [Information civilization]. Moscow, 2002, 112 p.
10. Kollontai V.M. *Evolyutsiya zapadnykh kontseptsii globalizatsii* [Evolution of Western concepts of globalization]. *Mezhdunarodnaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [International Economics and International Relations], 2002, no. 2, pp. 32–39.
11. Kopylov V.A. *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Moscow, Yurist Publ., 2002, 512 p.
12. Leibin V.M. *Globalistika, informatizatsiya, sistemnye issledovaniya* [Global Studies, information, system studies]. Moscow, Fair-Press Publ., 2007, vol. 1, 280 p.
13. Manoilov A.V., Petrenko L.I., Frolov D.B. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoi voyny* [State information policy in terms of information-psychological war]. Moscow, Hotline-Telecom Publ., 2007, 543 p.
14. Moiseev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of civilization. The path of reason]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 224 p.
15. Panarin I.N. *Tekhnologiya informatsionnoi voyny* [The technology of information warfare]. Moscow, KSP+ Publ., 2003, 320 p.
16. Podoprigora A.V. *Revolutsiya regionov: Rossiya na poroge global'noi transformatsii* [Revolution regions: Russia on the verge of a global transformation]. Moscow, OLMA Publ., 2006, 317 p.
17. Rakitov A.I. *Filosofiya komp'yuternoi revolyutsii* [The philosophy of the computer revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 287 p.
18. Toffler A. *The Third Wave*. N.Y., Bantam Books Publ., 1980 (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Moscow, AST Publ., 1999, 261 p.
19. Ursul A.D. *Perekhod Rossii k istoichivomu razvitiyu. Noosfernaya strategiya* [Russia's transition to sustainable development. Noospheric strategy]. Moscow, Noo-sphere, 1998. 500 p.
20. Webster F. *Theories of the Information Society*. Second Edition. L.: Routledge, 2002 (Russ. ed.: Webster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva*. Moscow, Aspect Press Publ., 2004, 400 p.).
21. Filippov V.R. «Deetnizatsiya territorii» v noveishei istorii Rossii [Deetnizatsiya territories" in the recent history of Russia]. *Federalizm* [Federalism], 2006, no. 2, pp. 125–142.
22. Tsyganov V.V., Bukharin S.N. *Informatsionnye voyny v biznese i politike: teoriya i metodologiya* [Information warfare in business and politics: theory and methodology]. Moscow, Academic Project Publ., 2007, 335 p.

ДАНИЛОВ АНАТОЛИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (anatoliy.p.danilov@gmail.com).

DANILOV ANATOLIY – Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of Journalism Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru).

DANILOV ANDREY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Journalism Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 271.2(470.344)
ББК Э372.240.91(2Рос.Чув)

А.Н. ЕВДОКИМОВА

ДУХОВНАЯ КОНСИТОРИЯ, ПРАВЛЕНИЕ И БЛАГОЧИННЫЕ СВЯЩЕННИКИ В СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ В XIX ВЕКЕ¹

Ключевые слова: православный приход, благочинный округ, духовная консистория, благочинные священники, система управления.

Предложены результаты исследования основных направлений деятельности трех региональных институтов Русской Православной Церкви и их функционирования в XIX в. на территории Чувашского края. Высшим органом управления Русской Православной Церкви является Синод. Управление епархией находилось в руках казанского архиепископа и подконтрольной ему Казанской духовной консистории как высшего административного и судебного учреждения в данном территориальном образовании. Второе звено в системе органов управления – духовные правления. В Чувашском крае действовали Чебоксарское и Козьмодемьянское духовные правления. Первому подчинялись приходы Чебоксарского и Цивильского уездов, второму – Ядринского и Козьмодемьянского уездов. Эти учреждения занимались сбором церковной документации от благочинных округов, доведением до сведения приходского духовенства распоряжений вышестоящих светских и епархиальных властей, наблюдением за точным их исполнением, разрешением споров между священно- и церковнослужителями, производством на месте различных процессуальных действий, а по их окончании – представлением в консисторию результатов следствия. В подавляющем большинстве епархий правления были в середине XIX в. ликвидированы, их полномочия были переданы благочинным священникам. Непосредственный контроль за приходами, приходским духовенством и прихожанами осуществляли благочинные священники – промежуточная социальная прослойка между чиновниками и приходским духовенством, занимающая важное место в системе церковно-административного управления в уездах и формирующаяся из числа наиболее опытных и усердных священников. Роль благочинных в течение XIX в. как во властных структурах, так и в социальной жизни существенно повысилась.

A. EVDOKIMOVA ECCLESIASTICAL CONSISTORY, BOARD AND RURAL DEANS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH MANAGEMENT IN XIX CENTURY CHUVASH REGION

Key words: Orthodox parish, deanery, ecclesiastical consistory, rural deans, management system.

The author makes research into the sphere of main activities of three regional institutions of the XIX century Russian Orthodox Church on the territory of the Chuvash region. The Supreme governing body of the Russian Orthodox Church was the Synod. The management of the Eparchy was in the hands of the Bishop of Kazan and the Kazan Ecclesiastical Consistory as the highest administrative and judicial institution, which exercised its powers in the given territorial entity under the control of the Bishop. The second link in the management system was presented by ecclesiastical boards. The Chuvash region was under the control of the Cheboksarsky and Kozmodemiansky ecclesiastical boards. The first exercised control over the parishes of the Cheboksarsky and Tsvil'sky districts, the second – over the parishes of the Yadrinsky and Kozmodemiansky districts. Those institutions were engaged in collecting church documentation from the deaneries, informing the parish clergy on the orders of superior secular and eparchy's authorities, monitoring their precise execution, settlement of disputes between priests and clergymen, conducting various on-site legal proceedings and providing further submission of the investigation results to the consistory. In the middle of the XIX century the Boards in the vast majority of the eparchies were liquidated. Their powers were relegated to rural deans who exercised direct control of the parishes, parish clergy and parishioners. Rural deans were selected from the most experienced and diligent priests and they formed an intermediate social stratum between the officials and parish clergy taking an important place in the district church and administrative management system. The role of the rural deans both in the government structures and social life rose significantly throughout the XIX century.

Управленческие институты Русской православной церкви, сформированные и функционирующие на территории обширной Казанской епархии, вклю-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-21003.

чавшей несколько губерний, в целом воспроизводили церковно-административные органы, созданные в других регионах государства. Самым главным ведомством православной конфессии в епархии являлась духовная консистория.

Основание консисторий в России началось императорским указом 1744 г., фактически в некоторых епархиях они под другими названиями действовали еще раньше, например, Казанская существовала уже в 1739 г. С течением времени сфера дел, подконтрольных данному духовному ведомству, существенно расширилась, и свою законченную форму это региональное церковное учреждение обрело с принятием Устава духовных консисторий 1841 г. В составе консистории определялось присутствие, или руководящий его элемент, в составе 5-7 членов: архиерей, настоятели крупных монастырей и кафедральных соборов, имеющие высокий образовательный статус и немалый опыт работы, а также руководитель духовной академии или семинарии в лице ректора [12. № 667].

Сфера компетенции консистории была чрезвычайно обширной: это и надзор за соблюдением «истин православной церкви» приходским населением, осуществление контроля над старообрядческими общинами и иноверцами, семейно-брачные дела, ведение церковной документации. Значительное внимание в данном нормативно-правовом акте уделено вопросам канонического ведения богослужения, сооружения новых церквей и реконструкции ветхих, закреплены определенные Духовным регламентом 1721 г. нормы поведения и все возможные санкции за любые правонарушения приходского и монашеского клира, определены требования к ведению церковно-монашеского хозяйства, показаны потенциальные направления сотрудничества с гражданскими властями.

Все проблемы в духовной консистории рассматривались и решения принимались коллегиально. В среднем присутствующие лица рассматривали за день не так много дел: заявления духовных и светских лиц по обвинению в оскорблении их личности, имущественные и заемные споры, прошения о переводе духовных лиц в другой приход. Одновременно присутствующие принимали отчеты священников с приходских сел с представленными церковными денежными сборами, решали вопрос о возможности заключения повторного брака светских лиц, изучали распоряжения Синода [15. Ст. 280–282].

Наиболее сложные и запутанные дела, связанные с правонарушениями, совершенными духовенством, откладывались до выяснения всех его обстоятельств, и с момента совершения проступка священно- и церковнослужителем до заключения вердикта церковных судей проходило несколько лет.

Канцелярские работники консистории собирали данные о вакантных штатных местах в епархии и потенциальных кандидатах на них, собирали справки о желающих поступить в монашество, распространяли по приходам бланки метрических книг, духовных росписей и клировых ведомостей, составляли различные перечневые, или итоговые, ведомости для последующей отправки в Синод.

Одно из главных направлений деятельности консистории – контроль над духовными правлениями. К 80-м гг. XVIII в. в Казанской епархии действовало 20 духовных правлений; к середине XIX в. их число сократилось до 5 в связи с их упразднением и открытием епархии в восточных губерниях, в частности Симбирской [11. С. 29]. В ходе реализации положений губернской реформы 1775 г. образовались уезды иного качества. Духовные правления в Казанской епархии появились несколько позже консистории. Плохая сохранность документов не позволяет в достаточно полной мере выявить время их образования, но первое упоминание о Чебоксарском духовном правлении в региональных архивах относится к 1764 г., Курмышском – к 1754 г., Козьмодемьянском – к 1744 г. [2. С. 170–171].

Большое количество правлений, ведению которых подлежали целые, густонаселенные, уезды, затрудняло их нормальное функционирование. В 80–90-е гг. XVIII в. история деятельности духовных правлений несколько запутана: взаимоотношения одного правления с административными уездными учреждениями затруднились, так как ведомство одного правления разбивалось на два уезда; кроме того, негативным явлением было то, что приходы одного и того же уезда могли подлежать ведению двух правлений. Применительно ко второй половине XVIII в. можно наблюдать следующее: происходило преобразование правлений и к началу 80-х гг. XVIII в. Чебоксарское духовное правление контролировало 81 приход в разных уездах [3; 4. Оп. 4. Д. 55; 10. Оп. 43. Д. 6; Оп. 44. Д. 7].

Расстояние от приходского центра до правления колебалось в пределах 5–80 верст. Вероятно, дальность расстояния заставили церковные власти причислить ряд приходов к Козьмодемьянскому и Свяжскому духовным правлениям. По состоянию на 1784 г. в Чебоксарском заказе, как иногда именовалось данное ведомство в источниках, было уже 53 прихода. В 1790 г. здесь числилось 50 приходов: в с. Илларионово Чебоксарского уезда церковь сгорела, села Хозяево и Алгаши отошли к Курмышскому духовному правлению. Отсутствие материала не позволяет ответить на вопрос, к какому духовному правлению (Свяжскому, Курмышскому или Козьмодемьянскому) или непосредственно консистории, подчинялись многие приходы Чебоксарского и Цивильского уездов, о существовании которых в конце XVIII в. достоверно известно [6. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; Оп. 2. Д. 335. Л. 8].

Еще сложнее обстоит дело с рядом приходов Ядринского уезда. Применительно к 1784–1786 гг. клировые ведомости показывают, что три храма г. Ядрин и 11 приходов уезда находились в ведении «Нижегородской епархии Казанского наместничества Курмышского духовного правления» [4. Оп. 4]. Можно сделать предположение, что после проведения в жизнь административно-территориальной реформы Екатерины II еще в течение нескольких лет приходы продолжали управляться прежними духовными заказчиками.

Окончательная реорганизация духовных правлений произошла в 1791–1792 гг.: за Чебоксарским духовным правлением числятся приходы двух уездов, Чебоксарского и Цивильского, но по-прежнему еще 2–3 года, вероятно, в силу нерасторопности вышестоящего церковного учреждения, часть дел, касающихся приходов Козьмодемьянского и Ядринского уездов, рассматривалась в г. Чебоксары. Оба духовных правления сотрудничали в ряде вопросов, особенно если дело касалось провинившихся священно- и церковнослужителей и тех из них, кто выступал в качестве свидетеля. В Козьмодемьянском духовном правлении с 1791 г. числилось 5 церквей г. Козьмодемьянск и 20 – его уезда, 4 храма г. Ядрин и 27 – сельских [3. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3; Д. 10. Л. 1].

Отдаленное расстояние приходских сел вынуждало местные причты обращаться в консисторию с просьбой отнести приход к ближайшему правлению: например, в 1829 г. причт с. Чутеево Цивильского уезда, расположенный в 96 верстах от г. Чебоксары, пожелал в своем заявлении перейти в ведомство Свяжского правления, которое находилось в 55 верстах от прихода. Казанская консистория, рассмотрев дело, пришла к выводу, что дальность расстояния и весеннее половодье р. Цивиль не являются серьезным основанием для подобного решения, но для более оперативной доставки причту распоряжений церковной власти и сбора сведений о прихожанах для последующей обработки их в консистории было бы предпочтительнее сократить время по-

ездок, чтобы сосредоточиться на пастырской деятельности [5. Оп. 1. Д. 3. Л. 195; Д. 115. Л. 599].

Штат духовного правления, утвержденный в 1797 г., был невелик, его присутствие составляли назначаемые консисторией протоиереи, настоятели близлежащих монастырей; в помощь им назначались 2-3 приказных служителя. В сферу деятельности духовного правления по указу 1825 г. входило следующее: доведение до сведения приходского духовенства распоряжений Синода и епархиальных властей, надзор за точным их исполнением, разрешение конфликтов между священно- и церковнослужителями, осуществление на месте «следствия по преступлениям и проступкам», а по его окончании – представление в консисторию результатов следствия. Духовное правление собирало с приходских селений метрические книги и духовно-исповедные ведомости, отчетную финансовую документацию, проверяло их и составляло ведомости, которые уходили в консисторию; по церковным делам имело «сношения со светскими уездными учреждениями». За свою деятельность духовные управители не получали денежного вознаграждения, в отличие от канцелярских служащих, так как получали ругу и прочие доходы от своих приходских и штатных мест [13. № 178; 13. № 93].

Часто правление вызывало к себе учащихся духовно-учебных заведений, находящихся либо на учебе в духовном училище, либо на каникулах у родителей, в целях освидетельствования их знаний. В обязанности духовных правителей входило отыскивать учеников духовно-учебных заведений, которые задерживались в родительском доме по тем или иным причинам и не являлись вовремя на занятия, штрафовать родителей за невыполнение ими требований вовремя обеспечить явку сыновей в духовную семинарию или уездное училище. Важно отметить, что в соответствующей документации можно видеть значительное число прогульчиков по неуважительной причине.

Власть духовных правителей была чрезвычайно широкой, особенно на первоначальном этапе функционирования правлений, когда еще не было составлено специальных инструкций для регламентации их деятельности. В 1783 г. в документах Козьмодемьянского духовного правления отмечен эпизод злоупотребления духовных заказчиков своей властью: они «наказывали телесно церковнослужителей и жен, а священнослужителей сажали на цепь, держали их в железах и колодках, что для священнического чина поносно», хотя ранее правители заявляли, что никаких «колодников в правлении нет».

Подсудимые могли требовать переноса рассмотрения их дела из ведения правления, которому они обычно подчинялись, в другое духовное правление с целью предотвратить субъективный фактор: назначенная на должность просвирни поповская вдова с. Оточево Ядринского уезда М. Михайлова в своей жалобе архиерею показала, что местный причт не допускает ее до выполнения своих функций. Козьмодемьянское правление по указанному факту стало производить следствие, однако, как оказалось, некоторые духовные лица находились в родстве с членами правления, поэтому дело перевели в Чебоксарское духовное правление [5. Оп. 2. Д. 32. Л. 17–20; Д. 47. Л. 1002; Д. 55. Л. 2–30, 102; Оп. 2. Д. 7. Л. 84].

С 1840 г. в России начался процесс ликвидации духовных правлений; средства, выделяемые прежде на содержание правлений, стали направляться на усиление штатов консисторий. В 1852 г. упразднены Царевококшайское и Лаишевское правления Казанской епархии, Курмышское духовное правление Симбирской епархии, в 1853 г. – Козьмодемьянское и Свяжское. Указом Синода в декабре 1853 г. в Чебоксарах было открыто викариатство «для вспомоществования местным архиереям в управлении епархиальных дел».

Но викарный епископ, в то же время являясь настоятелем Казанского Кизического монастыря и постоянно проживая в Казани, редко посещал чувашские селения, во всяком случае, о его конкретной практической деятельности применительно к изучаемому периоду не сохранилось подробных известий.

После ликвидации Козьмодемьянского духовного правления Ядринский и Козьмодемьянский уезды в административно-церковном отношении стали подчиняться Чебоксарскому правлению: приходы и духовенство Цивильского – непосредственно Казанской духовной консистории. В декабре 1860 г. вышел указ и об упразднении Чебоксарского духовного правления [1. № 260. 7. С. 7; 8. С. 8]. Так, с середины XIX в. приходское духовенство стало напрямую подчиняться духовной консистории через благочинных священников, являвшихся низшим звеном церковного управления.

Институт благочинных священников, осуществлявших не только религиозные, но в большей степени административные функции, восходит к поповским и десятским старостам времен Стоглава. В Казанской епархии длительное время, по замечанию архиепископа Казанского Антония (1782–1785), совершившего поездку по селениям, во многих заказах не было лиц «для попечения о церквах и священно- и церковнослужителях». Поэтому консистория рекомендовала ускорить введение должности благочинного для «наблюдения за чистотой в церкви, опрятностью священно- и церковнослужителей» и доставки «церковной документации к подписанию в духовное правление».

Подразделения епархии – прежние десятины – стали называться благочинными округами, их формирование на территории уездов с чувашским населением Казанской епархии в основном завершилось в 80-е гг. XVIII в.

Первоначально имелось в виду, что благочинные будут избираться из местных священников, «достойного жизни, жития трезвого и честного», но очень скоро выборность сменилась назначением по представлению епархиального архиерея. Для управления и контроля над монастырями также назначались благочинные, вся их деятельность регламентировалась особыми инструкциями, которые впервые начали составляться в 1775 г, а в начале XIX в. были скорректированы и дополнены.

Деятельность монастыря и повседневная жизнь монахов являлась объектом пристального внимания благочинного над монастырями, должность которого продолжительное время занимал архимандрит Чебоксарского Троицкого монастыря Самуил. Под его управлением находилось три монастыря: Чебоксарский Троицкий, Цивильский Тихвинский и Царевококшайская Мирносицкая пустынь, находившаяся от Чебоксар в 117 верстах. Инструкция благочинному монастырей 1828 г. определяла ему широкий круг обязанностей. В сферу его компетенции входило наблюдение за богослужением в монастырских храмах. Материальные ценности, имущество и церковная документация также являлись объектом контроля благочинного. С 1830 г. благочинный трех монастырей одновременно являлся миссионером. Миссионерская деятельность среди языческого и новокрещеного чувашского и марийского народов требовала специального богословского образования, опыта борьбы с «суевериями», доверия со стороны церковных властей. Всем этим архимандрит Самуил обладал в полной мере и в преклонном возрасте имел несколько наград и поощрений от властей [5. Оп. 1. Д. 302. Л. 32; Д. 335. Л. 8.].

Благочинные пресвитеры были облечены громадной административной властью над клиром. Резиденции благочинных находились в тех селах или городах, приходы которых они возглавляли, при этом границы благочиний могли меняться в случае, если благочинный перемещался в другой уезд, переставал им быть по каким-либо основаниям. В таком случае главой округа

становился наиболее опытный священник данной местности, даже если его приход находился в другом селе – соответственно, центр благочиния менялся. Некоторые приходы могли также оказываться в соседних округах для более оперативного управления.

Как правило, должность благочинного была пожизненной при условии отсутствия взысканий. Расстояние от центра округа до самого дальнего прихода не превышало 30 км, в редких случаях составляло более 50 км (например, с. Тюрлема и с. Аттиково от с. Сундырь Чебоксарского уезда) [6. Оп. 1. Д. 17. Л. 111–112; 5. Оп. 1. Д. 189. Л. 3]. Окружное духовенство было обязано оплачивать работу и поездки благочинных, хотя последним внушалось, что за свой труд они не должны были брать денег. Действовали определенные негласные платежи с духовенства, приуроченные на конец года, к подаче церковной документации, но размеры этих платежей источники не сохранили.

С течением времени права благочинного по отношению к духовенству расширялись. Священно- и церковнослужители должны были оказывать благочинным всяческое почтение; встретив его у церкви, без его разрешения при нем не садились. Во время объезда приходов причты были обязаны предоставлять подводы для поездок начальствующего лица. Без его позволения они не могли отлучаться от прихода на расстоянии более 15 км, в случае отъезда на расстояние более 30 км причту вообще требовалось разрешение гражданского начальства. Зорко благочинные обязаны были надзирать за поведением и нравами клира, всячески бороться с нетрезвым образом жизни. В г. Цивильск в 1797 г. благочинный Иван Кафаров был лишен этой должности «навечно» за неправильное ведение церковной документации и пьянство, однако, после непродолжительного времени «покаяния» в Чебоксарской Благовещенской церкви он был направлен в Тетюшский уезд, где продолжил деятельность в прежней должности.

Деятельность благочинного была всегда на виду. По прибытии в приходскую церковь благочинный по очереди опрашивал членов причта о делах в приходе. У клира он выяснял, как делятся церковные доходы, ведется ли служба по уставу, не отлучаются ли члены причта от прихода без необходимости, «не упивается ли кто-то и есть ли другие соблазны». Далее начинался осмотр церковной документации и храма. Собственные наблюдения благочинного должны включать следующие положения: «хранятся ли божественные места в покое, чистоте», состояние утвари, ризницы и жилищ, ежедневно ли совершаются службы, «нет ли суеверий, ложных чудес», какова численность крестившихся в текущем году. После посещения приходов каждые полгода все свои наблюдения благочинные складывали в рапорт в духовные правления. Через благочинного иерея священнослужители могли сообщать епархиальному начальству заявления о собственных повседневных нуждах, особенно касательно земли, материального обеспечения и необходимости ремонта церкви [13. № 91].

Благочинный составлял отчет по приходам дважды в год, но длительное время сухие цифры их отчетов не отражали реальное состояние приходской жизни. Сами благочинные считали достаточным составить цифровой отчет, где ни слова не говорилось об эффективности приходских школ и деятельности приходских священников на nive христианского просвещения, часто они скрывали случаи мздоимства с прихожан клириками, часто не обращали должного внимания на их аморальное поведение, так как либо находились в родстве с подобными лицами, либо не желали отягощать свою деятельность излишней перепиской с духовным правлением или консисторией по каждому такому случаю. Вполне вероятно, что и сами благочинные имели за душой провинности, о которых местные священно- и церковнослужители знали. Ар-

хиепископ Казанский Григорий обязал благочинных священников докладывать архиерею о всех «худых поступках своего округа», поскольку «виновные совершенно не исправляются в своих поступках, а только закосневают в зле», чего никак нельзя было допустить в условиях массового отпадения нерусских народов Среднего Поволжья в язычество или ислам [7. С. 151–155].

В случае споров между прихожанами и причтом или внутри причта благочинному необходимо было вмешаться и решить, как поступить дальше: направить дело в светский суд или консисторию либо завершить конфликт миром.

С 1791 г. в каждом округе из числа белого духовенства избирался «депутат с духовной стороны», который должен был присутствовать при разборе дел, где замешаны в той или иной мере лица духовного сословия. Депутаты не могли занимать никаких должностей, чтобы не обременять их, иначе им сложно будет исполнять свои функции. Но исключения из этого правила встречаются: духовный депутат священник Архангельской церкви г. Чебоксары С.В. Богородицкий одновременно являлся в 40–50-е гг. XIX в. членом оспенного комитета, с 1849 г. – присутствующим духовного правления [5. Оп. 1. Д. 203. Л. 325–326]. Нарушение постановления о депутатах на практике можно объяснить отсутствием других достойных кандидатов на выполнение социально полезных функций.

Длительное время не существовало четкой нормы вознаграждения от причтов за труд благочинного, что формировало базу для взяточничества. Ведь очень часто во многих случаях он по отношению к духовенству был строг и взыскателен, хотя сам мог иметь провинности; за свои пороки духовенство давало взятки благочинному – он смотрел на них сквозь пальцы. Вознаграждение им платили причты подконтрольных приходов по установленным между ними договорам, и оно составляло от 6 до 15 руб. в зависимости от материального благосостояния прихода и принадлежности церкви к определенному классу, а чем выше класс, тем выше материальное положение. Важно отметить, что все благочинные, зафиксированные в источниках, имели награды; кроме своих непосредственных обязанностей они осуществляли общественные функции.

Таким образом, к концу XIX в. основным звеном управления в региональной иерархии институтов православной церкви оставались благочинные священники – это некая промежуточная социальная категория между чиновниками и приходским духовенством, занимающая важное место в системе церковно-административного управления в уездах и формирующаяся из числа наиболее опытных и усердных священников. Роль благочинных в течение XIX в. как во властных структурах церкви, так и в общественной жизни существенно повысилась, их функциональные обязанности усложнились, а нравственность и образованность значительно усовершенствовались. Быть благочинным в обществе означало иметь высокий социальный статус, зачастую определять судьбы рядовых священнослужителей, поэтому благочинные были заинтересованы в сохранении своего преимущественного положения среди приходского духовенства.

Литература и источники

1. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / сост. С.В. Калашников. СПб., 1902.

2. Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. 294 с.

3. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 172.

4. Государственный архив Нижегородской области. Ф. 570.

5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 225.

6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 298.

7. Григорий, архиепископ Казанский. Беседы с духовенством Казанской епархии. СПб., 1855. 156 с.

8. Извлечения из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1852 год. СПб., 1853.
9. Извлечения из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1853 год. СПб., 1854.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4.
11. *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XVIII веках: их открытие, состав, пределы. Казань, 1897–1913. 893 с.
12. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Сер. 2. СПб., 1907. Т. 2.
13. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Павла Первого. Пг., 1915. Сер. 4.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая Первого. Сер. 6. 1825–1835. Пг., 1915. Т. 1.
15. Устав духовных консисторий. СПб., 1841.

References

1. *Alfavitnyy ukazatel deystvuyushchikh i rukovodstvennykh kanonicheskikh postanovleniy, ukazov, opredeleniy i rasporyazheniy Svyateyshego Pravitelstvuyushchego Sinoda i grazhdanskikh zakonov, odnosyashchikhsya k dukhovnomu vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya* [Index of existing and rukovodstvennykh canonical regulations, decrees, rulings and orders of the Holy Synod and civil laws relating to the spiritual department of orthodox confession]. St. Petersburg, 1902.
2. *Berdnikov I.S. Kratkiy kurs tserkovnogo prava* [Brief course of canon law]. Kazan, 1888, 294 p.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy El. Fond 172* [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives 172].
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti. Fond 570* [The State Archives of the Nizhny Novgorod region. Archives 570].
5. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki. Fond 225* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 225].
6. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki. Fond 298* [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 298].
7. *Grigoriy, arkhiepiskop Kazanskiy. Besedy s dukhovenstvom Kazanskoj eparkhii* [Conversation with the clergy of the diocese of Kazan]. St. Petersburg, 1855, 156 p.
8. *Izvlacheniya iz otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda za 1852 god* [Extract from the report of the chief procurator of the Holy Synod of 1852]. St. Petersburg, 1853.
9. *Izvlacheniya iz otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda za 1853 god* [Extract from the report of the chief procurator of the Holy Synod of 1853]. St. Petersburg, 1854.
10. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 4* [The National Archives of the Republic of Tatarstan. Archives 4].
11. *Pokrovskiy I.M. Russkie eparkhii v XVI–XVIII vekakh: ikh otkrytie, sostav, predely* [Russian Diocese in XVI–XVIII centuries: their discovery, composition, limits]. Kazan, 1897–1913, 893 p.
12. *Polnoe sobranie postanovleniy i rasporyazheniy po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiyskoj imperii. Tsarstvovanie gosudaryni imperatritsy Elizavety Petrovny* [The complete collection decrees and orders on department of orthodox confession of the Russian Empire. The reign of Empress Elizabeth]. Seriya 2. St. Petersburg, 1907, vol. 2.
13. *Polnoe sobranie postanovleniy i rasporyazheniy po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiyskoj imperii. Tsarstvovanie gosudarya imperatora Pavla Pervogo* [The complete collection decrees and orders on department of orthodox confession of the Russian Empire. The reign of the Emperor Paul I]. Seriya 4. Pg., 1915.
14. *Polnoe sobranie postanovleniy i rasporyazheniy po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiyskoj imperii. Tsarstvovanie gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo* [The complete collection decrees and orders on department of orthodox confession of the Russian Empire. The reign of the Emperor Nicholas I]. Seriya 6. 1825–1835. Petrograd, 1915, vol. 1.
15. *Ustav dukhovnykh konsistoriy* [Statute of spiritual consistories]. St. Petersburg, 1841.

ЕВДОКИМОВА АНЖЕЛИКА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, г. Чебоксары (savelika76@mail.ru).

EVDOKIMOVA ANZHELICA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 93/94

ББК 63.3

Б.Н. ЕРОФЕЕВ

**РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В ЧУВАШИИ
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН
(90-е годы XX века)**

Ключевые слова: регион, перестройка, история Чувашии XX–XXI вв., культура, творческая интеллигенция, изобразительное искусство.

Изучено развитие художественного творчества в Чувашии в 90-е гг. XX в. Раскрываются вопросы формирования изобразительного искусства, а также деятельности скульпторов республики в постсоветский период. Исследовано формирование творческих союзов на этапе социальных перемен конца XX в. Статья написана на основе первоисточников, ряд из которых впервые вводится в научный оборот, и историографии проблемы.

B. EROFEEV

**DEVELOPMENT OF ARTISTIC CREATIVITY IN CHUVASHIA IN THE PERIOD
OF SOCIAL CHANGES (1990s)**

Key words: region, perestroika, XX–XXI century history of Chuvashia, culture, intellectuals, art.

The article contains the materials concerning the development of art in Chuvashia in 1990s. The author considers such issues as shaping of fine arts, the activities of the Chuvash Republic sculptors in the post-soviet period, as well as establishing creative unions at the stage of social changes in late XX century. The paper is based on the historiography of problems and a number of original sources, some of which were put into scientific circulation for the first time.

В идеях и образах российской культуры 1990-х гг., особенностях духовной жизни народа отразилась эпоха – распад СССР и движение к демократии, противостояние ветвей власти и изменение положения России в мире, смена моделей общественного развития и разрыв традиционных связей с мастерами культуры бывших союзных республик. Провозглашенная свобода, отмена цензурных ограничений, открытость мировому процессу, резкое сокращение государственных затрат на становление общеобразовательных учреждений, возросшая материальная зависимость от владельцев капитала в полном объеме оставили след и на изобразительном искусстве конца XX – начала XXI вв. В то же время мы должны помнить, что именно духовная сфера определяет суть человеческого общества. Наука, образование, мораль, искусство способствуют прогрессу, полноценному общественному развитию, творческой деятельности, приносящей человеку духовное наслаждение, которое обогащает человечество в целом и становится импульсом к последующему движению вперед [12. С. 89].

Современные исследователи выделяют несколько этапов формирования постсоветского художественного искусства в современной России: 1985–1990 гг. – обретение мастерами как творческой, так и институциональной свободы; 1990–1993 гг. – активное строительство Art-рынка; 1993–1999 гг. – кризис развития искусств в стране; с 2000 г. по настоящее время – пробуждение художественной жизни после застоя [18].

В результате с начала 1990 гг. и в течение последующих десяти-пятнадцати лет в региональном искусстве и во всей России ведущими становятся постмодернистские тенденции, практика создания которых утверждается почти повсеместно. Поскольку со второй половины XX в. деление изобразительного искусства на виды и жанры становится достаточно условным, новый статус и

принцип создания произведений постмодернистского искусства позволяют художникам, одновременно работая в пределах своей специализации, создавать «объекты» и «инсталляции», артефакты процессуального (запретного ранее) искусства [17. С. 3–4]. В новых видах художественной практики мастера достигли значительных успехов, особенно в наделении постмодернистской стилистики чертами этнического своеобразия, что помогло выделить проблему национальной и региональной специфики. Например, А.Н. Автономова отмечает: «В чувашской живописи наряду с реализмом появились символическая и авангардная тенденции, предполагающие безусловное стремление к новизне, открытости чувств и мыслей, раскованности, свободе художественного языка, обращению к различным историческим темам» [2. С. 25–26].

В 1990-е гг. в изобразительном искусстве получает развитие исторический пейзаж («Чебоксары. Половодье, 1926 г.» Н.В. Овчинников, 1993, декоративная ваза «Памяти Миттова» Ю.И. Ксенофонтова, 1995, скульптурная композиция «Прометей» В. Зотикова, 1997). В станковых формах искусства преуспели в разработке «чувашской темы» В. Агеев, К. Владимиров, Н. Енилин, С. Кадикин, Ф. Мадуров, Ю. Матросов, С. Михайлов, В. Петров, А. Розов [4. С. 65–67]. В конце XX столетия художники все больше увлечены созданием национальных образов, прослеживается смена историко-революционной темы новой – историко-философской.

Глубокий смысл творений мастеров неразрывно связан с древней историей родного народа, его миропониманием и философией, богами, мифами и легендами, а также с сохранившимися до наших дней традициями. Например, в картине «Отец чувашской нации – хан Кубрат» (2000) Н.В. Овчинников умело передал огромную внутреннюю энергию, дух и физическую мощь Кубрата. Используя плотные, широкие мазки, автор создал запоминающийся образ хана. Применение активного красного цвета дает ощущение некой торжественности и значимости события [1. С. 4]. Народный художник Чувашии В.П. Праски-Витти в серии произведений «Обретение новой Родины венграми» (1994–1995) затрагивает тему дружбы болгар и венгров в древние времена, ищет истоки этой дружбы. А художник В.И. Агеев в своих работах в большей степени рассказывает об истории чувашского народа, его становлении и развитии, где значительное место занимают легенды и сказания родного края. Историк Г.И. Тафаев отмечает: «В.И. Агеева можно назвать “самый чувашский художник”. На сегодня в Чувашии нет такого художника, который так ярко описывает языческую древнеболгарскую цивилизацию» [16].

Формирование образа чувашской нации нашло отражение в творчестве многих региональных мастеров, их работы отличаются ярко выраженной этнической направленностью. Эта тенденция, связанная в первую очередь с поисками национальной идентичности, нашла глубокое отражение в динамическом историческом пространстве. Этнический компонент, основывающийся на теме героев истории, традиционных элементах местной культуры, получил широкое распространение в области станковой живописи, графики и скульптуры. Наглядным примером служит произведение скульпторов Ф.Н. Мадурова и Ю.Н. Новикова – «Дорога на Москву “Конница”», за исполнение которой в 1993 г. они были выдвинуты на соискание государственной премии Чувашской Республики в области изобразительного искусства и архитектуры [5. Л. 1]. Данная монументально-декоративная композиция, отражающая важное историческое событие, и по сей день является достопримечательностью г. Чебоксары.

Также среди работ заслуженного художника Чувашии Ф.Н. Мадурова можно выделить: двухфигурную композицию «Аҫа-Ама» (1990 г.), «Истина» (2001 г.),

портрет Н.Я. Бичурина (2002 г.), «Асамат» (2003 г.), монументально-декоративную композицию «Ворота солнца» (1995 г.) и др. Примечательно, что мастер является одним из немногих представителей республики, чьи произведения находятся в собраниях Чувашского государственного художественного музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея и др.

Одним из наиболее видных мастеров республики в области скульптуры является заслуженный художник Чувашской Республики (2001 г.), заслуженный художник Республики Башкортостан (1992 г.), заслуженный художник Российской Федерации (2008 г.), лауреат Государственной премии Чувашии в области литературы и искусства (2008 г.) В.П. Нагорнов. Его творениями стали: монументальный барельеф «Добровольное вхождение чувашского народа в состав Русского государства» (1995 г.), скульптура «Муза» (1985 г.), памятник К.В. Иванову (1991 г., 1995 г.), «Стрижи. Память» (1994 г.), станковые произведения: портрет Зухди Чаколлы (1990 г., 2005 г.), «Булгарка» (1991 г.), А.С. Пушкин (1999 г.) и др. Одна из наиболее значительных работ – «Монумент Матери», расположенный в центре г. Чебоксары (2003 г.)¹.

Особое внимание привлекает произведение А.С. Розова «Монумент им. 400-летия г. Цивильска» (1989 г.). Композиция выполнена в традиционной национальной тематике и несет в себе глубокий символический смысл. «Благодаря высокому мастерству монумент является одним из немногих произведений монументально-декоративного искусства, сооруженных в Чувашии и имеющих высокие архитектурно-художественные достоинства», отмечает в своем отзыве заслуженный архитектор Чувашской Республики Р.К. Рахимов [6. Л. 1].

Сравнивая культурное развитие Чувашии в советское и постсоветское время в области скульптуры, в интервью от 19 апреля 2014 г. В.П. Нагорнов отметил следующее: «Хотелось бы рассказать о 1970-х гг. В это время в Чувашию приехала плеяда профессиональных скульпторов, среди которых следует выделить Ю.И. Ксенофонтова, объединившего вокруг себя талантливую молодежь. Именно тогда образовалась чувашская школа скульпторов. На сегодняшний день, к сожалению, среди молодежи становится все меньше видных представителей нашей профессии»². Несмотря на это, в настоящее время скульпторы республики занимают достойное место среди деятелей Приволжского федерального округа, считает В.П. Нагорнов.

Об успехах живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства Чувашии 1990-х гг. можно судить по многочисленным художественным выставкам – юбилейным, тематическим, традиционным: посвященным 150-летию со дня рождения выдающегося просветителя чувашского народа И. Яковлева (1998 г.), 100-летию поэта-трибуна М. Сеспеля (1999 г.), 55-летию Великой Победы (2000 г.). Значительными событиями в художественной жизни стали выставки произведений П. Кипарисова и Н. Овчинникова (1998 г.), Р. Терюкаловой, К. Владимирова и Н. Енилина (1999 г.), Н. Карачарскова, Р. Федорова и В. Бритвина (2000 г.) [13. С. 7–8]. Указанные мероприятия характеризуют с положительной стороны творческую деятельность живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства республики и свидетельствуют о слаженной работе их профессиональных союзов с Министерством культуры, по делам национальностей и архивного дела Чу-

¹ Интервью с заслуженным художником России, Чувашской Республики и Республики Башкортостан, членом правления Союза художников Чувашии В.П. Нагорновым от 19 апреля 2014 г.

² Там же.

вашской Республики. Такие выставки выполняют одну из основных функций – сохранение, развитие и распространение культурных ценностей.

Передвижные выставки работ скульпторов и художников республики неоднократно проходили на межрайонном и межрегиональном уровне: произведения мастеров выставлялись в Самарской, Ульяновской областях, республиках Башкортостан и Татарстан [11. Л. 29]. Подобные мероприятия являлись особенно актуальными для региональных художников, многие из которых не имели непосредственного выхода к достижениям современного мирового искусства. Их следствием становились эксперименты в области новейших художественных практик и возникновение художественных групп и творческих коллективов, чья деятельность способствовала распространению новых форм и методов в искусстве республики.

Необычен опыт работы творческих бригад художников, которые начали образовываться в Чувашии еще с 1970-х гг. Например, бригада художников «Ибресионисты», сформированная в 1992 г., в которую входили такие художники, как М.Ф. Харитонов, В.С. Семёнов, А.А. Самарин, П.М. Меркурьев, Н.В. Федоров, Н.И. Панасюк, Ю.В. Викторов, под руководством В.Л. Немцова выполняла виды с пейзажами посёлка Ибреси, написала портреты знатных ибресинцев – ветеранов войны и труда. Эти произведения, а также творения В.И. Агеева, Г.А. Алексеева, В.И. Белова, А.И. Брындына, В.А. Зотикова, Н.П. Карачарскова, В.А. Леонтьева, П.В. Сизова, В.В. Федорова, В.С. Шведова, Э.М. Юрьева и других авторов в 1993 г. были представлены на юбилейной выставке в Ибресинской картинной галерее [19. С. 195]. При этом вызывает интерес не только идея существования подобных объединений, но и их цель, а также результаты совместной творческой деятельности – создание произведений, посвященных жизни чувашского народа.

В развитие профессионального изобразительного искусства и активизацию выставочной деятельности мастеров республики в постперестроечный период весомый вклад был внесен Союзом художников Чувашии (СХЧ; до октября 1991 г. – Союз художников Чувашской АССР), являющимся региональным отделением Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» [7. Л. 1–5]. Председателем правления СХЧ на XII съезде 19–20 июня 1991 г. был избран Р.Ф. Федоров, а на XIII съезде художников Чувашии от 24 июня 1993 г. в состав правления также были избраны: А.П. Анохин, Ю.А. Бубнов, М.Г. Григорян, В.Ф. Гришаев, А.И. Бахмисов, А.М. Федосеев, А.Г. Григорьев [15. С. 9].

Основными целями и задачами СХЧ стали: организация и осуществление культурной, творческой и выставочной деятельности, участие в художественном и эстетическом воспитании населения республики в традициях духовности, патриотизма, гуманизма, сохранение, развитие и пропаганда лучших традиций художественного наследия родного народа, забота о творческой молодежи, развитие связей с другими региональными отделениями [8. Л. 14]. В своем интервью заслуженный художник России В.П. Нагорнов отметил: «Союз художников Чувашии – это общественная организация, которая объединяет профессионалов своего дела. Союз обеспечивает нас мастерскими, также он является определенным органом, благодаря которому его члены имеют возможность представлять свои произведения на выставках»³.

³ Интервью с заслуженным художником России, Чувашской Республики и Республики Башкортостан, членом правления Союза художников Чувашии В.П. Нагорновым от 19 апреля 2014 г.

В настоящее время представителями Союза художников Чувашии являются 129 мастеров изобразительного искусства [14]. Многие из них имеют звания заслуженных художников и деятелей искусств Российской Федерации и Чувашской Республики, неоднократно выдвигались на соискание и становились лауреатами Государственной премии Чувашской Республики в области изобразительного искусства и архитектуры [9. Л. 6].

Члены СХЧ ведут активную педагогическую деятельность. Так, например, председатель союза Р.Ф. Федоров с 1964 г. работает на кафедре живописи художественно-графического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. За эти годы им подготовлено сотни специалистов, многие из которых стали профессиональными художниками. Р. Федоров – народный художник РФ, действительный член Российской академии художеств. Широко известны его произведения станковой живописи, исторические полотна, портреты, которые неоднократно экспонировались в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Самаре, Н. Новгороде, Финляндии, Эстонии, Германии и Швейцарии [13. С. 91]. Многие годы он является председателем выставки региона «Большая Волга», секретарем правления Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

По инициативе правления на базе СХЧ в 1991 г. (протокол правления СХЧ от 16 июля 1991 г. № 2) создан творческо-производственный комбинат. Профиль работ предприятия достаточно широк: станковая живопись и графика, скульптура монументальная, станковая, декоративная, декоративно-прикладное, оформительское и народное искусство, все виды художественной отделки и др. [10. Л. 1–5].

Для совместной творческой и выставочной деятельности, развития национальной темы в искусстве, сохранения, приумножения и пропаганды культурного наследия чувашского народа в 1993 г. в республике создан Союз чувашских художников (СЧХ) [3. С. 91] – творческое объединение профессиональных мастеров изобразительного, декоративно-прикладного, театрально-декорационного искусства и народных художественных промыслов. Председателями правления СЧХ были: П.С. Пупин (1993–1995), Ю.П. Матросов (1995–1997), Ю.И. Ксенофонтов (1997–2001). Представителями указанного союза явились живописцы и графики, такие, как В.И. Агеев, Н.П. Карачарсков, Г.И. Исаев, К.В. Владимиров, Н.А. Енилин, С.Н. Михайлов (Юхтар), А.И. Алексеев (Сандр Пикл), П.В. Петров, скульпторы П.С. Пупин, В.А. Зотиков, В.А. Кузьмин, монументалисты В.П. Петров (Праски Витти), А.С. Розов, театральные художники Ю.П. Матросов, В.В. Фёдоров, В.С. Шведов, художники-сатирики Н.Л. Яковлев и В.Н. Яковлев, мастера декоративно-прикладного искусства Ю.И. Ксенофонтов, Н.М. Балтаев, Т.В. Шаркова, В.Г. Егоров (Аванмарт), Л.К. Гаврилова, мастера народных художественных промыслов А.В. Брагина и Г.В. Изратова [3. С. 91]. СЧХ проводил ежегодные отчетные выставки. Концептуальной по идее, форме и содержанию явилась тематическая выставка «Чувашский лес» (1995). Произведения мастеров искусства союза привнесли звучание национального колорита международным выставкам, таким, как «Мир этих глаз. Геннадий Айги и его художественное окружение», состоявшимся в Чебоксарах (1994, 1997) [3. С. 91].

В статье «Чувашское изобразительное искусство в 1994 г. (Обзор)» Ю.В. Викторов отмечает успехи представителей СЧХ в разработке национальной темы во всех видах изобразительного искусства. Отмечаются работы Ю.И. Ксенофонтова (декоративная ваза «Памяти Миттова»), В. Зотикова (скульптурная композиция «Прометей»). В станковых формах искусства удачными в разработке «чувашской темы» стали произведения В. Агеева, К. Вла-

димирова, Н. Енилина, С. Кадикина, Ф. Мадурова, Ю. Матросова, С. Михайлова, В. Петрова, А. Розова: творения их связаны с древней историей родного народа, его миропониманием и философией, его богами, мифами и легендами, а также с сохранившимися до наших дней традициями. Выделялись работы Н. Балтаева, Л. Гавриловой, С. Дмитриева, В. Егорова (Аванмарта), В. Егорова и В. Туктарова. Положительную оценку получили полотна А. Алексеева, В. Ильиной. Г. Исаевой, П. Петровой, скульптурные работы В. Андреева, П. Платонова, П. Пупина и Л. Тихонова [4. С. 65–67].

Таким образом, изобразительное искусство республики в конце XX – начале XXI вв. обогатилось профессиональными мастерами и их живописными произведениями. При всем многообразии сюжетов авторы активно работали над национальной темой. Появились новые формы, направления и методы изображения. Несмотря на то, что часто сюжет, содержание и идея картины возникали в преддверии той или иной знаменательной даты, они нередко становились толчком для создания глубокого идейно-содержательного образа. Важными факторами развития и обогащения культуры является плодотворная деятельность ряда региональных художников, что подтверждается их активным участием в различных региональных и всероссийских фестивалях и конкурсах. 1990-е гг. стали периодом творческой свободы деятелей искусства, который дал недостижимые ранее возможности многим художникам, позволил выйти на следующий уровень творческого восхождения, открыть новые имена как в Чувашии, так и в России в целом.

Литература

1. Автономова А.Н. Тенденция развития исторической живописи в изобразительном искусстве республик Среднего Поволжья (Чувашия, Татарстан, Марий Эл) в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 1. С. 3–7.
2. Автономова А.Н. Историческая живопись в республиках Среднего Поволжья (Чувашия, Татарстан, Марий Эл) в XX веке: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 26 с.
3. Викторов Ю.В. Союз чувашских художников // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. 659 с.
4. Викторов Ю.В. Чувашское изобразительное искусство в 1994 г. (Обзор) // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1996. Вып. 2. С. 65–89.
5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. Р-2715/2356. Оп. 1. Д. 217. Л. 1.
6. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2715/2356. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.
7. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2741/1527. Оп. 1. Д. 340. Л. 1–5.
8. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2741/1527. Оп. 1. Д. 340. Л. 14.
9. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2741/1527. Оп. 5. Д. 226. Л. 6.
10. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2741/1527. Оп. 5. Д. 349. Л. 1–5.
11. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2969/2675. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
12. Минеева Е.К. Антиклерикальная политика Республики Советов: особенности и последствия // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 89–94.
13. Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики / под ред. И.С. Илларионова / НАНИ ЧР. Чебоксары, 2002. 368 с.
14. Состав Союза художников Чувашии [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12&id=848722 (дата обращения: 09.12.2013).
15. Союзу художников Чувашии 70 лет // Союз художников Чувашии. Альбом-каталог. Чебоксары, 2005. 176 с.
16. Тафаев Г.И. Цивилизационный символизм в чувашском изобразительном искусстве [Электронный ресурс]. URL: <http://tafaj.blogspot.ru/2012/01/nlog> (дата обращения: 24.10.2013).
17. Файзрахманова Г.Р. Постмодернистские тенденции в изобразительном искусстве Башкортостана и Татарстана: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Екатеринбург, 2007. 24 с.
18. Хангельдиева И.Г. Культура и рынок // Тетради Международного университета в Москве. 2004. № 1. С. 198–211.
19. Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. 659 с.

References

1. Avtonomova A.N. *Tendentsiya razvitiya istoricheskoi zhivopisi v izobrazitel'nom iskusstve respublik Srednego Povolzh'ya (Chuvashiya, Tatarstan, Marii El) v kontse XX – nachale XXI vv.* [Development trend of historical painting in the Fine Arts of the Middle Volga region (Chuvashia, Tatarstan, Mari El) at the end of XX – beginning of XXI century]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University I. Yakovlev], 2011, no. 1, pp. 3–7.
2. Avtonomova A.N. *Istoricheskaya zhivopis' v respublikakh Srednego Povolzh'ya (Chuvashiya, Tatarstan, Marii El) v XX veke: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Historical painting in the republics of the Middle Volga region (Chuvashia, Tatarstan, Mari El) in the XX century. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 2011, 26 p.
3. Viktorov Yu.V. *Soyuz chuvashskikh khudozhnikov* [Union Chuvash artists]. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, vol. 4, 659 p.
4. Viktorov Yu.V. *Chuvashskoe izobrazitel'noe iskusstvo v 1994 g. (Obzor)* [Chuvash fine arts in 1994 (Review)]. *Chuvashskoe iskusstvo. Voprosy teorii i istorii* [Chuvash art. Theory and History]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1996, pp. 65–89.
5. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2715/2356. Opis' 1. Dokument 217. List 1 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2715/2356. Anagraph 1. Document 217. P. 1].
6. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2715/2356. Opis' 1. Dokument 234. List 1 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2715/2356. Anagraph 1. Document 234. P. 1].
7. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2741/1527. Opis' 1. Dokument 340. List 1–5 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2741/1527. Anagraph 1. Document 340. P. 1–5].
8. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2741/1527. Opis' 1. Dokument 340. List 14 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2741/1527. Anagraph 1. Document 340. P. 14].
9. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2741/1527. Opis' 5. Dokument 226. List 6 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2741/1527. Anagraph 5. Document 226. P. 6].
10. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2741/1527. Opis' 5. Dokument 349. List 1–5 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2741/1527. Anagraph 5. Document 349. P. 1–5].
11. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2969/2675. Opis' 1. Dokument 10. List 29 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-2969/2675. Anagraph 1. Document 10. P. 29].
12. Mineeva E.K. *Antiklerikal'naya politika Respubliki Sovetov: osobennosti i posledstviya* [Anticlerical policy of the Republic of Soviets: features and implications]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 89–94.
13. Illarionov I.S., ed. *Natsional'naya akademiya nauk i iskusstv Chuvashskoi Respubliki* [The National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic]. Cheboksary, 2002, 368 p.
14. *Sostav Soyuzakh khudozhnikov Chuvashii* [The composition of the Union of Artists of Chuvashia]. Available at: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12&id=848722 (Accessed 09 February 2014).
15. *Soyuzu khudozhnikov Chuvashii 70 let* [Union of Artists Chuvash 70 years]. *Soyuz khudozhnikov Chuvashii. Al'bom-katalog* [Union of Artists of Chuvashia. Album catalog]. Cheboksary, 2005, 176 p.
16. Tafaev G.I. *Tsivilizatsionnyi simvolizm v chuvashskom izobrazitel'nom iskusstve* [Civilizational symbolism in the Chuvash fine arts] Available at: <http://tafaj.blogspot.ru/2012/01/nlog> (Accessed 24.10.2013).
17. Faizrakhmanova G.R. *Postmodernistskie tendentsii v izobrazitel'nom iskusstve Bashkortostana i Tatarstana. Avtoref. dis. ... kand. Iskusstvovedeniya* [Postmodern trends in the fine arts of Bashkortostan and Tatarstan. Abstract of PhD thesis]. Ekaterinburg, 2007, 24 p.
18. Khangel'dieva I.G. *Kul'tura i rynek* [Culture and Market]. *Tetrad' Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve* [Notebook International University in Moscow], 2004, no. 1, pp. 198–211.
19. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011. T. 4, 659 p.

ЕРОФЕЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (bores21@mail.ru).

EROFEEV BORIS – Post-Graduate Student, Russian History Department named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 371.014.3 (091) (470) «18»
ББК 4403(2)5г(2)

М.А. ЗУЕВА

ОСВЕЩЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ КОНЦА XVIII ВЕКА В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ АВТОРОВ

Ключевые слова: школьная реформа XVIII в., дореволюционная историография, И.И. Бецкой, Ф.И. Янкович, предпосылки и результаты преобразований.

Речь идет об исследовании дореволюционными историками школьной реформы, проводимой в России при Екатерине II. Данная тема освещалась как в трудах общего характера, так и в специальных сочинениях. Проанализированы конкретные работы, на основании содержания которых сделаны выводы об оценке исследователями целесообразности проводившихся в XVIII в. преобразований. При имеющихся недостатках реформы и ее претворения в жизнь она представляет научный интерес на современном этапе изучения проблемы.

M. ZUEVA

COVERAGE OF XVIII CENTURY SCHOOL REFORM IN WORKS BY PRE-REVOLUTIONARY WRITERS

Key words: XVIII century school reform, pre-revolutionary historiography, I. Betskoy, F.I. Jankovic, prerequisites and results of reforms.

The subject of the paper is the research by pre-revolutionary historians into Russian school reform under Catherine II, which found its coverage in works devoted to general issues as well as in special works. Based on the analysis of some of the works, the author makes the conclusion about the evaluation made by the researchers on the expedience of the XVIII century reform. Despite its drawbacks and inefficient implementation, the reform is of scientific interest for present day researchers of the issue.

В истории Российского государства и общества реформы в области образования проводились многократно. Практически все они вызывали значительный интерес со стороны как современников, так и исследователей. Различные аспекты школьной реформы, проведенной в конце XVIII столетия правительством Екатерины II, в той или иной степени освещались не только до революции, авторами советского периода, но и современными историками.

Абсолютное большинство трудов, созданных до 1917 г., представляют собой общие работы, в которых авторы чаще всего останавливались на правительственной политике в области образования, выявляли основные тенденции ее развития, начиная с XVIII в. до XX столетия. Здесь выделяются сочинения В.В. Григорьева, М.И. Демкова, С.А. Князькова и Н.И. Сербова, С.И. Миропольского, С.В. Рождественского, Г.А. Фальборка, В.И. Чарнолуцкого и др.

Исследуя историю отечественной школы, некоторые авторы (например, В.В. Григорьев, М.И. Демков, С.А. Князьков, Н.И. Сербов и др.) [5, 6, 9] в объемных работах отдельно выделяют эпоху Екатерины II. Они рассматривают педагогические взгляды самой правительницы, тех государственных деятелей, которые оказывали влияние на нее при проведении школьной реформы, подчеркивают роль Ф. И. Янковича.

В сочинении «Школа и государство» С.И. Миропольский в целом дал положительную оценку проведенным в конце XVIII в. преобразованиям в сфере школы [10]. Он писал, что Екатерина II, понимая значение образования для народа, провела большую работу. Однако, несмотря на то, что автор подчеркнул ряд положительных моментов в этом деле, при подведении итогов преобразований он отмечал, что школьная реформа Екатерины II «... оказалась на деле положительно бесплодной», уставы и планы есть, а училищ нет [10. С. 51, 55].

На богатых архивных данных выполнены «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках» С.В. Рождественского [12]. Первый том «Очерков...» посвящен XVIII веку. Автор анализирует педагоги-

ческие взгляды И.И. Бецкого, деятельность созданных им сословных учебно-воспитательных заведений, останавливается также на проектах учебных реформ 1760–1770-х гг., отдельный раздел посвящен реформе 1780-х гг. С этой реформой он связывал попытку правительства создать систему народного просвещения в стране. В целом С.В. Рождественский дал положительную оценку политики Екатерины II и ее правительства в сфере образования.

Необходимо отметить исследование Г.А. Фальборка и В.И. Чарнолуского «Народное образование в России» [15], в котором авторы представили статистические данные о развитии народного образования в XVIII – начале XX вв. В данном издании представлен обширный статистический и справочный материал, дающий общее представление о развитии начального образования в России в рамках указанного времени.

Единственным автором из тех, кто занимался изучением истории школьной реформы конца XVIII в., выразившим негативную оценку, является М.Ф. Владимирский-Буданов [2, 3]. По его мнению, введенные в это время во всех школах методические приемы, обязательное прохождение желающих учительствовать процедуры экзаменов и др., свели на нет народную, самобытную приходскую школу в Малороссии, ничего не предложив ей взамен, как массовую.

Наряду с работами общего характера следует выделить специальные труды. Они посвящены образовательной политике правительства Екатерины II. Здесь необходимо назвать работы А. Белецкого, А.С. Воронова, М.В. Довнар-Запольского, В.В. Каллаша, Д.А. Толстого [1, 4, 7, 8, 14].

А.С. Воронов [4] подробно изучил проведенную Екатериной II реформу по созданию системы общего образования. В своем сочинении он дал анализ воспитательной системе И.И. Бецкого, деятельности организованных на ее основе сословных учебно-воспитательных заведений, сфере частного образования. Основное внимание он уделил реформе конца XVIII в. и роли Ф.И. Янковича в ее разработке и практическом осуществлении. На основе изучения законодательных документов и материалов Комиссии народных училищ автор пришел к выводу, что Екатерине II удалось создать систему народных училищ.

М.В. Довнар-Запольский, В.В. Каллаш [7, 8] в своих исследованиях рассматривают предпосылки проведенных преобразований, причины неудач, а также дают критическую оценку ее результатам.

Д.А. Толстой [14] в работе «Городские училища в царствование императрицы Екатерины II» сначала останавливается на тех мероприятиях, которые предшествовали реформе. Он считает, что XVIII век является временем создания системы светского школьного образования. Это важное событие, по его мнению, было связано с учреждением Комиссии народных училищ в 1782 г. В целом положительно отзываясь о мероприятиях Екатерины II, в то же время автор пишет, что главные народные училища имели определенные недостатки, с учетом которых они в начале XIX в. были преобразованы в гимназии.

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что практически все авторы в целом дают положительную оценку как самой Екатерине II, так и ее политике по созданию системы народного образования в России. В то же время они отмечают отдельные ошибки и недостатки, среди которых называются недостаток учителей, сложные взаимоотношения между администрацией училищ и представителями местной власти, недоверие со стороны отдельных групп общества к новым школам, курс обучения в главных училищах и др. Авторы обобщили и систематизировали материал внутри относительно короткого периода, что позволило изучить его более детально, останавливаясь на отношении к реформе со стороны общества и отдельных его групп, также попытались определить предпосылки, результат и значение реформы.

Литература

1. *Белецкий А.* Русское народное училище по Уставу 5 августа 1786 г. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1886. 38 с.
2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1874. Ч. 1. 338 с.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1874. 142 с.
4. Воронов А.С. Ф.И. Янкович де-Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб.: Тип. Э. Ираца, 1858. 167 с.
5. *Григорьев В.В.* Исторический очерк русской школы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. 587 с.
6. *Демков М.И.* История русской педагогики: в 3 ч. Ч. 2. Новая русская педагогика, XVIII век. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 691 с.
7. *Довнар-Запольский М.В.* Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1906. 47 с.
8. *Каллаш В.* Что сделала Екатерина II для русского народного просвещения. М.: Тип. В. Рихтера, 1896. 88 с.
9. *Князьков С.А., Сербов Н.И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М.: Книгоиздательство «Польза», 1910. 240 с.
10. *Миропольский С.И.* Школа и государство. Обязательность обучения в России (исторический этюд). СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. 248 с.
11. *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб.: Сенатская тип., 1909. 97 с.
12. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. Т. 1. 679 с.
13. *Рождественский С.В.* Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по Уставам 1804 г. (оттиск из журнала «Вестник Европы» за 1907 г.)
14. *Толстой Д.А.* Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. Пб.: Тип. Императорской АН, 1886. 214 с.
15. *Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И.* Народное образование в России. СПб.: Изд-е О.Н. Поповой, 1900. 263 с.

References

1. Beletskii A. *Russkoe narodnoe uchilishche po Ustavu 5 avgusta 1786 g.* [Russian national school under the statute August 5, 1786]. Vilna, 1886, 38 p.
2. Vladimirskii-Budanov M.F. *Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii XVIII veka* [State and public education in Russia XVIII century]. Yaroslavl, 1874, part 1, 338 p.
3. Vladimirskii-Budanov M.F. *Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii s XVII veka do uchrezhdeniya ministerstv* [State and public education in Russia XVII century until the establishment of the ministries]. Petersburg, 1874, 142 p.
4. Voronov A.S. F.I. *Yankovich de-Mirievo ili narodnye uchilishcha v Rossii pri imperatritse Ekaterine II* [F.I. Jankovic de Miriyeva or public schools in Russia with Empress Catherine II]. St. Petersburg, 1858, 167 p.
5. Grigor'ev V.V. *Istoricheskii ocherk russkoi shkoly* [Historical Review of the Russian school]. Moscow, 1900, 587 p.
6. Demkov M.I. *Istoriya russkoi pedagogii: v 3 ch. Ch. 2. Novaya russkaya pedagogiya, XVIII vek* [History of Russian teachers. Part 2. New Russian teachers, XVIII century]. Petersburg, 1897, 691 p.
7. Dovnar-Zapol'skii M.V. *Reforma obshcheobrazovatel'noi shkoly pri imperatritse Ekaterine II* [Comprehensive school reform at the Empress Catherine II]. Moscow, 1906, 47 p.
8. Kallash V. *Chto sdelala Ekaterina II dlya russkogo narodnogo prosveshcheniya* [What did Catherine II for the Russian public education]. Moscow, 1896, 88 p.
9. Knyaz'kov S.A., Serbov N.I. *Ocherk istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii do epokhi reform Aleksandra II* [Essay on the history of public education in Russia before the era of the reforms of Alexander II]. Moscow, 1910, 240 p.
10. Miropol'skii S.I. *Shkola i gosudarstvo. Obyazatel'nost' obucheniya v Rossii (istoricheskii etyud)* [School and State. Compulsory education in Russia (historical study)]. Petersburg, 1876, 248 p.
11. Rozhdestvenskii S.V. *Iz istorii uchebnykh reform imperatritsy Ekateriny II* [From the history of educational reform Empress Catherine II]. St. Petersburg, 1909, 97 p.
12. Rozhdestvenskii S.V. *Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vekakh* [Essays on the history of public education systems in Russia in XVIII–XIX centuries]. St. Petersburg, 1912, vol. 1, 679 p.
13. Rozhdestvenskii S.V. *Universitetskii vopros v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II i sistema narodnogo prosveshcheniya po Ustavam 1804 g.* (ottisk iz zhurnala «Vestnik Evropy» za 1907 g.) [University issue in the reign of Empress Catherine II and the system of public education under the Charter of 1804 (reprint from the journal «Bulletin of Europe» for 1907)].
14. Tolstoy D.A. *Gorodskie uchilishcha v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [City College during the reign of Empress Catherine II]. Petersburg, 1886, 214 p.
15. Fal'bork G.A., Charnoluskii V.I. *Narodnoe obrazovanie v Rossii* [Education in Russia]. St. Petersburg, 1900, 263 p.

ЗУЕВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (marinazueva2013@mail.ru).
ZUEVA MARINA – a competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 351.74/.76

ББК 67/401 133+63.3 (2) 63

В.А. ИВАНОВ, И.А. БОЯРИНЦЕВА

О ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИНАХ И РОЛИ ПАРТИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (КОНЕЦ 1950-х – СЕРЕДИНА 1980-х ГОДОВ)

Ключевые слова: милиция, органы внутренних дел, добровольная народная дружина (ДНД), общественность, общественный порядок, преступность, партия, Марийская АССР (МАССР), Коммунистическая партия, партийное руководство.

Обоснована значимость вовлечения общественности в правоохранительную деятельность как необходимого условия обеспечения безопасности государства. На основе систематизации большого массива многоаспектного материала выявлены очевидные успехи, ошибки и просчеты на данном поприще в конце 1950-х – середине 1980-х годов. Критически пересмотрены оценки роли партии в организации деятельности общественных формирований правоохранительной направленности.

V. IVANOV, I. BOYARINTSEVA ON VOLUNTARY PEOPLE'S GUARDS AND THE ROLE OF THE PARTY IN ORGANISING THEIR ACTIVITIES (LATE 1950s – MID 1980s)

Key words: police, law enforcement bodies, voluntary people's guard (VPG), community, public order, crime, party, Mari ASSR (the MASSR), the Communist party, the party leadership.

The authors substantiate the importance of public involvement in law enforcement as a necessary condition to ensure the security of the state. Based on the systematized data received from a large array of multiple-aspect materials, the authors reveal obvious successful moments, mistakes and failures in this sphere relating to the period of late 1950s – mid 1980s. The authors gave a critical evaluation of the role the Communist Party played in organizing community groups for law enforcement.

Научное и практическое значение заявленной темы, прежде всего, определяется тем, что привлечение населения на правоохранительной деятельности всегда было одним из важнейших направлений деятельности партийно-государственных органов, необходимым условием повышения эффективности борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Активность граждан в этой сфере, зрелость добровольных формирований, формы и методы воздействия на них со стороны партийных органов заметно разнились на разных этапах истории советского общества, как были разными сами органы власти и управления, состояние их боевитости, а также сознательность, организованность и активность самих масс.

Одним из самых интересных периодов в этом отношении является время конца 1950-х – середины 1980-х годов, когда в условиях ослабления политического режима, возрастания роли общественности и укрепления законности в стране формируется значительный опыт вовлечения общественности в правоохранительную деятельность, который, безусловно, заслуживает пристального внимания исследователей и практиков.

Особую значимость заявленной теме придает и то, что начавшийся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в России процесс формирования гражданского общества [9. С. 12; 10. С. 22] в последние годы заметно активизировался. Причем происходит это на фоне возросшего уровня преступности и правонарушений, снижения духовно-нравственного потенциала, правового нигилизма общества, отсутствия должной системы правового воспитания граждан.

Представленная тема анализируется на региональном уровне, в частности на материалах Марийской АССР. По теме уже имеются первые специальные исследования [2, 3, 11, 15]. Отдельные ее аспекты представлены в работах, посвященных истории милиции [12–14]. Анализу подверглись нормативная база функционирования формирований по охране общественного порядка, способы комплектования народных дружин, их количественный и качественный состав, деятельность дружин по охране правопорядка. В наибольшей мере эти исследования охватили довоенный и постсоветский периоды истории.

В настоящее время интерес к теме возрос повсеместно [22–24, 26]. Претерпели изменения и приобрели неоднозначный характер сами взгляды на участие общественности в обеспечении правопорядка. В этих условиях исторический опыт, знание и учет его сильных и слабых сторон могут стать гарантией успешного противостояния преступности.

С наступлением хрущевской «оттепели» руководство страны сделало серьезный упор на *вовлечение общественности в правоохранительную деятельность*. 2 марта 1959 г. было издано Постановление Центрального Комитета КПСС (ЦК КПСС) и Совета Министров СССР (СМ СССР) «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране»¹. Документ законодательно регламентировал деятельность народных дружин и предписывал обеспечить их успешную деятельность по поддержанию общественного порядка в стране. Во исполнение постановления ЦК КПСС и СМ СССР в рамках реализации государственного курса по созданию «общенародного государства» и передачи части управленческих функций общественности в начале 1960-х гг. повсеместно стали энергично формироваться добровольные народные дружины.

Уже за первые пять лет они выросли и возмужали, окрепли организационно и накопили немалый опыт в работе по предотвращению правонарушений. Народный дружинник стал почетным и уважаемым человеком. Сами дружины превратились в большую общественную силу. В Марийской АССР к 1964 г. насчитывалось более 600 народных дружин, объединявших в своих рядах около 18 тыс. дружинников. Они действовали в тесном контакте с органами милиции и прокуратуры, народными и товарищескими судами. Министерством охраны общественного порядка (МООП) Марийской АССР только в 1963 г. было награждено почетными грамотами и ценными подарками около 80 дружинников [17]. В последующие годы усилия по наращиванию общественных сил правопорядка еще более возросли. К 1970 г. насчитывалось уже свыше 700 добровольных народных дружин, объединявших 22 тыс. дружинников. За 1971 г. они задержали свыше 60 уголовных преступников, более 700 мелких хулиганов, вскрыли около 220 фактов самогонварения, доставили в медвытрезвитель свыше 2,1 тыс. человек [1. Д. 4. Т. 1. Л. 6].

С не меньшей интенсивностью и размахом работа по формированию добровольных народных дружин велась и в последующие годы².

Надо признать, что в обстановке волюнтаристских решений в правоохранительной сфере (особенно в 1960-е гг.), явной переоценки возможностей общественности не обошлось без фальсификации численности дружинников. Многие из народных дружин числились лишь на бумаге, были малочисленны и пассивны. Отдельные дружины крайне робко включались в профилактическую работу среди населения. Много было шероховатостей и при организации

¹ Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02.03.1959 г. № 218 // СП СССР. 1959. № 4. Ст. 25.

² О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка: постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20.05.1974 г. № 379 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс»; Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.05.1974 г. // Ведомости ВС СССР. 1974. № 31. Ст. 470.

приема в ряды ДНД. Руководящие документы требовали, чтобы к поддержанию общественного порядка привлекалась «лучшая часть комсомольцев и молодежи»³. В дружинники предписывалось принимать граждан, достигших 18 лет из числа передовых рабочих, колхозников, служащих, студентов, пенсионеров, способных по своим деловым и морально-политическим качествам успешно выполнять поставленные перед дружиной задачи. Однако прием в народные дружины, оперативные комсомольские отряды и иные формы участия трудящихся в борьбе с преступностью нередко производился с нарушением требований соответствующего закона. Так, в Йошкар-Олинском совхозе-техникуме в дружину были приняты 16–17-летние учащиеся. Такая же ошибка была допущена в СМУ Маркохозстройобъединения, в Советском объединении «Сельхозтехника и т.д. Объединения добровольных помощников милиции часто комплектовались по спискам, составленным администрацией и профсоюзными организациями без заявлений самих работников. Командиры и их заместители назначались администрацией в приказном порядке, хотя должны были избираться открытым голосованием на общем собрании дружинников. На многих предприятиях, в организациях Медведевского, Куженерского, Юринского и Звениговского районов дружинники не принимали торжественного обещания, не проходили обучение, им даже нагрудных знаков не вручили, а к дежурствам допускали [20]. Конечно, все это вело к снижению организованности, утере заинтересованности дружинников и руководителей предприятий в их работе. Но в целом добровольные дружины сыграли свою позитивную роль в укреплении общественного порядка, в борьбе с преступностью, заслужили авторитет и признание широких масс населения.

Ныне многие сетуют на то, что общественная активность граждан в рассматриваемые годы иницировалась партийно-государственным аппаратом, который, мол, использовал в этих целях преимущественно административно-командные методы. С упреком говорят о минимальном уровне самостоятельности добровольных народных дружин, формальном, псевдодобровольном участии населения в их деятельности [25].

Конечно, *влияние* партийных органов на *деятельность добровольных народных дружин* являлось неизменным атрибутом советской действительности, и оно *было по-настоящему значимым*. В решениях бюро обкома КПСС постоянно ставилась задача добиться широкого привлечения общественности к делу охраны порядка (3 июня 1960 г.) [4. Д. 150. Л. 138–140], активизации работы добровольных народных дружин (27 сентября 1961 г.) [4. Д. 320. Л. 104]. В документах подобного рода подчеркивалось, что формирование добровольных народных дружин и обеспечение их успешной деятельности, прежде всего, призваны осуществлять партийные комитеты и первичные партийные организации (1 августа 1975 г.) [7. Д. 153. Л. 52–55].

Аналогичные задачи ставились и на совещаниях работников милиции [16], республиканских совещаниях партийного актива [18], актива органов внутренних дел [21]. Во исполнение принятых решений во всех районах и городах были созданы районные, городские штабы добровольных народных дружин. 15 из них к середине 1970-х гг. возглавлялись секретарями горкомов и райкомов партии, 2 – заместителями председателей райисполкомов. Непосредственное руководство деятельностью дружин, как правило, возлагалось на одного из заместителей председателей рай(гор)исполкомов [2. С. 113]. Подобный подход к ДНД способствовал быстрому численному росту, повышению эффективности их работы.

Надо подчеркнуть при этом, что в советские времена в деятельности по охране общественного порядка и воспитанию «нового советского человека»

³ Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02.03.1959 г. № 218 // СП СССР. 1959. № 4. Ст. 25.

решающее место (уж, в риторике властей, во всяком случае) неизменно отводилось именно методам убеждения граждан, а не принуждению. Так, в самом постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» было предписано организовать «широкую разъяснительную работу среди населения о важности этого мероприятия и о необходимости активной поддержки деятельности добровольных народных дружин».

Понимание этого неизменно звучало в решениях как самих правоохранительных органов, так и обкома КПСС, Верховного Совета Марийской АССР и Совета Министров республики. Вот несколько примеров в подтверждение сказанного: Бюро обкома КПСС потребовало от МВД МАССР решительной активизации «воспитательной работы среди населения» (январь 1969 г.) [6. Д. 26. Л. 84]; специально обсудило вопросы правового воспитания населения (25 сентября 1970 г.) [5. Д. 40. Л. 3–7]; наметило провести научно-практическую конференцию о задачах по повышению правовой и политической активности советских граждан (16 февраля 1979 г.) [8. Д. 15. Л. 10–11].

Энергичные усилия во исполнение подобных указаний вышестоящих инстанций предпринимало МВД Марийской АССР. Так, в целях усиления связи милиции с общественностью коллегия МВД Марийской АССР от 3 февраля 1969 г. потребовала создать редакционные советы по подготовке материалов для радио, телевидения, республиканских газет «Марийская правда» и «Марий коммуна» [7. Д. 13. Т. 1. Л. 16]. Сотрудники милиции активно привлекались к правовому просвещению по линии общества «Знание».

Аналогичный подход был характерен и для решений городских и районных комитетов партии, районных советов депутатов трудящихся, горрайорганов внутренних дел.

Важно также подчеркнуть, что сами добровольные дружины рассматривались как организации, не только ориентированные на борьбу с правонарушениями, но и призванные *воспитать так называемого «нового советского человека»*⁴ (курсив наш. – Авт.). «Нельзя забывать, что народная дружина – организация воспитательная», – указывала передовица газеты «Марийская правда» 18 октября 1959 г. «Больше проводить предупредительно-профилактических мероприятий в своих коллективах и не ограничиваться только дежурством в общественных местах и патрулированием на улицах в вечернее время», – предписывал народным дружинникам и руководитель МООП МАССР генерал Н.Ф. Попов [19].

Между тем в современных исследованиях, на наш взгляд, сквозит явное преувеличение принудительных начал в работе с общественностью. Порою складывается впечатление, что партийно-советские органы совместно с органами правопорядка только благодаря принуждению, с помощью административных ресурсов, что называется силком, загоняли людей в ряды добровольных народных дружин. Подобный подход к проблеме формирования добровольных народных дружин представляется неоправданно однобоким, существенно обедняющим широкую и неоднозначную палитру общественных отношений той поры.

Полагаем, что роль партийных органов в вовлечение общественности в охрану порядка, формы и методы их деятельности в этих целях прежде всего определялись конкретной общественно-политической обстановкой в стране и регионе. Решающее значение при этом имели уровень демократии и права, состояние законности, а также готовность самого населения к полноценной форме гражданской активности. Короткая хрущевская «оттепель» и следующий

⁴ Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02.03.1959 г. № 218 // СП СССР. 1959. № 4. Ст. 25.

этап в развитии советского общества, который традиционно принято называть «годами застоя», вряд ли благоприятствовали налаживанию полноценной общественной активности граждан. Поэтому партийное руководство в тех условиях являлось отчасти вынужденным и значимым фактором укрепления боеготовности народных дружин. Оно вносило в деятельность общественных формирований определенную организованность и системность. Но при этом выявилась несостоятельность попыток властей воспитать «новых советских людей» и ликвидировать преступность как социальное явление при помощи ДНД [23]. Опыт показал, что успешно противостоять преступности, нарушителям общественного порядка могут лишь профессиональные силы при поддержке общественности.

Литература и источники

1. Архив МВД по Республике Марий Эл. Ф. 41. Оп. 7.
2. Бояринцева И.А. Взаимодействие милиции Марийской АССР с общественностью в 1956–1985 годах // Евразийский союз ученых. 2014. № 9. С. 113.
3. Вайнштейн Г.С. Деятельность марийской областной партийной организации по привлечению трудящихся к укреплению социалистической законности и охране общественного порядка (1959–1965): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971. 31 с.
4. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГАРМЭ). Ф. П–1. Оп. 18.
5. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 32.
6. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 30.
7. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 41.
8. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 46–а.
9. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 26 с.
10. Евтушенко М.В. Специфика взаимодействия гражданского общества и государства в России. Краснодар, 2009. 31 с.
11. Иванов В.А. Взаимодействие МВД Марийской АССР с органами государственной власти, населением и средствами массовой информации во второй половине 1980-х годов // Марийский юридический вестник. 2012. № 10. С. 28–44.
12. Иванов В.А. МВД по Марий Эл в реализации государственной политики: 1985–2010 гг. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2013. 611 с.
13. Иванов В.А. Милиция в Марийском крае в 1917–1941 гг.: проблемы организации и деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 58 с.
14. Иванов В.А. Укрепление партийного влияния в Марийской областной милиции в 1930-х годах: плюсы и минусы // Марийский архивный ежегодник-2004. Йошкар-Ола, 2004. С. 142–151.
15. Иванов В.А. Участие граждан Марийской АССР в обеспечении правопорядка в 1920-е – 1930-е гг. // Проблемы комплексного развития Республики Марий Эл: сб. науч. ст. Регионоведение при Мордовском университете. – Саранск, 2005. (прил. № 6 к ж. «Регионоведение»). С. 25–36.
16. Марийская правда. 1964. 22 июля.
17. Марийская правда. 1964. 4 марта.
18. Марийская правда. 1966. 20 авг.
19. Марийская правда. 1966. 24 авг.
20. Марийская правда. 1976. 18 февр.
21. Марийская правда. 1983. 3 февр.
22. Решмет Д.А. Влияние региональной специфики на деятельность комсомольских отрядов по охране общественного порядка в 1954–1961 гг. (на материалах Архангельской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8, ч. 2. С. 160–162.
23. Рыбалка О.В. Общественная активность в СССР в начале 1960-х – второй половине 1970-х гг.: формирование и развитие добровольных народных дружин (на материалах Новгорода и Новгородской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 25 с.
24. Слезин А.А. «Неужели в коммунизм возьмем и хулигана, и милиционера?». Привлечение молодежи к охране общественного порядка на рубеже 1950–1960-х годов: региональный опыт // Право и политика. 2014. № 9. С. 1459–1469.
25. Слепнев Е. А. Развитие организационно-правовых форм взаимодействия советской милиции с органами общественной самодеятельности по охране общественного порядка: На материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 22 с.
26. Ястребова А. И. Генезис и эволюция участия общественных организаций в охране общественного порядка // Закон и право. 2010. № 9. С. 38–45.

References

1. Arkhiv MVD po Respublike Mari El (RME). Fond 41. Opis 7 [The archives of the Ministry of Internal Affairs. Archives 41. Anagraph 7].
2. Boyarintseva I.A. *Vzaimodeistvie militsii Mariiskoi ASSR s obshchestvennost'yu v 1956–1985 godakh* [Cooperation of the police of the Mari ASSR with the public in 1956–1985]. *Evrasiiskii soyuz uchennykh* [Eurasian Union of Scientists], 2014, no. 9, pp. 113–115.
3. Vainshtein G.S. *Deyatel'nost' mariiskoi oblastnoi partiinoi organizatsii po privlecheniyu trudyashchikhsya k ukrepleniyu sotsialisticheskoi zakonnosti i okhrane obshchestvennogo poryadka (1959–1965). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The activities of the Mari regional party organization to attract workers to the strengthening of socialist legality and the protection of public order (1959–1965). Abstract of PhD thesis]. Voronezh, 1971, 31 p.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mari El. Fond P–1. Opis' 18* [The state archives of the Republic Mari El. Archives P-1. Anagraph 18].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mari El. Fond P–1. Opis' 32* [The state archives of the Republic Mari El. Archives P-1. Anagraph 32].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mari El. Fond P–1. Opis' 30* [The state archives of the Republic Mari El. Archives P-1. Anagraph 30].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mari El. Fond P–1. Opis' 41* [The state archives of the Republic Mari El. Archives P-1. Anagraph 41].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mari El. Fond P–1. Opis' 46a* [The state archives of the Republic Mari El. Archives P-1. Anagraph 46a].
9. Grib V.V. *Vzaimodeistvie organov gosudarstvennoi vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Interaction of public authorities and civil society institutions in the Russian Federation. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 2011, 26 p.
10. Evtushenko M.V. *Spetsifika vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva v Rossii: nauchnoe izdanie* [The specificity of interaction between civil society and state in Russia]. Krasnodar, 2009, 31 p.
11. Ivanov V.A. *Vzaimodeistvie MVD Mariiskoi ASSR s organami gosudarstvennoi vlasti, nasele-niem i sredstvami massovoi informatsii vo vtoroi polovine 1980-kh godov* [The interaction of the Ministry of internal Affairs of the Mari ASSR with public authorities, communities and the media in the second half of 1980s]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik*, 2012, no. 10, pp. 28–44.
12. Ivanov V.A. *MVD po Marii El v realizatsii gosudarstvennoi politiki: 1985–2010 gg.* [The Ministry of internal Affairs on Mary El in the implementation of public policy: 1985–2010]. Yoshkar-Ola, 2013, 611 p.
13. Ivanov V.A. *Militsiya v Mariiskom krae v 1917–1941 gg.: problemy organizatsii i deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Police in Mari region in 1917–1941: problems of organization and activities. Abstract of PhD thesis]. Nizhnii Novgorod, 2005, 58 p.
14. Ivanov V. A. *Ukrepenie partiinogo vliyaniya v Mariiskoi oblastnoi militsii v 1930-kh godakh: plyusy i minusy* [The strengthening of party influence in the Mari regional police in the 1930-ies: pros and cons]. *Mari arhivnyj ezhegodnik* [Mari archiving yearbook]. Yoshkar-Ola, 2004, pp. 142–151.
15. Ivanov V.A. *Uchastie grazhdan Mariiskoi ASSR v obespechenii pravoporyadka v 1920-e – 1930-e gg.* [The pearticipation of the citizens in public order]. *Problemy kompleksnogo razvitiya Respubliki Marii El: sb. nauchnykh statei. NII Regionologiya pri Mordovskom universitete* [Proc. of science articles «Problems of the integrated development of the Republic Mari El»]. Saransk, 2005, pp. 25–36.
16. *Mariiskaya pravda* [Mari truth], 1964, July 22.
17. *Mariiskaya pravda* [Mari truth], 1964, March 4.
18. *Mariiskaya Pravda* [Mari truth], 1966, August 20.
19. *Mariiskaya Pravda* [Mari truth], 1966, August 24.
20. *Mariiskaya Pravda* [Mari truth], 1976, February 18.
21. *Mariiskaya Pravda* [Mari truth], 1983, February 3.
22. Reshmet D.A. *Vliyanie regional'noi spetsifikii na deyatel'nost' komsomol'skikh otryadov po okhrane obshchestvennogo poryadka v 1954–1961 gg. (na materialakh Arkhangel'skoi oblasti)* [The influence of regional characteristics on the activities of the Komsomol groups for the protection of public order in 1954–1961 century (by the materials of the Arkhangelsk region)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. The theory and practice], 2013, no. 8, pp. 160–162.
23. Rybalka O.V. *Obshchestvennaya aktivnost' v SSSR v nachale 1960-kh – vtoroi polovine 1970-kh gg.: formirovanie i razvitie dobrovol'nykh narodnykh druzhin (na materialakh Novgoroda i Novgorodskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Public activity in the USSR in the early 1960s and the second half of the 1970s: the formation and development of voluntary national teams (on materials of Novgorod and the Novgorod region). Abstract of PhD thesis]. St. Peterburg, 2010, 25 p.
24. Slezin A.A. *Neuzheli v kommunizm voz'mem i khuligana, i militsionera? Privlechenie molodezhi k okhrane obshchestvennogo poryadka na rubezhe 1950–1960-kh godov: regional'nyi opyt* [Would we take a bully and policeman into communism? Attracting young people to the protection of public order at the turn of the 1950–1960-ies: regional experience]. *Pravo i politika* [History and policy], 2014, no. 9, pp. 1459–1469.
25. Slepnev E.A. *Razvitie organizatsionno-pravovykh form vzaimodeistviya sovetskoi militsii s organami obshchestvennoi samodeyatelnosti po okhrane obshchestvennogo poryadka: Na materialakh*

RSFSR: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Development of organizational-legal forms of cooperation with the Soviet police bodies of public Amateur performance for the protection of public order: On materials of the RSFSR. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1992, 22 p.

26. Yastrebova A.I. *Genezis i evolyutsiya uchastiya obshchestvennykh organizatsii v okhrane obshchestvennogo poryadka* [The Genesis and evolution of the participation of public organization in the protection of public order]. *Zakon i pravo* [Law and right], 2010, no. 9, pp. 38–45.

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (ivanovvital2013@yandex.ru).

IVANOV VITALIY – Doctor of Law, Professor, Department of State and Law Theory and History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

БОЯРИНЦЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (irinanew2@yandex.ru).

BOYARINTSEVA IRINA – Post-Graduate Student, Russian History Department, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

УДК 343.91-053.6 (470.344)

ББК Х518.8 (2 Рос.Чув.)

Н.В. ИВАНОВ, С.Ю. МИХАЙЛОВА

ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ БОРЬБЫ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЧУВАШИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х ГОДОВ XX ВЕКА

Ключевые слова: Чувашия, органы милиции, борьба с преступностью несовершеннолетних и детской беспризорностью и безнадзорностью, кража, ученики.

Статья нацелена на изучение исторических аспектов проблемы взаимодействия власти и общества по борьбе с преступностью несовершеннолетних. Актуальность тематики обусловлена объективной необходимостью извлечения и использования исторических уроков для более эффективного противодействия правоохранительных органов росту детской и подростковой преступности в России и ее регионах на современном этапе. В содержании статьи отражено состояние дел с преступностью среди несовершеннолетних в Чувашии во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Проанализированы данные милицейской статистики о количестве преступлений, выделены наиболее распространенные их виды, выявлено различие уровней преступности в городской и сельской местности, определены причины, толкавшие несовершеннолетних на противоправные поступки. Рассмотрена борьба органов милиции Чувашской АССР с ростом детской и подростковой преступности и дана оценка ее результативности в контексте конкретно-исторических условий.

N. IVANOV, S. MIKHAYLOVA

COURSE AND RESULTS OF POLICE FIGHTING JUVENILE DELINQUENCY IN CHUVASHIA IN YEARS INCLUDING SECOND HALF OF 1950s – FIRST HALF OF 1960s

Key words: Chuvashia, law enforcement agencies, fighting juvenile delinquency, child neglect and homelessness, theft, school children.

The article is aimed at investigating the historical aspects of cooperation between the government and the society on fighting juvenile delinquency. The topicality is determined by the objective necessity of drawing and using historical lessons for the present day law enforcement agencies to counteract against the increase in child and juvenile delinquency in Russia and its regions in a more effective way. The article reflects the state of affairs concerning juvenile delinquency in the Chuvash Republic in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s. The authors analyze the data of the police statistics on the number of crimes, highlight the most common types of crimes, reveal the difference in the levels of crime in urban and rural areas, and show the causes of the minors' illegal actions. The authors consider the struggle of the police of the Chuvash ASSR against the growth of child and juvenile delinquency and estimate its effectiveness in the context of the specific historical conditions.

Дети и подростки являются одной из наиболее уязвимых категорий российского общества. Его трансформации сопровождаются, как правило, повы-

шением уровня преступности среди несовершеннолетних. Специфичность данной проблемы состоит в том, что «она касается судеб подрастающего поколения. От того, как она решается в настоящее время, во многом зависят не только состояние и тенденции преступности в будущем, но и качество общества» [5. С. 83]. Утверждение «проблема преступности несовершеннолетних всегда актуальна» находит многочисленные подтверждения в разных периодах времени и пространственных границах отечественной истории.

Во второй половине 50-х – первой половине 60-х гг. XX в. Чувашия стояла на пороге мощного индустриального рывка. Масштабные экономические преобразования не всегда сопровождались адекватными изменениями социальной ситуации в регионе. Это порождало неблагоприятные социальные процессы, индикатором которых послужил рост преступности несовершеннолетних. В течение первого полугодия 1954 г. было зафиксировано 36 преступлений с участием 52 подростков [4. Д. 5. Л. 154]. В 1955 г. было привлечено к уголовной ответственности 118 несовершеннолетних [3. Д. 72. Л. 113], в 1956 г. – 121 [3. Д. 80. Л. 67], в 1960 г. – 84 [3. Д. 103. Л. 4], в 1961 г. – 92 [4. Д. 14. Л. 31], в 1962 г. – 102 [3. Д. 118. Л. 169–177], в 1963 г. – 133 [3. Д. 121. Л. 123], в 1964 г. – 196 несовершеннолетних [3. Д. 127. Л. 112].

Наиболее высокий уровень преступности несовершеннолетних был отмечен в городах Чувашии, в частности, во втором квартале 1954 г. в Чебоксарах – 5 случаев, в Алатыре – 4, в Канаше – 3, в Шумерле – 2, тогда как в сельской местности было зафиксировано 2 случая [4. Д. 5. Л. 152]. В третьем квартале 1954 г. большинство преступлений несовершеннолетние совершили также в городах Чебоксары – 4 случая, Алатыре – 2, Канаше – 6, Шумерле – 1, а в сельской местности – 4 случая [4. Д. 5. Л. 252].

В составе преступлений наибольший удельный вес имели кражи. К примеру, 19 мая 1954 г. 6 учеников Мариинско-Посадской средней школы совершили кражу товаров из ларька № 2 артели инвалидов «Социализм» на сумму 442 руб. [4. Д. 5. Л. 152]. В ночь на 1 сентября 1961 г. в Чебоксарах 7 несовершеннолетних совершили кражи консервов и винограда на 87 руб. из овощной палатки № 3, в ночь на 18 октября – продуктов питания на 70 руб. из буфета средней школы № 22, из 10 сараев по ул. Ярославская [4. Д. 14. Л. 21]. Летом 1963 г. в Чебоксарах несовершеннолетний Матвеев Н. организовал преступную группу, которая совершила 6 краж из кафе, киосков и буфетов. Подобная группа была задержана работниками милиции в Канаше. Ее участники в апреле-мае 1963 г. совершили 10 краж денежной выручки из магазинов и ларьков [4. Д. 15. Л. 141].

Основным мотивом совершения детьми и подростками имущественных преступлений, в том числе краж, было тяжелое материальное положение, одной из причин которого являлся высокий уровень безработицы среди молодежи. В этом отношении представляется показательным по остроте постановки проблемы выступление секретаря Алатырского ГК ВЛКСМ Е.И. Запольнова на XXII Чувашской областной конференции ВЛКСМ в декабре 1955 г.: «Большая претензия предъявляется нашей комсомольской организацией Совету Министров Чувашской АССР. У нас серьезно назрел вопрос о строительстве в городе крупного промышленного предприятия с тем, чтобы дать комсомольцам и молодежи работу. Перед выездом на областную конференцию приходил ко мне девушка и говорит: «Товарищ секретарь, дайте мне хоть какую-нибудь работу. Я уже три месяца не работаю». У нас в городе нет такой возможности, чтобы обеспечить всех работой. Поэтому мне кажется, да и не только мне, но и другим товарищам из города Алатыря, нужно ставить вопрос о строительстве в гор. Алатыре крупного промышленного предприятия» [1. Л. 61].

Необходимо отметить, что большое влияние на криминализацию детей и подростков оказывало материальное положение их семей. Большинство малолетних преступников были либо сиротами, либо из неполных семей. В качестве типичных случаев приведем два примера. Несовершеннолетний Захаров Б.Н. рос без отца, с 11 лет вел безнадзорный образ жизни, в 1953–1956 гг. неоднократно задерживался работниками милиции в Москве, Ульяновске, Казани и других городах, направлялся через детские приемники-распределители МВД к своей матери, проживавшей в дер. Ново-Исаково Урмарского района [2. Л. 25]. На территории Ядринского района органы милиции несколько раз задерживали за кражи несовершеннолетнего В.Д. Кузнецова, который воспитывался только престарелой бабушкой [2. Л. 30].

Значительную долю в преступности несовершеннолетних составляло хулиганство. В связи с этим министр внутренних дел Чувашской АССР В.А. Архипов высказывал следующее мнение: «Чем можно объяснить, что среди молодежи часты случаи хулиганства, других нарушений общественного порядка? Дело в том, что кое-где в комсомольских организациях интересуются людьми и работают с ними только до окончания рабочего дня, а что делает молодежь после окончания смены, после окончания занятий, в вечернее время в городах и рабочих поселках, в деревнях, чем они живут, о чем думают, мало интересуются. Есть случаи, когда хорошие производственники ведут себя плохо в обществе, в быту. Нередко хвалят их за трудовые подвиги, ставят в пример другим, не обращая внимания на их поведение, не заботясь об организации досуга молодежи» [1. Л. 75].

Не случайно секретарь Чувашского ОК ВЛКСМ Н.Е. Егоров отмечал, что: «Как результат отсутствия должной воспитательной работы среди молодежи у нас за последнее время уголовные проявления, особенно по хулиганству, не сокращаются, а, наоборот, увеличиваются. Если за 9 месяцев 1955 г. молодежь в возрасте от 16 до 25 лет совершено 367 преступлений, то за этот же период 1956 г. – 453. Особенно много фактов преступлений и нарушений правил социалистического общежития допускаются в Чебоксарах, Алатыре и Канаше. Как правило, хулиганские и антиобщественные поступки совершаются молодежью в нетрезвом виде. Среди молодежи еще жива «традиция» – запить по случаю приобретения обновки, в связи с получением зарплаты и т.п. Все эти пьянки нередко заканчиваются драками, скандалами в общественных местах. По этим причинам в Чебоксарах за 9 месяцев этого года в вытрезвителе побывало 231 человек, в том числе 25 комсомольцев, 10 учащихся и студентов. Однако по этим фактам Чебоксарский горком ВЛКСМ не делает никаких выводов. Горком очень робко и нерешительно борется против антиобщественных поступков среди молодежи. Комсомольское патрулирование проводится зачастую лишь для отвода глаз, а по субботам и воскресеньям в филармонии, если нет милиционеров, привольно резвятся хулиганствующие элементы...

А сколько у нас фактов хулиганства и недостойного поведения со стороны учащихся! Учащиеся Алатырской городской школы № 9 Лидия Парфенова, Лидия Самойлова, Валентин Самойлов организовали в селе Ям-Посад «вечер с вином и ночевкой» ... Результатом «вечера с вином» явилась драка между группой алатырских ребят и группой ям-посадских ребят и убийство одного из участников драки, фактическими организаторами и соучастниками этой дикости оказались комсомолки учащиеся» [1. Оп. 9. Д. 9. Л. 33].

С течением времени ситуация мало менялась. Так, в июне 1963 г. в пос. Вурнары группа, в которую входил 21 несовершеннолетний, совершила дерзкое хулиганство в общежитии Вурнарского зоотехникума. Они окружили

здание, стали камнями бить стекла, ворвались к спящим учащимся техникума и избили их, нанеся травмы разной степени тяжести. Руководители и активные участники этого преступления были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Среди них оказалось 8 членов ВЛКСМ, 5 учеников средней школы, 7 учеников ШРМ [4. Д. 5. Л. 16–27].

Борьба с ростом преступности среди несовершеннолетних затруднялась частыми реорганизациями в милицмейской системе. В 1953 г. были упразднены специальные подразделения по борьбе с преступностью несовершеннолетних в аппаратах уголовного розыска и подразделений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, по руководству работой детских комнат милиции в аппаратах наружной службы органов внутренних дел. Как следствие, в 1954–1959 г. основной объем работы по борьбе с преступностью несовершеннолетних лег на плечи сотрудников детских комнат милиции. Они выявляли и изымали беспризорных детей и подростков с улиц, направляли их в приемники-распределители, детские учреждения, передавали в следственные органы в установленных случаях, возвращали родителям.

В 1961 г. борьба с преступностью несовершеннолетних и детской безнадзорностью вновь была возложена на аппараты уголовного розыска с подчинением им детских комнат милиции. На местах при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся были созданы комиссии по делам несовершеннолетних.

В 1962 г. были созданы детские комнаты милиции на общественных началах. Данное решение было принято и реализовано в процессе активного продвижения в жизнь идеи о привлечении общественности к охране правопорядка как альтернативы органам внутренних дел.

В 1963–1964 г. в аппаратах уголовного розыска, дорожных отделов и управлений милиции городов были образованы специальные отделения (группы) по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, а в низовых органах милиции были выделены специальные оперативные работники по делам несовершеннолетних.

В условиях роста преступности несовершеннолетних перед органами милиции Чувашии была поставлена задача мобилизовать все свои силы на борьбу с ней. 28 июня 1961 г. Совет Министров Чувашской АССР, рассмотрев представления МВД и Прокуратуры Чувашской АССР «О серьезных недостатках по воспитанию детей и подростков и состоянии борьбы с правонарушениями среди несовершеннолетних», принял развернутое постановление. В ходе его реализации в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью приняли активное участие 515 комсомольцев, 622 дружинников, 137 педагогов, 696 родителей, 379 представителей общественности. Ими было задержано и доставлено в детские комнаты и в учреждения милиции 11 беспризорных, 5 заблудившихся, 2 подкинутых, 854 безнадзорных детей, в том числе: учащиеся школ ФЗО и ремесленных училищ, строительных школ – 1, учащиеся школ Министерства просвещения Чувашской АССР – 788, бросившие учебу – 43, работающие – 37, бежавшие из школ-интернатов и детских домов – 10, дошкольного возраста – 51, не учащиеся и не работающие – 26 детей. Они были задержаны по следующим причинам: за совершение преступлений и проступков (62 чел.), за озорство (413 чел.), за нищенство (4 чел.), за уличную торговлю (7 чел.), за уход из дома (87 чел.), за нарушение правил пользования транспортом (10 чел.), за бродяжничество (42 чел.) [4. Д. 14. Л. 17, 19].

Благодаря совместным усилиям работников милиции и представителей общественности за второе полугодие 1961 г. было трудоустроено 44 несовершеннолетних, возвращено в школы – 12, направлено в детские воспитатель-

ные колонии – 15, направлены в детские учреждения – 15, направлено в школы ФЗО и ремесленные училища – 4, устроены в школы-интернаты – 4, возвращены родителям – 424, переданы в следственные органы – 11, переданы в детские приемники-распределители – 88 несовершеннолетних. При этом было привлечено родителей к административной ответственности – 120 человек, рассмотрено в товарищеских судах – 32, обсуждены в коллективе по месту работы – 47, обсуждены на родительских и комсомольских собраниях – 38, обсуждены на педагогических советах школ – 14, предупреждены с вызовом в органы милиции – 327, предупреждено без вызова в органы милиции – 40 человек, а также были посланы соответствующие сообщения в школы Министерства просвещения Чувашской АССР – 148, в городские и районные отделы образования – 58, в Министерство просвещения Чувашской АССР – 3, по месту работы родителей – 198, в советские, партийные, комсомольские и общественные организации – 95, в детские колонии МВД – 3, в школы ФЗО и ремесленные училища – 2 [4. Д. 14. Л. 26].

Таким образом, в Чувашии во второй половине 50-х – первой половине 60-х гг. XX в. детская и подростковая преступность имела тенденцию к росту в силу ряда социально-экономических, общественно-политических и организационно-управленческих причин. Несмотря на все предпринятые усилия, местные органы милиции не смогли переломить негативную тенденцию, но, вместе с тем, сумели не допустить скачкообразной динамики роста преступности несовершеннолетних.

Литература и источники

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 6. Оп. 8. Д. 619.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 203. Оп. 24. Д. 1382.
3. Информационный центр Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (далее – ИЦ МВД по ЧР). Ф. 102. Оп. 1.
4. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 121. Оп. 1.
5. Юзиханова Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 82–87.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 6. Opis' 8. Delo 619* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 6. Anagraph 8. Document 619].
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 203. Opis' 24. Delo 1382* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 203. Anagraph 24. Document 1382].
3. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoi Respublike. Fond 102. Opis'1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archives 107. Anagraph 1].
4. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoi Respublike. Fond 121. Opis'1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archives 121. Anagraph 1].
5. Yuzikhanova E.G. *Statisticheskie pokazateli i tendentsii prestupnosti nesovershennoletnikh v noveishei Rossii* [Statistical indicators and trends in juvenile crime in modern Russia]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Jurisprudence and law enforcement practices]. 2014, no. 4(30), pp. 82–87.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Ivanov.N.V58@mail.ru).

IVANOV NIKOLAY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА. См. с. 14.

УДК 314.335.2(09)(470)
ББК С73(2)6-4

Н.А. КАЗАКОВ, О.Н. ШИРОКОВ

**«ПОЗИТИВНАЯ» СТОРОНА
РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ:
ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТЕКУЩЕЙ СТАТИСТИКИ
ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ СРАВНЕНИЙ**

Ключевые слова: «позитивная» сторона репродуктивного поведения, пространственно-временные сравнения, текущая статистика, коэффициенты самопроизвольных абортс и абортс по медицинским показаниям, мертворождений, коэффициент действий, направленных на рождение.

«Позитивную» сторону репродуктивного поведения составляют действия, направленные на рождение ребёнка вне зависимости от их успешности. Основными показателями, характеризующими данную сторону репродуктивного поведения, позволяющими проводить пространственно-временные сравнения, сведения о которых или для расчёта которых предоставляет текущая статистика, являются различные коэффициенты рождаемости, самопроизвольных абортс и абортс по медицинским показаниям, мертворождений и коэффициент действий, направленных на рождение. Они могут быть дополнены специальным коэффициентом брачности для населения репродуктивного возраста.

N. KAZAKOV, O. SHIROKOV

**«POSITIVE» SIDE OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE POPULATION:
MAJOR INDICATORS OF CURRENT STATISTICS FOR SPATIAL
AND TEMPORAL COMPARISONS**

Key words: «positive» side of the reproductive behavior, spatial and temporal comparisons, current statistics, rate of miscarriages, therapeutic abortions, and stillbirths, as well as of actions aimed at sustaining births.

A «positive» side of the reproductive behavior means actions aimed at sustaining the birth of a child notwithstanding if it is successful or not. The main indicators of the reproductive behavior of this side include the rates of births, miscarriages, therapeutic abortions, and stillbirths, as well as of actions aimed at sustaining births; which can also include the rate of marriages between people of reproductive age. These indicators allow carrying out spatial and temporal comparisons based on current statistics, which provide data for such comparisons and their calculation.

Цель исследования. Репродуктивное поведение населения стремятся изучать, основываясь на данных как текущей статистики, так и социологических опросов. Часто в исследованиях превалирует метод опроса [3. С. 5], несмотря на исключительно высокую сложность и стоимость организации сбора информации данным методом для получения репрезентативных данных о репродуктивном поведении населения. Ещё одним недостатком опроса является, как правило, излишний акцент на выявление мнения людей, а не их поступков. Кроме того, метод опроса не применим при изучении изменений в репродуктивном поведении населения во времени. В данном случае изучение репродуктивного поведения населения вынуждено будет основываться в первую очередь на исследовании завершённых действий людей (поступков), фиксированных текущей статистикой.

Методы и результаты исследования. В репродуктивном поведении выделяют две стороны: действия, направленные на рождение ребёнка, и действия, направленные на предотвращение рождения ребёнка [2. С. 384]. Первая система действий является «позитивной», а вторая – «негативной» стороной репродуктивного поведения населения [1. С. 192].

«Позитивную» сторону репродуктивного поведения составляют действия, направленные на рождение ребёнка вне зависимости от их успешности: завершились ли они рождением живого ребёнка, мертворождением или прерыванием беременности, случившимся против воли женщины. Так как при изу-

чении репродуктивного поведения населения важно учесть именно устремлённость действий людей.

Для измерения процесса деторождения в населении – рождаемости, показывающей успешную составляющую «позитивной» стороны репродуктивного поведения населения, используется хорошо известная система показателей. В неё входят такие показатели, как абсолютное число рождений (число живорождений), общий (грубый) коэффициент рождаемости, специальный, частные (в том числе возрастные) и суммарный коэффициенты рождаемости.

К сожалению, не всегда беременность завершается рождением живого ребёнка, несмотря на все старания матери и её окружения. Отразить неблагоприятную составляющую «позитивной» стороны репродуктивного поведения населения могут коэффициент самопроизвольных аборт и аборт по медицинским показаниям*:

$$ab^{c.m} = \frac{Ab^{c.m}}{W_{15-49}T} 1000 \text{ ‰}, \quad (1)$$

а также коэффициент мертворождений:

$$sB = \frac{N^M}{W_{15-49}T} 1000 \text{ ‰}, \quad (2)$$

где $ab^{c.m}$ – коэффициент самопроизвольных аборт и аборт по медицинским показаниям; sB – коэффициент мертворождений; $Ab^{c.m}$ – абсолютное число самопроизвольных аборт и аборт по медицинским показаниям за период T ; N^M – абсолютное число мертворождений за период T ; W_{15-49} – средняя численность женщин репродуктивного возраста. Данные коэффициенты могут быть рассчитаны не только для всех женщин репродуктивного возраста, но и для отдельных возрастных групп, на основе возрастных коэффициентов получены суммарные коэффициенты.

Следует отметить, что более точными будут являться коэффициенты самопроизвольных аборт и мертворождений, рассчитанные относительно не всех женщин репродуктивного возраста, а в отношении именно беременных женщин. Но рассчитанные таким образом коэффициенты неудобны при последующем обобщении или сопоставлении с другими показателями, характеризующими как «негативную», так и «позитивную» стороны репродуктивного поведения населения. В частности, их будет трудно сопоставить со специальным коэффициентом рождаемости, при расчёте которого учитываются все женщины репродуктивного возраста.

При оценке «позитивной» стороны репродуктивного поведения населения в целом коэффициент самопроизвольных аборт и аборт по медицинским показаниям и коэффициент мертворождений не будут противостоять специальному коэффициенту рождаемости, а совместно с ним составят коэффициент действий, направленных на рождение:

$$K_{д.н.н.р} = \frac{N^{ж} + N^M + Ab^{c.m}}{W_{15-49}T} 1000 \text{ ‰}, \quad (3)$$

где $K_{д.н.н.р}$ – коэффициент действий, направленных на рождение; $N^{ж}$ – абсолютное число рождений за период T ; $Ab^{c.m}$ – абсолютное число самопроизвольных аборт и аборт по медицинским показаниям за период T ; N^M – абсолютное число мертворождений за период T ; W_{15-49} – средняя числен-

* Основные показатели здоровья матери и ребёнка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации. М.: Министерство здравоохранения Российской Федерации; ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения», 2011–2014.

ность женщин репродуктивного возраста. В Российской Федерации интенсивность действий женщин репродуктивного возраста, направленных на рождение ребёнка, возросла с 2005 г. почти в 1,5 раза (табл. 1).

Таблица 1

**Изменение величины коэффициента действий, направленных
на рождение ребёнка в Российской Федерации
(на 1000 женщин репродуктивного возраста)**

Коэффициент	Годы								T_p 2005–2013
	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
$K_{д.н.р.}$	42,15	46,76	49,89	51,76	53,02	54,01	58,93	61,71	146,4%

К «позитивной» стороне репродуктивного поведения следует отнести также действия, направленные на повышение возможности зачатия (оплодотворения). Текущая медицинская статистика даёт сведения об абсолютных и относительных значениях по женскому и мужскому бесплодию. Расчёт относительных показателей по заболеваемости женским и мужским бесплодием проводится по следующим формулам:

$$inF^F = \frac{INF^F}{P_{18-49}^F} 10\,000, \quad (4)$$

$$inF^M = \frac{INF^M}{P_{18-59}^M} 10\,000, \quad (5)$$

где inF^F , inF^M – коэффициенты заболеваемости женским и мужским бесплодием, соответственно; INF^F , INF^M – абсолютное число зарегистрированных больных женским и мужским бесплодием, соответственно; P_{18-49}^F , P_{18-59}^M – численность женщин возраста 18–49 лет и мужчин возраста 18–59 лет*, соответственно.

Обращение к врачу с проблемой бесплодия, как правило, говорит о желании её преодолеть, устранить это значительное препятствие на пути к рождению ребёнка, т.е. совокупность данных действий можно рассматривать как одно из проявлений положительной стороны репродуктивного поведения населения. Но использовать данные показатели при проведении пространственно-временных сравнений репродуктивного поведения (тем более без стандартизации) было бы большой смелостью. Пространственно-временные различия в значениях относительных (тем более абсолютных) показателей заболеваемости женским и мужским бесплодием лишь в незначительной степени отражают пространственно-временные различия в желании людей обзавестись детьми. Перед нами показатели заболеваемости, величины которых обусловлены главным образом факторами, не связанными с пространственно-временными различиями в проявлении воли людей.

Если видеть в браке условие для рождения детей (как это делают многие демографы), то для характеристики репродуктивного поведения населения, его положительной стороны могут быть использованы и показатели брачности (абсолютное число браков, общий (грубый) коэффициент брачности, специальные, частные (в том числе возрастные) и суммарный коэффициенты брачности).

Для оценки репродуктивного поведения населения большее значение имеют показатели брачности, рассчитанные для возрастных групп, в которых рождение детей у супругов не встретит существенных затруднений – это группа возрастных коэффициентов брачности, ограниченная у женщин возрастом

* Общая заболеваемость взрослого населения России. М.: Министерство здравоохранения Российской Федерации; ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения», 2011–2014.

44 или 49 лет, у мужчин, скорее всего, возрастом 54 или 59 лет. На основе данных возрастных коэффициентов может быть рассчитан суммарный коэффициент брачности в репродуктивном возрасте. Конечно, следовало бы исчислять коэффициенты брачности, ориентируясь не на вступивших в брак лиц того или иного пола, а на сами браки, образовавшиеся семейные пары, в которых оба «молодожёна» находятся в репродуктивном возрасте:

$$b_{p.v}^C = \frac{B_{p.v}}{M_{p.v}^C + W_{p.v}^C} 1000 \%, \quad (6)$$

где $b_{p.v}^C$ – специальный коэффициент брачности для населения репродуктивного возраста; $B_{p.v}$ – число браков, в которых оба «молодожёна» находятся в репродуктивном возрасте; $M_{p.v}^C$ – среднегодовая численность мужчин репродуктивного возраста, не состоящих в браке; $W_{p.v}^C$ – среднегодовая численность женщин репродуктивного возраста, не состоящих в браке.

К сожалению, текущая статистика не всегда предоставляет данные о структуре заключаемых браков по возрасту обоих супругов, да и сведения о брачной структуре населения, как правило, привязаны к переписям населения, поэтому нахождение коэффициента брачности, характеризующего интенсивность образования брачных пар у людей в репродуктивном возрасте, может встретить затруднения. Для обществ, в которых расторжение брака является довольно частым, не очень сложным, с морально-правовой точки зрения, актом (где распространены незарегистрированные браки), допустимо использовать вместо значений среднегодовых численностей мужчин, женщин репродуктивного возраста, не состоящих в браке, просто значения среднегодовых численностей мужчин, женщин репродуктивного возраста. В современной России интенсивность заключения браков в репродуктивном возрасте ниже, чем в СССР, но имеет в последние годы тенденции к росту (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение величины специального коэффициента брачности для населения репродуктивного возраста в СССР и Российской Федерации (на 1000 мужчин и женщин репродуктивного возраста)

Коэффициент	СССР		Российская Федерация	
	1989 г.		2012 г.	2013 г.
$b_{p.v}^C$	17,36		14,78	15,01

Выводы. Таким образом, основными показателями для характеристики различных сторон «позитивного репродуктивного поведения» и «позитивного репродуктивного поведения» в целом, позволяющими проводить пространственно-временные сравнения, сведения о которых или для расчёта которых предоставляет текущая статистика, являются различные коэффициенты рождаемости, самопроизвольных аборт и аборт по медицинским показаниям, мертворождений и коэффициент действий, направленных на рождение. Они могут быть дополнены специальным коэффициентом брачности для населения репродуктивного возраста.

Литература

1. Медков В.М. Демография. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 448 с.
2. Народонаселение: энцикл. словарь. М.: БРЭ, 1994. 640 с.
3. Репродуктивное здоровье населения России: Резюме отчёта. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2012. 58 с.

References

1. Medkov V.M. *Demografiya* [Demography]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2002, 448 p.
2. *Narodonaselenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Population. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1994, 640 p.
3. *Reproduktivnoe zdorov'e naseleniya Rossii: Rezyume otcheta* [Reproductive health. Summary report]. Moscow, 2012, 58 p.

КАЗАКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kzkv75@mail.ru).

KAZAKOV NIKOLAI – Candidate of Geographical Sciences, Head of Economic and Social Geography Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, декан историко-географического факультета, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of History and Geography Faculty, Department of Foreign Countries History and Culture, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 94:329.8(47.13)
ББК 63.3(6Коми)

Н.В. КИРОСОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КОМИ АВТОНОМИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Ключевые слова: региональная политическая элита, руководящий состав, областные партийные конференции, социальный портрет, история Коми автономии.

Предложены результаты исследования региональной политической элиты Коми автономии в 1920–1930-е гг. К элитарным группам отнесены секретари Коми обкома РКП(б) – ВКП(б), председатели областного исполнительного комитета и их заместители, заведующие отделами обкома партии и инструкторы, заведующие (их заместители) областным отделом народного образования, областным бюджетно-финансовым отделом и областным земельным управлением, руководители ОКК – РКИ. Дана их социальная характеристика по следующим признакам: пол, национальность, социальное положение и образование. В качестве источников выбраны анкеты и регистрационные списки делегатов Коми областных партийных конференций.

N. KIROSOVA

SOCIAL PORTRAIT OF THE POLITICAL ELITE OF THE KOMI AUTONOMY IN 1920–1930-ies

Key words: regional political elite, managerial personnel, regional party conferences, social portrait, history of the Komi Autonomy.

The article proposes the results of the analysis of the regional political elite of the Komi Autonomy in 1920–1930-ies. The elite groups consist of the Secretaries of the Komi Regional Committee RCP(b) – AUCP(b), the Chairmen of the regional Executive Committee and their deputies, the departmental managers of the regional party Committee and trainers, the managers (and their deputies) of the regional Department of Public Education, the regional Finance Division and regional Land Office, heads the OCC-RCI. Also their social characteristics on the basis of gender, nationality, social status and education include in the article. Forms and registration lists of delegates of the Komi regional party conferences are selected as the sources.

Современное состояние государства напрямую зависит от его исторического прошлого. Важнейшим этапом в политической истории нашей страны являются 1920–1930-е гг. В этот период закладывались основы системы государственного управления на всех уровнях, шёл процесс становления и формирования властных структур, особого типа федерации, обоснованного

спецификой российской государственности [3. С. 31]. Отдельных комплексных исследований заслуживают проблемы территориального управления. В этой связи актуальным становится изучение региональной политической элиты как субъекта подготовки и принятия стратегических для своей территории решений.

Элита могла реализовать свои властные полномочия через такой политический институт, как партийные конференции (съезды) – высший орган партийно-государственного управления. Безусловно, одним из критериев элитарности являлось членство в РКП(б) – ВКП(б). Вместе с тем в статье принята попытка проанализировать состав политической элиты Коми автономной области – Коми АССР в 1920–1930-е гг. через её социальные характеристики, что при дальнейшем изучении позволит проследить её изменения.

Если определить политическую элиту как группу людей, причастную к принятию решений, то в нашем случае к ней могут быть отнесены секретари Коми обкома РКП(б) – ВКП(б), председатели областного исполнительного комитета и их заместители, заведующие отделами обкома партии и инструкторы, заведующие (их заместители) областным отделом народного образования, областным бюджетно-финансовым отделом, областным земельным управлением, руководители ОКК – РКИ.

В качестве основных источников определены анкеты и регистрационные списки делегатов партийных форумов как документы, впервые вводимые в научный оборот при изучении истории Коми автономии. Несмотря на то, что в них зафиксирована информация по многим показателям, в целом сведения об участниках областных партконференций носят фрагментарный характер. Наиболее полно представлены сведения о поле, национальности, социальном положении и образовании делегатов, что позволяет дать общую характеристику представителям политической элиты региона и создать их социальный портрет.

С момента образования в 1921 г. Коми областной партийной организации и до начала Великой Отечественной войны состоялось семнадцать Коми областных партийных конференций. Система организации и проведения высшего регионального органа управления в целом соответствовала требованиям партийного Устава (периодичность, нормы представительства и др.). На конференциях не только рассматривались внутрипартийные вопросы, но и ставились задачи социально-политического и экономического развития региона.

Фактически весь руководящий состав Коми автономии принимал участие в работе партийных форумов. Среди делегатов больше всего было выявлено членов областных партийного аппарата и партийно-советских структур (контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция). Нами подсчитано, что делегаты, относящиеся к данным группам, в среднем составляли около 28% от общего состава представителей региональной политической элиты. Это является очередным доказательством того, что партийные органы брали на себя многие функции Советов и возвышались над системой государственного управления.

Что касается представителей органов исполнительной власти, то на партконференциях в 1920–1930-е гг. всегда присутствовали председатель облисполкома и (или) его заместитель. Кроме того, в состав делегатского корпуса периодически входили заведующие областными отделами народного образования, финансов, труда, начальники областного земельного управления, а также председатели областного совета профсоюзов и союза кооперативов.

По социальной принадлежности наибольшую часть политического руководства представляли крестьяне и служащие. Из произведённых подсчётов следует, что доля крестьян в среднем составляла от 30% до 65%. В динамике картина выглядит следующим образом: если в 1920-е гг. крестьянами являлись более половины участников высших партийных форумов автономии, то в 1930-е гг. их число сокращается, насчитывая к концу десятилетия лишь около трети. Удельный вес служащих на всем протяжении изучаемого периода оставался достаточно высоким – в среднем от 30% до 45%, а численность делегатов из рабочей среды никогда не превышала 25%.

Образовательный уровень руководства Коми автономии в целом мало отличался от уровня рядовых членов областной парторганизации: практически две трети имели начальное образование, около четверти – среднее, а имевших высшее образование в разные годы было от 1% до 3%.

По произведённым подсчётам становится явным и то, что среди руководящего состава примерно две трети относилось к коми, к русским – от 15% до 35%, другим национальным группам (в основном белорусам, украинцам, евреям) – в разные годы от 2% до 6%.

Выявленные при исследовании сведения соотносятся с общими тенденциями в социальных характеристиках не только населения в целом, но и членов Коми областной партийной организации. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., на территории региона проживало 72,5% коми и 22,0% русских [1. С. 5]. Основную массу коммунистов также составляли коми (на начало 1921 г. – 88,4%, на начало 1930 г. – 82,3%, в 1937 г. – 76,7%) [2. С. 42]. Кроме того, из-за отсутствия развитой промышленности практически всё население автономии было крестьянским, и большинство коммунистов тоже являлись выходцами из крестьянской среды (67,5% в 1925 г., 43,4% в 1940 г.) [2. С. 29]. Образовательный уровень жителей региона можно обозначить как начальный. Половина членов областной парторганизации имела начальное образование [2. С. 33].

Дадим более детальную характеристику отдельным группам руководящего состава Коми автономии за указанный период (всего 125 человек, из них 12 женщин).

Анализ персональных данных секретарей обкома партии (11 человек) показал, что в большинстве своём они являлись русскими. В данной группе высшего состава регионального управления выявлена тенденция назначения на партийную должность руководителей извне. В 1920–1930-е гг. ротация кадров происходила повсеместно и не могла не затронуть территорию Коми автономии. Система подбора и расстановки кадров строилась на принципе продвижения «нужных», в том числе, и в региональные партийные структуры.

По социальному положению партийные лидеры в основном происходили из рабочих и крестьян (по 4 человека), остальные – из служащих (3 человека). Образовательный уровень руководителей обкома партии в целом был невысоким, более половины из них имели начальное образование. Более того, за исследуемый период ни у одного из них не зафиксированы какие-либо изменения.

Также в работе Коми партконференций принимали участие заведующие отделами обкома (40 человек) и инструкторы (23 человека). Чаще других на них присутствовали заведующие организационным отделом. Заведующие агитационно-пропагандистским отделом и женотделом являлись постоянными участниками партийных форумов 1920-х гг. В 1930-е гг. в связи с измене-

ниями организационной структуры Коми обкома партии в регистрационных списках были обнаружены фамилии руководителей и других его отделов.

Среди заведующих орготделами коми и русских выявлено равное число. Большинство заведующих агитпропотделом и все возглавлявшие с 1922 г. по 1932 г. женотдел относились к коренному народу. Подавляющее большинство заведующих отделами обкома по своему социальному положению принадлежали к крестьянской среде. Более 80% руководителей организационного и агитационно-пропагандистского отделов обкома партии получили начальное образование, в то же время трое из пяти руководителей, возглавлявших женотдел, – среднее.

Схожий социальный портрет имели и инструкторы Коми обкома. Анализ их персональных данных показал, что подавляющее большинство (более 90%) были коми. Более половины являлись крестьянами, четверть из данной группы – служащими, и лишь один представитель политической элиты принадлежал к рабочему классу. Все получили в основном начальное образование, около трети – среднее и один человек – высшее.

В состав политической элиты Коми автономии входили и те, кто относился к руководителям государственного органа управления – областного исполнительного комитета, их заместителям, начальникам отделов облисполкома, областных управлений и др.

Однако в отличие от секретарей обкома партии все председатели Коми облисполкома (9 человек) происходили из коми. Более половины его председателей по социальному положению являлись служащими, в то время как секретари обкома – менее трети. Большинство руководителей облисполкома имели среднее образование (44%) и около трети – начальное. Так же как и секретари обкома партии, председатели облисполкома, возглавлявшие его во второй половине 1930-х гг., были с высшим образованием (2 человека).

Социальный портрет заместителей председателя Коми облисполкома (9 человек) в целом не отличается от социального портрета руководителя государственного органа власти. Это был тот, кто являлся коми по национальности, относился к категории служащих и имел среднее образование.

В исследуемый период чаще других в работе партийных форумов принимали участие заведующие (их заместители) областным отделом народного образования, областным бюджетно-финансовым отделом и областным земельным управлением (13 человек).

Анализ архивных документов показал, что заведующие областными отделами в основном были представителями коми населения и служащими по своему социальному положению. Вместе с тем образовательные уровни руководителей областных отделов отличаются друг от друга. За весь исследуемый период только заведующие областным отделом народного образования имели образование не ниже среднего. Две трети руководителей финотдела и земельного управления в анкетах участников партийных форумов указали начальное образование.

Среди руководителей ОКК – РКИ (8 человек) служащих и крестьян было фактически равное количество. Половина представителей данного органа управления имела начальное или среднее образование. При изучении архивных документов не выявлено ни одного человека с высшим образованием.

Отдельного внимания заслуживает изучение социального портрета представителей политической элиты по признаку «пол». Так, женщины никогда не возглавляли Коми обком партии и облисполком. Их также не было и

среди заместителей высшего руководства Коми автономии. Вместе с тем в разные годы на должность заведующего отделом обкома (в основном женотделом) назначались женщины (8 человек), тогда как они не являлись руководителями отделов областных государственных структур. За исследуемый период в качестве инструкторов обкома партии четыре коммунистки принимали участие в работе областных партконференций. Все они были представительницами коми населения. В целом служащих и крестьянок выявлено равное количество, однако среди заведующих отделами обкома партии крестьянок насчитывается только четверть. Две трети женщин имели среднее образование, а одна из заведующих отделом обкома партии – высшее.

Таким образом, изучение социальных характеристик региональной политической элиты позволяет выявить определённые тенденции. Например, рекрутирование кадров в областной партийный и государственный аппараты в большей степени происходило из местного населения, но высшее партийное руководство Коми автономии формировалось также и извне. Руководителей области никогда не представляли женщины. В государственных органах управления наблюдается больше тех, кто по социальному положению относился к служащим, в то время как партийная элита в основном была сформирована из крестьянской среды. Образовательный уровень председателей облисполкома и их заместителей был выше, чем у секретарей обкома. Кроме того, все заведующие областным отделом народного образования, в отличие от других, имели образование не ниже среднего, что представляется вполне закономерным.

Сформированный в результате анализа архивных документов социальный портрет политической элиты поможет лучше понять механизмы становления и развития всей системы управленческих кадров Коми автономии в 1920–1930-е гг.

Литература

1. Коми АССР – 60 лет: стат. сб. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 104 с.
2. Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976: стат. сб. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 95 с.
3. Минеева Е.К. Федеративное устройство Республики Советов и определение территориальных границ автономных образований в 20–30-е годы XX века (на материалах мари, мордвы, чувашей) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 30–44.

References

1. *Komi ASSR – 60 let: stat. sb.* [Komi ASSR – 60 years: statistical book]. Syktyvkar, Komi Publishing House, 1981, 104 p.
2. *Komi oblastnaya organizatsiya KPSS v tsifrah. 1921–1977: stat. sb.* [Komi regional organization of the Communist Party in numbers. 1921–1976: statistical book]. Syktyvkar, Komi Publishing House, 1977, 95 p.
3. Mineeva E.K. *Federativnoe ustroistvo Respubliki Sovetov i opredelenie territorial'nykh granits avtonomnykh obrazovaniy v 20–30-e gody XX veka (na materialakh mari, mordvy, chuvashei)* [The federal system of the Republic of the Soviets and the definition of the territorial boundaries of autonomous entities in the 20–30-ies of XX century (on materials of the Mari, Mordva, Chuvash)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 30–44.

КИРОСОВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры документо-ведения, архивоведения и прикладной лингвистики, Коми республиканская академия государственной службы и управления, Россия, Сыктывкар (knata2409@yandex.ru).

KIROSOVA NATALIA – Assistant Professor, Department of Records Management, Archival Science and Applied Linguistics, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia.

УДК 390.930.9(471.34)
ББК Т500 г(2)

О.Н. КОРШУНОВА, А.В. КАРПОВ

ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: миссионерство, монастыри, Среднее Поволжье, Казанский край, историческая память.

Одним из важных секторов общественного сознания выступает историческая память. Статья посвящена одной из страниц истории миссионерства в Среднем Поволжье. Проанализировано соотношение социального и конфессионального начал в формировании исторической памяти народов в контексте истории христианского просвещения нерусских народов, в частности, чувашей. Рассмотрены особенности изучения межконфессиональных отношений в Среднем Поволжье. Авторы уделяют внимание преимущественно начальному этапу христианского просвещения. Они относят миссионерство к числу важных факторов конфессиональной политики в Среднем Поволжье. Авторы делают следующие выводы: 1) блок факторов, влияющих на историческую память о межэтнических и конфессиональных отношениях, включает в себя оценку и восприятие важных событий истории сосуществования разных народов; 2) проблема миссионерского просвещения в Среднем Поволжье вписывается в контекст многопланового взаимодействия культур представителей разной конфессиональной принадлежности; 3) процесс оформления этнических доминант народов Поволжья протекал в условиях полиэтничности, что влияло на стереотипы восприятия мира; 4) политизация истории конфессиональных отношений стала явственной и ощутимой после распада Советского Союза.

O. KORSHUNOVA, A. KARPOV
CHRISTIAN EDUCATION OF PEOPLES LIVING IN MIDDLE VOLGA REGION
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

Key words: missionary, monasteries, Middle Volga Region, Kazan Region, historical memory.

One of the segments of the social consciousness is related to historical memory. The issue is devoted to one of the pages of the history of missionary work in the Middle Volga Region. The authors analyze the ratio between social and religious principles underlying the process of shaping historical memory of the peoples in the context of the history of Christian enlightenment of non-Russian peoples, in particular, the Chuvash people. They also define the peculiarities of the research into the interdenominational relations in the Middle Volga Region. Attention is predominantly paid to the initial stage of Christian enlightenment. The authors regard missionary work as one of the important factors of religious policy conducted in the Middle Volga Region. The authors make the following conclusions: 1) a block of factors influencing the historical memory of interethnic and interdenominational relations includes assessment and perception of important historical events in the frame of coexistence of different nations; 2) the problem of missionary education in the Middle Volga Region fits into the frame of multifaceted interaction between cultures representing peoples of different religious denominations; 3) the process of forming the dominant ethnicities of peoples living in the Volga Region took place in a polyethnic environment, which affected the stereotypes of the world perception; 4) the politicization of history of the interdenominational relations became obvious and distinct after the collapse of the Soviet Union.

Историческая память выступает составным элементом коллективной идентичности, и общественное сознание исторично не только по причине своей изменчивости с течением времени, но и потому, что определенной своей стороной оно погружено в историю. В зарубежной историографии в конце прошлого века сформировались целые школы исследователей исторической памяти. Для их представителей главным предметом истории является не событие прошлого, а его образ и память о нем, транслируемая и реконструируемая на протяжении поколений [16. С. 302–303]. Изучение особенностей исторической памяти народов России требует анализа эволюции межконфессиональных отношений как важного фактора формирования исторических образов. Исследо-

ватели, отмечая важность роли этнических процессов во всемирной истории, указывают, что, с одной стороны, полиэтничность государств является фактором, ослабляющим их целостность перед лицом «исторической стихии». С другой стороны, «многообразие и разнообразие объективно составляют существенный внутренний ресурс поддержки устойчивости системы» и возможностей ее развития. Общество в этой связи не исключение [14. С. 63].

После событий 1552 г. в Среднем Поволжье главным конфликтогенным фактором стало противостояние культур с православно-христианскими и мусульманскими корнями. Тема историко-культурных аспектов отношений ислама и христианства в регионе стала на современном этапе предметом достаточно пристального интереса историков [5–7 и др.] Различные оценки истории межконфессиональных отношений в России варьируются в диапазоне от негативно-оценочных до признания методов управления многонациональной империей как в целом практико-ориентированных. Дополнительным стимулом многообразия фокусировок является дискурс диалога культур, оптика которого в эпоху глобального цивилизационного кризиса переживает своеобразный всплеск интереса к ней. Полагаем, что причиной тому служит и то, что религиозная составляющая является смыслодержущим компонентом культурного и политического развития современного российского общества. В целом исторические формы культурного и конфессионального взаимодействия обретают ныне функции моделей, соотнесение с которыми способствует оптимизации политики выхода из современных коллизий [8].

Блок факторов, влияющих на историческую память, а также на современное состояние межэтнических и конфессиональных отношений, включает в себя оценку и восприятие важных исторических событий сосуществования разных народов, прежде всего событий знакового характера. Он предполагает также учет специфики социокультурного развития взаимодействующих народов. Важность проблемы современных межконфессиональных отношений констатируется отнюдь не только в России. «Современные конфликты, которые часто коренятся или связаны со скрытыми религиозными мотивами, диктуют необходимость совершенствования механизма регулирования религиозных отношений» [9].

Констатация факта, что миф доказывает свою неизбывность, усиливает внимание исследователей к такому древнему ментальному слою, как историческое сознание, неразрывно связанное с кризисом вплоть до травматической его формы [15], преодоление которой требует обращения не столько к абстрактным понятиям и категориям, сколько к фактам. В таком контексте тема конфликтогенности ситуации встречи разных религиозных конфессий как на уровне институтов церкви, так и сознания, представляется актуальной, в частности для истории Среднего Поволжья.

Важным фактором конфессиональной политики было христианское миссионерство. Тема истории миссионерского просвещения вписывается в контекст многопланового взаимодействия культур представителей разной конфессиональной принадлежности. С момента завершения объединения Руси под властью Москвы (вторая половина XV – первая половина XVI вв.) и начала внешнеполитической экспансии на «окраинные земли» православие рассматривалось как одно из важнейших средств идеологической и политической борьбы по созданию сильного российского государства. Период правления Ивана Грозного – один из переломных в истории становления русского централизованного государства. Глубокие реформы этого периода были тесно связаны с активной внешней политикой, решение задач которой, в свою очередь, обуславливалось успехами политики централизации управления

Московией. В результате военных походов Ивана IV было присоединено Казанское и Астраханское ханства, в зависимость попали сибирский хан Едигер (1555 г.) и Большая Ногайская орда (1557 г.).

Расширение государства на Восток требовало не только хозяйственного освоения, но и политико-идеологического закрепления новых территорий. Обращение местных народов в христианство рассматривалось центральной властью как предпосылка укрепления политического господства на восточных рубежах. Одним из «инородческих» народов были чуваши, основная часть которых проживала в XVI в. в районе, образуемом рекой Волгой, средним и нижним течением Суры и Свияги, часть чувашей жила по рекам Ветлуге, Казанке и Каме [13. С. 102]. В середине XVI в. Среднее Поволжье, включая территорию компактного расселения чувашей, представляло собой своеобразный религиозный перекресток. Здесь «сошлись» три религии: христианство, язычество и ислам. Все это трудняло миссионерскую деятельность православной церкви.

Важнейшим событием истории чувашей в XVI в. явились отделение Чувашского края от Казанского ханства (1551 г.) и добровольное вхождение его в состав Русского государства. По мнению В.Д. Димитриева, «войдя в состав Российского государства, чувашский народ навеки связал свою судьбу с судьбой русского народа, сохранил себя как народность и получил возможность для прогрессивного развития» [3. С. 121]. Присоединение к Русскому государству чувашского края сопровождалось рядом существенных изменений в жизни местного населения. Началась колонизация края «путем испомещения воевод и других служилых людей, а также и монастырей; путем постройки новых городов-крепостей, кои были нужны не только для обуздания края, но и для защиты от набегов степных кочевников (ногаев и др.), от набегов, которые бывали часто даже в XVII в.». Кроме того, присоединение Казанского края к Руси имело ближайшим последствием экспроприацию значительной части чувашских земель в Свияжском и Казанском уездах [10. С. 37].

Следует отметить, что распространение и утверждение христианства в Среднем Поволжье имеют многовековую историю. Элементы христианской религии были известны народам региона еще в IX–XV вв. Как свидетельствуют письменные источники и археологические материалы, среди населения Булгарского государства было немало православных русских торговцев, пленников, беглых крестьян, а также служителей христианской религии [2. С. 160; 18. С. 3].

Однако вплоть до присоединения территории Казанского ханства официальная власть не ставила вопроса о христианизации в практическую плоскость. С окончанием военных действий религиозный мотив становится ключевым и был прямо связан с провозглашением программы христианизации нерусских народов присоединенного края. Эту программу Иван Грозный изложил в речи, обращенной к митрополиту и Священному Собору в начале 1553 г.: «И ныне вам челом Бюю, чтоб есте пожаловали, потщалися молитвою к богу о нашем согрешении и о строении земском, чтобы вашими святыми молитвами милосердный Бог нам милость свою послал и порученную нам паству православных христиан... снабдел в всяким благоверии и чистоте, и наставил бы нас на путь спасения,... и новопросвещенный град Казаньской, по воли его святой данный нам, сохранил во имя святое свое и утвердил бы в нем благоверие, истинный закон христианской, и неверных бы обратил ко истинному христианскому закону...» [12. С. 27].

Важную роль в процессе решения государственно-церковной задачи христианизации народов Казанской земли правительство отводило организации соответствующей инфраструктуры. Дело первых святителей казанских, вклю-

чая самого Ивана Грозного, состояло в основании в крае миссионерства. Территория Казанского края воспринималась церковью в качестве основной экспериментальной базы для апробации форм и методов миссионерской работы, которые в последующем широко использовались при распространении православия на восточных окраинах Российского государства и за его пределами. Главную силу в миссионерском просвещении иноверческого населения составляли архиепископский дом и основанные здесь монастыри. Энергично содействовала миссионерству также «наместничья – воеводская власть». Центром миссионерства стала Казань, где в 1555 г. была учреждена отдельная епархия, уже к концу XVI в. превратившаяся в одну из ведущих епархий Русской православной церкви.

За идейно-теологическими сюжетами скрывалась мощная социально-экономическая составляющая. Активная колонизаторская и миссионерская деятельность казанского архиепископа вознаграждалась крупными пожалованиями. Уже десятилетие спустя после основания казанский архиерейский дом оказался в числе крупнейших феодалов. Его земельные владения, бортные угодья тянулись от Казани до Камского Устья, располагались по рекам Волге, Каме, Казанке, Меше и др. Помимо этого, казанский архиерей за усердие в миссионерской деятельности получал щедрое жалованье деньгами и натурой, ему предоставлялись различные льготы для торговли и промыслов, право сбора пошлин с торговых людей [2. С. 165–166; 12. С. 30–32].

Непременными участниками колонизации новых земель были монастыри. Еще задолго до присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству наряду с городами-крепостями на территории края появились такие обширные монастыри, как Благовещенский, Нижегородский, Печерский, Макарьевский Желтоводский и другие. «За молитвы и христианскую службу» монастыри получают из рук русских государей огромные земельные владения и рыболовные угодья, бортные урожаи (лесные пасеки), бобровые гоны, раньше принадлежавшие нерусским крестьянам Поволжья – чувашам, марийцам, мордве. Колонизаторская деятельность монастырей коснулась и территории, заселенной чувашами. Помимо названных в захвате земель чувашских крестьян в XVI в. участвовали Свияжский Успенский (основан в 1552 г.), Казанский Зилантов (1552 г.), Казанский Спасо-Преображенский (1556 г.), Чебоксарский Троицкий (1556 г.) монастыри и др. [2. С. 162, 167; 12. С. 33]. Названные монастыри играли роль опорных пунктов миссионерской деятельности в крае.

Первым архиепископом Казани стал Гурий (1555–1564 гг.) – видный церковный деятель своего времени. XVI в. Покидая Москву 26 мая 1555 г., Гурий увозил с собой царскую память (инструкцию) о своей компетенции как владыки епархии. Соответственно «наказной памяти», казанский архипастырь должен был объединить все христианские элементы завоеванного края и следить за нравственностью русских людей: наместника, воеводы, бояр, служилых и черных людей, чтобы все русское население Казанского края могло служить примером для местных инородцев. Лично архипастырь должен был с любовью относиться к «инородцам», входить в их нужды и, по мере возможности, удовлетворять последние: располагать их к принятию христианства, утверждать новокрещёных; следить за тем, чтобы духовенство, и черное, и белое, занималось просвещением инородцев [13. С. 102].

Хотя в наказах Гурию и содержались советы проводить христианизацию по преимуществу мирными средствами, практика была от этого весьма далека. Обман и применение военной силы [2. С. 164] порождали острое недовольство местного населения, проявившееся в повседневной борьбе татар-

ских, мордовских, чувашских и марийских крестьян с появившимися на их земле монастырями и в их участии в крестьянской войне под предводительством Ивана Болотникова [17. С. 131].

Надо признать, что изучение истории начального этапа христианизации чувашей, мари, мордвы, удмуртов сопряжено с большими трудностями: в отличие от источников XVII в. источники предыдущего периода дают весьма неопределенные, обобщенные сведения, не касаясь ни числа людей, приходивших к крещению, ни местности с указанием народа, где проводилось крещение. В отдельных работах указывается, что при архиепископах Гурии и Германе были крещены несколько тысяч магометан и язычников.

Активно начавшееся миссионерство при архиепископе Гурии не получило продолжения в таком режиме при его преемниках Лаврентии I (1566–1574 г.), Вассиане (1575 г.), Тихоне Хворостинине (1575–1576 г.), Иеремии (1576–1582 г.), Козме (1582–1584 г.), Тихоне (1584–1589 г.), которые, однако, не отличались особым усердием. Ситуацию усугубляли внешние обстоятельства. В Волго-Камском крае в 1571 г. восстали луговые и горные марийцы, а также соседние с ним чувашаи, и лишь к началу 1574 г. правительству удалось подавить восстание. В 1582 г. вспыхнуло новое восстание на территории луговых марийцев. Оно, будучи в целом социальным, антигосударственным движением, имело внешнеполитический аспект. Султанская Турция, Крым, Большая Орда старались подорвать христианское миссионерство и оказать дипломатическое давление на Москву, создавая сложности и трудности. Эта тактика в отношении Московии практиковалась ими и в других областях межгосударственной деятельности. В целом социально-политическая обстановка в Казанском крае, внутреннее и внешнее положение страны в XVI–XVII вв. сводили почти на нет возможности миссионерской деятельности среди марийцев, удмуртов, чувашей и других иноверцев. Кроме того, проповедь христианства в значительной мере затруднялась по причине незнания миссионерами языка местного населения [12. С. 41–53].

Отсутствие ощутимых успехов в деле обращения «иноверцев Казанского края» в православную веру для судьбы чувашей имело и положительные последствия: «Языческая религия регламентировала жизнь и быт чувашей, в какой-то мере даже их хозяйственную деятельность. Она играла важную роль в сохранении и сплочении чувашского этноса, препятствовала его ассимиляции с другими народами, являлась составной частью национальной культуры» [3. С. 251]. Таким образом, во второй половине XVI в. чувашаи еще не восприняли христианское учение, испытав на себе притеснения со стороны православной церкви. Поэтому многочисленные антиправительственные выступления крестьян этого времени часто носили и антихристианскую направленность.

Ситуация со временем менялась. Процесс оформления этнических доминант народов Поволжья протекал в условиях полиэтничности, что влияло на стереотипы восприятия мира. Что касается имперской политики России, то вплоть до XX в. в ней преобладали конфессиональные критерии. Нехристианские народы в иерархии официальных рангов рассматривались как «инославные», «иноверные», что деформировало отношения «инородцев» с властями и иноэтничным окружением. Смягчение миссионерских акцентов в правительственной политике, наблюдаемое с конца XVIII в., стало сигналом и стимулом к добровольному заимствованию и обмену культурными образцами других этнических групп. Отношение к традициям другого этноса со стороны русского населения в целом было терпимым. Чувашаи в отношении русских, по свидетельству наблюдателей середины XIX в., проявляли преимущественно позитивные чувства [11. С. 240].

Факторы прогресса системы светского образования, просветительское движение, миграционные процессы, прогресс общей культуры в России и регионе способствовали интеграционным тенденциям и росту потенциала толерантности в отношении другой культуры. Во второй половине XIX в. сложились предпосылки и для процесса ассимиляции. Одновременно усиливался потенциал толерантности, а обычаи народов отражали поликонфессиональность населения края, имеющего давнюю историю взаимодействия культур. В XIX в. постепенный для глубинки процесс секуляризации культуры проникает и в сферу образования. По инициативе Казанского университета создана первая среди чувашей школа, это было Буртасинское училище Цивильского уезда (1807–1828 гг.) Идея о создании в 1815 г. приходского училища в селе Сундырь не была реализована, но вскоре появляются школы для чувашского населения сел Красные Четаи (с преподаванием на русском языке), Шихазаны, Малый Сундырь. История участия православных образовательных заведений восходит ко второй половине XVIII в.: в 1769 г. в Петербургской типографии РАН издана книга «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». Она была составлена под руководством крупного миссионера той эпохи В. Пуцека-Григоровича при участии учащихся – чувашей Казанской духовной семинарии [17. С. 104, 109].

Народы с языческими религиозными корнями сохраняли элементы архаического сознания: в них царил мир сверхъестественных сил и духов. Однако обычаи уже испытывали влияние христианских канонов. Наиболее влиятельная провинциальная газета того времени «Волжский вестник» так описывала масленицу у чувашей села Шуматово: здесь и большая масленица, и прощёное воскресенье. При этом главным днем, большой масленицей была пятница, что означало мусульманское влияние окрестного татарского населения (1895 г.). В чувашской деревне Сабакайка, входившей в состав Лаишевского уезда, согласно информации «Волжского вестника» за 1884 г., наблюдался процесс русификации, женитьбы чувашей на русских девушках. Однако чувашских домов, где в семейном кругу говорили по-русски, было не больше трех из четырнадцати. Мужчины уже носили русские костюмы. По мере интенсификации модернизационных тенденций в быту появлялось больше предметов, распространенных у русского населения [7. С. 96, 97]. С течением времени под влиянием процессов ассимиляции, интенсификации культурных и информационных контактов и взаимовлияний ослаблялись конфронтационные элементы образов взаимного восприятия представителей различных конфессий.

Итак, коллективная историческая память народов Поволжья формировалась под влиянием многих, порой противоречивых факторов, включая миссионерскую историческую практику. Конфликтогенные аспекты исторической памяти народов поликонфессиональной и полиэтничной России в историографических практиках после событий 1991 г. становились доминирующими мотивами. После распада Советского Союза политизация истории конфессиональных отношений стала явственной и ощутимой. «Типаж национального историка, будучи весьма востребованным новыми этнонациональными руководящими группами, занял доминирующее положение в национальных историографиях», легитимированных от лица вновь возникших государств [1. С. 53]. В этой связи представляются обоснованными мнения о социальной ответственности современного историка за историческое сознание граждан своей страны, его трансформацию [4. С. 9–11].

Создание исторических имиджей является сложным процессом приближения к объективному и адекватному отражению реалий прошлого, и когда участниками исторического процесса были представители разных этнических и конфессиональных сообществ, аргументированность и достоверность особенно важны.

Литература

1. Бухараев В.М. Историк «национального типа» в советской историографии: от маргинального положения к доминирующему // Общественно-политическая и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения: сб. ст. и сообщений науч. конф., посвящ. памяти С.М. Михайловой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. С. 45–53.
2. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 408 с.
3. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 447 с.
4. Дурновцев В.И. Историческая память и историческое сознание в теоретико-методологических и историографических практиках // Историческая память и диалог культур: сб. материалов междунар. молодежной науч. шк. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. Т. 1. С. 5–23.
5. Ислам и христианство на рубеже тысячелетий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Серия «Культура, религия и общество» Казань: Арт-кафе, 2001. 312 с.
6. Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань: Изд-во ИЯЛИ АН РТ, 1994. 207 с.
7. Коршунова О.Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в Новое время: исторический аспект. Чебоксары: Клио, 2000. 170 с.
8. Крайсман Н.В. Политика Российского правительства в миссионерской деятельности в Поволжье и Приуралье: век XVIII. Казань: Изд-во КНИТУ, 2012. 156 с.
9. Крайсман Н.В., Фриман Х.С. Interconfessional and cross-cultural Interacion of Students training at North Carolina State University // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 11. С. 316–319.
10. Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 343 с.
11. Лаптев М. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерально-го штаба в Казанской губернии. СПб.: Главное управление штаба, 1861. 613 с.
12. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 280 с.
13. Никольский Н.В. Конспект по истории христианского просвещения чуваш // Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. Т. 2. С. 102–125.
14. Осипов Н.Е. К вопросу истории формирования этносов // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 59–64.
15. Репина Л.П. Знания о прошлом и историческая культура // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сб. науч. ст. и сообщений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. С. 302–310.
16. Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
17. Рюзен Й. Кризис конструирует историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 39–61.
18. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.
19. Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX в. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 144 с.
20. Хазанов О.В. Миф и история в неиндустриальном сознании // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 25–33.

References

1. Bukharaev V.M. *Istoriik «natsional'nogo tipa» v sovetskoj istoriografii: ot marginal'nogo polozeniya k dominiruyushchemu* [Historian «national style» in Soviet historiography: from marginalization to the dominant]. *Obshchestvenno-politicheskaya i dukhovnaya kultura narodov Povolzh'ya i Priural'ya (XIX–XX vv.). Problemy izucheniya: sbornik statei i soobshchenii nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati S.M. Mikhailovoi* [Socio-political and spiritual culture of the peoples of the Volga and Ural (nineteenth and twentieth centuries). Problems in the Study: Collection of articles and reports scientific conference dedicated to the memory of S.M. Mikhailova]. Kazan, Kazan University Publ., 2008, pp. 45–53.
2. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious beliefs Chuvash: historical and ethnographic essays]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1959. 408 p.
3. Dimitriev V.D. *Chuvashskie istoricheskie predaniya: Ocherki istorii chuvashskogo naroda s drevnikh vremen do serediny XIX v.* [Chuvash historical legends: A Short History of the Chuvash people from ancient times to the middle of the XIX century]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1993. 447 p.
4. Durnovtsev V.I. *Istoricheskaya pamyat' i istoricheskoe soznanie v teoretiko-metodologicheskikh i istoriograficheskikh praktikakh* [Historical memory and historical consciousness in the theoretical, me-

thodological and historiographical practice]. *Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur: sbornik materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi shkoly. Tom. 1* [Historical Memory and Dialogue of Cultures. The collection of materials of the International Youth Science shkoly. Vol. 1]. Kazan, 2013, pp. 5–23.

5. *Islam i khristianstvo na rubezhe tysyacheletii: mater. mezhd. nauch.-prakt. konf. Seriya «Kul'tura, religiya i obshchestvo»* [Proc. of Int. Conf. «Islam and Christianity Millennium»]. Kazan, Art–kafé Publ., 2001, 312 p.

6. *Islamo-khristianskoe pogranich'e: itogi i perspektivy izuchenija* [Islamo-Christian frontier: results and prospects of studying]. Kazan, 1994, 207 p.

7. Korshunova O.N. *Vzaimodeistvie kul'tur narodov Povolzh'ya i Priural'ya v Novoe vremya: istoricheskii aspekt* [Vzaimodeystvie cultures of the peoples of the Volga and Ural regions in modern times: historical aspect]. Cheboksary, Klio Publ., 2000, 170 p.

8. Kraisman N.V. *Politika Rossiiskogo pravitel'stva v missionerskoi deyatel'nosti v Povolzh'e i Priural'e: XVIII v.* [Russian government policy in missionary activity in the Volga and Ural regions: the eighteenth century]. Kazan, 2012, 156 p.

9. Kraisman N.V., Friman H.S. Interconfessional and cross-cultural Interacion of Students training at North Carolina State University. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological university], 2012, vol. 15, no. 11, pp. 316–319.

10. Kuznetsov I.D. *Ocherki po istorii chuvashskogo krest'yanstva* [Essays on the history of the Chuvash peasantry]. Cheboksary, 1957. 341 p.

11. Laptev M. *Materialy dlya geografii i statistiki, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba v Kazanskoi gubernii* [Materials for Geography and Statistics collected by officers of the General Directorate of Headquarters in the Kazan province]. St. Petersburg, 1861, 613 p.

12. Makarov D.M. *Samoderzhavie i khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya (XVI–XVIII vv.)* [Autocracy and the Christianization of the peoples of the Middle Volga (XVI–XVIII centuries)]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2000, 280 p.

13. Nikol'skii N.V. *Konspekt po istorii khristianskogo prosveshcheniya Chuvash* [Synopsis of the history of Christian education of Chuvash]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, vol. 2, pp. 102–125.

14. Osipov N.E. *K voprosu istorii formirovaniya etnosov* [To the question of history of the formation of ethnic groups]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 4, pp. 59–64.

15. Repina L.P. *Znaniya o proshlom i istoricheskaya kul'tura* [Knowledge of the past and historical culture]. *Kazanskii universitet kak issledovatel'skoe i sotsiokul'turnoe prostranstvo: Sbornik nauchnykh statei i soobshchenii* [Kazan University as a research and socio-cultural space: Collected scientific articles and reports]. Kazan, Kazan State University Publ., 2005, pp. 302–310.

16. *Russkoe pravoslavie: vekhi istoriyu* [Russian Orthodox Christianity: Milestones in history]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 719 p.

17. Ryzhen I. *Krizis konstruiuet istoricheskoe soznanie* [The crisis of historical consciousness constructs]. «*Tsep' vremen*»: *problemy istoricheskogo soznaniya* [«Chain of times»: the problem of historical consciousness]. Moscow, 2005, pp. 39–61.

18. Taimasov L.A. *Khristianizatsiya chuvashskogo naroda v pervoi polovine XIX v.* [Christianization of the Chuvash people in the first half of the XIX century]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 1992, 144 p.

19. Taimasov L.A. *Pravoslavnyaya tserkov' i khristianskoe prosveshchenie narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The Orthodox Church and the Christian education of the peoples of the Middle Volga in the second half of XIX – early XX centuries]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2004, 524 p.

20. Khazanov O.V. *Mif i istoriya v neoindustrial'nom soznanii* [Myth and history in a neo-industrial consciousness]. «*Tsep' vremen*»: *problemy istoricheskogo soznaniya* [«Chain of times»: the problem of historical consciousness]. Moscow, 2005, pp. 25–33.

КОРШУНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань (kgd2006@list.ru).

KORSHUNOVA OLGA – Doctor of Historical Sciences, Head of Humanities Department, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia.

КАРПОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alekkarp@yandex.ru).

KARPOV ALEKSEY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 37 УДК 94(470)+ 908(470.341)
ББК 63.3(2)53-2

С.М. ЛЕДРОВ

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Нижегородской губернии)

Ключевые слова: государственное регулирование промышленности, кожевенная промышленность, кожевенная монополия, Нижегородская губерния, Первая мировая война, Главный комитет по кожевенным делам, Главкож, Нижегородский районный комитет по кожевенным делам, райкож, черный рынок.

Рассмотрены причины и процесс формирования центральных и особенно местных органов государственного регулирования кожевенной промышленности в России в период Первой мировой войны, виды и структура регулирующих органов, способы их влияния на развитие кожевенного производства. На примере Нижегородской губернии также выявлены факторы, усложнявшие деятельность правительственных структур по осуществлению кожевенной монополии.

S. LEDROV

ESTABLISHING SYSTEM OF STATE REGULATION OF LEATHER INDUSTRY IN RUSSIA DURING WORLD WAR I (based on the Nizhny Novgorod Region)

Key words: state regulation of the industry, leather industry, leather monopoly, World War I, Nizhny Novgorod province, Main Committee on Leather Processing Affairs, Glavkoz, Nizhny Novgorod Regional Committee on Leather Processing Affairs, Raikozh, black market.

The author regards the causes and the process of establishing the Central and local bodies of State regulation of the leather industry in Russia during World War I, types and the structure of the regulatory authorities, methods of their influence on the development of leather industry. The example of the Nizhny Novgorod province allows identifying the factors that complicated the process of implementing the monopoly of leather industry by governmental structures.

Государственное регулирование промышленного развития – один из важных и дискуссионных аспектов социально-экономической истории России. Значимой вехой в становлении системы государственного регулирования стал период Первой мировой войны, когда возросшая потребность воюющей армии в технике, боеприпасах и обмундировании вызвала необходимость мобилизации частной промышленности на выполнение военных заказов. Среди отраслей, имеющих оборонное значение, оказалось и кожевенное производство.

Особенности создания и деятельность органов, регулирующих развитие данной отрасли на общегосударственном уровне, уже рассматривались в рамках более широких тем [2, 8, 9]. В последнее время также опубликованы работы, посвященные анализу исторических, экономических и политических предпосылок и условий осуществления государственной кожевенной монополии в период Первой мировой войны [6, 7]. Вместе с тем еще мало изучены вопросы о становлении системы государственного регулирования кожевенного производства и об осуществлении кожевенной монополии на региональном уровне. В настоящей статье обозначенная проблема рассматривается на примере Нижегородской губернии, в которой выделка кож развивалась в значительных масштабах.

Начавшийся в 1914 г. ранее небывалый глобальный военный конфликт способствовал росту спроса на дубленые кожи для изготовления солдатской обуви. По мере затягивания боевых действий потребность в такой продукции лишь увеличивалась. Между тем работа кожевенных предприятий в условиях войны была осложнена. Возникла транспортная проблема, появились трудности с заготовкой сырья. Тяжелое положение усугубила оккупация противником западных губерний Российской империи с развитой кожевенно-обувной промышленностью. В результате наступил кризис снабжения. Причем главное интендантское управле-

ние Российской армии испытывало трудности с закупкой не только кожевенных товаров, но и другой промышленной продукции оборонного значения.

Государство совместно с органами местного самоуправления и представителями предпринимательского сообщества вынуждено было взять под контроль работу частных предприятий, снабжавших армию. Для координации действий в этом направлении летом 1915 г. было учреждено правительственное Особое совещание по обороне [5. С. 366]. В регионах организовывались районные заводские совещания. Заводское совещание Нижегородского района контролировало промышленность Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Тамбовской и Пензенской губерний.

Почти одновременно с Особым совещанием начали действовать Центральный военно-промышленный комитет и местные ВПК из представителей буржуазии, городского самоуправления и земств. Эти организации должны были оказывать содействие правительству в обеспечении армии необходимой промышленной продукцией. Примечательно, что в Нижегородской губернии наряду с областным военно-промышленным комитетом появился и местный – Богородский ВПК в составе богородских кожевенных заводчиков, членов Горбатовской городской и уездной земских управ, инспектора кожевенно-ремесленного училища, богородского волостного старшины и представителя военного ведомства. Деятельность этого ВПК освещена в статье Р.В. Голубина [3]. Также был создан Союз земств и городов (Земгор), координировавший работу ремесленников и кустарей, в том числе занятых изготовлением кожаных вещей, и наладивший собственную систему заготовки сырья.

Новые условия экономической деятельности способствовали и организационному объединению предпринимателей на отраслевом уровне. В частности, еще в январе 1915 г. состоялся съезд кожевенных заводчиков, делегаты которого высказались за регулирование цен и обязательное распределение военных заказов в кожевенной промышленности. Избранный съездом Временный комитет кожевенных заводчиков в мае 1915 г. был преобразован во Всероссийское общество кожевенных заводчиков (ВОКЗ) [9. С. 121]. Общество отстаивало интересы своих членов перед государственными структурами, участвовало в распределении заказов и в снабжении предприятий сырьем.

Осенью 1915 г. Министерство промышленности и торговли, используя опыт ВОКЗ, приступило к организации под своим руководством и при участии Военного министерства и представителей торгово-промышленных кругов сети региональных комитетов по делам кожевенной промышленности. Главное значение среди них приобрел комитет, созданный в Москве. Важнейшими задачами комитетов должны были стать упорядочение снабжения заводов сырьем и разработка новой ценовой политики в сфере кожевенной торговли. К этому времени усиленный спрос на кожевенные товары для армии и сокращение их предложения на вольном рынке вызвали повышение рыночных цен «до размеров, совершенно не соответствовавших действительной стоимости этих товаров. Так, цена подшвенной кожи поднялась с 3 р. 50 коп. до 7 р. за кг, мостовья обыкновенного – с 2 р. 75 коп. до 4 р. 27 коп. за кг» [2. С. 450–451].

В ноябре 1915 г. по предложению Московского комитета по делам кожевенной промышленности Министерство торговли и промышленности установило фиксированные цены на крупное кожевенное сырье и полуфабрикаты из него [14. Д. 6. Л. 127]. По таким ценам государство должно было рассчитываться за военные заказы, выполнение которых стало обязательным. Продажа товара по завышенным ценам пресекалась. Уличенного в этом предпринимателя могли лишить права заниматься промышленной деятельностью, а то и приговорить к тюремному заключению до одного года и четырех месяцев.

На местах обязанности по контролю выполнения государственных заказов, распределения сырья, соблюдения технологии выделки кож и приема готовой продукции возлагались на интендантских приемщиков.

Жестко регламентировался и сбыт кожевенного товара, оставшегося после выполнения военных заказов. Нижегородский губернатор обязал всех кожевенных промышленников дать расписку в том, что «всю ту часть производства их заводов, которая не законтрактована Интендантством и не поставляется ими последнему, сдавать по установленным Министерством торговли ценам местной губернской или уездным земским или городским управам для изготовления солдатских сапог, и лишь в случае избытка вырабатываемого ими количества кож допускать продажу и вывоз последних для работающих на армию организаций в другие губернии» [14. Д. 6. Л. 12].

В 1916 г. процесс создания системы региональных комитетов по делам кожевенной промышленности был прерван решением правительства об организации в Петрограде при Министерстве торговли и промышленности единого Комитета по делам кожевенной промышленности. А в регионах появились подотчетные ему районные кожевенные комиссии. Подобная комиссия под председательством Н.В. Шверина была сформирована и при Заводском совещании Нижегородского района. Создание такой комиссии здесь было обусловлено тем, что Нижегородская губерния являлась крупным поставщиком яловичного мостовья, из которого шились солдатские сапоги. В 1916 г. объем выделки такого сорта кож в двух ведущих местных центрах кожеобработки – селах Богородское (240 заводов) Горбатовского и Тубанаевка (59 заводов) Васильурского уездов – определялся, соответственно, в 2 млн 500 тыс. шт. Еще примерно 120 тыс. шт. таких кож могли поставлять промышленники сел Городец (12 заводов) и Катунки (7 заводов) Балахнинского уезда. Однако они в основном продолжали выделывать традиционные для этих центров сорта – подошвенные и опойковые кожи [4. С. 1]. Кроме того, четыре кожевенных завода, ориентированных на изготовление заготовок для обуви, действовало в городе Арзамасе [12. Д. 898. Л. 7, 8].

С целью более четкой организации контроля над производством кожевенной промышленности губернии была разделена на четыре района: Богородский, Тубанаевский, Катунско-Городецкий и Арзамасский. В первый район направлялось два представителя кожкомиссии, в остальные – по одному [14. Д. 158. Л. 15]. Таким образом, в сфере деятельности контролирующих структур оказалось большинство местных центров кожевенного производства, за исключением села Юрино Васильурского уезда, в котором на 47 заводах выделывались только овечьи кожи (до 400 тыс. шт. в год). Такие кожевенные полуфабрикаты (из них шили рукавицы) относились к мелким сортам, и действие правительственного постановления о фиксированных ценах на них не распространялось.

6 июля 1916 г. правительство утвердило Положение о районных кожевенных комиссиях, в котором конкретизировались их обязанности: учет производительности заводов, содействие по обеспечению их сырьем и материалами для выделки кож, контроль исполнения заказов и проведение реквизиции укрываемых товаров. А на следующий день вышло обязательное постановление военного министра и министра торговли и промышленности, на основании которого всем без исключения кожевенным заводчикам Российской империи вменялось в обязанность «производить выделку исключительно тех сортов кожевенного товара, которые потребны для нужд армии в количестве, отвечающем максимальной производительности завода» [13. Д. 344. Л. 105]. Хотя в действительности в Нижегородской губернии такое постановление не могло быть исполнено повсеместно – перевести то же Юрино на выделку мостовья из-за технических особенностей кожевенно-рукавичного производства было нереально.

Введение порядка обязательной сдачи выделанных кож крупных сортов государству по фиксированным ценам и создание специальных контролирующих органов фактически означали установление государственной монополии на такие сорта, которая де-юре была подтверждена лишь постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г. «О передаче кож в распоряжение государства», правда, с оговоркой – в виде временной меры. Передаче подлежали «все сырые кожи крупного рогатого скота, конские и верблюжьих..., а также кожи этих сортов в выделанном виде, имеющиеся в стране в настоящее время, и которые будут получаться в азиатской и европейской России и на всех фронтах» [1. С. 331].

Для реализации этого постановления вместо Комитета по делам кожевенной промышленности создавался Главный комитет по кожевенным делам (Главкож) из 34 членов – представителей ведомств, общественных организаций, кожевенной, обувной, шорной промышленности и торговли, а также районных комитетов по кожевенным делам. Последним переходили функции районных кожевенных комиссий. Исполнительным органом Главкожа являлось правление. Деятельностью райкожа руководила его управа. Перед районными комитетами ставились следующие задачи: сбор сырья, распределение его между заводами, наблюдение за торговлей кожевенными товарами, обследование предприятий, прием, хранение, оплата, отпуск готовой продукции, представление ежемесячных сведений о своей деятельности в Главкож, наложение ареста и реквизиция кож [11. Д. 6. Л. 1].

Соответствующие изменения произошли и в Нижегородской губернии. Местный райкож, помимо центрального аппарата, начал организовывать отделения на местах. Первые такие отделения летом 1917 г. возникли в Богородском и Тубанаевке. В Богородское отделение, например, входили по одному представителю от интендантства, кредитного товарищества, Земсоюза, Богородского ВПК, по два – от Совета рабочих депутатов и технического персонала, по четыре – от профсоюзов и предпринимателей, всего 16 человек [11. Д. 256. Л. 2].

Таким образом, начавшееся в 1915 г. создание в центре и в регионах органов государственного регулирования кожевенной промышленности сопровождалось их ежегодной административной реорганизацией. Кроме того, в течение войны то и дело происходило перераспределение отдельных функциональных обязанностей между различными заинтересованными структурами. В частности, от одного ведомства другому передавалось право приема и распределения выделанных кож. До начала 1916 г. включительно этим занимались интендантские приемщики от Военного министерства, с марта 1916 г. – представители Комитета по делам кожевенной промышленности, затем – вновь интендантские приемщики. В 1917 г. правление только что созданного Главного комитета по кожевенным делам добилось передачи такой важной функции в свои руки [11. Д. 6. Л. 31].

Не был отлажен сам процесс приема продукции, выделанной по госзаказу. В сентябре 1916 г. в селе Богородском работала комиссия по обследованию причин уклонения заводчиков от сдачи кож интендантству: если в июне интендантский приемщик принял здесь 40 146 шт. юфти-мостовья, в июле – 15 529 шт., то в августе лишь – 3768 шт. [14. Д. 158. Л. 3]. Промышленники объясняли это тем, что выполнение нарядов на прием готовой продукции и выплата денег по ним затягивались на значительное время, хотя согласно контрактам выделанные кожи должны были приниматься и оплачиваться в течение семи дней. Так, богородский заводчик Н.Г. Стрижев подал заявление на вывоз подготовленной партии кож еще 28 июня 1916 г., однако половина этой партии была принята только 11 августа, а вывезена на склад лишь 30 сентября. Денег Стрижев не получил [14. Д. 158. Л. 4].

Комиссия выявила еще одну причину нежелания промышленников сдавать выделанные кожи государству. В Богородском появились слухи о предполагаемом повышении с 1 октября 1916 г. нормировочных цен, вследствие чего заводчики и старались припрятать товар. Государственные расценки на выделанные кожи устанавливались на полгода, хотя иногда корректировались раньше этого срока. Однако за начавшейся инфляцией не поспевали. Отсюда желание заводчиков попридержать кожи, а то и вовсе постараться сбыть их нелегально по завышенным ценам. В этом члены комиссии убедились лично, когда устроили обход заводов. Например, у промышленника И.И. Санкина, заявившего об отсутствии у него незарегистрированного товара, на сушилах было обнаружено 250 таких кож [14. Д. 158. Л. 4об.].

В связи с этим следует отметить, что кожевенная монополия способствовала возникновению черного рынка кожевенных товаров и появлению «спекулянтов» – предпринимателей, торговавших товарами в обход официально установленных правил. Контролирующие органы пытались пресекать это явление. Как уже сказано выше, за торговлю кожами крупных сортов сверх установленных цен да еще помимо строго ограниченного круга покупателей полагалось тюремное заключение, а выявленные припрятанные товары подлежали конфискации. Однако соблазн получить более выгодный доход был велик. Нелегальная торговля выделанными кожами, зародившаяся в период Первой мировой войны, до ее конца так и не была изжита, а впоследствии продолжалась и во время Гражданской войны. Нижегородский райкож в отчете о своей работе за период с 26 апреля 1917 г. по 1 января 1918 г. признавал: «Учесть готовый имеющийся на заводах товар не представляется возможным и по сей час главным образом потому, что каждый из заводчиков старался и старается не дать верных сведений для того, чтобы сбыть его по спекулятивной цене» [11. Д. 9. Л. 7об.].

Богородские кожи нелегально сбывались в основном сапожникам Арзамасского уезда. Те, в свою очередь, бесперебойно поставляли на черный рынок кожаную обувь, частная торговля которой официально тоже была запрещена. В Арзамасе и пригородной Выездной Слободе сапожным делом было занято до пяти тысяч человек и, по признанию представителей райкожа, «вся обувь сбывается на местном рынке в таком большом количестве, что создается впечатление о полном отсутствии кожевенной монополии» [11. Д. 9. Л. 154]. Рыночные цены на сапожный товар в конце 1917 г. в три раза превышали государственные: мужские яловичные сапоги по калькуляции Главкожа должны были сдаваться государству по 40 руб. пара, а в нелегальной торговле они продавались по 110–125 руб.

Как установила Е.А. Семерова, черный рынок кожевенных товаров процветал по всей стране [9. С. 127].

Важной обязанностью райкожа являлось обеспечение заводов сырьем. Нижегородская кожевенная промышленность традиционно работала на привозном сырье, так как внутри губернии шкур крупного рогатого скота и лошадей собиралось недостаточное количество. По замечанию В.И. Шарого, «губерния эта в скотоводческом отношении стоит одной из последних: на 100 жителей здесь приходится 13 лошадей и 18 голов крупного рогатого скота» [10. С. 11]. В войну сырье сюда поступало с мест его сборки в восточных регионах России строго по нарядам контролирующих органов. Кроме того, члены райкожа проводили реквизиции припрятанных сырых кож у их сборщиков в уездах губернии. Добровольно сдавать кожи по установленным ценам сборщики не спешили. Например, в сентябре 1917 г. в Тубанаевском районе местным отделением райкожа от сырьевщиков было принято лишь восемь кож. По словам заведующего отделением М.П. Рязанцева, «дальше сбор не производится, так как сырьевщики упорно уклоняются от сдачи» [11. Д. 471. Л. 42об.]. Конфискации подвергались и

крупное кожевенное сырье, нелегально привозимое на Нижегородскую ярмарку. Свободная торговля на ней таким товаром была запрещена.

Нижегородский районный комитет по кожевенным делам продолжал работать и в первые месяцы существования советской власти. 5 марта 1918 г. общее собрание его членов утвердило решение о самороспуске райкожа и создании вместо него отдела кожевенного производства при Нижегородском губсовнархозе [14. Д. 9. Л. 15об.]. Символично, что такое решение было принято через два дня после подписания Брестского мира и выхода Советской России из Первой мировой войны. А значит, отпадала необходимость в жестком контроле над кожевенной отраслью, олицетворением которого и являлся райкож. Понадобилась телеграмма за подписью председателя Совнаркома В.И. Ульянова-Ленина, чтобы Нижегородский районный комитет по кожевенным делам спустя месяц продолжил свою работу [14. Д. 9. Л. 17]. Советское правительство не собиралось отказываться от кожевенной монополии, которая теперь должна была осуществляться в интересах обеспечения не царской, а Красной Армии.

Итак, специфические условия военного времени, переориентация кожевенного производства на выполнение армейских заказов привели к необходимости создания в России системы государственного регулирования кожевенной промышленности. Ее становление происходило под руководством правительственных структур, однако с использованием опыта и привлечением представителей профессионального сообщества и общественных организаций. Хронологически этот процесс происходил в 1915–1917 гг. и завершился лишь в последний период войны после юридического закрепления кожевенной монополии и создания вертикальной системы комитетов по кожевенным делам (Главкож – Райкож – отделение Райкожа). Государственный контроль частной кожевенной промышленности осуществлялся через установление твердых цен, централизованное распределение заказов, сырья и прием готовой продукции. Изучение данной проблемы на примере Нижегородской губернии позволяет констатировать, что процесс регулирования деятельности кожевенной отрасли был осложнен как рассредоточением ее по многочисленным мелким предприятиям, так и неотлаженностью механизмов приема выполненных заказов, растущей инфляцией и появлением черного рынка кожевенных товаров.

Сложившаяся в годы Первой мировой войны система государственного регулирования кожевенной промышленности России стала первым шагом на пути полного огосударствления этой отрасли, которое было проведено уже в советский период.

Литература

1. Архив новейшей истории России: Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март – апрель 1917 года / отв. ред. тома Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2001. 448 с.
2. *Букишман Я.М.* Военно-хозяйственная политика: Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Госиздат, 1929. 545 с.
3. *Голубин Р.В.* Деятельность региональных военно-промышленных комитетов России в годы Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. Политология. Международные отношения. 2003. Вып. 1. С. 37–47.
4. Кожевенные заводы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1916. 42 с.
5. *Маевский И.В.* Об особенностях перестройки промышленности России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории народного хозяйства СССР. М.: Академия наук СССР, 1957. С. 323–392.
6. *Морозов Р.В.* Государственная кожевенная монополия 1917–1918 гг.: экономические и политические предпосылки, цели, задачи, итоги реализации // Дизайн и технологии. 2011. Т. 26. С. 86–91.
7. *Морозов Р.В.* Кризис отечественной кожевенно-обувной промышленности 1915–1917 гг. // Дизайн и технологии. 2011. Т. 22. С. 86–92.

8. Погребинский А.П. Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 266 с.
9. Семенова Е.А. Министерство торговли и промышленности России и предпринимательские круги в 1905–1917 гг.: Аспекты сотрудничества: дис... канд. экон. наук. СПб., 2000. 153 с.
10. Статистический очерк кожевенной промышленности и торговли / сост. В.И. Шарый. Пгт.: Типография К.П. Шрадер, 1917. 55 с.
11. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 7. Оп. 1.
12. ЦАНО. Ф. 42. Оп. 3.
13. ЦАНО. Ф. 431. Оп. 296.
14. ЦАНО. Ф. 441. Оп. 1.

References

1. *Arkhiv noveishei istorii Rossii: Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t. T. 1. Mart – april' 1917 goda* [Archive of Contemporary History of Russia: Minutes of the sessions the Provisional Government: March-October 1917. 4 vols. Vol. 1. March – April 1917]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2001, 448 p.
2. Bukshman Ya.M. *Voенно-khozyaistvennaya politika: Formy i organy regulirovaniya narodnogo khozyaistva za vremya mirovoi voiny 1914–1918 gg.* [Military and economic policy: Forms and regulatory agencies of the national economy during World War 1914–1918]. Moscow; Leningrad, Gosizdat Publ., 1929, 545 p.
3. Golubin R.V. *Deyatel'nost' regional'nykh voенно-promyshlennykh komitetov Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Activities of the regional military-industrial committees in Russia during World War I]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya»* [Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series «History. Political science. The international relations»], 2003, vol. 1, pp. 37–47.
4. *Kozhevnyye zavody Nizhegorodskoi gubernii* [Leather factories the Nizhny Novgorod region]. Nizhni Novgorod, 1916. 42 p.
5. Maevskii I.V. *Ob osobennostyakh perestroiki promyshlennosti Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [About the features of industrial restructuring in Russia during World War I]. *Voprosy istorii narodnogo khozyaistva SSSR* [Questions of history Soviet national economy]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1957, pp. 323–392.
6. Morozov R.V. *Gosudarstvennaya kozhevennaya monopoliya 1917–1918 gg.: ekonomicheskie i politicheskie predposylki, tseli, zadachi, itogi realizatsii* [The state leather monopoly 1917–1918: economic and political preconditions, the purposes, problems, realization results]. *Dizain i tekhnologii* [Design and technologies], 2011, vol. 26, pp. 86–91.
7. Morozov R.V. *Krizis otechestvennoi kozhevenno-obuvnoi promyshlennosti 1915–1917 gg.* [Crisis of the domestic leather-shoe industry 1915–1917]. *Dizain i tekhnologii* [Design and technologies], 2011, vol. 22, pp. 86–92.
8. Pogrebinskii A.P. *Gosudarstvenno-monopolisticheskii kapitalizm v Rossii. Oчерk istorii* [State-monopoly capitalism in Russia. A Short History]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1959, 266 p.
9. Semenova E.A. *Ministerstvo torgovli i promyshlennosti Rossii i predprinimatel'skie krugi v 1905–1917 gg.: Aspekty sotrudnichestva. Dis. kand. ekon. nauk* [The Ministry of Trade and Industry and the Russian business community in 1905–1917: aspects of cooperation. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2000, 153 p.
10. *Statisticheskii oчерk kozhevennoi promyshlennosti i torgovli* [Statistical review of the tanning industry and trade], sostavitel' V.I. Sharyi. Petrograd, 1917. 55 p.
11. *Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. Fond 7. Opis' 1* [Central archives of the Nizhny Novgorod region. Archives 7. Anagraph 1].
12. *Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. Fond 42. Opis' 3* [Central archives of the Nizhny Novgorod region. Archives 42. Anagraph 3].
13. *Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. Fond 431. Opis' 296* [Central archives of the Nizhny Novgorod region. Archives 431. Anagraph 296].
14. *Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. Fond 441. Opis' 1* [Central archives of the Nizhny Novgorod region. Archives 441. Anagraph 1].

ЛЕДРОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеправовых и гуманитарных дисциплин, Филиал Института государственного управления, права и инновационных технологий в г. Нижний Новгород, Россия, Нижний Новгород (sledrov@yandex.kz).

LEDROV SERGEY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of General Sciences and Humanities Department, Nizhny Novgorod Branch of the Institute of Government, Right and Innovative Technologies, Nizhny Novgorod, Russia.

УДК 338.244 (09)(470.344) «1957/1962»
ББК ТЗ(2Рос.Чув)631-2

А.И. МИНЕЕВ, К.Н. САНУКОВ

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В РСФСР В 1950–1960-е ГОДЫ (на материалах Чувашской и Марийской автономий)

Ключевые слова: совет народного хозяйства, управление промышленностью, Чувашская и Марийская автономии, народное хозяйство, экономические административные районы.

Рассмотрен вопрос становления и развития советов народного хозяйства в Чувашской и Марийской автономиях в 1957–1962-е гг. На основе источниковой базы и литературы изучено развитие промышленности в изучаемый период. Представлены структура совнархозов, их функции и кадровый состав. Приводятся первые итоги деятельности СНХ. В выводах отмечены конкретные результаты деятельности Чувашского и Марийского совнархозов. Исследование базируется на материалах региональных и центрального архивов.

A. MINEEV, K. SANUKOV

EXPERIENCE OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY COUNCILS IN USSR IN 1950–1960s (based on the examples of the Chuvash and Mari autonomies)

Key words: national economy council, industrial management, Chuvash and Mari autonomies, national economy, economic administrative regions.

The paper is devoted to an issue of the formation and development of national economy councils in the Chuvash and Mari autonomies in years 1957–1962. Basing on the original sources and literature, the author has studied the material concerning the development of industry in the given years. The paper provides information about the structure of the national economy councils, their functions and staff, as well as the first results of their activities including certain results of these councils in the Chuvash and Mari autonomies. The research is based on the material of the regional and Central archives.

Социально-экономическая история России XX в. имела свои взлеты и падения, обусловленные различными факторами и обстоятельствами. Значительной результативности в области промышленного развития и эффективности производства советская экономика достигла в конце 1950 – начале 1960-х гг. Данный период охарактеризован реформированием хозяйственного управления страны. Важным событием названного этапа стало создание экономических административных районов и советов народного хозяйства в 1957 г. Данной проблематике в научной литературе посвящено немало исследований, среди которых работы Н.П. Силантьева [14], Ю.Ф. Воробьева [2], С.Г. Коваленко [7], Е.К. Минеевой [11], А.Р. Гапсаламова [3] и др.

Итоги всеобщего обсуждения, предложения о реформировании были рассмотрены на пленуме Центрального Комитета КПСС, состоявшегося в феврале 1957 г., где отмечалось, что существующее управление промышленностью и строительством не соответствует возросшим требованиям. В результате было принято решение о переходе с отраслевой системы управления на территориальную и о создании в каждом экономическом административном районе советов народного хозяйства (совнархозов, СНХ). VII сессия Верховного Совета СССР, по докладу Н.С. Хрущева 10 мая 1957 г., приняла закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, по которому союзно-республиканские и республиканские министерства РСФСР в большинстве своем были упразднены [1. С. 75]. По этому закону также было образовано 70 экономических административных районов, в их числе Чувашский и Марийский районы, в каждом из которых создавался СНХ [15. С. 200–201].

Марийский и Чувашский совнархозы были образованы по постановлению Совета Министров РСФСР от 1 июня 1957 г. и имели схожую структуру, которая включала в себя 10 отделов и следующие управления: машиностроительной, металлообрабатывающей и электротехнической промышленности, лесной и лесоперерабатывающей промышленности, легкой промышленности, пищевой промышленности, материально-технического снабжения и сбыта, а также строительный трест на правах управления в Марийском СНХ [6. Оп. 2. Д. 89. Л. 91]. При совнархозах были созданы Техничко-экономические советы, которые были совещательным органом и состояли из представителей работников совета народного хозяйства, крупных специалистов и передовиков производства, руководителей партийных, хозяйственных, профсоюзных организаций, директоров предприятий. Техничко-экономические советы были весьма представительными: ТЭС Марийского СНХ состоял из 73 чел. [13. С. 24], Чувашского СНХ – 200 человек [12. С. 132].

Первоначально структура была такой, но она не отличалась стабильностью, постепенно претерпевая изменения в области увеличения штата. Численный состав аппарата Марийского СНХ составил 220 человек, Чувашского – 302 человека. При этом их комплектация шла достаточно долго. Так, например, в источниках отмечается, что на 17 июня 1957 г. центральный аппарат Марийского совнархоза был укомплектован лишь на 71% [4. Ед. хр. 10. Л. 111].

В целях обеспечения республик профессиональными, способными организовать производственные процессы кадрами, на ключевые руководящие должности совнархозов были утверждены специалисты из Москвы. Так, Чувашский совнархоз возглавил А.И. Ивлев [6. Оп. 7. Д. 164. Л. 30, 30 (об.), 46], работавший ранее директором опытного электромеханического завода при Всесоюзном электротехническом институте Министерства электротехнической промышленности, Краснодарского завода измерительных приборов, начальником Главного управления «Главэлектроточприбор» Министерства электротехнической промышленности СССР; Марийский СНХ – В.М. Гаврилов, до этого занимавший пост первого заместителя министра лесной промышленности РСФСР [4. Ед. хр. 64. Л. 6–9].

Одной из важных проблем, которая стояла перед региональными совнархозами, стало обеспечение отраслей народного хозяйства и управленческих структур грамотными, дипломированными инженерно-техническими кадрами. В большинстве случаев руководителями предприятий были хорошие практики, но, зачастую, они не имели профессионального образования. Так, например, в конце 1959 г. законченное высшее и среднее специальное образование отсутствовало у 49,2% директоров промышленных предприятий Чувашского СНХ [10. С. 22].

Помимо образовательного уровня была неравна и расстановка кадровых сил. В первую очередь это касалось национальных управленцев. Так, например, в 1957 г. из 19 руководящих работников Марийского совнархоза было только 3 марийца [4. Ед. хр. 12. Л. 254]. Однако в начале 1960-х гг. данная ситуация была изменена. Положительным результатом с точки зрения образованности и профессионализма работников промышленной сферы явилось увеличение национальных специалистов. Так, чувашей среди непосредственных руководителей предприятий Чувашского совнархоза стало на 14% больше, среди начальников основных цехов их увеличилось на 144%, но среди главных инженеров их стало меньше на 38% [10. С. 23]. Эти показатели подтверждают, с одной стороны, факт становления национальной интеллигенции на местах, с другой – то, что по-прежнему значительную роль среди руководящего состава

СНХ и специалистов инженерного звена играли, вероятно, приезжие, главным образом русские по национальной принадлежности работники. Формирование собственных технических кадров в аграрных регионах не могло осуществляться полностью самостоятельно, только силами самих Чувашской и Марийской автономий, в данном процессе участвовали представители таких более развитых в индустриальном отношении центров, каковыми являлись Москва, Ленинград, Горький и др. [10. С. 23].

В ведение совнархозов были переданы предприятия как союзного, так и союзно-республиканского подчинения. В подчинении Чувашского СНХ насчитывалось 101 предприятие [8. С. 45], Марийский совнархоз при своем создании объединил 85 промышленных предприятий и организаций (Марийская правда. 1957. 30 июля). Некоторые из них были мелкими и выполняли схожую работу, дублируя друг друга, поэтому одной из мер СНХ стало объединение ряда организаций. Так, например, были укрупнены предприятия треста «Марилес», Йошкар-Олинский мясокомбинат и республиканская контора «Заготскототкорм» [13. С. 26] и др. В Чувашии также произошло объединение смежных предприятий: артели «Леспромартель» и артели имени Куйбышева в г. Чебоксары с Сосновским лесозаводом; Марпосадской артели «Стройматериалы» с Марпосадской судовой верфью; Липовской артели имени В.И. Ленина Ибресинского района с Буинским заводом комбайновых изделий [6. Оп. 5. Д. 23. Л. 11–12]. Таким образом, за короткий период были решены те вопросы, которые ставились республиканскими органами в течение ряда лет и не были решены.

Перед коллективами совнархозов стояла сложная, но важная задача – выработать новые подходы и методы оперативного руководства работой предприятий истроек. Необходимо было изучить производство на местах и оказать промышленным предприятиям практическую помощь. Поэтому были предприняты конкретные меры. Например, Марийский совнархоз провел перераспределение части оборудования между предприятиями. Для качественной и оперативной работы совнархоз также направил в отстающие лесозаготовительные организации 18 инженеров из аппарата треста «Марилес» (Марийская правда. 1957. 15 сент.). В Чувашии совнархозом были организованы выезды специалистов на предприятия. Например, в отрасли стройматериалов бригады технологов объезжали кирпичные заводы республики, изучая их производство и техническое оснащение. Одной из главных проблем стал недостаток специалистов. Результатом выявления существовавшей на заводах ситуации стало проведение школ повышения квалификации рабочих на заводах: Канашском заводе стройматериалов, Алатырском, Мариинско-Посадском кирпичных заводах [9. С. 94].

Первые итоги деятельности совнархозов стали заметны уже в конце 1957 г.: сократилось число заводов, не выполнявших плана. Если среди предприятий, переданных в ведение Марийского СНХ, план первого полугодия не выполнило 21 предприятие, то по итогам года таких оказалось всего 9 [13. С. 30]. Промышленностью совнархозов план выпуска валовой продукции в 1957 г. в Чувашском СНХ был выполнен на 104,5% [5. Оп. 42. Д. 146-99. Л. 7], Марийского СНХ – 106% (Марийская правда. 1958. 11 февр.).

В изучаемый период одним из показателей эффективности развития промышленности и выполнения плановых показателей являлось социалистическое соревнование. Особо активно оно проходило между соседними регионами страны, каковыми являлись Чувашская и Марийская автономии. Поэтому неоднократно в прессе публиковались результаты данных соревнований. В частно-

сти, отмечалось, что предприятия Марийского совнархоза досрочно, 13 декабря, выполнили план 1957 г. по выпуску валовой продукции. Обязательства, принятые в социалистическом соревновании с Чувашским совнархозом, выполнены на два дня раньше срока (Марийская правда. 1957. 20 дек.).

Изучение реформирования управления экономикой страны во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. показывает, что помимо успехов оно имело и негативные последствия. Так, перенос руководства промышленностью на места ослабил центральное управление экономикой страны, а это постепенно привело к локализации, разобщению и дисгармонии индустриального развития народнохозяйственного комплекса государства в целом [9. С. 172]. Следует отметить и то, что положительные стороны хозяйственных реформ имели недолговременный результативный эффект.

Взросшие задачи государства потребовали дальнейшего реформирования руководства отраслями народного хозяйства. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 16 декабря 1962 г. в феврале 1963 г. был создан укрупненный Волго-Вятский совнархоз. Вместо существовавших 67 экономических административных районов было образовано 24 района с созданием в каждом из них совета народного хозяйства. Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 25 декабря 1962 г. включил в состав Волго-Вятского экономического района Горьковский, Кировский, Мордовский, Чувашский, Марийский экономические районы (Советская Россия. 1962. 26 дек.). Руководство страны надеялось ликвидировать недостатки мелких районов за счет их укрупнения, создания крупных промышленных центров.

Литература

1. *Бойко И.И., Харитонов В.Г., Захаров Д.А.* История Чувашии новейшего времени. Кн. II. 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 397 с.
2. *Воробьев Ю.Ф.* Реформа 1957 г. и ее роль в изменении организационной структуры управления народным хозяйством // Очерки экономических реформ. М.: Наука, 1993. С. 171–194.
3. *Галсаламов А.Р.* Развитие промышленности Татарской АССР 1956–1965-х гг.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2011. 22 с.
4. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-1.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р.-1806.
7. *Коваленко С.Г.* Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 37–47.
8. *Минеев А.И., Бойко И.И., Иванов В.П.* Из истории создания и деятельности Чувашского совнархоза конца 50-х – начала 60-х годов XX века // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 44–47.
9. *Минеев А.И.* Чувашский совнархоз в 1957 – 1962-е годы: организация, кадровый состав, управление промышленностью: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. 198 с.
10. *Минеев А.И.* Чувашский совнархоз и подготовка технических кадров // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 22–26.
11. *Минеева Е.К., Минеев А.И.* Техническое перевооружение промышленности стройматериалов Чувашии в 1957–1989 гг. // Ученые записки / ЧГИГН. Чебоксары, 2006. Т. 10. С. 52–58.
12. *Руссаков С.Г.* Организация управления промышленностью и строительством в Чувашии в 1957 г. и ее первые результаты // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Ученые записки / ЧНИИЯЛ. Чебоксары, 1963. Вып. XXII. С. 125–142.
13. *Сануков К.Н.* Создание Марийского Совнархоза и первые итоги его деятельности (1957 год) // Труды Мар. НИИ языка, литературы и истории. Вып. 19. Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР / МНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1964. С. 24.
14. *Силантьев Н.П.* Совнархозы – основная организационная форма управления промышленностью и строительством. М.: Наука, 1958. 215 с.
15. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М.: Госюриздат, 1959. Т. VI. 385 с.

References

1. Boiko I.I., Kharitonova V.G., Zakharov D.A. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni. Kn. II. 1945-2005* [The history of Chuvashia modern times. Book II. 1945–2005]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, 397 p.
2. Vorob'ev Yu.F. *Reforma 1957 g. i ee rol' v izmenenii organizatsionnoi struktury upravleniya narodnym khozyaistvom* [Reform of 1957 and its role in changing the organizational structure of the national economy]. *Ocherki ekonomicheskikh reform* [Essays on economic reforms]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 171–194.
3. Gapsalov A.R. *Razvitie promyshlennosti Tatarskoi ASSR 1956–1965-gh gg.: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [The industrial development of the Tatar ASSR 1956–1965-ies. Abstract of PhD thesis]. Samara, 2011, 22 p.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond P-1* [The State Archives of the Republic of Mari El. Archives P-1].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A-259* [The State Archive of the Russian Federation. Archives A-259].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1806* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-1806].
7. Kovalenko S.G. *Reformy upravleniya narodnym khozyaistvom SSSR sere diny 1950-gh – 1970-gh godov* [The reform of the management of the national economy of the USSR in the mid 1950's-the 1970-ies]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2008, no. 6, pp. 37–47.
8. Mineev A.I., Boiko I.I., Ivanov V.P. *Iz istoriya sozdaniya i deyatelnosti Chuvashskogo sovmarkhoza kontsa 50-gh – nachala 60-gh godov XX veka* [From the history of creation and activity of the economic Council of the Chuvash late 50's-early 60-ies of XX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 44–47.
9. Mineev A.I. *Chuvashskii sovmarkhoz v 1957–1962-e gody: organizatsiya, kadrovyy sostav, upravlenie promyshlennost'yu: dis. ... kand. ist. nauk* [Chuvash national economic Council in 1957–1962-ies: organization, staffing, management industry. Doct. Diss.]. Cheboksary, 2012, 198 p.
10. Mineev A.I. *Chuvashskii sovmarkhoz i podgotovka tekhnicheskikh kadrov* [Chuvash national economic Council and technical training]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 1, pp. 22–26.
11. Mineeva E.K., Mineev A.I. *Tekhnicheskoe perevooruzhenie promyshlennosti stroimaterialov Chuvashii v 1957–1989 gg.* [Technical re-equipment of industry of building materials in Chuvashia 1957–1989]. *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Cheboksary, 2006, vol. 10, pp. 52–58.
12. Russakov S.G. *Organizatsiya upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom v Chuvashii v 1957 g. i ee pervye rezul'taty* [Organization of management in industry and construction in Chuvashia in 1957 and its first results]. *Voprosy ekonomiki i istorii Chuvashskoi ASSR. Uchen. zapiski. Vyp. XXII* [The Economics and history of the Chuvash ASSR. Exercises. note. Vol. XXII]. Cheboksary, 1963, pp. 125–142.
13. Sanukov K.N. *Sozdanie Mariiskogo Sovmarkhoza i pervye itogi ego deyatelnosti (1957 god)* [The Mari economic Council and the first results of its activity (1957)]. *Trudy Mar. Nil yazyka, literatury i istorii. Vyp. 19. Voprosy istorii, arkheologii i etnografii Mariiskoi ASSR* [Proceedings of Mari Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 19. Questions of history, archaeology and Ethnography of the Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, 1964, p. 24.
14. Silant'ev N.P. *Sovmarkhozy – osnovnaya organizatsionnaya forma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom* [The economic councils – the main organizational form of management of industry and construction]. Moscow, Nauka Publ., 1958, 215 p.
15. *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and the resolutions of the government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959, vol. VI, 385 p.

МИНЕЕВ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат исторических наук, руководитель отдела по работе с образовательными организациями, ООО «Лидер софт – внедренческий центр», Россия, Чебоксары (minalig@inbox.ru)

MINEEV ALEXEY – Candidate of Historical Sciences, Head of Department on Work with Educational Institutions, LLC «Leader software innovation center», Cheboksary, Russia.

САНУКОВ КСЕНОФОНТ НИКАНОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола.

SANUKOV KSENOPHONT – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian History Department, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

УДК 94(497.1)
ББК 63.3(0)3

А.В. МИШИН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА БАЛКАНАХ (германо-югославские отношения)

Ключевые слова: Веймарская республика, германо-югославские отношения, репарационные платежи, рынок сбыта, план Дауэса, торговые договоры, экспортируемая продукция.

Анализируются германо-югославские отношения 1920-х гг. Подчеркивается взаимовыгодный характер сотрудничества, поскольку Германия нуждалась в поставках сырья и сельскохозяйственной продукции, а государство югославян – в расширении рынка сбыта сельскохозяйственных товаров и новых технологиях. Рассматриваются такие формы экономического взаимодействия, как экспорт-импорт продукции, совместные промышленные объекты, торговые договоры.

A. MISHIN ECONOMIC STRATEGY OF WEIMAR REPUBLIC IN BALKANS (German-Yugoslavian relations)

Key words: the Weimar Republic, German-Yugoslavian relations, reparation payments, trade market, Dawes Plan, trade contracts, exported production.

The author analyses the German-Yugoslavian relations in the 1920s pointing out a mutually beneficial character of their cooperation due to Germany's need of raw materials and agricultural products, and Yugoslavia's need of new technologies and desire to extend its market for its agricultural products. The author regards such forms of cooperation as export-import of the produce, joint industrial projects, and trade contracts.

Время существования Веймарской республики (1918–1933) является одним из сложных и драматичных периодов в истории Германии. «Кризис республики, – отмечает Х. Мёллер, – начался уже с момента ее возникновения – времени для консолидации изменившихся вследствие войны политических и общественных структур у нее не было» [1. С. 118]. Однако, несмотря на острые внутривнутриполитические и экономические проблемы, Германия продолжала двигаться к стратегически важной цели – расширению влияния в международном сообществе. В данной статье предпринята попытка рассмотрения одного из аспектов внешнеэкономической деятельности Германии в 1920-х гг. – взаимоотношений с балканскими странами, в частности с государством сербов, хорватов и словенцев (Королевством СХС). В отечественной исторической науке заявленная тема остается практически неизученной.

Экономическая составляющая германо-югославских отношений велика на всем протяжении их развития. Экономический интерес Германии к Королевству СХС был определенным и неизменным – это государство рассматривалось как сырьевой придаток. Германия не обладала такими большими естественными ресурсами для промышленного прогресса, как Великобритания и США. Страна не располагала в достаточной степени ни фосфатами, ни железной рудой, а залежи меди и свинца были незначительны. Основу, на которой работала немецкая промышленность, составляли уголь, соль и калий [9. С. 169]. Белград воспринимал Германию не просто как рынок сбыта сельскохозяйственных товаров, какие уже имелись в лице Италии, Австрии и Франции, но и как центр высоких технологий и производителя продукции металлургии и металлообработки, которой остро не хватало в Королевстве. Таким образом, деловые контакты между государствами осуществлялись в разных сферах экономики и включали в себя как масштабные долговременные проекты, так и разовые, имеющие локальное значение.

1920-е гг. в истории экономических взаимоотношений двух стран являются периодом становления и постепенного укрепления. Экономическая ситуация в Германии была столь сложной, что заставляла искать новые контакты и выгодное сотрудничество. Годы с 1920-го по 1924-й в истории Веймарской республики единодушно оцениваются исследователями как период кризиса. Страна переживала тяжелейшую инфляцию, которая была непосредственным следствием войны и послевоенных обязательств: «финансирование войны за счет займов и чрезвычайное бремя, возложенное на государство из-за поражения в войне» [1. С. 134]. Раскладка «чрезвычайного бремени» была такова: «репарационные платежи, проведение демобилизации армии, выплата военных пенсий, поддержка лишенных возможности трудиться как следствие вызванной войной безработицы, падение объемов потребительской (мирной) продукции и вследствие этого сильное увеличение импорта после войны» [1. С. 134].

По мнению премьер-министра Франции Э. Эррио, положение Германии в этот период характеризовалось высоким учетным процентом, давлением налогового бремени, большим внешним долгом, растущей безработицей [4. С. 398]. Высокий учетный процент обременял сельское хозяйство и промышленность. Введение новых налогов, безусловно, ухудшало положение населения, но было необходимо, «дабы обеспечить само существование государства» [4. С. 398]. Все затруднительнее становилась выплата внешнего долга по причине прогрессивного сокращения активного внешнеторгового баланса. Безработица в Германии была больше, чем в какой-либо другой стране; от 20 до 25% населения состояло на иждивении касс общественной помощи [4. С. 398].

Не подлежит сомнению, что, несмотря на кабальные условия, в которых в 20-е гг. оказалась Германия, состояние ее экономики было несравнимо лучше, чем экономическая ситуация в Королевстве СХС. Было бы неточно определить статус Югославии как аграрной страны – она являлась отсталой аграрной страной. В 1921 г. 80% населения было занято в сельском хозяйстве. И через десять лет, в 1931 г., эта цифра была так же велика, составляла 77% [10. С. 280]. Имели место принципиальные различия в развитии северных и южных регионов страны, что не давало возможности провести эффективные аграрные реформы. Сельскохозяйственные преобразования в южных областях означали ликвидацию феодальных отношений (известно, что здесь при обработке земли активно использовался деревянный плуг), аграрные нововведения в северной части страны, например, в Воеводине, способствовали развитию капиталистических отношений [10. С. 280]. В 1921 г. занятость населения этого балканского государства в промышленности составила 1,3%. Этот показатель был намного выше в северных и северо-западных регионах, за которыми следуют Белград, Земун и Панчево. В Словении и Воеводине процент работающих в промышленности достигал, соответственно, 22,15% и 15,88% от общей численности населения. Что касается технической оснащенности, то количество предприятий в самой развитой отрасли в обрабатывающей промышленности насчитывало 1831 [10. С. 286].

Таковы исходные данные, характеризующие югославскую экономику к моменту установления послевоенных деловых отношений с Германией. Прогресс в этой сфере наблюдается с самого начала десятилетия. Уже в 1920 г. многочисленные экономические представители Германии посещали Белград с целью установления контактов. Основой торговых отношений двух стран можно считать заключение в 1921 г. прелиминарного торгового договора, который из-за французского влияния был подписан только 5 декабря 1921 г. Закрывая это соглашение, правительство в Белграде не воспользовалось

привилегиями держав-победительниц, установленными Версальским договором [8. С. 125].

Динамику германо-югославского взаимодействия фиксируют и британские дипломаты. Они констатируют факт значительного улучшения в течение 1921 г. отношений между Германией и Королевством СХС и приводят ряд серьезных доказательств. В начале года между сторонами были закончены переговоры по заключению временного торгового договора, однако внезапно они были прерваны. Дипломаты делают обоснованное предположение о том, что переговоры прекратились по настоянию Франции, которая заявила, что заключение Королевством торгового договора с Германией до того, как подобный договор заключен с Францией, противоречит союзническим обязательствам. Вопреки этим обстоятельствам отмечено в донесении, договор был подписан и должен действовать до 30 июня 1922 г. Значение принятого документа определяется и тем, что наряду с подписанием договора Королевство СХС получило, как и Британия, от немецкой стороны подтверждение соблюдения п. 18 второй части VIII раздела Версальского договора – о выплатах странам-победительницам. По мнению британских дипломатов, Королевство извлекает большую выгоду из немецких репараций, денежные выплаты и поставки продукции способствуют снижению затрат на восстановление страны. Дипломатическое донесение содержит конкретный пример эффективности репараций – Белградом получено большое количество вагонов и локомотивов [6. 1921, 1922. № 65, 66, 68].

В то время как после Рурского кризиса и пакта Бриана-Келлога для Германии была установлена приемлемая квота репараций в пользу Англии, Франции, США и Бельгии, в отношении восточно-европейских стран-победительниц оставалось еще много неотрегулированных моментов. В частности, известна записка дипломата Кёхера на имя доктора Бернарда от 25 января 1924 г. о визите югославской делегации в Берлин по поводу продолжения выплаты репараций, прерванной постановлением от 29 октября 1923 г. [5. А.В. VII. 111]. Плачевное финансовое положение Веймарской республики проявилось, в частности, в том, что она была не в состоянии выплатить даже остаток репарационных платежей такой стране, как Королевство СХС. Когда германская сторона заявила о невозможности передачи последней оставшихся 1,5 млн золотых марок, член репарационной комиссии Д. Джурич высказал предложение о замене денежных выплат поставками зерна на соответствующую сумму. Кёхер свидетельствует о том, что немецкая сторона охотно подхватила эту идею [5. А.В. VII. 111].

Несмотря на имевшиеся сложности, уже в начале 1920-х гг. между Берлином и Белградом имеются договоренности о крупных проектах в сфере промышленности. Известно о переговорах крупнейших германских концернов, в основном в области металлообработки и военной промышленности, с представителями югославской правящей верхушки.

Укреплению экономики Германии способствовало принятие плана Дауэса, который вступил в силу 30 августа 1924 г. План был назван по имени председателя комитета экспертов американского банкира Чарльза Дауэса. Французская доктрина «экономических репрессий против Германии» была, таким образом, заменена англо-саксонской концепцией «восстановления германской экономики» [3. С. 160]. Разработчики плана констатировали экономическое единство Германии. Важнейшая цель плана Дауэса заключалась в реструктурировании выплат Германией репараций. Ограничение ресурсов выплат тремя категориями – налоги, доходы от использования железных дорог, промышленные

облигации [2. С. 207] – предоставляло правительству Германии большую свободу в выстраивании экономической стратегии. Прямая и непосредственная выгода Германии, полученная ею в результате принятия плана Дауэса, заключалась в сокращении размеров выплат и получении внешнего займа на сумму 800 млн золотых марок.

Одним из самых крупных проектов в рамках германо-югославского сотрудничества являлось строительство Панчевского моста, который находился в Белграде и пересекал Дунай. Данный проект должен был осуществиться полностью на средства от германских репараций. Немецкой стороне этот проект казался столь важным и с экономической, и с политической точки зрения, что он обсуждается в бумагах, отправленных МИДом Германии в посольство в Белград и предназначенных лично для посланника. Один из таких документов датируется 6 февраля 1926 г. Немецкий дипломат констатирует вступление проекта в завершающую стадию и подчеркивает ценность заказа для немецкой промышленности. В послании названы изменения, внесенные в договор. Дрезднер банк, финансовое руководство которого было утверждено, должен разработать план, учитывающий новые обстоятельства, – строительство будет вестись за счет репараций, а не за счет кредита. Дипломатический документ содержит экономические выкладки: 16,5 млн золотых марок поступают из Германии в счет репараций, на эти средства и возводится мост; глубоководные работы стоимостью 13 млн золотых марок должна произвести югославская сторона. У Берлина возникает закономерный вопрос, который он и адресует через своих дипломатов Белграду: располагает ли югославская сторона такими средствами [5. В.В. III. № не указан].

Нередко постройки, возведенные на немецкие деньги либо немецкими инженерами, представлялись как проекты югославского государства без уточнения источника средств на их возведение. Так, например, в 1928 г. был закончен мост через Дунай между городами Нови-Сад и Петроварадин. Открытие этого инженерного сооружения стало важным моментом в развитии югославской инфраструктуры, так как наряду с завершением за год до этого Панчевского моста способствовало соединению Воеводины с Белградом и укреплению единства страны. Однако в освещении югославской прессы это событие фигурировало лишь как новая постройка, и ни слова не было сказано об обстоятельствах, позволивших осуществить проект. Германское консульство в Загребе незамедлительно отреагировало на подобное замалчивание и послало об этом донесение в Берлин и в посольство в Белграде. Весьма любопытно, что Германию в этом вопросе вскоре поддержали некоторые круги в хорватской прессе, например, одна газета в г. Осиек напечатала текст обращения загребского консульства и поддержала его [11. R241. 721].

Свидетельством развития экономических отношений между Германией и Королевством в числе прочих факторов служат торговые договоры, заключенные сторонами. На протяжении 20–30-х гг. таковых было подписано несколько. Первое торговое соглашение, как уже отмечалось, имело место в декабре 1921 г. Договор содержал только важнейшие пункты по возобновляемому товарообмену, детали были не регламентированы [8. S. 125]. На протяжении двенадцати лет происходило продвижение к идее всеобъемлющего торгового договора, который был заключен в 1934 г. В рамках данной статьи необходимо рассмотреть договор о торговом и судоходном сотрудничестве от 17 ноября 1927 г., ставший важной ступенью в экономических отношениях двух государств. Значение этого договора было высоко оценено и третьими лицами, в частности британскими дипломатами. В отчете за 1927 г., предоставленном в МИД Великобритании, названный договорный процесс и его завершение фигурируют как главная информация. Составители отчета сообщают о выступлении министра иностран-

ных дел Королевства в Скупщине, во время которого он заявил, что Германия, будучи принятой в Лигу наций, подтвердила свою приверженность Версальскому порядку. На тот момент договор между Королевством СХС и Германией еще не заключен, но, как констатируют британские дипломаты, стороны доброжелательны друг к другу. Приведенные в донесении примеры доброжелательности красноречивы. Сто немецких автомобилей совершили пробег по Словении и Далмации и везде встречали радушный прием. Подобные обстоятельства дипломаты объясняют фактом проживания в Словении большого количества людей со смешанной кровью; предпочитая Германию Австрии, они, как часто слышал об этом английский посол, приветствуют аншлюс последней. Не может не быть свидетельством дружественности двух стран и частое посещение немецким посланником приемов у короля. Недовольство Британии сближением Королевством и Германии было столь велико, что, выходя за рамки дипломатической риторики, авторы послания сопровождают информацию эмоциональными комментариями: «...Хотя еще недавно Сербия стонала под немецким и австрийским сапогом» [6, 1927]. Обзор основных событий в сфере германо-югославских отношений завершается информацией о том, что 6 октября был подписан, а 20 декабря 1927 г. вступил в силу договор между названными сторонами.

Договор о торговом и судоходном сотрудничестве, состоящий из тридцати одной статьи, регламентировал взаимоотношения сторон в названных сферах, определял их права и обязанности. Две трети статей договора посвящены различным аспектам торгового взаимодействия государств. Статьи вторая, третья и четвертая устанавливали абсолютное равенство прав акционерных обществ, фирм и других учреждений одной стороны на территории другой. Признавались действительными все сделки, совершенные одной стороной на территории другой. Особо важным для югославского государства было установление равных цен на перевозку товаров и людей одной из сторон договора в пределах границ другой, и это касалось как железнодорожно-го, так и судоходного сообщения [7. МА 100863].

В договоре регулировался и вопрос о таможенных сборах, который в отношениях двух государств давно уже являлся болезненным. Согласно статьям восьмой, девятой и десятой, товары, ввозимые в Германию из Королевства СХС и в обратном направлении, не могли облагаться большими сборами, чем было зафиксировано в договоре. Следует отметить, однако, что договор регламентировал поставки не всех видов продукции, которые стороны могли выставить на продажу, а прежде всего сельскохозяйственной. Ряд статей договора посвящен таким важным в сфере торговли аспектам, как внутренние сборы и налоги.

Последние десять статей договора связаны с сотрудничеством двух стран в области судоходства. Эта область экономики была значима для обеих сторон. И Германия, и Королевство СХС являлись морскими державами. Оба государства имели на своей территории судоходные реки: в Германии крупнейшими из них были Рейн и Эльба, в Королевстве – Дунай, важнейшая водная артерия всей Юго-Восточной Европы. В статье двадцать первой договора зафиксировано равное право немецких и югославских кораблей на почетный прием, а также право на подобный прием кораблей третьих стран, если хотя бы одна из договаривающихся сторон состоит с ними в дружественных отношениях. Договор регламентировал действия его участников в экстремальных ситуациях [7. МА 100863].

Наглядно видно, что экономический договор между Германией и Королевством СХС от 1927 г. отличался глубокой проработкой материала, конкретикой, хорошим знанием ситуации и точностью формулировок. Договор не только фиксировал дружественные отношения между государствами, но и представлял собой четкий план совместных действий по активизации таких важных для обеих стран отраслей экономики, как торговля и судоходство.

Информативны данные об объемах экспорта и импорта Королевства СХС в первой половине 1920-х гг. Ввоз в Германию югославских продуктов в 1919–1921 гг. намного превышал экспорт в Королевство немецкой индустриальной продукции. Это объясняется чрезвычайной потребностью Веймарской республики в сельскохозяйственной продукции и тяжелым положением немецкой промышленности в этот период. В дальнейшем баланс выравнивается и германский экспорт в Королевство СХС значительно возрастает [7. МА 100863].

По данным германской статистики, в 1921 г. импорт в Королевство составлял 4,1 млрд динаров при совокупном весе в 0,7 млн т. А в 1926 г. показатели уже составляли 7,6 млрд динаров и 1,2 млн т. В то же время аналогичные показатели в экспорте югославской продукции были следующими: в 1921 г. стоимость вывезенной продукции составляла 2,5 млрд динаров, а вес – 1,5 млн т, в 1926 г. – соответственно, 7,8 млрд динаров и 4,9 млн т. Очевиден вывод о типично аграрном характере югославского государства, которое импортирует высокоценные товары с небольшим весом, а вывозит малоценные, которые обладают большим весом. В процентном соотношении в импорте первые три места занимали хлопковые изделия, шерстяная продукция, машины и аппараты, составлявшие 13%, 9%, 7% и 5%, соответственно. Что касается экспорта, то здесь также наблюдалась традиционная для подобного государства картина: три верхние позиции занимали кукуруза, пшеница и древесина с 17,12%, 10,82% и 10,26% [7. МА 100863].

Подробная информация о товарах, ввозимых Королевством СХС в Германию с начала 20-х гг. до 1928 г. содержится в югославских источниках. Перечень экспортируемой продукции красноречив: строительный лес, изделия из дерева, мясо, дрожжевые и бездрожжевые лепешки и хмель, средства для дубления кожи, удобрения, одежда из льна и джута, фетровые и соломенные шляпы, олово и изделия из олова, медь и изделия из меди, электроды [9. С. 165–167].

Несмотря на активно развивающиеся экономические отношения, в 1926 г. среди импортеров Королевства СХС Германия занимала лишь четвертое место, ввозя 12% от общего количества производимых югославами товаров и уступая Австрии, Чехословакии и Италии [7. МА 100863]. Невелика была доля югославской продукции и в импорте Германии – в 1924 г. она составляла 9%; по этому показателю Германия уступала Румынии [7. МА 100863].

Картину германо-югославских экономических отношений в 1920-е гг. существенно дополняет документ от 15 января 1929 г., предоставленный Генеральным консульством Королевства СХС баварскому министру иностранных дел [7. МА 100863]. Документ составлен Национальным банком Королевства и представляет собой отчет об экономической деятельности государства в 1927 г., который сопровождается анализом состояния югославской экономики в целом. 1927-й год назван составителями отчета периодом постепенной стабилизации динара, которому, как хорошо известно, было чрезвычайно сложно конкурировать на европейском рынке с такими сильными валютами, как, например, франк. На конец 1927 г. за 100 динаров полагалось 9,13 швейцарского франка (в данный период все расчеты составлялись в соотношении с этой самой твердой мировой валютой). Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, югославская валюта сохраняла такой уровень на протяжении нескольких месяцев.

Обращаясь к состоянию сельского хозяйства, специалисты Национального банка констатируют отсутствие четкой программы развития этой ведущей для Королевства СХС отрасли экономики. 1927-й год отмечен ростом промышленного производства, однако в ряде сегментов, в частности, в сфере производства муки и мяса, существуют серьезные проблемы. Поднять югославскую промышленность на новый уровень, по мнению специалистов, могут продуманное планирование и вложение капиталов. Логично предположить, что отчет Нацио-

нального банка Королевства СХС был направлен в Германию с определенной целью. Его составители хотели продемонстрировать определенные успехи югославской экономики, являющиеся, в частности, результатом сотрудничества с Германией, и завуалированно обозначить необходимость дальнейшего вложения немецких капиталов в экономику Королевства [7. МА 100863].

Несмотря на тот факт, что Германия и Королевство СХС имели в межвоенной Европе разный статус, их отношения были взаимовыгодны как в экономической, так и в политической сфере. Германия нашла в лице Королевства альтернативу заокеанским поставщикам сырья и продовольствия. Государство югославян крайне нуждалось в политической и экономической поддержке и обширном рынке сбыта продуктов. Укрепление контактов с Королевством позволяло Германии решать многие политические вопросы, в частности, расширять свое влияние на Балканах и планомерно идти к главной цели – к восстановлению бывшего положения в Европе.

Литература

1. Мёллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
2. План Дауэса // Хрестоматия по новейшей истории: в 3 т. Т. 1. 1917–1939. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 206–208.
3. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1. События 1918–1945 гг. М.: Культурная революция, 2006. 480 с.
4. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами: пер. с фр. 1914–1936. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
5. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Göttingen, 1972.
6. Avramovski Ž. Britanci o kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1986.
7. Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Баварский главный государственный архив). München.
8. Höpfner H.-P. Deutsche Südosteuropapolitik in der Weimarer Republik. Diss. Fr.-a-M.-Bern, 1983. 395 S.
9. Юбиларни зборник живота и рада Краљевине СХС. Београд, 1929.
10. Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. С. 274–289.
11. Politisches Archiv der Auswärtigen Amtes (Политический архив Министерства иностранных дел ФРГ). Berlin.

References

1. Möller H. Weimar: die unvollendete Demokratie. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985, 281 S. (Russ. ed.: Meller H. Veimarskaya respublika. Opyt odnoy nezavershennoy demokrati. Moscow, 2010, 311 p.).
2. Plan Dauesa [Dowes plan]. In: *Khrestomatiya po novejshey istorii: v 3 t. T. 2. 1917–1939* [The modern history chrestomathy. 3 vols. Vol. 2: 1917–1939]. Moscow, 1960, pp. 206–208.
3. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnih otnosheniy: v 2 t. T. 1. Sobiya 1918–1945* [The systematic history of international relations. 2 vols. Vol. 1: Events of 1918–1945]. Moscow, 2006, 408 p.
4. Herriot éd. Jadis. D'une guerre à l'autre. 1914–1936. Paris, 1952 (Russ. ed.: Errio E. Iz proshlogo. Mezhdvumya voynami. 1914–1936. Moscow, 1958).
5. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Göttingen, 1972.
6. Avramovski Ž. Britanci o kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1986.
7. Bayerisches Hauptstaatsarchiv.
8. Höpfner H.-P. Deutsche Südosteuropapolitik in der Weimarer Republik. Diss. Fr.-a-M.-Bern, 1983, 395 S.
9. *Yubilarni zbornik zhivota i rada Kraleveni SHS* [The anniversary collection of life and work of the Kingdom of SHS]. Beograd, 1929.
10. Petranovich B., Zechevich M. *Yugoslavia 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata* [Yugoslavia. 1918–1988. The thematic collection of documents]. Beograd, 1988, pp. 274–289.
11. Politisches Archiv der Auswärtigen Amtes. Berlin.

МИШИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Института всеобщей истории РАН, Россия, Москва (futurum2006@yandex.ru).
MISHIN ALEXEY – a competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate of World History Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 314.172

ББК 60.7

А.Б. МЯСНИКОВА

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ**

Ключевые слова: финно-угорские народы, демография, демографическая ситуация.

Проанализирована демографическая ситуация финно-угорских народов в постсоветский период. Приведены примеры мероприятий, направленных на оздоровление демографического положения финно-угров. Используются материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также приведены статистические данные по Финляндии, Эстонии и Венгрии. К причинам демографических потерь российских финно-угров можно отнести: переход к малодетной семье, сельское происхождение, половую диспропорцию, экологическую ситуацию, вредные привычки, а зарубежных – изменение модели семьи, эмиграцию.

A. MYASNIKOVA

**DEMOGRAPHIC LOSSES IN FINNO-UGRIC WORLD
IN LATE XX – EARLY XXI CENTURY**

Key words: Finno-Ugric peoples, demography, demographic situation.

The author analyzes the demographic situation regarding the Finno-Ugric peoples in the post-Soviet period and gives examples of measures aimed at improving this situation. The article is based on the materials of the Russian National Population Census of 2002 and 2010, as well as the statistical data on Finland, Estonia and Hungary. The causes of demographic losses in Russian Finno-Ugric peoples are as follows: a tendency to having fewer children in the family, rural origin of people, gender disproportion, ecological situation, bad habits, while among the reasons for the demographic losses in foreign countries are changing a family pattern and emigration.

Существует четыре основные модели выживания для людей, относящих себя к членам этнического или лингвистического (языкового) меньшинства. Ими принято считать ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию.

Ассимиляция встречается, когда индивидуум от меньшинства отождествляет себя с этническим большинством и теряет свою этническую индивидуальность. В крайних случаях этнические корни отрицаются или прячутся. Сепарация означает процесс замыкания в собственной этнической культуре и абсолютное отрицание преобладающей культуры. В крайних случаях она может проявляться в нежелании изучать язык этнического большинства, в силу чего всемерно будет демонстрироваться презрение к его нравственным ценностям. Маргинализация имеет место тогда, когда индивидуум теряет соприкосновение со своей древней этнической культурой, в то же время не находя возможности усвоить новые черты преобладающей культуры. Это может означать отчуждение и изоляцию – падение в психологическое и социальное небытие. Интеграция, возможно, есть самая разумная альтернатива, означающая сохранение самобытной этнической идентичности в качестве адаптации к будущей новой преобладающей культуре.

Демографическая ситуация у финно-угров России складывается различно даже из-за их чрезвычайного численного разнообразия: наиболее малочисленные этносы представлены количеством меньше тысячи, а крупные группы могут превышать миллион. В России разговаривают более чем на 12 различных финно-угорских языках, точное число зависит от определения слова «язык».

Демографические потери финно-угорских народов имели место в течение всего XX в., но особенно катастрофические потери произошли за последние 10–15 лет. Финно-угорская группа уменьшилась на 480,3 тыс. человек, что составляет 17,7% от их численности в 2002 г. Это связано со значительным уменьшением мордвы на 229,6 тыс. человек, удмуртов – на 78,1 тыс., коми и коми-пермяков – на 64,4 тыс., марийцев на – 39,7 тыс. и карелов –

на 31,7 тыс. На эти народы приходится 92,3% общих потерь от их численности. Лишь у манси и хантов шло увеличение численности [10. С. 44].

Сравнивая данные Всероссийской переписи населения России 2002 г. и 2010 г., можно сделать следующие выводы: самые большие потери понесли финны на 40,5%, или 13 783 человека, эстонцы – 36,4%, или 10 238 человек, венгры – 26,2%, или 987 человек, бесермяне – 29,5%, или 921 человек, карелы – 34,8% или 32 529 человек, селькупы – 14,1%, или 600 человек, саамы – 11%, или 220 человек, ижора – 18,7%, или 61 человек. Увеличили свою численность ненцы на 8,1%, или 3338 человек, ханты – 7,9%, или 2265 человек, манси – 7,3%, или 837 человек, нганасаны – 3,4%, или 28 человек, сету – 8,6%, или 17 человек, финны-ингерманландцы – 40,4%, или 127 человек (таблица).

**Численность финно-угорских народов, проживающих
в сельской и городской местности по половому признаку¹**

Народы	2002 г.						2010 г.					
	городское			сельское			городское			сельское		
	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж
Бесермяне	766	366	400	2 356	1 179	1 177	651	305	346	1 550	734	816
Венгры	2 553	1 382	1 171	1 215	639	576	1 811	996	815	970	512	458
Вепсы	4 624	1 789	2 835	3 616	1 550	2 066	3 348	1 335	2 013	2 588	1 088	1 500
Водь	56	26	30	17	8	9	50	27	23	14	8	6
Горные марийцы	2 445	1 066	1 379	16 070	7 451	8 619	2 314	992	1 322	21 245	9 925	11 320
Ижора	177	76	101	150	33	117	130	58	72	136	44	92
Карелы	52 205	21 350	30 855	41 139	18 521	22 618	35 211	13 886	21 325	25 604	11 108	14 496
Коми	139 416	57 291	82 125	153 990	72 137	81 853	109 705	42 252	67 453	118 530	54 610	63 920
Коми- ижемцы	1 516	540	976	14 091	6 813	7 278	682	261	421	5 738	2 787	2 951
Коми- пермяки	48 658	20 269	28 389	76 577	35 708	40 869	34 759	13 609	21 150	59 697	27 581	32 116
Луговые марийцы	20 643	8 971	11 672	35 476	16 639	18 837	117	47	70	101	32	69
Манси	5 919	2 562	3 357	5 513	2 605	2 908	7 028	3 115	3 913	5 241	2 475	2 766
Марийцы	256 094	113 570	142 524	348 204	165 342	182 862	233 179	100 718	132 461	314 426	149 665	164 761
Мордва	439 063	198 645	240 418	404 287	185 813	218 474	379 327	170 571	208 756	364 910	168 067	196 843
Мордва- мокша	21 554	9 800	11 754	28 070	13 217	14 853	3 620	1 655	1 965	1 147	483	664
Мордва- эрзя	22 481	10 106	12 375	61 926	27 954	33 972	14 353	6 476	7 877	42 655	19 375	23 280
Нганасаны	165	60	105	669	302	367	315	135	180	547	250	297
Ненцы	7 844	3 180	4 664	33 458	16 087	17 371	9 593	3 898	5 695	35 097	16 933	18 164
Саамы	853	332	521	1 138	550	588	787	322	465	984	448	536
Селькупы	786	353	433	3 463	1 675	1 788	773	372	401	2 876	1 363	1 513
Сету	55	26	29	142	80	62	50	16	34	164	80	84
Удмурты	296 976	129 227	167 749	339 930	157 290	182 640	246 290	103 484	142 806	306 009	140 693	165 316
Финны	23 484	10 031	13 453	10 566	4 724	5 842	14 198	6 018	8 180	6 069	2 615	3 454
Финны- ингерман- ландцы	274	131	143	40	19	21	389	200	189	52	20	32
Ханты	9 924	4 152	5 772	18 754	8 881	9 873	11 879	5 119	6 760	19 064	9 015	10 049
Энцы	51	23	28	186	99	87	57	19	38	170	96	74
Эстонцы	18 082	7 869	10 213	10 031	4 612	5 419	11 678	4 926	6 752	6 197	2 785	3 412
Итого	1 376 664	603 193	773 471	1 611 074	749 928	861 146	1 122 294	480 812	641 482	1 341 781	622 792	718 989

¹ Таблица составлена по данным Всероссийских переписей населения, проведенных в 2002 и 2010 гг. (Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 года: офиц. сайт. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 года: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).

Высокими темпами продолжает сокращаться численность самых малых финно-угорских народов, что приводит к довольно пессимистичным прогнозам относительно их будущего. Незначительное увеличение наблюдается у малых коренных народов, что связано во многом с принятием Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Снижение численности эрзян и мокшан председатель Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа профессор М.В. Мосин связывает прежде всего с тем, что «люди забывают свои корни, язык отца-матери, культуру, а представители молодого поколения зачастую даже не рассказывают своим детям о национальной принадлежности» [9].

Анализируя демографическую статистику финно-угорского мира в целом в постсоветский период, нельзя не отметить, что только Финляндия увеличила свою численность на 209 тыс. человек. Венгрия, Эстония и Россия потеряли население на 487, 248 и 387 тыс. человек, соответственно. Совместные потери этих стран составили 1 млн 122 тыс. Для Венгрии эти потери составляют 4,9% ее населения в 2003 г., Эстонии – 18,7%, России – 6,0%. Таким образом, списать все демографические проблемы финно-угорских народов, проживающих в России, на политические факторы отнюдь не корректно, поскольку в Венгрии и Эстонии дела обстоят еще хуже [1].

Одной из составляющих депопуляции является снижение рождаемости как следствие перехода к малодетной семье. Оказывает влияние результативность этнической миграции и ассимиляционные процессы. И.Л. Поздеев отмечает, что в среде удмуртов продолжается тревожная ориентация на малодетность, характерная и для большинства российских финно-угров. В то же время молодежь обладает значительным потенциалом для выравнивания демографической ситуации [7. С. 45].

Другой демографической проблемой финно-угорских народов является существенная половая диспропорция. Столь неблагоприятная картина соотношения полов объясняется сверхсмертностью среди мужчин, в том числе – трудоспособного возраста. Анализ данных Всероссийских переписей показал, что в 2002 г. количество женщин составило 54,7%, или на 28 тыс. больше, в 2010 г. – 55,2%, или на 26 тыс. больше мужчин.

Кроме того, демографические проблемы финно-угорских народов России связывают с их сельским происхождением. Социально-экономические изменения рубежа XX–XXI столетий наиболее болезненно сказались именно на сельском населении страны. На этом фоне беспрецедентный характер приняли темпы снижения рождаемости. Начавшуюся депопуляцию усугубил значительный рост смертности [5. С. 5]. Проанализировав данные Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г., можно сделать вывод, что численность финно-угорских народов, проживающих в городской и сельской местности, практически равна: 53,9% в 2002 г. – сельское население, 54,5% в 2010 г. (таблица).

По данным Министерства социального обеспечения и здравоохранения Финляндии, в конце 2011 г. население Финляндии насчитывало 5,4 млн, а количество семей с детьми – около 581 000. Из общего числа семей 20% составляли семьи с одним родителем. В состав семей с детьми входило около 40% населения [8].

Последние исследования в Финляндии указывают на увеличение бездетных, согласно данным Статистического центра, из 40–44-летних финнов каждая пятая женщина и каждый четвертый мужчина не имеют детей. Если ранее более образованные люди имели в среднем меньше детей, чем малообразованные, то теперь ситуация поменялась кардинальным образом. Одной из важных причин

бездетности также является отсутствие подходящего партнера. Профессор А. Роткирх отмечает, что рождаемость в Финляндии напрямую зависит от социального статуса. Чем ниже образование у человека, тем меньше детей [11].

В 2010 г. демографическая ситуация в Эстонии была названа самой стабильной в Европе – наблюдался баланс между смертностью и рождаемостью, а естественный прирост населения вырос, составив меньше 100 человек [3]. Но уже через два года эта ситуация изменилась. Департамент статистики Эстонской Республики на 1 января 2013 г. обнародовал предварительные данные, по которым численность населения составила 1 286 540 человек. Самыми значительными факторами сокращения населения называют эмиграцию и рост числа смертей. Кроме того, по словам директора Института демографии Л. Саккеус, в Эстонии происходит изменение модели поведения, когда рожают в более старшем возрасте, а эстонские женщины на фоне Европы рожают относительно рано. «Поэтому пока невозможно что-то утверждать. Например, если взять для сравнения 2008 г., когда родилось больше всего детей, то с 2008 г. до 2011 г. среди женщин старше 27 лет число рождений не сократилось, в 2011 г. оно было даже на 4% больше, чем тремя годами ранее. Однако можно констатировать, что в следующие годы число рождений будет низким, поскольку к началу 2012 г. 15–49-летних женщин было на 25 тыс., т.е. на 8%, меньше, чем в 2005 г.», – Л. Саккеус предсказывает неутешительную перспективу [12].

Сложная демографическая ситуация отмечается и в Венгрии. По данным Центрального статистического управления, население страны за 2009 г. вновь уменьшилось на 34 тыс. Начиная с 1980 г. численность населения страны постоянно сокращается и в настоящее время едва превышает 10 млн человек [4]. По прогнозам, к 2050 г. численность жителей страны на Дунае может сократиться до 8 млн [2].

Н.Н. Логинова и Т.П. Реброва в своей работе отметили улучшение некоторых показателей рождаемости, здоровья, продолжительности жизни, сокращение преступности, числа самоубийств, алкогольных психозов и отравлений. На примере Республики Мордовия, Ханты-Мансийского АО – Югра и других регионов можно сделать вывод о росте показателей уровня и качества жизни населения, улучшении качественных характеристик самого человека. Все это способствует положительным демографическим сдвигам не только в регионах, но и в стране в целом [6. С. 96].

В России проводятся мероприятия, направленные на улучшение демографической ситуации. Например, в 2003 г. в г. Ижевске был проведен международный симпозиум «Основные направления изучения здоровья финно-угорских народов», в работе которого приняли участие экологи, медики, физиологи, историки, представители общественности.

В декабре 2012 г. в Саранске прошла научно-практическая конференция по теме «Актуальные проблемы и аспекты социальной защиты семьи у финно-угорских народов». Обсуждены следующие темы: «Семейная культура финно-угорских народов: история и современность», «Проблемы демографического развития финно-угорских народов и их влияние на институт семьи», «Социальная защита семьи у финно-угорских народов: проблемы и перспективы», «Перспективы развития института семьи у финно-угорских народов в условиях глобализации» и др.

Кроме того, в Ижевске с 2008 г. издается Международный научно-практический журнал «Здоровье, демография, экология финно-угорских народов».

Таким образом, демографические проблемы актуализируют проблему не только сохранения населения, но и своей территории, являющейся привлекательной для этносов. Проводимые мероприятия дают возможность надеяться

на улучшение демографического положения финно-угорских народов, положительная динамика наблюдается у хантов и манси в России. Сложную демографическую ситуацию переживают Венгрия и Эстония, в Финляндии обстановка стабильная.

Литература

1. Говрякова Н.Н., Ржанова С.А. Демографический контекст социально-экономического развития финно-угорских народов [Электронный ресурс] // Регионология. 2011. № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/754> (дата обращения: 14.06.2014).
2. Демографическая ситуация в Венгрии продолжает ухудшаться, венгров становится все меньше [Электронный ресурс]. URL: http://www.praesto.ru/medicine/id_206999 (дата обращения: 20.02.2015).
3. Демографическая ситуация в Эстонии – самая стабильная в Европе [Электронный ресурс] // Postimees. 2011. 30 июля. URL: <http://rus.postimees.ee/514398/demograficheskaja-situacija-v-jestonii-samaja-stabilnaja-v-evrope> (дата обращения: 20.02.2015).
4. Демографический кризис в Венгрии усиливается – Мария Копп [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2010. 28 февр. URL: <http://ria.ru/world/20100228/211402992.html#ixzz3SHwxifO7> (дата обращения: 20.02.2015).
5. Из пленарного доклада А. Загребина и Г. Никитиной на конгрессе финно-угроведов // Финно-угорская газета. 2010. № 8(30), 30 авг. С. 5.
6. Логинова Н.Н., Реброва Т.П. Динамика численности финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 89–97.
7. Поздеев И.Л. Особенности демографического поведения финно-угорской молодежи // Вестник Оренбургского университета. 2011. № 4(123). С. 39–45.
8. Политика семьи и детей в Финляндии / Министерства социального обеспечения и здравоохранения [Электронный ресурс]. Тампере: Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino, 2013. URL: <http://www.julkari.fi/handle/10024/104493>.
9. Спиридонова Е. Мордовия готовится к проведению VI Съезда мордовского (мокшанского и эрзянского) народа [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. 2014. 21 мая. URL: <http://izvzmor.ru/news/view/20565> (дата обращения: 18.06.2014).
10. Фаузер В.В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты, специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. № 3. С. 40–51.
11. Финны хотят детей, но не находят партнеров [Электронный ресурс]. URL: <http://fin-ugor.ru/finny-khotyat-detei-no-ne-nakhodyat-partnerov> (дата обращения: 21.11.2014).
12. Эстония: Куда катится демографическая ситуация? [Электронный ресурс] // Информационный портал Русской Общины Эстонии – Baltija.eu. URL: <http://www.baltija.eu/news/read/29375> (дата обращения: 20.02.2015).

References

1. Govryakova N.N., Rzhanova S.A. *Demograficheskii kontekst sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya finno-ugorskikh narodov* [Demographic context of socio-economic development of the Finno-Ugric peoples]. *Regionologiya* [Regionology], 2011, no. 3. Available at: <http://regionsar.ru/node/754> (Accessed 14 June 2014).
2. *Demograficheskaya situatsiya v Vengrii prodolzhaet ukhudshat'sya, vengrov stanovitsya vse men'she* [The demographic situation in Hungary continues to deteriorate, Hungarians becoming less] Available at: http://www.praesto.ru/medicine/id_206999 (Accessed 20 February 2015).
3. *Demograficheskaya situatsiya v Estonii – samaya stabil'naya v Evrope* [Demographic situation in Estonia – the most stable in Europe]. Postimees, 2011, July 30. Available at: <http://rus.postimees.ee/514398/demograficheskaja-situacija-v-jestonii-samaja-stabilnaja-v-evrope> (Accessed 20 February 2015).
4. *Demograficheskii krizis v Vengrii usilivaetsya – Mariya Kopp* [The demographic crisis in Hungary is enhanced – Maria Kopp]. *RIA Novosti* [RIA News], 2010, Feb. 28. Available at: <http://ria.ru/world/20100228/211402992.html#ixzz3SHwxifO7> (Accessed 20 February 2015).
5. *Iz plenarnogo doklada A. Zagrebina i G. Nikitinoi na kongresse finno-ugrovedov* [From the plenary report A. Zagrebina G. Nikitinoy and the Congress of Finno-Ugric]. *Finno-ugorskaya gazeta* [Finno-Ugric newspaper], 2010, no. 8 (30), Aug. 30, p. 5.
6. Loginova N.N., Rebrova T.P. *Dinamika chislennosti finno-ugorskikh narodov* [Dynamics of the number of Finno-Ugric peoples]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world], 2013, no. 3, pp. 89–97.
7. Pozdeev I.L. *Osobennosti demograficheskogo povedeniya finno-ugorskoj molodezhi* [Features of demographic behavior of the Finno-Ugric youth]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg University], 2011, no. 4 (123), pp. 39–45.
8. *Politika sem'i i detei v Finlyandii* [Policy for families and children in Finland]. Tampere, 2013. Available at: <http://www.julkari.fi/handle/10024/104493> (Accessed 8 February 2015).

9. Spiridonova E. *Mordoviya gotovitsya k provedeniyu VI S"ezda mordovskogo (mokshanskogo i erzyanskogo) naroda* [Mordovia is preparing for the VI Congress of Mordovian (Moksha and Erzya-ray) people]. *Izvestiya Mordovii* [Proceedings of Mordovia], 2014, May 21. Available at: <http://izvmor.ru/news/view/20565> (Accessed 18 June 2014).

10. Fauzer V.V. *Demograficheskoe razvitie finno-ugorskikh narodov: obshchie cherty, spetsificheskoe osobennosti* [Demographic development of the Finno-Ugric peoples: general features, specific features]. *Sotsial'naya i demograficheskaya politika* [Social and Demographic Policy], 2006, no. 3, pp. 40–51.

11. *Finny khotyat detei, no ne nakhodyat partnerov* [The Finns want children, but can not find partners]. Available at: <http://finugor.ru/finny-khotyat-detei-no-ne-nakhodyat-partnerov> (Accessed 21 November 2014).

12. *Estoniya: Kuda katitsya demograficheskaya situatsiya?* [Estonia: Where is rolling demography?]. Available at: <http://www.baltija.eu/news/read/29375> (Accessed 20 February 2015).

МЯСНИКОВА АЛЛА БОРИСОВНА – специалист по учебно-методической работе, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lekomalla@yandex.ru).

MYASNIKOVA ALLA – Specialist in Educational and Methodological Work, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 94(470)“1826/1860”:351.746.1

ББК ТЗ(2)522-36

В.В. РОМАНОВ

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОСКОРБЛЕНИЮ ИМПЕРАТОРА
И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И АГИТАЦИИ –
ФУНКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В 1826–1860 ГОДЫ:
нормативная база и ее реализация**

Ключевые слова: политическая полиция, Третье отделение, Корпус жандармов, жандармские штаб-офицеры в губерниях, антиправительственная пропаганда и агитация.

Рассмотрена проблема противодействия экстремистской пропаганде и агитации как функции политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. Она исследуется в аспектах: нормативной базы, механизма реализации, изменения значения среди функций политической полиции. Особо акцентируется внимание на процессе формирования данной функции анализируемого государственного института в указанный период.

V. ROMANOV

**PREVENTING OFFENSE AGAINST THE EMPEROR
AND EXTREMIST PROPAGANDA AND AGITATION AS THE FUNCTION
OF THE POLITICAL POLICE OF RUSSIAN EMPIRE IN 1825–1860:
normative base and its implementation**

Key words: political police, the Third Section of His Majesty's Private Imperial Chancery, gendarme corps, gendarme staff officers in provinces, antigovernmental propaganda and agitation.

The article is devoted to the issue of preventing extremist propaganda and agitation as the function of the Russian Empire political police in 1825–1860. It explores such aspects of the problem as: normative base, implementation mechanism, the changing role of the functions fulfilled by the political police. Special attention is focused at the process of establishing the given function of the regarded state institution in the given period.

Функция противодействия органов политической полиции экстремистской пропаганде и агитации на протяжении советского периода никогда не выступала объектом самостоятельного исследования. Как демонстрируют последние события, значение данной проблемы в современном обществе неуклонно возрастает. Последние два десятилетия ознаменовались определенным вниманием исследователей к ней, но в контексте других проблем. Данная статья представляет собой попытку исследования данной функции политической полиции в аспекте нормативной базы и правоприменительной практики на одном из этапов ее развития, в сложный период 1826–1860 гг. – кануна великих реформ.

Данные составы преступлений были достаточно распространенными на протяжении всего периода российского абсолютизма в силу простоты и выражались в доступном с объективной стороны – произнесении слов и реже – в распространении информации в письменном виде. В первой редакции (1832 г.) Свода Законов в томе XIV в книге I разделе III содержалась глава II «О наказаниях за поношение Государя Императора и Членов императорского дома злыми и вредительными словами», состоящая из 3 статей (220–223). Кроме того, в разделе IV содержалась глава I «О наказаниях за поношение присутственных мест и должностных лиц» 3 статьи (229–231), глава III «О наказаниях за сочинение и распространение подложных указов, за распространение вредных слухов, за пасквили и подметные письма» 7 статей (235–241) и глава IV «О запрещенных сходбищах и незаконных и тайных обществах» 3 статьи (247–249). При этом законодатель разделяет их на две группы, относя первые к государственным преступлениям, а вторые – к преступлениям против правительства.

Поэтому политическая полиция с самого начала анализируемого периода была вынуждена участвовать в противодействии лицам, совершавшим данные деяния. Например, Третьим отделением в 1826 г. был представлен императору всеподданнейший доклад «О крестьянине В. Гаврилове, преданном уголовному суду за произнесение дерзких слов» [1. Л. I–IVоб.].

В составе Третьего отделения данные преступления входили в сферу деятельности 2-й экспедиции, в которое стекалась информация о совершении их и материалы формальных следствий из подразделений различных органов с территории всего государства. Например, в фондах Третьего отделения сохранилась выписка из протоколов по делу отставного поручика И. Мацкевича, обвинявшегося в оскорблении наследника, и записка со сведениями о нем и доносчиках (декабрь 1826 г.) [2].

Противодействие политической полиции выражалось, как в деятельности ее самой (в частности, Третьего отделения и местных подразделений Корпуса жандармов) по привлечению лиц, совершивших указанные деяния, к ответственности, так и в содействии по привлечению последних подразделениями иных государственных органов, которые проводили оперативно-розыскные мероприятия и предварительное следствие по выявленным фактам.

Причем в начале исследуемого периода оперативно-розыскные мероприятия по деяниям, содержащим признаки указанного преступления, и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших их, могли происходить в обход политической полиции. Ярким доказательством этому являются материалы «Дела по рапорту и.д. казанского губернатора об оскорблении особы государя чистопольским мещанином Сорокиным», собранные в 1829 г. В производстве его на разных этапах участвовали чины: министерства внутренних дел (министр, генерал-губернатор, губернатор, городничий), министерства юстиции (уездный судья), управление путей сообщения (смотритель судоходства), министерство императорского двора и уделов (казанская удельная контора). Однако лаишевский уездный судья не усмотрел в деянии Сорокина состава преступления, и производство дела было закрыто [8. Л. 1].

В анализируемом варианте механизм расследования данного факта был следующим. 2 мая 1828 г. Лаишевский городничий направил и.д. казанского губернатора рапорт. В нем констатировалось, что во время нахождения его в почтовой экспедиции при отправлении из уездного казначейства денег в помещение полиции смотритель судоходства Дагудин привел трех судорбочих. Позднее туда явился судовладелец и солгал, что они задержаны за мелкую кражу, а Дагудин не возражает их отпустить. Между тем они были свидетелями произнесения хулительных слов об императоре мещанином Сорокиным [8. Л. 1].

Когда городничий выяснил у Дагудина, какие слова произнес Сорокин, то просил смотрителя судоходства прислать судорабочих для дачи показаний, но они уже уплыли на судне.

После этого городничий донес об этом факте в казанское губернское правление «на законное распоряжение, и оно поручило произвести о том строжайшее, аккуратнейшее и беспристрастное следствие Лаишевскому уездному судье Палицину» [8. Л. 1об.].

И.д. казанского гражданского губернатора принял информацию «К сведению» и только 24 мая направил секретный рапорт о указанном факте генерал-губернатору Нижегородскому, Казанскому, Симбирскому, Саратовскому и Пензенскому [8. Л. 1].

А днем ранее, 23 мая, Министерство внутренних дел по секретной части направило тому же адресату рапорт о данном факте, на основании отношения начальника Главного управления путей сообщения, куда по инстанции обратился титулярный советник Дагудин.

Начальник Главного управления путей сообщения, конечно, обратился в указанное министерство по традиции, что дает основание для констатации о незнании руководителем органа центрального управления компетенции Третьего отделения, несмотря на то, что после его образования прошло почти целых два года!

Умышленное (так как невозможно представить незнание и этими лицами компетенции руководящего органа политической полиции) вторжение в компетенцию Третьего отделения конкурента – Министерства внутренних дел, свидетельствует о продолжающейся в реальности борьбы между ними за данную сферу, и генерал-губернатор был на стороне последнего.

В донесении Дугина излагалась совершенно другая версия произошедшего. В нем указывалось, что Лаишевский городничий никаких мер по факту оскорбления императора своевременно не принял. Дело происходило в питейном доме, где произошла драка. Дадугин не очевидец, но к нему обратился и рассказал об этом один из свидетелей – А. Никитин, после чего судоходный смотритель нашел Сорокина и доставил со свидетелями в полицию. Полицейские первоначально у Сорокина изъяли паспорт, а потом всех отпустили [8. Л. 3–4].

Министр внутренних дел выслал копию рапорта титулярного советника и просил сообщить о принятых мерах.

8 июня 1828 г. генерал-губернатор, очевидно, забыв первоначальное донесение из Казани, снова потребовал от и.д. казанского гражданского губернатора сообщить первой почтой о данном деле [8. Л. 5].

Из ответа и.д. казанского гражданского губернатора генерал-губернатору следует, что Сорокин при допросе лаишевским уездным судьей не признался в содеянном и ссылаясь на тех же свидетелей, а поэтому первый потребовал от казанской удельной конторы прислать их к нему для допроса [8. Л. 6, 14об.]. Однако 29 июля он дополнительно сообщил ему, что А. Никитина допросить не могут, так как он в Рыбинске на работе до конца месяца [8. Л. 7, 7об.]. В донесении от 13 августа тому же адресату и.д. губернатора было сообщено, что свидетель допрошен и подтвердил, что Сорокин ругал императора нецензурной бранью [8. Л. 12].

Как вытекает из изложенного, деяние Сорокина подпадало под компетенцию политической полиции, однако Министерство внутренних дел и генерал-губернаторы по традиции продолжали функционировать в данной сфере, не допуская в нее анализируемый институт.

К концу анализируемого периода в результате больших усилий политической полиции ситуация изменилась. Политическая полиция не только реализовала свое право на активное участие в данном процессе, но и стала иг-

рать роль его координатора. Указанные изменения нашли отражение и в нормативной базе, регламентирующей ее деятельность.

Департамент исполнительной полиции МВД 16 ноября 1850 г. направил, в частности, и.д. казанского военного губернатора секретное предписание.

В нем указывалось, что император повелел для предотвращения весьма важных неудобств, с какими сопряжено формальное судебное производство по делам о произнесении дерзких и оскорбительных слов против высочайших особ императорской фамилии, «поставить начальникам губерний в обязанность, чтобы на будущее время о подобных преступлениях доводимо было предварительно до сведения Третьего отделения СЕИВК; вследствие чего генерал-адъютант граф Орлов будет сообщать по принадлежности, дать ли делу ход судебный или окончить оное административным порядком по докладу Его Величеству». В заключении предписания министр требовал его точного исполнения и уведомления о его получении данного [12. Л. 1].

3 января 1851 г. в дополнение к цитированному предписанию Департамент исполнительной полиции МВД разослал руководителям губерний второй циркуляр. В нем министром указывалось, что по получению донесения о таких фактах им немедленно необходимо для дознания, в какой степени справедливости сии донесения, произвести исследование, насколько возможно негласное.

Далее, акцентируя их внимание на том, что «следственные по этому предмету дела, вместе с отзывом местного начальства о поведении обвиняемого представлены были непосредственно к Вам» для передачи в Третье отделение [12, Л. 6, боб.].

Видимо, реализация цитированных предписаний показала необходимость некоторых корректировок в отношении военнослужащих. Поэтому 9 декабря 1852 г. аудиторский департамент военного министерства доводил до сведения военных губернаторов, в частности казанского, специфику рассмотрения данных дел. Повторяя содержание предписания от 16 ноября 1852 г., генерал-аудитор акцентировал внимание на новеллу о том, что после предварительного расследования в делах, где фигурировали военнослужащие, сообщали еще о результатах и военному министру. Очевидно, как для сведения, повышения его авторитета! Дела о духоборцах и раскольниках, в которых они отрекаются от исполнения обязанностей подданных, не признают власти церкви и святого таинства, оскорбляя при этом императорскую фамилию, а равно дела, где оскорбление проходит в совокупности с другими составами преступлений, подвергающих подсудимых суровым наказаниям, предписывалось рассматривать по установленному уголовным законом обычному судебному порядку, не доводя предварительно до сведения военного министра [12. Л. 3, 6, боб.].

Перечисленные новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве начали внедряться в практику, изменяя место политической полиции в системе институтов, противостоящих анализируемому составу преступлений. В 1856 г. министерство юстиции получило рапорт уездного чистопольского стряпчего по делу о произнесении крестьянином Сафоновым слов оскорбительных для Его Императорского Величества. Материалы предварительного следствия по данному факту были переданы для решения в уездный суд. В свою очередь, министерство данную информацию немедленно направило в Третье отделение. 29 октября 1856 г. первая экспедиция последнего направила отношение казанскому военному губернатору. В нем излагалась фабула вышеизложенного дела и указывалось, что на основании Высочайшего повеления от ноября 1850 г. после предварительного судебного рассмотрения подобные дела необходимо для окончательного решения препровождать в Третье отделение. Поэтому военному губернатору предлагалось приостановить процесс в уездном суде, а материалы

дела переправить в указанное отделение для решения вопроса о судебном или административном порядке его разрешения [11. Л. 1, 1об.].

Выполняя данное требование, 9 ноября 1856 г. казанский военный губернатор направил предписание в чистопольский уездный суд, а 17 ноября 1856 г. он получил ответ, что дело еще не рассмотрено и материалы высылаются по его требованию [11. Л. 2, 3]. В тот же день губернатор направил в Третье отделение материалы предварительного следствия, из которых вытекало – обвиняемый сознался, однако прямые улики отсутствуют [11. Л. 5, 5об.]. 20 декабря 1856 г. губернатор по требованию указанного отделения направил сведения о личности обвиняемого: характер тяжелый и буйный – по результатам повального обыска чистопольского уездного суда. Заметим, что он должен был это сделать одновременно с отправлением материалов дела, и отсутствие данной информации, бесспорно, затянуло принятие решения в столице.

29 декабря 1856 г. Третье отделение направило решение по делу казанскому губернатору. В нем указывалось, что по материалам доклада шефа жандармов Долгорукова император соизволил прекратить дальнейшее его производство, а арестанта освободить. Заметим, что это было типичное решение по данному составу преступления.

Отношение было получено в Казани 10 января, а 11 января 1857 г. казанский военный губернатор направил предписание об этом в чистопольский уездный суд [11. Л. 6–8]. Следовательно, с момента первоначального отправления документов до освобождения арестанта произошло не более двух месяцев, что свидетельствует о оперативном функционировании Третьего отделения при подготовке всеподданнейшего доклада по делу.

Однако исполнение данных предписаний происходило крайне медленно и сложно. В частности, через десять лет после первого предписания департамент исполнительной полиции МВД 31 июля 1860 г. направил начальникам губерний новое. В нем подтверждалось действие циркуляра МВД от 16 ноября 1850 г. и подчеркивалось, что в текущем году генерал-адъютанту Долгорукову было представлено из Сената 2 дела по данному составу преступления. В заключение министр требовал от них в очередной раз немедленного и точного исполнения предписания [11. Л. 4].

Проведенное нами исследование указывает, что деятельности политической полиции в сфере противодействия данному составу преступления мешали противоречия между различными государственными органами, ранее функционировавшими в данной сфере.

Одновременно подразделения политической полиции противодействовали распространению информации (всевозможных теорий, идей, противоречащих общепризнанным; дискредитирующих сведений, тенденциозных оценок), которая, с точки зрения как правящей элиты, так и руководства института, в той или иной степени могла повлечь социально опасные последствия.

Состав идей, циркулирующих в общественном мнении, регулярно отслеживался служащими местных подразделений, и информация отправлялась в столицу. Начальник 2-го отделения 5-го округа подполковник, а потом начальник одноименного округа Маслово по мере необходимости с 1827 г. по 1834 г. сообщал о толках и слухах, циркулирующих в Симбирской губернии [4].

Следует заметить, что правительство, слабо развивая и организуя препоны для создания печатных средств массовой информации, а также имея жесткую цензуру, предопределяло существование подобного механизма оперативной передачи актуальной информации для различных групп общества. В рапорте нижегородского губернатора генерал-майора Голенищева-Кутузова, отправленном 12 июля 1831 г. (в период начала ярмарки) А.Х. Бенкендорфу, справедливо освещалось состояние дел в данной сфере. Он указывал, что

вчера в частном письме из Санкт-Петербурга содержалась новость о сдаче пруссам польских повстанцев, куда русская армия их вытеснила. Далее автор констатировал «Дурные вести распространяются скоро и производят вредное впечатление, а хорошие никто нам не сообщает. Начальники губерний должны давать направление умам, а если они сами ничего не знают – чем же могут руководствоваться и опровергать разные нелепые слухи, распространяющиеся по большей части из Петербурга!» [3. Л. 3об.].

Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что генерал выразил абсолютную истину о существовавшем положении дел. Бесспорно, что жители столиц имели большие возможности получения разного рода информации (в том числе и не соответствующей действительности) по актуальным вопросам и провинция получала информацию от них официальным и частным порядком, в устной и письменной форме, а в самих губерниях в этот период только начали создаваться первые официальные средства массовой информации – газеты «Губернские ведомости».

В частности, и.д. начальника 6-го округа корпуса жандармов полковник Булыгин направил в Третье отделение записку от 29 августа 1834 г. «О распушенных по Симбирской губернии нелепых слухах». В ней он указывал автора информации и лицо, распустившее панический слух. «Известие о первом пожаре в Москве получил также г. Тургенев; наконец он получил второе уведомление от г. Булгакова о бывшем в Москве в Рогожинской части пожаре, и, распечатав его в почтовой конторе, прочитал вслух...», что подкупленные неизвестные почти ежедневно жгут дома и производят беспорядки, а полиция не может открыть виновных [4. Л. 52, 52об., 53]. Далее констатировалось, что принимаются меры к пресечению его распространения и оценивалось его влияние на публику. «Майор Стогов всеми мерами старался прекратить сии нелепые толки; впрочем он заметил, что они не произвели особенного влияния на умы» [4. Л. 53об.]. В заключительной части характеризуются личность распространителя слухов, круг его знакомств и высокая степень влияния на общественное мнение в губернии. Он констатировал: «Действительный Статский Советник Александр Иванович Тургенев есть родной брат бежавшего Тургенева, участвовавшего в заговоре 14 декабря. А как имение, принадлежавшее брату, досталось ему, то он, продав его, и выехал за границу, как говорят, виделся с преступником и отдал ему вырученные деньги; потом, путешествуя по Европе, возвратился в Симбирск, и, как кажется, намерен, продав свое имение, навсегда оставить Россию [4. Л. 54]. Он хорошо образован и отлично красноречив; резко и свободно объявляет свое мнение даже против мер правительства. В Симбирске на него смотрят как на гения, и все сказанное Тургеньевым не подлежит в общественном мнении никакому сомнению. Имеет довольно короткое знакомство с губернатором, но всегдешнее общество его составляют: председатель палаты гражданского суда Тараринов, помещик Аржевитанов и помещица Елизавета Языкова, родная сестра сосланного на каторжную работу по заговору 14 декабря Василия Ивановича» [4. Л. 54об.].

Ознакомившийся с запиской служащий Третьего отделения предлагал А.Х. Бенкендорфу провести профилактическую беседу с автором письма: «Не изволите ли признать полезным заметить г. Булгакову, что ему бы не следовало писать таких писем и распространять тревогу». Однако в отношении самого распространителя слуха он ограничился общими замечаниями: «Тургенева, Ваше Сиятельство, знаете. Сделанное о нем донесение довольно схоже. Он человек неблагонадежный. По протекции князя Голицына получил и вне службы довольно...и всегда готов злословить о праве» [6. Л. 52, 52об.]. Такая снисходительность объяснялась двумя причинами: во-первых, его не в чем было обвинить, во-вторых, сложно было противостоять жандармскому штаб-

офицеру в губернии представителям аристократических фамилий, имеющим материальные ценности, образование, связи и влияние на общество. Примечание к письму также не вызывало оптимизма. В нем констатировалось «... имею честь присовокупить, что между московским купечеством, находящимся на Нижегородской ярмарке, распространились также толки о злоумышленных поджогах» [6. Л. 55]. Это означало, что такого мнения придерживается и его выражает не один Булгаков и что слухи быстро расходились по всей территории страны.

Распространение информации, могущей повлечь социально опасные последствия, иногда приобретало характер пропаганды теорий и идей, опасных для существующего общественного и государственного строя, и даже агитации. В таких случаях местные подразделения предпринимали усилия для задержания лиц, совершивших указанное деяние, и (или) изъятия письменных источников указанной информации.

В частности, и.д. начальника 5-го округа подполковник А.П. Маслов в октябре 1831 г. из Симбирска направил отношение с просьбой о содействии и.д. казанского гражданского губернатора. В нем констатировалось, что достоверно известно – иконописцы из Владимирской губернии, разъезжая по имениям, распускают нелепые слухи о вольности между помещичьими крестьянами, последствия чего могут быть весьма вредными. Исходя из этого, предлагалось ему указать городской и земской полиции иметь неослабленное наблюдение за ними и в случае изобличения в этом поступать по закону. Пропагандисты-иконописцы использовали не только устную, но и письменную форму. К отношению прилагается 1 экземпляр «записки злоумышленного содержания» относительно возмущения помещичьих крестьян во Владимирской губернии [10. Л. 1–5].

На основании этого и.д. казанского гражданского губернатора направил секретное предписание подразделениям городской и уездной полиции (впервые на печатном бланке 12 адресатам) арестовать указанных лиц и представить ему, донеся подробно о их действиях. В первом донесении и.д. губернатора Чистопольский городской судья от 18 октября 1831 г. констатировал, что данных лиц не было [10. Л. 6]. Во втором его рапорте от 30 октября отмечалось прибытие иконописцев, но с правильно оформленными паспортами, и констатировалось, что никаких слухов они не распускают. Однако он арестовал их паспорта, в уезд их не пустил и ожидал ответа от и.д. губернатора – можно ли разрешить им торговать в городе? [10. Л. 6, 7]. В ответе и.д. казанского гражданского губернатора 9 ноября 1831 г. предписывалось установить за ними строжайшее наблюдение, но до начала агитации их не задерживать, но сообщить о них уездному исправнику [10. Л. 9об.].

Особое подозрение вызывали путешественники, которые перемещались по стране с целью сбора сведений и потенциально могли осуществлять пропаганду и агитацию. В частности, 1-я экспедиция Третьего отделения 19 января 1860 г. направила предписание штаб-офицеру в Саратовской губернии, подполковнику Руничу. Министр внутренних дел передал генерал-адъютанту Долгорукову экземпляр «данного, по Высочайшему повелению» начальникам губернии циркулярного предписания о путешественниках, отправляющихся по России, для собрания разных сведений. Оно препровождалось служащим Корпуса жандармов для наблюдения по этому предмету [10. Л. 6].

В прилагаемом циркуляре от 4 января 1860 г. указывалось, что «путешественники» могут распространять слухи о изменении существующего порядка владения помещичьими имениями, и поэтому необходимо принять решительные меры против них. Далее указывалось, что направлять путешественников могут только ученые общества, зарегистрированные правительством, снабдив их соответствующим видом и поставив в известность Министерство внутренних

дел, которое заблаговременно известит о них руководство губернии, а сами они обязаны заявить о себе в местную полицию. С лицами, путешествующими без соответствующих документов, необходимо поступать в порядке, установленном законом. Правительством справедливо опасалось бесед «путешественников пропагандистов-агитаторов» с крестьянами, которыми они могут возбудить вредные, ложные толки, а как показали события 1861 г. – иногда и массовые беспорядки [7. Л. 2].

В связи с распространением грамотности среди населения и возможностями размножения текстов рукописным и другими способами с помощью множительной техники противники существующего строя приступили к распространению своих теорий, идей в указанной форме, нередко с использованием почты.

В частности, Особая канцелярия МВД направила казанскому военному губернатору совершенно секретный циркуляр от 23 июля 1853 г. В нем сообщалось, что в Лондоне издана листовка «Юрьев день» «приглашающая к освобождению крестьян и наполненная угрозами в мятежном духе», которую в массовом количестве собираются направить в Россию. Далее описывался уникальный механизм противодействия, разработанный по повелению монарха. Губернатор «без малейшего оглашения и отнюдь не письменно условившись с губернским и по возможности уездными предводителями дворянства...», что при получении кем-либо листовок из любого места «письма эти немедленно были доставлены Г. шефу жандармов гр. Орлову...» с уведомлением министра. При этом министр в очередной раз напоминает, что необходимо проводить все «дознания и распоряжения по этому случаю сколь возможно секретнее и осторожнее...» [13. Л. 1, 10б.].

Последнее еще раз подтверждает, что министерство всеми силами старалось сохранить за собой хотя бы часть компетенции политической полиции и для этого у него постоянно находились некоторые основания.

К сожалению, указанные меры не достигли желаемой цели в полном объеме, так как идеи Герцена и других проповедников теорий, идущих вразрез с общепринятыми, в некоторой степени достигли российской аудитории и находили поддержку некоторых ее слоев. В частности, в перлюстрационной выписке из письма Александра Языкова из Симбирска в Москву Наталье Алексеевне Языковой от 10 декабря 1858 г. указывалось: «В университете (Казанском. – В.Р.) сильная неурядица. Приписывают многое влияние Герцена на западников. Не знаю, сумеют ли открыть следы и сношения, а то, что они есть, это знают все. Со своеволием и буйством трудно ладить, хотя и начальство виновато, что держит плохих профессоров; заставить слушать вздор уже нельзя. Любопытно знать: чем все это кончится, но, вероятно, поворотят назад и станут теснить» [5. Л. 1].

Существенной задачей в противодействии местным подразделениям пропаганде и агитации было выявление авторов письменных или печатных материалов революционно-оппозиционного характера.

В 1831 г. начальник 5-го округа Корпуса полковник Маслов в результате оперативно-розыскных действий достаточно быстро обнаружил и изобличил штаб-капитана генерального штаба Ситникова. Он обвинялся в написании материалов антиправительственного содержания, разбрасываемых и рассылаемых по почте. В частности в том, что в мае 1831 г. в Казани подбросил в лавку купца письмо – пасквиль против Высочайшей Особы с проектом о государственном управлении [9. Л. 7].

В связи с мероприятиями, проводившимися по этому делу, по указанию и.д. губернатора казанский полицмейстер Берзин приказал частным приставам городской полиции иметь строжайшее наблюдение в обществах за прибывшими в город лицами и особенно иностранцами, и все, что услышат подозрительного, доносить немедленно [5. Л. 1]. Как отмечал губернатор в рапорте от 15 октября

1831 г. шефу жандармов, несмотря на обнаружение виновного, «полиция города тогда и ныне неумолимо имеет наблюдение», в результате которого подозрение в аналогичном преступлении пало на отставного майора Германа [5. Л. 7].

10 октября вечером пристав 1-й части Машкин рапортом донес полицмейстеру, что подпоручица Немятова заявила ему, что накануне в ее доме отставной майор Герман «читал бумаги, содержание коих она не могла понять, но заметила неприличные выражения, к правительству относящиеся». Поэтому он отправился к месту ее жительства и через постороннего человека узнал, что постояльца нет и когда он возвратится, неизвестно. «Приняв все предосторожности в наблюдении за ним возврата в квартиру», с целью использовать фактор внезапности и открыть те бумаги, он отложил дальнейшие действия до утра [5. Л. 1–3]. 11 октября полицмейстер и Машкин нашли майора Германа только вставшим и, объявив причину их прибытия, потребовали предъявить им бумаги. Последний сразу это выполнил, так как они лежали свернутыми на столе, и заявил, «что в них ничего такого не заключается, за что бы он мог по совести отвечать». Прибывшие чины полиции произвели у него обыск, в ходе которого изъяли все бумаги, в частности переписку, тетрадь, которые полицмейстер запечатал своей печатью [5. Л. 1об.].

11 октября 1831 г. казанский полицмейстер П.С. Берзин донес о произошедшем рапортом и.д. гражданского губернатора, заключая, что за отставным майором со стороны полиции имеется строжайшее наблюдение и «в квартире его никаких не осмотренных нами бумаг не осталось» [5. Л. 1об.]. Приложил к своему рапорту рапорт пристава 1-й части Машина, протокол обыска у Германа.

Получив рапорт и вступив по этому поводу в контакт со штаб-офицером корпуса жандармов в губернии и.д. казанского гражданского губернатора 15 октября 1831 г. донес рапортом А.Х. Бенкендорфу о данном факте и совокупности проведенных оперативно-следственных действий. По получении рапорта и документов от казанского полицмейстера он «... пригласил губернского прокурора Солнцева и жандармского корпуса штаб-офицера Булыгина к общему обзору сих бумаг, в числе коих и открыты следующие рукописи»: 1) сочинения фон Визина, 2) собственные сочинения и переводы майора Германа, а) ответ на сочинение полковника фон Визина (о необходимости неперменного законоположения) — о необходимости государственных конституционных законов, и с французским заглавием того же содержания от мая 1825 г., б) мысли, для себя им писанные по кончине Александра 1, в) статьи о поэзии и музыке, г) статья о..., д) отрывок о воспитании, е) о судьбе в будущем северных...областей, ж) статья об английском парламенте, депутатах и переводы, в том числе из истории английского парламента, 3) дорожная записная книжка с 1808 г., т.е. когда ему было 17 лет. После прочтения всех материалов все нашли, что «некоторые статьи оказались непозволительными по духу представленных в них систем, объясненных, коим мятежные в наше время многие народы; замечены также в оных некоторые оскорбительные выражения предрержащей власти», и в самой дорожной книге замечены сомнительные шифры и фигуры. По этому поводу у Германа отобрали предварительные объяснения. Фактически была создана следственная комиссия, которая детально и крайне тенденциозно изучила все записи отставного майора, потребовала от него объяснений по выявленным фактам, т.е. произвела дознание.

Материалы его и все изъятые бумаги в специальном конверте, запечатанном печатью и.д. губернатора, были высланы при рапорте последнего А.Х. Бенкендорфу.

За отставным майором Германом по предписанию и.д. губернатора был установлен строжайшей надзор под личную ответственность полицмейстера, кото-

рый обязал его честным словом и подпискою никуда не выезжать до указаний Вашего Высочества, основание к таким действиям послужили ст. 172, 173 Наказа комиссии о согласовании Нового уложения [9. Л. 7–8об.].

В тот же день параллельно и.д. казанского гражданского губернатора выслал рапорт аналогичного содержания министру внутренних дел и краткие выписки мест из изъятых бумаг, вызвавших у комиссии вопросы, с указанием, что подлинники отправлены шефу жандармов. Заметим, что изъятые у Ситникова бумаги были отправлены в запечатанном конверте и.д. начальника 5-го округа корпуса жандармов Масловым А.Х. Бенкендорфу и впоследствии полиция использовал этот опыт.

Очевидно, представители политической полиции в Поволжском регионе, исходя из материалов данного дознания, заподозрили существование тайной организации. 17 октября 1831 г. и.д. начальника 5-го округа Маслов направил секретный запрос и.д. казанского гражданского губернатора о том, что жандармский подполковник Булыгин извещил его о деле Германа. В связи с тем, что «... по оному делу записан отставной штаб-ротмистр Родионов», полковник Маслов просил уведомить его, помещиком какой губернии он является и где его постоянное место жительства? [9. Л. 9–10об.]. И.д. гражданского губернатора 22 октября 1831 г. направил секретное предписание казанскому полицмейстеру (кстати, он впервые ссылается на запрос жандармского штаб-офицера) о приглашении к 9 утра на следующий день штаб-ротмистра к нему «для некоторых объяснений», а если выехал, то выяснить, когда и куда, а также помещиком какой губернии он является [13. Л. 12]. В ответе от 23 октября 1831 г. полицмейстер сообщал, что Родионов проживает в Казани в доме секретаря городской думы Соболева, а 15 октября уехал в Нижегородскую губернию в вотчину, где живет постоянно, и имеет еще имение в Спасском уезде Казанской губернии. Через три дня данная информация была отправлена и.д. гражданского губернатора полковнику Маслову [9. Л. 13–14об.].

Однако анализируемый институт в указанный период был полностью подконтролен верховной власти в вопросе квалификации деяний подданных и, следовательно, привлечения их к ответственности. В отличие от созданной комиссии в Казани император не нашел особой социальной опасности в представленных ему материалах по данному делу. 17 января 1832 г. А.Х. Бенкендорф направил отношение и.д. казанского гражданского губернатора: «Я имел честь докладывать Государю Императору о содержании бумаг, отобранных по Вашему распоряжению у отставного майора Германа и доставленных ко мне в октябре прошлого года, и Его Императорское Величество соизволил принять представление мое к своему сведению. Вследствие чего имею честь означенные бумаги препроводить... к Вам, покорнейше прося Вас о возвращении оных господину Герману и затем освободить его от дальнейшего по предмету сего надзора» [9. Л. 16].

24 января 1832 г. и.д. казанского гражданского губернатора направил часть указаний А.Х. Бенкендорфа для исполнения казанскому полицмейстеру [9. Л. 17, 17об.]. Следовательно, отставной майор Герман находился в статусе подозреваемого три с половиной месяца, из которых подавляющая часть ушла на изучение материалов и подготовку всеподданнейшего доклада в Третьем отделении.

Таким образом, противодействие оскорблению императора и членов его семьи, а также экстремистской пропаганде и агитации являлось важной функцией в деятельности политической полиции в указанный период, значение которой неуклонно возрастало со временем. С 1858 г. в ежегодных нравственно-политических отчетах Третьего отделения, направляемых императору, появился особый раздел, посвященный революционной пропаганде и агитации

[14. С. 466 и др.]. В проведении оперативно-розыскных и следственных мероприятий по указанным отчетам состава преступлений в 1826–1860 гг. кроме подразделений политической полиции определенную роль играли руководители губерний и чины исполнительной полиции. Однако на протяжении указанного периода роль политической полиции в противодействии оскорблению императора и членов его семьи, а также экстремистской пропаганде и агитации против российской государственности постепенно возрастала и к концу периода стала доминирующей по сравнению с ролью других институтов.

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 221(86). Д. 1в.
2. ГА РФ. Ф. 109. С/А. Оп. 3. Д. 2497.
3. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441.
4. ГА РФ. Ф. 109. С/А. Д. 1318.
5. ГА РФ. Ф. 109. С/А. Оп. 1. Д. 105.
6. ГА РФ. Ф. 109. С/А. Оп. 3. Д. 1318.
7. Государственный архив Саратовской области. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6.
8. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 118.
9. НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239.
10. НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246.
11. НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1257.
12. НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 737.
13. НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 913.
14. Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869: сб. док. / сост. М. Сидорова, Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Российский Архив, 2006.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 109. Opis' 221(86). Dokument 1v* [State Archives of the Russian Federation. Archives 109. Anagraph 221(86). Document 1v].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 109. S/A. Opis' 3. Dokument 2497* [State Archives of the Russian Federation. Archives 109. S/A. Anagraph 3. Document 2497].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 109. 1 ekspeditsiya. Opis' 6 (1831 g.). Dokument 441* [State Archives of the Russian Federation. Archives 109. 1 expedition. Anagraph 6 (1831). Document 441].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 109. S/A. Dokument 1318* [State Archives of the Russian Federation. Archives 109. S/A. Document 1318].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 109. S/A. Opis' 1. Dokument 105* [State Archives of the Russian Federation. Archives 109. S/A. Anagraph 1. Document 105].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 109. S/A. Opis' 3. Dokument 1318* [State Archives of the Russian Federation. Archives 109. S/A. Anagraph 3. Document 1318].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti. Fond 53. Opis' 9. Dokument 6* [State Archive of Saratov region. Archives 53. Anagraph 9. Document 6].
8. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 1. Dokument 118* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 1. Anagraph 1. Document 118].
9. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 1. Dokument 239* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 1. Anagraph 1. Document 239].
10. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 1. Dokument 246* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 1. Anagraph 1. Document 246].
11. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 2. Dokument 1257* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 1. Anagraph 2. Document 1257].
12. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 2. Dokument 737* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 1. Anagraph 2. Document 737].
13. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 2. Dokument 913* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 1. Anagraph 2. Document 913].
14. *Rossiia pod nadzorom: otchety III otdeleniya 1827–1869: sb. dok.* [Russia within the sight: reports compartment III 1827–1869: Collection of documents]. Moscow, 2006.

РОМАНОВ ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск (www@bk.ru).

ROMANOV VALERY – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Department of State and Law Theory and History, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

УДК 33:94(470)
ББК У03(2)6+Т3(2)6-2

И.А. СОШКО

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: этапы развития предпринимательства, феномен предпринимательской деятельности, экономические преобразования, правовое регулирование предпринимательства, этические основы предпринимательства.

Статья посвящена основным этапам развития современного предпринимательства. Рассмотрены проблемы толкования и развития данного явления в трудах отечественных исследователей на рубеже XX–XXI вв. Индивидуальность исследований российского предпринимательства определена как совокупность социальных, технологических, экономических, юридических, психологических, этических, конфессиональных и других элементов, имеющих национальный фундамент.

I. SOSHKO

SPECIFICITY STUDIES OF RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

Key words: stages of entrepreneurship development, phenomenon of entrepreneurship, economic transformations, legal regulation of entrepreneurship, ethical principles of entrepreneurship.

The article is devoted to the main stages of the modern entrepreneurship development. The problems of interpretation and development of this phenomenon in the works of Russian researchers at the turn of XX–XXI centuries are considered. The identity of Russian entrepreneurship studies as a set of social, technological, economic, legal, psychological, ethical, religious and other elements having a national base is defined.

Предпринимательство играет ключевую роль в развитии рыночной экономики любого цивилизованного государства. Его становление является одним из главных этапов формирования новой системы хозяйствования и конкурентного рынка. Возрождение предпринимательства – это феноменальное социально-экономическое явление в истории России. Уникальность его заключается в том, что предпринимательская деятельность развивается не эволюционным путем, а в результате краха экономической системы. Этот процесс и сопряженные с ним изменения были погружены в круг современных проблем и обусловлены отказом применения исторического опыта царской и советской России. Богатое наследие отечественного предпринимательства, передававшееся из поколения в поколение на протяжении столетий, осталось без внимания. Наука не сразу обратила внимание на предпринимательство как на экономический ресурс и долгое время игнорировала его [17]. В советский период оно рассматривалось с приоритета материальных интересов. Такой подход избегал индивидуальные черты и признаки, устранял свободу и творческий потенциал в хозяйственной деятельности. Государственная пропаганда закрепила в сознании граждан восприятие предпринимательства как негативного явления, свойственного экономике буржуазного типа.

Актуальность исследования обусловлена неудовлетворенной потребностью в теоретическом осмыслении и практическом познании сущности, природы и роли данного института. В общественно-экономических системах значение предпринимательства не ограничивается только экономическими характеристиками. В настоящее время оно имеет правовые рамки, что вполне обосновывает эволюцию юридической среды в качестве одного из критерия выделения этапов его развития. Сегодня вопрос периодизации истории современного предпринимательства остается дискуссионным. Хронологически избраны следующие периоды – первый – 1985–1993 гг., второй – 1994–2001 гг. и третий – 2002–2011 гг.

Первый этап характеризуется углублением реформ на основе перехода к рыночной экономике. Законодатель принимает ряд новых законов¹. Ключевым стал закон о собственности, по которому признавалось ее многообразие. В условиях демократического правового государства свобода экономического поведения участников гражданского оборота изначально заложила в гражданском законодательстве многообразие правовых средств. Этот период характеризуется как начало осознания сути экономических проблем в общем и предпринимательства в частности. В работах, вышедших на пике экономических преобразований, исследователи жестко и беспрецедентно оценивали модель развития советского общества [1, 2].

Предпринимательство рассматривается через призму приватизации, где роль государства минимизировалась как в части обладания собственностью, так и в сфере управления. Авторитетными монографиями по вопросам приватизации являются работы известных ученых – А.И. Подберезкина с соавт. – «Из истории приватизации России» [26], А.Д. Радыгина – «Спонтанная приватизация: движущие силы, формы и основные этапы» [30], В. Рутгайзера – «Приватизация в России: движение "на ощупь"» [31] и др. Другая группа авторов (Ю.М. Осипов, В.Т. Рязанов, Н.П. Федоренко, С.С. Шаталин) актуализирует проблему трансформации хозяйственной системы и ошибочности выбора «шоковой терапии» в качестве метода реформирования экономики [25, 32, 40, 41].

Значительный интерес представляет энциклопедическое изложение вопросов предпринимательства Р. Хизрича и М. Питерса. Комплексный анализ теоретических и практических аспектов создания, функционирования и развития бизнес-структур позволяет авторам представить опыт развития предпринимательства в США и дать его теоретическое осмысление. Особое внимание привлекают описание и осмысливание проблемы внутренней конструкции исследуемого объекта. Американские специалисты определяют предпринимательство как процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью, а предпринимателя – как человека, который затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение достигнутым [42. С. 20].

Главным проявлением этого этапа является отсутствие единообразного толкования предпринимательства и основных его признаков. В широком смысле оно представляется как самостоятельная деятельность людей, организующих производство или торговлю, т.е. имеющих свое дело, которое приносит доход.

На протяжении 1994–2001 г. в трудах отечественных исследователей отчетливо прослеживается анализ экономической политики и концепции развития предпринимательства в нашей стране. Важное значение имеет принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ², а также введение в действие Гражданского ко-

¹ Об индивидуальной трудовой деятельности: закон СССР от 19 ноября 1986 г. № 6050-XI // Ведомости Верховного совета СССР 1986. № 47. Ст. 964; О кооперации в СССР: закон СССР от 26.05.1988 г. № 8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. ст. 355; О собственности в РСФСР: закон РСФСР от 24.12.1990 г. № 443-1 // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416; О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25.12.1990 г. № 445-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418; Об общих началах предпринимательства граждан в СССР: закон СССР от 02.04.1991 г. № 2079-1 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 16. ст. 442; О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации: закон РСФСР от 07.12.1991 г. № 2000-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1992. № 8. Ст. 360.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31, 4 авг. Ст. 4398.

декса Российской Федерации³. Фундаментальные последствия принятия кодекса состоят в создании прочных предпосылок для преодоления хаотизации законодательства о предпринимательстве. Гражданский кодекс РФ восстановил частноправовые начала в регулировании отношений имущественного оборота.

В 1990-е гг. появились работы российских авторов, посвященные проблемам развития предпринимательства и малого бизнеса в России и адаптации мирового опыта к российским условиям. Это работы Г.Л. Багиева с соавт. [6], В.Ф. Богачева с соавт. [8], В.С. Кабакова с соавт. [18], А.А. Крупанина [19], А.Б. Крутика с соавт. [20], В.В. Томилова [37, 38, 39] и др.

Исследователи Г.Л. Багиев, В.В. Томилов и З.А. Чернышева рассматривают предпринимательство как процесс, осуществляемый частными лицами, предпринимателями или организациями по освоению природных ресурсов, производству, приобретению, продаже товаров, услуг в обмен на другие товары или услуги, или деньги. На любом иерархическом уровне прослеживается тесная взаимосвязь хозяйствования с культурной средой, которая складывается из внешней культуры общества и внутренней культуры бизнес-партнеров. Авторами представлена позиция взаимосвязи предпринимательства и корпоративной культуры, механизма ее влияния на предпринимательский успех [6]. В работе А.А. Крупанина «Основы предпринимательства» [19] особое внимание уделяется роли личности в предпринимательстве, анализу взаимосвязи предпринимательских возможностей человека со стратегией и тактикой его деятельности.

Исследователей привлекает новая социальная роль российского делового мира. В своем труде «Очерки социологии предпринимательства» А.В. Безгодов [7. С. 72] затрагивает вопросы развития предпринимательства, его сущности и социально-экономических функций. Анализ общих теорий и основных характеристик предпринимательского феномена в истории социальной мысли позволил автору рассмотреть его в аспекте двух фаз – протееоретической и теоретической. Протееоретическая фаза характеризуется наличием отдельных, не систематизированных в рамках специальных теорий предпринимательства представлений о сущности данного явления и охватывает длительный период истории со времен античности до конца XXI в.

Особый вклад привнесли результаты исследований отечественной психологии. Теоретическому осмыслению психологических аспектов российского предпринимательства посвящены работы многих известных ученых – В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева, В.В. Новикова с соавт., В.П. Познякова и др. [9, 15, 22, 27]. Тем не менее комплексных эмпирических исследований психологического портрета предприимчивого человека насчитывается небольшое количество. Это связано прежде всего с тем, что в хозяйственной практике России долгое время отсутствовал такой объект исследования.

Для современного этапа (2002–2011 гг.) характерным становится выстраивание целостной системы хозяйствования. Под пристальное внимание попадают основы предпринимательской деятельности с учетом современной правовой действительности [3, 14, 21, 38]. Появляются исследования благоприятных условий для его развития на основе повышения качества и эффективности мер государственной поддержки [5, 13]. Именно в этот период уделяется внимание конкурентоспособности, правовым основам регулирования и инновационной составляющей [10, 11, 29, 35]. Придавая большое значение этим аспектам, можно сказать, что сложилась определенная система регули-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации: Фед. закон РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Рос. газета. 1994. 8 дек.

рования предпринимательской деятельности, которая включает в себя как рыночное, так и государственное и международное регулирование.

В этот период история развития хозяйственной мысли представляет значительный интерес, поскольку отличается определенным своеобразием. Во-первых, большинству работ российских ученых присущ дух реформаторства. Это обусловлено и внутренними условиями развития страны, и сильным влиянием геополитической ситуации. Во-вторых, в России преодалается значение общественному сознанию, культуре, этике, национальному вопросу, т.е. внеэкономическим факторам.

Следующим этапом стали многочисленные публикации теоретических работ, определяющих специфику современной предпринимательской деятельности. Интересным представляется интерпретация особенностей российского предпринимательства А.И. Степановой [33. С. 15]. На основе вторичного анализа полученных данных она выделяет четыре типа предпринимателей: авторитарный, капиталистический, демократический и театральный. Наблюдения за каждым типом дают основания говорить о том, что хозяйствование в России отличается своей специфичностью становления данного класса.

Особое значение приобретают работы в области этических основ предпринимательства. Здесь нельзя обойти вниманием работы таких авторов, как В. Зульфикарова [16], В.А. Сухарев [34]. Исследователи утверждают, что этика национального хозяйствования формируется совместными усилиями в сфере государства, деловых кругов, профсоюзного, гражданского общества и церкви, и соглашаются с толкованием культуры С.И. Ожеговым как совокупности производственных, общественных и духовных потребностей людей, или высокого уровня чего-либо, высокого развития, умения [23]. Согласно исследованию группы авторов – Н.А. Асаула, Г.Е. Локтевой и Е.Г. Скуматова [4], сделан вывод, что в настоящее время все чаще используются термины «культура предпринимательства», «культура предприятия (фирмы)», «хозяйственная культура», «корпоративная культура», «организационная культура», которые являются идентичными понятиями. Под ними понимаются духовная жизнь людей в предпринимательской среде, в организации, их идейное нравственное состояние, ощущения, мышление и действия.

По мнению В.Н. Иванова и В.И. Патрушева, культура предпринимательства является фундаментом построения технологий развития предпринимательства, предпринимчивости, формирования подлинного хозяина [36. С. 194]. Глубокий анализ внутренней структуры предпринимательской культуры проведен В.Б. Орловым, Е.В. Орловой и О.Г. Мизеровой. Авторами представлен вывод, что предпринимательская культура – это скорее не набор готовых правил, а интеллектуальный инструмент, овладение которым позволяет найти эффективные решения в разнообразных ситуациях социально-экономической жизни сообществ [24. С. 29].

В статье Р.Х. Гибадуллина «Проблемы теории и практики предпринимательства» автором поднята проблема культуры организаций, где делается вывод, с которым нельзя не согласиться, что в культуре предпринимательской деятельности особую значимость имеет ее мотивационный аспект [12].

Ретроспективный обзор истории демонстрирует российскую индивидуальность в исследовании предпринимательства. Из проведенного исследования можно сделать вывод, что она заключается в своеобразии и представляет собой восприятие этого явления как совокупности социальных, технологических, экономических, юридических, психологических, этических, конфессиональных и других элементов, имеющих национальный фундамент. Изучение этого феномена

является одним из методов понимания истории новой модели хозяйствования. Постигание исторического опыта развития предпринимательства в России может предостеречь от совершения ошибок, удовлетворить общественные интересы и сконструировать дальнейшую концепцию развития.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* Курс переходной экономики. М.: Финстатинформ, 1997. 631 с.
2. *Абалкин Л.И.* Против односторонности, за целое видение социально-экономических процессов // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 4–12.
3. *Алексеева Д.Г., Андреева Л.В., Андреев В.К.* Российское предпринимательское право. М.: Велби, Проспект, 2010. 1072 с.
4. *Асаул А.Н., Скуматов Е.Г., Локтеева Г.Е.* Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей / под А.Н. Асаула. СПб.: Гуманистика, 2004. 256 с.
5. *Бабашкина А.М.* Государственное регулирование национальной экономики. М: Финансы и статистика, 2003. 481 с.
6. *Багиев Г.Л., Томилов, В.В., Чернышева, З.А.* Маркетинг и культура предпринимательства. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1995. 115 с.
7. *Безгодов А.В.* Очерки социологии предпринимательства / ред. Д.П. Гавра. СПб.: Петрополис, 1999. 224 с.
8. *Богачев В.Ф., Кабаков В.С., Ходаток А.* Стратегия малого предпринимательства. СПб.: Коврус, 1995. 224 с.
9. *Бодров В.А.* Психология предпринимательской деятельности (развитие российского предпринимательства в нач. 1990-х гг.) / под общ. ред. В.А. Бодрова. М.: ИП РАН, 1995. 175 с.
10. *Галкин В.В.* Основы предпринимательской деятельности / В.В. Галкин. М.: Феникс, 2004. 288 с.
11. *Герчикова И. Н.* Регулирование предпринимательской деятельности: государственное и межфирменное. М.: Консалтбанкир, 2002. 704 с.
12. *Гибадуллин Р.Х.* Проблемы теории и практики предпринимательства // Проблемы современной экономики. 2009. № 1(29) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru> (дата обращения: 14.05.2005).
13. *Губин Е. П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства. Правовые проблемы. М.: Юрист, 2005. 192 с.
14. *Жилинский С. Е.* Предпринимательское право. М.: Норма, 2007. 950 с.
15. *Журавлев А.Л.* Социально-психологические трудности развития малого бизнеса в России / А.Л. Журавлев, В.П. Позняков // Психологический журнал. 1993. № 6. С. 23–34.
16. *Зульф리카рова В.* Культура бизнеса и развитие предпринимательства в России // Бизнес и политика. 2003. № 1. С. 34–38.
17. *Ишутин Р.В.* Теория и практика предпринимательской деятельности в России и за рубежом. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 153 с.
18. *Кабаков В.С., Шатрова Е.В.* Стратегия предпринимательства. СПб.: СПбГИЭА, 1996. 73 с.
19. *Крупанин А.А.* Основы предпринимательства. СПб.: СПбГИЭА, 1992. 410 с.
20. *Крутик А.Б., Пименова А.А.* Введение в предпринимательство. СПб.: Политехника, 1995. 581 с.
21. *Кузнецова Л.Н.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности. М.: Феникс, 2008. 384 с.
22. *Новиков В.В., Марченко В.В.* История возникновения и становления социальной психологии предпринимательства. Ярославль: МАПИ, ЯрГУ, 1998. 130 с.
23. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: Около 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М., 2007. 976 с.
24. *Орлов В.Б., Мизерова О.Г., Орлова Е.В.* Предпринимательская культура: сущность и содержание понятия // Вестник Югорского государственного университета. 2009. Вып. 4(15). С. 13–25.
25. *Осипов Ю.М.* Типологическая характеристика современной российской экономики // Альманах центра общественных наук. 1998. № 4. С. 6–9.
26. *Подберезкин А.И., Стреляев С.П., Хохлов О.А., Ястребов Я.И.* Из истории приватизации России. М.: Ступени, 2004. 43 с.
27. *Позняков В.П.* Психология предпринимательства / под ред. В.Н. Дружинина. М.: Питер, 2000. 582 с.
28. *Попондопуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право. М.: Юрист, 2006. 234 с.
29. *Преображенский Б., Шинкарева Н.* Анализ инновационных процессов в малом и среднем предпринимательстве // Предпринимательство. 2007. № 6. С. 68–72.
30. *Радыгин А.Д.* Спонтанная приватизация: движущие силы, формы и основные этапы // Проблемы прогнозирования. 1992. № 5. С. 18–31.

31. Рутгайзер В. Приватизация в России: движение «на ощупь» // Вопросы экономики. 1993. № 10. С. 48–64; № 11. С. 113–132; № 12. С. 106–122.
32. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
33. Степанова А.И. Особенности российского предпринимательства на современном этапе // Успехи современного естествознания. 2008. № 11. С. 44–47.
34. Сухарев В.А. Этика и психология делового человека. М.: ФАИР, 2006. 400 с.
35. Тарасенко А. Проблемы малого инновационного бизнеса // Экономист. 2011. № 10. С. 57–63.
36. Теория управления: социально-технологический подход: энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Муниципальный мир, 2004. 672 с.
37. Томилов В.В. Организационная культура и предпринимательство. СПб.: СПбУМ, 1994. 164 с.
38. Томилов В.В. Культура предпринимательства. СПб.: Питер, 2000. 368 с.
39. Томилов В.В., Крупанин А.А. Экономико-организационные основы предпринимательства. СПб.: СПбУМ, 1996. 176 с.
40. Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М.: Экономика, 2001. 489 с.
41. Шаталин С.С. Пять лет фонду «Реформа» – пять лет российским реформам // Реформа. Спецвыпуск. 1996. 25 нояб. С. 1–2.
42. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство. М.: Прогресс–Универс, 1992. 192 с.

References

1. Abalkin L.I. *Kurs perekhodnoi ekonomiki* [Economy in transition]. Moscow, Finstatinform Publ., 1997, 631 p.
2. Abalkin L.I. *Protiv odnostoronnosti, za tseloe videnie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov* [Against one-sided, for the whole vision of socioeconomic processes]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], 1993, no. 8, pp. 4–12.
3. Alekseeva D.G., Andreeva L.V., Andreev V.K. *Rossiiskoe predprinimatel'skoe pravo* [Russian entrepreneurial law]. Moscow, Velbi, Prospekt Publ., 2010, 1072 p.
4. Asaul A.N., Skumatov E.G., Lokteeva G.E. *Metodologicheskie aspekty formirovaniya i razvitiya predprinimatel'skikh setei* [Methodological aspects of formation and development of entrepreneurial networks]. St. Petersburg, Gumanistika Publ., 2004, 256 p.
5. Babashkina A.M. *Gosudarstvennoe regulirovanie natsional'noi ekonomiki* [Government regulation of the national economy]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2003, 481 p.
6. Bagiev G.L., Tomilov, V.V., Chernysheva, Z.A. *Marketing i kul'tura predprinimatel'stva* [Entrepreneurial marketing and culture]. St. Petersburg, 1995, 115 p.
7. Bezgodov A.V. *Ocherki sotsiologii predprinimatel'stva* [Essays on the sociology of entrepreneurship]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1999, 224 p.
8. Bogachev V.F., Kabakov V.S., Khodatok A. *Strategiya malogo predprinimatel'stva* [Small entrepreneurship strategy]. St. Petersburg, «Kovrus» Publ., 1995, 224 p.
9. Bodrov V.A. *Psikhologiya predprinimatel'skoi deyatel'nosti (razvitie rossiiskogo predprinimatel'stva v nach. 1990-kh gg.)* [The psychology of entrepreneurship (development of the Russian entrepreneurship in the beginning of 1990)]. Moscow, 1995, 175 p.
10. Galkin V.V. *Osnovy predprinimatel'skoi deyatel'nosti* [Fundamentals of entrepreneurship]. Moscow, Feniks Publ., 2004, 288 p.
11. Gerchikova I. N. *Regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti: gosudarstvennoe i mezhfirменноe* [Entrepreneurship regulation: government and inter-firm]. Moscow, Konsaltbankir Publ., 2002, 704 p.
12. Gibadullin R.Kh. *Problemy teorii i praktiki predprinimatel'stva* [Problems of theory and practice of entrepreneurship]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economy], 2009, no. 1(29). Available at: <http://www.m-economy.ru> (Accessed 14 May 2005).
13. Gubin E. P. *Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoi ekonomiki i predprinimatel'stva. Pravovye problemy* [Government regulation of market economy and entrepreneurship Legal problems]. Moscow, Yurist Publ., 2005, 192 p.
14. Zhilinskii S.E. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial law]. Moscow, Norma Publ., 2007, 950 p.
15. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. *Sotsial'no-psikhologicheskie trudnosti razvitiya malogo biznesa v Rossii* [Socioeconomic difficulties of small business development in Russia]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1993, no. 6, pp. 23–34.
16. Zul'fikarova V. *Kul'tura biznesa i razvitie predprinimatel'stva v Rossii* [Business culture and entrepreneurship development in Russia]. *Biznes i politika* [Business and politics], 2003, no. 1. pp. 34–38.
17. Ishutin R.V. *Teoriya i praktika predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii i za rubezhom* [Theory and practice of entrepreneurship in Russia and abroad]. St. Petersburg, 2002, 153 p.
18. Kabakov V.S., Shatrova E.V. *Strategiya predprinimatel'stva* [Entrepreneurship strategy]. St. Petersburg, 1996, 73 p.
19. Krupanin A.A. *Osnovy predprinimatel'stva* [Fundamentals of entrepreneurship]. St. Petersburg, 1992, 410 p.

20. Krutik A.B., Pimenova A.A. *Vvedenie v predprinimatel'stvo* [Introduction to entrepreneurship]. St. Petersburg, Politehnika Publ., 1995, 581 p.
21. Kuznetsova L.N. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti* [Legal entrepreneurship regulation]. Moscow, Feniks Publ., 2008, 384 p.
22. Novikov V.V., Marchenko V.V. *Istoriya vznikhoveniya i stanovleniya sotsial'noi psikhologii predprinimatel'stva* [The history of emergence and development of social psychology of entrepreneurship]. Yaroslavl', 1998, 130 p.
23. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2007, 976 p.
24. Orlov V.B., Mizerova O.G., Orlova E.V. *Predprinimatel'skaya kul'tura: sushchnost' i soderzhanie ponyatiya* [Entrepreneurial culture: essence and creation of concept]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Yugorsk state university vestnik], 2009, no. 4(15), pp. 13–25.
25. Osipov Yu.M. *Tipologicheskaya kharakteristika sovremennoi rossiiskoi ekonomiki* [Typological characteristics of the modern Russian economy]. *Al'manakh tsentra obshchestvennykh nauk* [Almanac of the center for social Sciences], 1998, no. 4, pp. 6–9.
26. Podberezkin A.I., Strelyaev S.P., Khokhlov O.A., Yastrebov Ya.I. *Iz istorii privatizatsii Rossii* [From the history of privatization in Russia]. Moscow, Stupeni Publ., 2004, 43 p.
27. Poznyakov V.P. *Psikhologiya predprinimatel'stva* [Entrepreneurship psychology] Moscow, Peter Publ, 2000, 582 p.
28. Popondopulo V.F. *Kommercheskoe (predprinimatel'skoe) pravo* [Commercial (entrepreneurial) law]. Moscow, Yurist Publ., 2006, 234 p.
29. Preobrazhenskii B. Shinkareva N. *Analiz innovatsionnykh protsessov v malom i srednem predprinimatel'stve* [Analysis of innovative processes in small and medium enterprises]. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship], 2007, no. 6. pp. 68–72.
30. Radygin A.D. *Spontannaya privatizatsiya: dvizhushchie sily, formy i osnovnye etapy* [Spontaneous privatization: driving forces, forms and main stages]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], 1992, no. 5. pp. 18–31.
31. Rutgaizer V. *Privatizatsiya v Rossii: dvizhenie «na oshchup'»* [Privatization in Russia: movement by touch]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], 1993, no. 10. pp. 48–64; no. 11. pp. 113–132, no.12; pp. 106–122.
32. Ryazanov V.T. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii. Reformy i rossiiskoe khozyaistvo v XIX–XX vv.* [Economic development of Russia. Reforms and Russian economy in the XIX–XX centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, 796 p.
33. Stepanova A.I. *Osobennosti rossiiskogo predprinimatel'stva na sovremennom etape* [The peculiarities of Russian business at the present stage]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya], 2008. no. 11. pp. 44–47.
34. Sukharev V.A. *Etika i psikhologiya delovogo cheloveka* [Ethics and psychology of a business person]. Moscow, Agentstvo FAIR Publ., 2006, 400 p.
35. Tarasenko A. *Problemy malogo innovatsionnogo biznesa* [Problems of small innovative business]. *Ekonomist* [Economist], 2011, no.10. pp. 57–63.
36. Ivanova V.N., Patruseva V.I., ed. *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod: entsiklopedicheskii slovar'. 3-e izd., pererab. i dop.* [Theory of management: social and technological approach: encyclopedic dictionary. 3rd ed., revised and enlarged]. Moscow. Munitsipal'nyi mir Publ., 2004, 672 p.
37. Tomilov V.V. *Organizatsionnaya kul'tura i predprinimatel'stvo* [Organizational culture and entrepreneurship]. St. Petersburg, 1994, 164 p.
38. Tomilov V.V. *Kul'tura predprinimatel'stva* [Entrepreneurial culture]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 368 p.
39. Tomilov V.V., Krupanin A.A. *Ekonomiko-organizatsionnye osnovy predprinimatel'stva* [Economic and organizational principles of entrepreneurship]. St. Petersburg, 1996, 176 p.
40. Fedorenko N.P. *Rossiya: uroki proshlogo i liki budushchego* [Rossiya: Lessons of the past and prospects of the future]. Moscow, Economy Publ., 2001, 489 p.
41. Shatalin S.S. *Pyat' let fondu «Reforma» – pyat' let rossiiskim reformam* [Fund «Reform» is five years old – Russian reforms are five years old]. *Reforma Spetsvypusk* [Reform Special edition], 1996, Nov. 25, pp. 1–2.
42. Khizrich R., Piter M. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship]. Moscow, Progress–Univers Publ., 1992, 192 p.

СОШКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irinasoshko@yandex.ru).

SOSHKO IRINA – a competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(37)
ББК Т63.3(0)32

С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

РИМСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ: СОДЕРЖАНИЕ И СМЫСЛ ЛИЧНОГО ПРИМЕРА

Ключевые слова: Древний Рим, римская армия, военное лидерство, римский воинский этос, нобилитет, подготовка командирских кадров, *vultus* полководца, ораторское искусство, риторика, «стратегия голода», социокультурные установки.

Статья посвящена важнейшему фактору военного лидерства в Древнем Риме – личному примеру полководца. К концу Республики метод римского военного лидерства уже сложился, что позволило многим командирам обеспечить эффективный контроль над их солдатами. По большей части это был метод убеждения. Данный тип лидерства нашел применение в формальном и неформальном контекстах жизни военного лагеря, что требовало от полководца высокого уровня контроля своего внешнего вида, жеста и голоса. Однако принимая на себя функции образцового солдата, демонстрируя стойкость в перенесении лишений, полководец стремился тем самым добиться главной цели – абсолютного подчинения солдат.

S. TELEPEN

THE ROMAN COMMANDER: THE CONTENT AND SENSE OF THE PERSONAL EXAMPLE

Key words: Ancient Rome, the Roman Army, military leadership, Roman military ethos, nobility, commanders training, qualities of a commander, oratory, rhetoric, «hunger strategy», socio-cultural guidelines.

The paper is devoted to such factor of military leadership in Ancient Rome, as a commander's personal example. By the end of Republic there developed a method of Roman military leadership, which allowed many commanders to provide an effective control over their soldiers. Generally, it was a method of persuasion. The given type of leadership found its use in the formal and informal contexts of military camp life that imposed on the commander a higher level of control of his appearance, gestures and a voice. both for oratory, and for actually practice of military leadership. However, assuming the function of a perfect soldier, demonstrating the ability to endure hardships, the commander tried to achieve in this way his main goal – absolute subordination of his soldiers.

В современном антиковедении достаточно большое место занимает изучение проблем римской военной истории и, в частности, – истории римской военной организации. При этом значительно меньше места уделяется вопросу об особенностях римского военного лидерства. Совершенно очевидно, что его ресурсы и механизмы были разнообразны, хотя цель постоянна – эффективное командование войском. В науке господствует мнение, что командный состав римской армии не только в республиканское время, но в эпоху Империи не имел настоящей военной подготовки [9. Р. 115]. Тем не менее имеется и противоположная точка зрения [2. С. 270, 387]. Однако даже в случае принятия последней точки зрения мы едва ли сможем отказаться от той идеи, что римские командиры высшего ранга были вынуждены руководствоваться не столько профессиональными знаниями, сколько навыками, присущими активным участникам политической жизни полиса, т.е. личным влиянием и личным авторитетом. Содержание некоторых механизмов такого воздействия полководца на солдатскую массу, их семантика и конечная цель (последнее – в аспекте достижения управляемости и эффективности войска) являются предметом нашего исследования.

Известно, что во все периоды римской истории, характеризующейся удивительной устойчивостью военных традиций [1. С. 8], основополагающим критерием для занятия высших должностей в военной иерархии оставался соответствующий социальный статус [5. Р. 448]. У Диона Кассия со всей определенностью подчеркивается, что высшие командные должности следуют доверять лишь аристократам (*Dio Cass.* LII. 14. 1). Недостаточная знат-

ность военачальника воспринималось как некая ущербность. Такое восприятие отнюдь не удивительно в римском обществе, где исконное почтение к знатному происхождению, связанному с определенным комплексом прав и обязанностей, было исключительно устойчивым [4. С. 24].

Обратим внимание на сущность обязанностей военачальника-аристократа. Среди них была обязанность личным примером воодушевлять воинов на исполнение их по сути гражданского долга (поскольку до конца Принципата военная служба даже для нижних чинов сохраняла признаки гражданской повинности). Отсюда – идеологема «умеренности» полководца (*σωφροσύνη*, *moderatio*, *contentia*, *modestia*, *temperantia* и др.).

Очевидно, что тенденция к ограничению римскими воинами своих потребностей было не просто особенностью римского военного этоса, но составляло одно из направлений работы над собой прежде всего самих римских полководцев в качестве образцов такого стиля. О Гнее Помпее известно, что он ограничивал себя как в том, что он ел, так и в том, как эта пища была приготовлена (*Diod. Sic. XXXVIII. 9*; ср. *Veget. I. 3*). В этом отношении он, видимо, следовал примеру Сципиона Эмилиана (о Сципионе Эмилиане – см. *Polib. XXXII. 11–15*).

Умеренность Помпея по отношению к пище и вину была превзойдена воздержанностью Цезаря. Сообщается, что Цезарь усиливал свою природную конституцию, следуя образу жизни рядового солдата, в том числе в отношении пищи (*Plut. Caes. XVII*). Стоит сопоставить плутархово сообщение о Цезаре с его же, Плутарха, описанием образа жизни Катона Старшего – этого символа староримских добродетелей (*Plut. Cato Maj. IV*). Суровость Катона в этом случае подчеркивается указанием на его привычку к самоограничению в пище.

Псевдо-Фронтин приводит множество примеров греческих и римских командиров, демонстративно употреблявших простую пищу на виду у своих подчиненных ([*Front.*] *Strat. IV. 3. 1, 7–11*). Таким образом, любые ассоциации между пищей и *otium* или *luxuria* у данных полководцев (и Псевдо-Фронтин) сознательно исключаются, а потребление пищи становится символом *labor* (труда, в данном случае воинского).

Самоограничение Помпея и Цезаря явно было связано с военным лидерством, немислимым без демонстрации единства полководца и войска, в том числе посредством принятия полководцем пищи рядового солдата. В этом отношении такой пример поведения демонстрирует, подражая Сципиону Эмилиану, Метеллу и Траяну, император Адриан (*SHA Hadr. X. 2*). Так поступали и другие полководцы, например когда снимали пробу из солдатского котла, что было правилом в эпоху Империи (*Dig. XLIX. 16. 12*).

Согласно традиционному римскому пониманию, воля к сдерживанию базовых потребностей должна была сформировать воина за время его службы. Акцент на индивидуальном самоконтроле на каждом уровне армейской иерархии показывает, почему дисциплина была формируема не только через наказание, но и через пример поведения, подававшийся полководцем. Как о Помпее, так и о Цезаре известно, что их способность выносить лишения была для них важнейшим средством побуждения солдат к такой же стойкости. Будучи на вершине армейской иерархии, они выполняют полководческий долг, демонстрируют пример поведения истинного солдата. Требуя от своих солдат *labores*, Помпей и Цезарь сами выполняли *labores* наряду с солдатами, хотя им приходилось нести еще и командирские обязанности (*Diod. Sic. 38. 9*; *Plut. Caes. 17. 3*, сравн. – его же *Cato Maj. 4. 3*).

Но полководческий авторитет предполагал стойкое перенесение и иных тягот, выразившихся в длительной разлуке с семьей. Если в период Респуб-

лики правилом было недопущение женщин в расположение войск, то ко времени Августа присутствие в лагере жен командиров высшего ранга стало столь распространенным, что побудило Светония выдвинуть на первый план среди мероприятий Августа по восстановлению дисциплины именно ограничение императором такой практики: *Disciplinam severissime rexit: ne legatorum quidem cuiquam, nisi gravate hibernisque demum mensibus, permisit uxorem intervisere* (Suet. Aug. 24. 1) – «Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он позволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой» (пер. М.Л. Гаспарова).

Тем не менее сам Август, должно быть, ослабил бдительность к концу своего правления: многие высшие офицеры помимо Германика (сына Друза, пасынка Августа) брали с собой свои семьи в военный лагерь в Германию, и будущий император Калигула, как полагали, был рожден *in castris* (Tac. Ann. I. 40. 4, 41. 3). Правда, А. Маршалл считает, что до 21 г. н.э. провинциальные наместники, не происходившие из семейства Юлиев-Клавдиев, не пользовались правом брать с собой в провинции жен, но пассажи, приводимые им же, показывают, что в целом здесь имел место либеральный подход [7. Р. 119]. Однако сопротивление этой тенденции в наиболее консервативных кругах римской аристократии сохранялось. Тацит сообщает о разгоревшемся в римском сенате в 21 г. н. э. споре о допустимости присутствия семей командиров в военном лагере: *Severus Caecina censuit ne quem magistratum cui provincia obvenisset uxor comitaretur* (Tac. Ann. III. 33. 1) – «Цецина Север предложил воспретить уезжающим в провинцию магистратам брать с собой жен» (пер. А.С. Бобовича).

Помимо примера в умеренности и готовности переносить тяготы наравне с рядовыми воинами обеспечение эффективного управления солдатской массой требовало от полководца и других качеств аристократа, облеченного военной властью. В этом отношении римские командиры высшего ранга пребывали в рамках риторического обучения. Почему риторического? Во-первых, акцент на убеждении в практике командования (что вообще характерно для римской военной традиции) делал приспособление ораторских технологий к условиям военного лагеря естественным. Во-вторых, контроль за обеспечением риторического обучения был весьма полезен для моделирования поведения, соответствующего военной дисциплине. Это моделирование было достаточно неформальным, как и вообще манера общения полководца с его солдатами. Оно было основано на внушении и внешнем виде, т.е. визуальном эффекте; полководец стремился быть в центре внимания войска, для чего риторика практическая предоставляла ему необходимые средства. Правда, использование данных средств становилось затруднительным, когда армия подвергалась внешним влияниям, соприкасалась с внелагерными источниками информации. Все это было, например, достаточной причиной, чтобы держать войско изолированным от населения того места, где войско находилось. *Vallum*, или палисад лагеря, защищал армию не только от врага, – он защищал войско от внешних влияний и обеспечивал готовую среду, которую полководец (и командование в целом) могли убеждать, формировать и подвергать информационной обработке.

Действительно, одна из проблем полководцев и императоров смутного 69 года н. э. состояла в высокой степени информационного влияния местных жителей на армию (Tac. Hist. I. 65. 2, I. 66. 2, II. 72, III. 43, IV. 79). Цезарь имел дело с этой проблемой в ходе Африканской войны, но использовал необычный и замечательный метод ее нейтрализации. Согласно Светонию, вместо того, чтобы отрицать или просто говорить неправду в ответ на слухи и вопросы, он стал преувеличивать опасность: «*Scitote, – inquit, – paucissimis his diebus regem*

adfuturum cum decem legionibus, equitum triginta, leuis armaturae centum milibus, elephantis trecentis. Proinde desinant quidam quaerere ultra aut opinari mihique, qui compertum habeo, credant; aut quidem uetustissima naue impositos quocumque uento in quascumque terras iubebo auehi» (Suet. Div. Jul. 66) – «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковооруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше об этом не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам; а не то я таких посажу на дырявый корабль и пушу по ветру на все четыре стороны» (пер. М.Л. Гаспарова).

В словах Цезаря здесь одновременно и насмешка, и угроза. Был ли ответ отражением его недовольства войском, или же его манера была типичной? Как бы там ни было, источник указывает на относительную открытость между уровнями иерархии в войске Цезаря и особенно – на стремление командира утвердиться в качестве главного источника информации. И далее – красноречие, в том числе в аспекте сценического действия, используется, чтобы влиять на армию, в течение всего Принципата, о чем можно судить, исходя из сообщений Тацита (*Tac. Hist.* I. 85; II.5; II. 80; III. 10).

Какие бы средства ни использовал полководец для воздействия на солдатскую массу, конечной целью была *disciplina militaris*, в смысле – осознанное подчинение солдат своему вождю, исполнение гражданского долга, освященное традицией и являющееся частью «римского мифа» [3. С. 227].

Но римская военная дисциплина была не только целью полководца, но и методом закаливания солдатских тела и духа (*Polib.* VI. 36–39, *Suet. Aug.* 24. 5, *Jos.* III. 5. 7). Правда, Г. Хорсман выражает сомнение в наличии прямой связи между физическими и моральными компонентами дисциплины, хотя обращает внимание на то, что римляне считали физическую тренировку условием, способствовавшим выработке психологической установки на послушание командирам [6. S. 187–188, 197]. Я. Ле Бозк в связи с этим обращает внимание на то, что в современном антиковедении аксиологические функции военного обучения все более становятся предметом специального анализа [2. С. 151].

Эта взаимозависимость между обучением и дисциплиной, так же как и центральное положение в ее обеспечении командира, характерна для римской практики и имеет большое значение для обеспечения взаимодействия между солдатом и полководцем. Существовала нерасторжимая связь между физической деятельностью, обеспечивавшей моральные характеристики дисциплины, и соответствующими психологическими установками солдата, облегчавшими эту физическую деятельность, что демонстрируется многочисленными свидетельствами, в которых полководцы прибегают к физическим компонентам дисциплины, чтобы восстановить ее моральные составляющие [6. S. 117].

Конечно, несмотря на демонстрацию военным лидером единства с войском, существовала очевидная дистанция между солдатом и полководцем, проявлявшаяся в очевидных различиях: в особенных одежде и вооружении командира, в тех относительных удобствах, которыми пользовались офицеры, таких, например, как более качественная пища и более удобные квартиры [11. P. 89–90]. Тем не менее настоящий вождь был также лучшим, что естественно, в отношении воинского мастерства, что собственно и оправдывало его исключительное положение лидера. Примеры многочисленны. У Плутарха Помпей в возрасте 58 лет во многих из воинских навыков превосходит гораздо более молодых солдат (*Plut. Pomp.* LXIV), а Марий терпеливо переносит болезненную операцию, не меняясь в лице (*Plut. Marius* VI–VII).

Таким образом, в жизни военного лагеря было много того, что должно было регулироваться командиром посредством обеспечения баланса между раз-

решением индивидуального выбора в поведении солдата и наказанием за ненадлежащее поведение при реализации права на такой выбор, а также между нормами поведения, которые отличали уровни армейской иерархии, и нормами поведения, общими для солдат и офицеров, т.е. нормами, обеспечивавшими солидарность войска, дух его идентичности [8. Р. 106–107; 10. Р. 404]. Именно на полководца была возложена обязанность обеспечения баланса в реализации каждой из этих поведенческих стратегий, которые (при необходимости) могли задаваться его, полководца, речью, конкретными действиями, общим поведением, наконец – путем демонстрации эффективного лидерского стиля.

Литература

1. Козленко А.В. Последний легион // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 6–12.
2. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / пер. с фр. М.Н. Челинцевой. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
3. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Акра, 440 с.
4. Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима: в 2 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. С. 22–105.
5. Barnes T.D. Who Were the Nobility of the Roman Empire? *Phoenix*, 1974, vol. 28, pp. 439–488.
6. Horsmann G. Untersuchungen zur militärischen Ausbildung in republikanischen und kaiserzeitlichen Rom. Boppard am Rhein, 1995, 279 S.
7. Marshall A.J. Roman Women and the Provinces. *Ancient Society*, 1975, no. 6, pp.19–127.
8. Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome. Berkeley: University of California Press, 1980, 435 p.
9. Jones A.H.M. Augustus. L., LUP, 1970, 430 p.
10. Oakley S.P. Single Combat in the Roman Republic. *Classical Quarterly*, 1985, no. 35, pp. 392–410.
11. Roth J.P. The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235). Leiden, Brill, 1999, XXI, 399 p.

References

1. Kozlenko A.V. *Poslednii legion* [Last legion]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought], 2013, no. 3, pp. 6–12.
2. Le Bohec Ya. L'armée romaine sous le Haut-Empire. Paris, 1989 (Russ. ed.: Le Boek Ya. Rimskaya armiya epokhi Rannei Imperii. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 400 p.).
3. Makhlayuk A.V. *Soldaty Rimskoi imperii. Traditsii voennoi sluzhby i voinskaya mental'nost'* [Soldiers of Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Military Mentality]. St. Petersburg, Philological Faculty of the St.-Petersburg State University Publ.; Akra Publ., 440 p.
4. Shtaerman E.M. *Ot grazhdanina k poddannomu* [From the Citizen to the Subject]. *Kul'tura Drevnego Rima: v 2 t.* [The Culture of Ancient Rome. 2 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 1, pp. 22–105.
5. Barnes T.D. Who Were the Nobility of the Roman Empire? *Phoenix*, 1974, vol. 28, pp. 439–488.
6. Horsmann G. Untersuchungen zur militärischen Ausbildung in republikanischen und kaiserzeitlichen Rom. Boppard am Rhein, 1995, 279 S.
7. Marshall A.J. Roman Women and the Provinces. *Ancient Society*, 1975, no. 6, pp.19–127.
8. Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome. Berkeley: University of California Press, 1980, 435 p.
9. Jones A.H.M. Augustus. L., LUP, 1970, 430 p.
10. Oakley S.P. Single Combat in the Roman Republic. *Classical Quarterly*, 1985, no. 35, pp. 392–410.
11. Roth J.P. The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235). Leiden, Brill, 1999, XXI, 399 p.

ТЕЛЕПЕНЬ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики преподавания истории, Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина, Республика Беларусь, Мозырь (telepen_serg@mail.ru).

TELEPEN SERGEY – candidate of historical sciences, associate professor of History and a Technique of Teaching of History Chair, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus.

УДК 94(470.345)"1941/1945"
ББК ТЗ(2)6

П.С. УЧВАТОВ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР ПО ПРИЕМУ И РАЗМЕЩЕНИЮ
ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Совет Народных Комиссаров (СНК) Мордовской АССР, прием и размещение эвакуированного населения.

Проанализирована деятельность Совета Народных Комиссаров Мордовской АССР по вопросам приема населения, эвакуированного из западных регионов страны в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрено изменение структуры СНК Мордовской АССР, создание новых отделов и управлений по эвакуации населения. Приведены конкретные примеры решений СНК Мордовской АССР по временному размещению эвакуированных граждан, их трудоустройству, обеспечению продуктами питания, медикаментами, предметами быта. Показано взаимодействие по данному вопросу между СНК Мордовской АССР и исполкомами райсоветов, а также вышестоящими государственными органами.

P. UCHVATOV

**ACTIVITIES OF THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS
OF THE MORDOVIAN ASSR ON MEETING AND LODGING
EVACUATED POPULATION DURING GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)**

Key words: Great Patriotic War, evacuation, Council of People's Commissars of the Moravian ASSR, meeting and lodging evacuated population.

The author analyses the activities of the Council of People's Commissars of the Moravian ASSR on meeting the population, evacuated from the western regions of the country during the Great Patriotic War. There regarded changes in the structure of the Council, opening new departments and offices responsible for the evacuation of the population. The article provides certain examples of measures taken by the Council for lodging the evacuated citizens, their employment and provision with food, medicines and household appliances. The article shows the interaction on these matters between the Council and the Executive Committees of District Soviets, as well as the superior governmental authorities.

После начала Великой Отечественной войны государство организовало эвакуацию населения из оккупированных Германией западных регионов страны. Эвакуированные граждане направлялись в тыл, где местные власти предоставляли им временное жилье и работу. В числе областей и автономных республик, в населенные пункты которых людей эвакуировали в первую очередь, оказалась и Мордовская АССР [10. С. 31]. Данная тема затрагивалась в проводившихся специальных научных исследованиях, например, в кандидатских диссертациях С.Б. Бирюковой «Проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны: (На материале респ. Мордовия, Чувашия, Марий Эл)» [1] и В.П. Лузгина «Народное хозяйство Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [5]. Из научной литературы также следует отметить изданную в рамках серии «Мордовия. XX век» коллективную монографию «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [8].

Эвакуация осуществлялась в соответствии с постановлением Правительству СССР № 24 «О порядке эвакуации населения в военное время» от 5 июля 1941 г. Совнаркомы республик и областные (краевые) исполкомы обязывались создать в своем составе отделы по эвакуации населения, которые должны были осуществлять организацию эвакуационных пунктов и контролировать их работу, а также ведать всеми вопросами, связанными с эвакуацией населения. Этим же документом устанавливался ряд полномочий совнаркомов республик и областных (краевых) исполкомов, касавшихся приема эвакуированного населения. Так, председатели совнаркомов и областных (крае-

вых) исполкомов были обязаны обеспечить подготовку жилых помещений, разгрузку железнодорожного транспорта, размещение эвакуированных и устройство их на работу, обеспечение их питанием и одеждой. При необходимости совнаркомам и областным (краевым) исполкомам разрешалось производить уплотнение местных жителей для размещения эвакуированных, бесплатно использовать колхозный и совхозный транспорт [10. С. 30–31].

С.Б. Бирюкова выделяет два этапа в процессе эвакуации – первый, охватывающий лето и осень 1941 г., и второй – лето 1942 г. Именно во время первого этапа в республику прибыла большая часть эвакуированного из других областей населения [2]. Поэтому основная часть документов СНК Мордовской АССР, касающаяся эвакуированных граждан, относится к 1941 г.

Процесс приема эвакуированных семей начался буквально с первых недель войны. Уже 1 июля 1941 г. по поручению СНК РСФСР на заседании СНК Мордовской АССР слушали вопрос о приеме и размещении населения прифронтной полосы. СНК Мордовской АССР возложил на председателей исполкомов райсоветов обязанность обеспечить личное руководство по приему и размещению эвакуированного населения, устройству людей на работу и их обеспечению жильем, питанием, одеждой, обувью, медицинским обслуживанием. СНК Мордовской АССР указал, чтобы трудоспособных рабочих, по возможности, размещали в городах и рабочих поселках, сельское же население предписывалось направлять на работу в колхозы и совхозы. Особое значение придавалось обеспечению людей продовольствием, для чего от Наркомата торговли, Мордовторга, Мордпотребсоюза и исполкомов райсоветов требовалось создать необходимые запасы продовольственных товаров. Отпуск питания должен был производиться бесплатно, но лишь два раза в день; кроме того, СНК установил, чтобы стоимость питания не превышала 6 руб. на одного человека [10. С. 25–26].

Помимо населения, в Мордовию и другие регионы Поволжья эвакуировались также предприятия из западных областей страны. Вместе с некоторыми из них прибывали и рабочие с членами своих семей. Несмотря на это, на заводах возник острый дефицит квалифицированных кадров. В основном рабочий класс пополнялся за счет сельского населения. В Мордовской, Чувашской, Марийской автономных республиках наблюдался особенно сильный отток сельского населения в города [12. С. 24]. Но из-за мобилизации на фронт не менее сложной была и ситуация с кадрами в сельском хозяйстве. Например, в конце 1944 г. в колхозах Марийской АССР осталось лишь 21,6% мужчин от довоенного уровня; в Чувашской АССР общая численность сельского населения снизилась на 11% [6. С. 564.] В некоторой степени колхозы и предприятия в Мордовии и других регионах Поволжья пополнялись за счет эвакуированного населения. Так, в колхозах Марийской АССР по состоянию на 1 января 1943 г. удалось трудоустроить 5 572 эвакуированных [3. С. 8]. Однако основную часть эвакуированного населения составляли нетрудоспособные, а также дети: из 58 425 человек, прибывших в Мордовию к декабрю 1941 г., мужчин в возрасте от 16 до 59 лет было только 6070; при этом было 14 513 детей до 7 лет и 11 904 детей от 7 до 15 лет. [12. С. 24–25]. Из 21,2 тыс. эвакуированных в Марийскую АССР на 30 января 1942 г. трудоспособные лица составляли всего 21,7% (4,5 тыс. человек), остальные были старики, дети или больные [3. С. 8].

При СНК Мордовской АССР действовал Переселенческий отдел по приему и розыску эвакуированного населения со штатом в 10 человек. Его возглавил заместитель Председателя СНК И.Д. Кольчугин, прежде работавший наркомом финансов Мордовской АССР. 15 августа штат был увеличен, в отдел включили дополнительных четырех сотрудников. В таком виде Переселенческий отдел при СНК действовал недолго, и уже с 20 ноября 1941 г. он был реорганизован в Рес-

публиканское управление по эвакуации и Управление по эвакуации по городу Саранску. Штат Республиканского управления был утвержден в 33 человека, уполномоченным Республиканского управления назначили И.Д. Кольчугина. Однако штат не был укомплектован полностью, например, по состоянию на март 1942 г. в нем отсутствовали инспекторы по продвижению эшелонов и по жилищно-бытовому устройству. Аппарат и республиканского, и городского эвакуоуправлений располагался всего в трех комнатах, расположенных в разных концах коридора, что создавало дополнительные неудобства для работников и посетителей. В докладной записке «О состоянии работы Эвакуоуправления при СНК Мордовской АССР по запросам трудящихся о розыске эвакуированных граждан и жалобам эвакуированных», направленной 17 марта 1942 г. в Президиум Верховного Совета Мордовской АССР, отмечалось, что начальником республиканского Эвакуоуправления Кольчугиным прием посетителей вообще не велся, его «резиденция» располагалась в здании СНК, доступ куда был возможен только по специальным пропускам. Прямой связи с аппаратом Эвакуоуправления Кольчугин не имел, и пропуском к нему обладал только начальник Эвакуоуправления по г. Саранск Кузнецов. Условия, в которых оказывались посетители, в докладной записке характеризовались как «исключительно безобразные». Люди были вынуждены по многу часов толпиться в узких коридорах, ожидая своей очереди. Стульев было мало, и часто можно было увидеть посетителей, сидящих на подоконниках и даже на полу. «Шум, споры, хождения слышны по всему коридору и отражаются на работе не только самого Эвакуоуправления, но даже и Наркоматов, которые расположены по этому же корпусу» [13. Л. 34–36].

В 1942 г. организационная структура СНК вновь подверглась реформе, и в марте 1942 г. вместо Управления по эвакуации при СНК был создан новый отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Он отвечал за размещение и трудоустройство, рассматривал бытовые условия, в которых жили эвакуированные граждане [1. С. 26].

Специальные отделы и органы, занимающиеся вопросами эвакуации, формировались и при совнаркомх других автономных республик Поволжья. Так, при СНК Чувашской АССР 26 июня 1941 г. была создана специальная комиссия по приему и размещению прибывших в автономную республику эвакуированных граждан; ее возглавил заместитель Председателя СНК Чувашской АССР А.В. Сомов. Также 10 марта 1942 г. в СНК Чувашской АССР был образован Отдел хозяйственного устройства эвакуированных [4. С. 35].

Многие из эвакуированных находились в очень тяжелых условиях. Оторванные от привычной среды эти люди сталкивались с нищетой и голодом. В лучшем положении оказывались те, кому удавалось устроиться на работу, но, по словам уполномоченного Эвакуоуправления по г. Саранск Кузнецова, около 25% эвакуированных людей в городе находились «в очень тяжелом положении». Некоторые из них имели по трое-четверо маленьких детей, которых не могли устроить в детский сад или ясли. Существовали проблемы и с обеспечением жильем, питанием, предметами быта. «Эвакуированные пишут заявления и приходят, устно говорят, что их начинают выживать, – отмечал Кузнецов. – Не дают то блюдо, кружку или предметы домашнего обихода, а где может взять эвакуированный все это. Надо дать указания торгующим организациям об организации снабжения и общественного питания. Что дальше будет, не знаю, ведь сейчас ведро картошки 70-80 рублей, а некоторые эвакуированные получают у нас по 120 рублей, чем же они могут жить...» [13. Л. 30].

Особенно сложно было тем, кто попал в сельскую местность. Член Президиума Верховного Совета Мордовской АССР И.П. Начаркин говорил: «За последнее время неслучайно большинство эвакуированных из сельской местности подалось в город. Мы имеем такие факты, что приходят 15 семей

эвакуированных в город и живут. Спрашиваем, почему пришли. Говорят там мы сидели без хлеба, мы босые, сельпо нас хлебом не снабжает, день дадут, два нет. Часть эвакуированных из Сузгарьи, Левжи, Татарской Пишли переехали в Рузаевку, и теперь у нас в г. Рузаевка стало народу 2007 вместо 1500, увеличилось на 500 человек. Приехали они не потому, что хотят жить в городе, а потому что они в деревне ничем не обеспечены» [13. Л. 53].

Несмотря на это, эвакуация населения в Мордовию проходила очень активно. СНК Мордовской АССР поддерживал связь с Советом по эвакуации при СНК СССР и посылал телеграммы с данными о количестве принятых автономной республикой людей. Так, по состоянию на 12 июля 1941 г. Мордовия приняла 25 тыс. эвакуированных граждан [10, С. 42], а на 16 июля – 32 098 [10. С. 47]. Всего за годы войны Мордовия приняла около 80 тыс. человек, в том числе 25 тыс. детей до 15 лет [7. С. 549]. Более 70 тыс. человек приняла Чувашская АССР, в том числе около 27,7 тыс. детей [11. С. 294]. Национальный состав эвакуированного населения в Мордовии выглядел следующим образом: русские – 53,6%, евреи – 19,6%, украинцы – 7,9%, белорусы – 5,5%. В Чувашии русских было 67,5%, евреев – 13,6%, украинцев – 8,02% и белорусов – 3,19% [12. С. 21].

Хотя в работе по приему и размещению эвакуированного населения и существовали отдельные недостатки, неизбежные в условиях военного времени, в целом государственные органы и, в частности, СНК Мордовской АССР оказывали этому вопросу большое внимание.

СНК принимал решения, касавшиеся размещения и устройства эвакуированного населения на территории автономной республики. Например, 29 июля 1941 г. им было принято постановление «О размещении Н-ской авиачасти в городе Рузаевке и эвакуированного населения – в Рузаевском районе». В нем СНК поручил Рузаевскому райсовету принять 40 семей из числа эвакуированного населения прифронтовой полосы и распределить их по колхозам [10. С. 55]. Другим постановлением, «О реорганизации начальной школы при Ичалковском лесокомбинате в неполную среднюю школу в связи с прибытием эвакуированных детей» от 3 октября 1941 г., СНК утвердил решение Ичалковского райсовета о реорганизации школы при Ичалковском лесокомбинате с начала учебного года 1941–1942 гг. в связи с эвакуацией в район детей школьного возраста – 500 человек из пионерского лагеря «Нареч» Белорусской ССР и 300 человек из Московского детского санатория [10. С. 116]. 29 августа 1941 г. СНК принял постановление «О размещении в Лямбирском районе детдома, эвакуированного из города Кандалакши». Детский дом было решено разместить в здании Михайловской школы и свободном доме колхоза. В связи с этим школа была переведена на двухсменную работу [10. С. 81].

Для размещения эвакуированных граждан в Мордовии осуществлялось строительство нового жилья в соответствии с постановлением СНК Мордовской АССР от 26 сентября 1941 г. № 1522 «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». Однако работы проводились медленно, к 20 ноября 1941 г. план оказался выполнен только на 9%, а в ряде районов к строительству общежитий даже не приступили. СНК принял постановление от 28 ноября 1941 г. «О ходе строительства жилых помещений для эвакуированного населения», в котором потребовал от председателей исполкомов Саранского и Рузаевского горсоветов, Темниковского, Ардатовского, Краснослободского, Зубово-Полянского и Ичалковского райсоветов обеспечить ввод в эксплуатацию зданий общежитий к 1 января 1942 г. Также СНК дал отдельные поручения в рамках строительства жилья управляющему Мордовским отделением Росснабсбыта, директорам Саранской ТЭЦ и Саранского хлебно-

го комбината. Контроль за выполнением постановления был возложен на Наркомхоз Мордовской АССР [10. С. 184–185].

20 июля 1942 г. СНК и Мордовский обком ВКП(б) направили совместную телеграмму председателям райисполкомов и секретарям райкомов партии об отпуске хлеба эвакуированному населению. В ней отмечалось, что в ряде районов допускаются перебои с выдачей хлеба в три-четыре дня, иногда хлеб просто «разбазаривался». СНК и обком ВКП(б) потребовали привлечь виновных к ответственности и пустить в работу все имеющиеся в районах мельницы для создания запасов муки и бесперебойного снабжения ею райпотребсоюзов [10. С. 337].

СНК Мордовской АССР осуществлял переписку с районными исполкомами Советов депутатов трудящихся. 13 октября 1941 г. СНК писал Большеберезниковскому райисполкому о подготовке к приему эвакуированных из г. Москва. В Большеберезниковский район в ближайшие дни планировалось эвакуировать 2000 человек, и СНК указывал райисполкому на необходимость подготовить для них квартиры, в том числе за счет уплотнения местного населения; выделить транспорт для перевозки эвакуированных; создать для них необходимые культурно-бытовые условия. СНК подчеркивал: «Учтите, что к вам едет городское население, примите меры к хорошей встрече, созданию хороших условий жизни, а также – к устройству их на работу на предприятиях и в колхозах» [10. С. 127].

В свою очередь, районные исполкомы писали в СНК Мордовской АССР по поводу размещения и устройства семей эвакуированных. Председатель исполкома Дубёнского райсовета И. Антонов в августе 1941 г. сообщал в СНК, что исполком полностью истратил 8 тыс. руб., выделенных Правительством для оказания помощи эвакуированным. При этом только с 31 июля по 2 августа в исполком райсовета поступило более 300 заявлений от эвакуированных граждан об оказании материальной помощи. Антонов считал, что для помощи эвакуированным Дубёнскому району потребуется еще не менее 35 тыс. руб., и просил СНК увеличить ассигнование средств для эвакуированных семей, проживающих в Дубёнском районе, до 40 тыс. руб. [10. С. 64]. 18 декабря 1941 г. Саранский горисполком просил СНК утвердить решение, согласно которому в связи с тяжелым положением, возникшим с размещением военнослужащих и эвакуированного населения в г. Саранск, городское жилищное управление получило право временно размещать их в порядке уплотнения в квартирах жилищного фонда и частных домовладениях [10. С. 209]. 15 апреля 1942 г. исполком Рузаевского горсовета принял решение «О ходе строительства дома для эвакуированных». Из-за отсутствия лесоматериалов строительство фактически прекратилось, имеющийся в распоряжении горисполкома транспорт не мог обеспечить перевозку к месту строительства нового лесоматериала. В связи с этим Рузаевский горисполком просил СНК предоставить средства для возобновления строительства, выделить машины для перевозки лесоматериала [10. С. 299]. В январе 1944 г. председатель Ардатовского райсовета Базлин и секретарь Ардатовского райкома ВКП(б) В.К. Королёв направили Председателю СНК В.В. Верендякину докладную записку. В г. Ардатов проживало 515 эвакуированных семей и 30 семей партизан; кроме того, в Ардатовский район были эвакуированы детские дома из Белорусской ССР и Смоленской области. Проверкой было установлено, что эти детские дома и эвакуированные семьи находились в очень тяжелых условиях, в районе существовала большая нехватка продуктов питания. Райсовет и райком ВКП(б) просили СНК об отпуске для организации общественного питания в районе субпродуктов из Ардатовского убойного пункта, которые отгружались в г. Саранск [10. С. 544].

В случае возникновения проблем СНК Мордовской АССР мог обращаться в вышестоящие органы. Так, 28 июня 1941 г. Председатель СНК Мордовской

АССР В.В. Верендякин направил в СНК РСФСР телеграмму: «Прибывший эшелон № 836 эвакуированных встречен и размещен в городе Рузаевке и Рузаевском районе. Среди эвакуированных много семей военнослужащих происходят из Горьковской, Куйбышевской и других областей, настоятельно просят отправить их на родину к родным. Прошу телеграфировать, можно ли отправить указанные семьи на родину» [9. С. 207]. Еще одним примером может служить подписание заместителем Председателя СНК Мордовской АССР И.Д. Кольчугиным письмо по вопросам, связанным с устройством эвакуированного населения, в Совет по эвакуации при СНК РСФСР, отправленное в июле 1941 г. Это письмо, где приводились конкретные случаи, по которым у СНК Мордовской АССР возникли трудности, ярко показывает всю сложность положения с приемом эвакуированных граждан в республике в первые месяцы войны. «На станции Рузаевка организован эвакуационный пункт, затратили много денег на оборудование, содержим аппарат, а кого пункт должен принимать – ясности нет. Наш запрос по этому вопросу остался без ответа», – указывалось в письме [10, С. 63]. СНК Мордовской АССР запрашивал, за счет чего содержать эвакуированных граждан, не имеющих средств к существованию; просил решить вопрос с организацией детских домов для 2500 прибывших в республику эвакуированных детей. Приводился и такой случай: «Наркомобес РСФСР тов. Гришакова в отношении семей мобилизованных, которые не имеют документов, сообщила: помогите им достать документы. А как можно помочь, когда есть эвакуированные из той местности, которая занята немцами?» – спрашивал И.Д. Кольчугин [10. С. 63].

Таким образом, одним из значимых направлений деятельности СНК Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны была организация приема людей, эвакуированных из западных областей страны. СНК издавал постановления, направленные на размещение прибывающих в автономную республику эвакуированных граждан, их трудоустройство, обеспечение продуктами питания, временным жильем, предметами быта, медицинским обслуживанием. СНК поддерживал постоянную связь как с вышестоящими государственными органами (Правительством РСФСР), так и с исполкомами районных и городских Советов депутатов трудящихся. Несмотря на большое внимание, которое СНК и другие государственные и партийные органы уделяли эвакуированным, существовало множество проблем, которые не всегда удавалось быстро решить в военных условиях, когда нагрузка на экономику автономной республики была очень велика, и эвакуированные семьи часто оказывались в крайне тяжелом положении.

Литература

1. Бирюкова С.Б. Проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны: (На материалах респ. Мордовия, Чувашия, Марий Эл): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996. 227 с.
2. Бирюкова С.Б. К вопросу эвакуации в Мордовию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Мордовского университета. 1995. № 2. С. 10.
3. Васильева С.И. Изменения численности и состава колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940–1960 годах / Йошкар-Ола, Научно-исследовательский институт при Совете Министров Марийской АССР, 1981. С. 3–24.
4. Кузнецова Н.Ю., Минеева Е.К. Помощь эвакуированным в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 34–39.
5. Лузгин В.П. Народное хозяйство Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995. 205 с.
6. Перчиков Ю.Ю. Сельскохозяйственное производство в Волго-Вятском регионе в 1941–1945 гг.: роль местных Советов в преодолении критических условий // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: Изд-во ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 563–570.
7. Юрченок В.А. Начертание мордовской истории / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 612 с.

8. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. / под общ. ред. В.А. Юрчёнкова / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. Т. 2. 424 с.
9. Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы / сост. А.Е. Захаркина, В.И. Лопатова, В.Б. Смирнова, при участии И.М. Кшнякина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. 568 с.
10. Мордовия: 1941–1945: сб. док. / подгот. ЦГА и ЦДНИ Республики Мордовия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. 752 с.
11. Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. 590 с.
12. Экономика Поволжья в годы Великой Отечественной войны / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. 148 с.
13. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 359.

References

1. Biryukova S.B. *Problemy evakuatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: (Na materialakh resp. Mordoviya, Chuvashiya, Marii El): diss. kand. ist. nauk* [The problems of evacuation during the Great Patriotic War: (on the materials of the Mordovia, Chuvashia, Mari El Republics). Doct. Diss.]. Saransk, 1996, 227 p.
2. Biryukova S.B. *K voprosu evakuatsii v Mordoviyu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [On the question of evacuation in the Mordovia during the Great Patriotic War]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University], 1995, no. 2, p. 10.
3. Vasil'eva S.I. *Izmeneniya chislennosti i sostava kolkhoznogo krest'yanstva Mariiskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [The changes of quantity and structure of the collective-farms of Mari ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Sel'skoe khozyaistvo Mariiskoi ASSR v 1940–1960 godakh* [The agriculture of Mari ASSR during 1940–1960]. Ioshkar-Ola, 1981, pp. 3–24.
4. Kuznetsova N.Yu., Mineeva E.K. *Pomoshch' evakuirovannym v Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [The help to evacuees in Chuvash ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 34–39.
5. Luzgin V.P. *Narodnoe khozyaistvo Mordovskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: diss. kand. ist. nauk.* [The national economy of the Mordovian ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945). Doct. Diss.]. Saransk, 1995, 205 p.
6. Perchikov Yu.A. *Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo v Volgo-Vyatskom regione v 1941 – 1945 gg.: rol' mestnykh Sovetov v preodolenii kriticheskikh uslovii* [The agricultural production in Volga-Vyatka region in 1941–1945: the role of local Soviets in overcoming of critical conditions]. *Agrarnyi stroi Srednego Povolzh'ya v etnicheskom izmerenii: materialy VIII Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (Cheboksary, 19–21 maya 2005 g.)* [Proc. of VIII Int. conf. «The agrarian system of the Middle Volga Region from the point of view of ethnic measurement»]. Moscow, 2005, pp. 563–570.
7. Yurchenkov V.A. *Nachertanie mordovskoi istorii* [Outline of Mordovian History]. Saransk, 2012, 612 p.
8. *Mordoviya v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: v 2 t.* [Mordovia in the period of the 1941–1945 Great Patriotic War. 2 vols.]. Saransk, 2005, vol. 2, 424 p.
9. *Mordoviya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945. Dokumenty i materialy* [Mordovia during the 1941 – 1945 Great Patriotic War. Documents and materials]. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1962, 568 p.
10. *Mordoviya: 1941–1945: sbornik dokumentov* [Mordovia: 1941–1945: Collection of documents]. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1995, 752 p.
11. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2006, vol. 1, 590 p.
12. *Ekonomika Povolzh'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The economy of the Volga Region during the Great Patriotic War]. Saransk, 2010, 148 p.
13. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. Fond. R-234. Opis' 4. Dokument 359* [Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fonp. R-234. Anagraph 4. Document 359].

УЧВАТОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант отдела истории и археологии, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (uchvatov.pavel@yandex.ru).

UCHVATOV PAVEL – Post-Graduate Student, History and Archaeology Department, Research Institute of the Humanities of the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

УДК 654.197(091)
ББК 76.032(2Рос.Тат)

М.Х. ФАТЫХОВА

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ В 1990-е ГОДЫ

Ключевые слова: история, регион, Казанская студия, телевидение, программа, новый этап.

В данной статье предпринята попытка прояснить «белые пятна» в истории становления и развития телевидения Татарстана. Начало 90-х на телевидении стал благоприятным этапом для проявления и раскрытия творческого потенциала. Появились новые циклы передач, которые способствовали популяризации национального языка, культуры и традиции, что немаловажно для этого периода истории Татарстана.

M. FATYKHOVA

SPECIAL ASPECTS OF REGIONAL BROADCASTING IN 1990s

Key words: history, region, Kazan TV studio, television program, new stage

In this paper, the author makes a research into the «blank spots» in the history of the Tatarstan television. The television of early 90s offered favorable opportunities for manifestation of creativity. There appeared new programs that helped to popularize the national language, culture and traditions, which played a great role in that period of Tatarstan's history.

История телевидения – это история республики, составная ее часть, значение которой возрастает с каждым годом.

История ГТРК «Татарстан» началась с января 1992 г., и это является четвёртым этапом в истории телевидения Татарстана.

Предыдущую историю татарстанского телевидения Р.В. Даутова рассматривает в три этапа: становление, период стабилизации, годы технического оснащения и развития структуры [5. С. 3].

Каждый этап тесно взаимосвязан с историей отечественного телевидения и России в целом. Переломным является период с начала 1990-х гг. Вот что пишет об этом исследователь отечественного телевидения В.Л. Цвик, называя этот этап переломным: «Тупиковая ситуация, в которой оказалось государственно-монополистическое отечественное Центральное телевидение, еще не ощущалась либо не признавалась публично. Однако телепрактики явно хотели вырваться из оков номенклатурно-государственного телевидения. Идея альтернативности весьма привлекала известных журналистов» [9]. Именно в эти годы страна следила за процедурой избрания М.С Горбачева на должность первого Президента СССР. «На Первомайской демонстрации 1990 г., где впервые были разрешены не утвержденные начальством тексты транспарантов, среди прочих был и такой текст над колонной, проходящей по Красной площади: «Прямой эфир прогрессивным журналистам Тихомирову, Сагалаеву, Кузнецову!» (Последний был отстранен от эфира в программе «Добрый вечер, Москва!», несмотря на устойчивое первое место по зрительскому рейтингу за три года.) Народ больше не безмолвствовал, телезрители требовали учитывать их мнение при формировании телевизионных программ и подборе ведущих» [8].

90-е годы – это процесс формирования ВГТРК «Россия», выдача лицензий на коммерческое вещание, появление телевидения малых городов, а также «наступление мыльных опер...» [3. С.135]. Немаловажен тот факт, что в истории телевидения других стран 90-е годы вошли как «времена перемен». В 1990 г. открыт первый частный турецкий канал «Star TV». «В начале 90-х наряду с частными печатными СМИ начали бурную деятельность и частные радио и телевидение. Их количество увеличивалось каждый день» [1].

В периодизации, которую выдвинула А.Г Качкаева, 1990–2001 годы являются первым этапом новейшей истории российского телевидения [7].

Исследователь становления и развития телевидения в регионах России А.А. Данилов пишет: «В 1990-е гг. региональное ТВ было востребовано еще в большей степени, поскольку появилась возможность выражать интересы местной аудитории, выступать фактором самоопределения народов, сохранения культурных, национальных традиций и специфики регионов» [4].

Несмотря на «переломный период» в стране, журналисты, операторы и другие работники Казанской студии, которых сплотил дух новизны, продолжали делать республиканское телевидение. И не просто делать, а вопреки всему сетка вещания национальных передач ухитрялась набирать еще больше объема. «В начале 90-х годов XX столетия государственное телевидение поднимало в своих программах тему национального самосознания, татарской молодежи особенно, так как молодые люди стали забывать родной татарский язык, культуру и традиции своего народа» [2. С. 73].

Прежде чем перейти к обзору передач, созданных в этот исторический период, нужно отметить техническое состояние Казанской студии телевидения.

В начале 90-х гг. впервые закупаются компьютеры и меняется аппаратно-студийный блок большой студии. 25 февраля 1991 г. с целью упорядочить в строгую систему все вопросы, связанные с рекламой, коммерческими передачами, создается «РКЦ» (рекламно-коммерческий центр). В числе первых коммерческих передач были такие, как «Деловые новости», «Телебиржа», «Рынок и мы», которые финансировались крупными коммерческими фирмами. Предполагался качественный скачок, но этот период растянулся, так как требовались новая техника и высокая квалификация работников студии телевидения. Именно в таких условиях менялась структура Казанской студии телевидения. Было подписано постановление о преобразовании Государственного Комитета Республики Татарстан по телевидению и радиовещанию в Государственную телерадиовещательную компанию «Татарстан».

Все дальнейшие изменения и преобразования происходили под руководством Т.К. Сагитова, который стал председателем ГТРК «Татарстан».

С 1992 г. создаются новые передачи, новая сетка вещания. Самым существенным можно назвать создание главной редакции информации ГТРК «Татарстан». Как и на центральных каналах, появился логотип в правом верхнем углу – ТРТ, что означало «телевидение Республики Татарстан». С первых выпусков утренняя информационно-развлекательная программа «Чулпан» (1993) завоевала симпатию телезрителей. Передача велась на двух языках: русском и татарском. Ведущие Р. Гараева, Ф. Мухаметов, Ф. Абдуллина, В. Булычев дарили зрителям утренний заряд бодрости и хорошего настроения.

Волна перемен коснулась и профессии диктор. Вместо дикторов с телезрителями общались авторы. В 1994 г. Э. Хамматова, ранее диктор новостной программы «Татарстан», стала автором и ведущей передачи «Йолдызлар чакыра» («Звезды зовут»).

Л. Загидуллина создала авторскую передачу «Ханым» («Женщина»).

Бывший диктор И. Файзрахманов впервые попробовал себя ведущим аналитических передач. С его подачи в сетке вещания ГТРК «Татарстан» появились передачи «Кыйбла» («Путь»), «Атна» («Неделя»). Для русскоязычной аудитории выбор информационно-аналитических программ был больше: «ТОН» (телевизионное обозрение недели), «Откровенно обо всем», «Круглый стол». Информационно-аналитические передачи ставили перед собой задачу

объективно информировать общественность и дать анализ процессам, происходящим во всех сферах общественной жизни.

В конце 1994 г. ГТРК «Татарстан» устанавливает новую японскую аппаратуру фирмы «SONY». Стали применяться компьютерные суфлеры. Безусловно, это способствовало повышению уровня и качества производимых передач. В новом формате увидели телезрители и культурно-просветительскую передачу «Жомга көн кич белән» («В пятницу вечером»). В качестве соведущих автор программы Индус Сирматов начал приглашать молодых журналистов.

Необходимо отметить плодотворность молодежных редакций «ЗИПоПо» (Заочный институт позитивного поведения) и «Адым» (Шаг). Еще одну программу для молодежной аудитории под названием «Стиль № 7» готовила коммерческая студия «Баер», которая образована на телекомпании «Татарстан» в 1994 г. Этой студией производились также такие передачи, как «Ви-деоспорт», «ГАИ-информ», «Авто-калейдоскоп».

Детские передачи «Әлли-бәлли-бәү» («Колыбельная»), «Тамчы» («Капля»), которые до сих пор не теряют популярность, также были основаны в начале 90-х гг.

Казань – крупнейший музыкально-академический центр не только республики, но и всего Приволжского региона. В связи с этим значительное преобладание музыкальных программ в эфире Татарстанского телевидения очевиден. Самым ярким циклом музыкальных передач можно назвать «Рондо». Этот цикл вел профессор Казанской консерватории А. Маклыгин. Помимо «Рондо» редакцией музыкальных программ готовились и другие не менее интересные по форме и содержанию передачи: «Молодые исполнители», «Артист. Годы. Творчество», «Возвращение к “Встрече”», «В ритме джаза» – все эти циклы готовились профессиональными музыковедами. Музыкальное направление на национальном языке было представлено циклом Э. Хамматовой «Опера сәнгате осталары» («Мастера оперной сцены»), чуть позже была создана передача «Халык жәүһәрләре» («Сокровища народа»).

Сближение разных групп аудитории, появление интереса к темам, выходящим за рамки привычной традиции, возможны благодаря хорошим передачам. Не случайно Е.П. Иванова пишет: «И именно 90-е годы являются отправной точкой реальных изменений в телепублицистике» [6]. ГТРК «Татарстан» начал в эти годы снимать телевизионные фильмы.

В 1993 г. создается творческое объединение «Тукай», которое возглавил А. Хусаинов. Первым опытом был детский одиннадцатисерийный телесериал «Мырау-батыр» («Кот богатырь»). Вторая работа также для детей – шестисерийный телефильм «Азат Мерген». Это работы режиссера И. Утяганова. Другой режиссер – А. Зарипов – взялся за сериал «Каргышлы балачак» – «Проклятое детство» о жизни Габдуллы Тукая.

Таким образом, изучив контент телевидения Татарстана в 90-е гг., можно утверждать, что телевидение улучшило качества национально-татарского вещания, а также сыграло большую роль в содействии дружбы между народами, освещая дневник первого международного фестиваля «Дни татарской молодежи».

90-е годы – это последний этап Казанской студии телевидения и первый в истории ГТРК «Татарстан».

Литература и источники

1. Айтен А. Совет этики как инструмент саморегулирования в медиа // Журнал факультета коммуникаций Стамбульского университета. 2013. № 44. Р. 1–18.

2. Ганеева Ф.Г. Молодежная редакция «Адым студиясе» в 90-е годы на телевизионном канале ГТРК «Татарстан» // История регионального телевидения в контексте вызовов нового времени: сб. науч. ст. и материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Казань, 17 апреля 2012 г.) / под ред. В.З. Гарифуллина, Е.С. Дорошук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 71–78.

3. Голыдкин Н.А. История отечественного и зарубежного телевидения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2011. 190 с.

4. Данилов А.А. Становление и развитие телевидения в регионах России во второй половине XX – начале XXI вв. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2010. 48 с.

5. Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. 2-е изд., доп. М.; Казань: Новое знание, 2010. 280 с.

6. Иванова Е.П. Формирование и развитие публицистики на государственном телевидении Татарстана: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 144 с.

7. Качкаева А.Г. История телевидения в России: между властью, свободой и собственностью [Электронный ресурс] // История новой России: сайт. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1316> (дата обращения: 02.03.2015).

8. Телевизионная журналистика / ред. кол.: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text6/27.htm#з_07 (дата обращения: 02.02.2015).

9. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aup.com.ua/ml/conf/8.pdf> (дата обращения: 11.03.2015).

References

1. Ayten A. *Sovet etiki kak instrument samoregulirovaniya v media* [Board of Ethics as an instrument of self-regulation in the media]. *Zhurnal fakul'teta kommunikatsii Stambul'skogo universiteta* [Journal of the Faculty of Communication University of Istanbul], 2013, no. 44, pp.1–18.

2. Ganeeva F.G. *Molodezhnaya redaktsiya «Adym studiyase» v 90-e gody na televizionnom kanale GTRK «Tatarstan»* [Youth Editorial «Adym studiyase» in 90 years on the television channel TV «Tatarstan»]. *Istoriya regional'nogo televideniya v kontekste vyzovov novogo vremeni: sb. nauch. st. i materialov mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 17 aprelya 2012 g.)* [Garifullin V.Z., Doroschuk E.S., ed. History regional television in the context of the new challenges of time: a collection of scientific articles and inter-regional scientific-practical conference (Kazan. 17 April 2012)]. Kazan, Kazan University Publ., 2012, pp. 71–78.

3. Golyadkin N.A. *Istoriya otechestvennogo i zarubezhnogo televideniya. 2-e izd., pererab. i dop.* [History of domestic and foreign television. 2nd ed.]. Moscow, Aspect Press Publ., 2011, 190 p.

4. Danilov A.A. *Stanovlenie i razvitie televideniya v regionakh Rossii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv. (na materialakh Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi respublik): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and development of television in the regions of Russia in the second half of XX – beginning of XXI centuries (on materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics). Abstract of PhD thesis]. Kazan, 2010, 48 p.

5. Dautova R.V. *Televidenie Tatarstana: ot proshlogo k nastoyashchemu. 2-e izd., dop.* [Tatars-tan Television: from past to present. 2nd ed.]. Moscow, Kazan, Novoe znanie Publ., 2010, 280 p.

6. Ivanova E.P. *Formirovanie i razvitie publitsistiki na gosudarstvennom televidenii Tatarstana: dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and development of journalism on state television in Tatarstan. Doct. Diss.]. Moscow, 2005, 144 p.

7. Kachkaeva A.G. *Istoriya televideniya v Rossii: mezhdru vlast'yu, svobodoi i sobstvennost'yu* [The history of television in Russia: between power, freedom and property]. Available at: <http://www.ru-90.ru/node/1316> (Accessed 2 March 2015).

8. Kuznetsov G.V., Zwick V.L., Yurovsky A.Ya., ed. *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Available at: http://evartist.narod.ru/text6/27.htm#з_07 (Accessed 2 February 2015).

9. Zwick V.L. *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Available at: <http://www.aup.com.ua/ml/conf/8.pdf> (Accessed 11 March 2015).

ФАТЫХОВА МУРШИДА ХАНАФИЕВНА – кандидат филологических наук, ассистент кафедры телевидения и телепроизводства, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (hanafi@yandex.ru).

FATYKHOVA MURSHIDA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Lecturer, Television and TV Production Department, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

УДК 811.111
ББК 81.432.1

И.Г. АХМЕТЗЯНОВ, А.К. ГАРАЕВА

**ОСОБЕННОСТИ МИКРОТОПОНИМОВ
В АНГЛИЙСКИХ И ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЯХ**

Ключевые слова: пословицы, топонимы, английский язык, татарский язык, географический объект, микротопонимы, эквивалент, паремий.

Топонимы, а также пословицы и поговорки являются продуктом народного творчества. Они зарождались, развивались по законам языка того народа, который их породил. Рассматриваются английские и татарские пословицы и поговорки, где есть топонимы в обоих языках или в одном из этих языков (в другом топоним не использован вообще). Приводятся примеры пословиц и поговорок, разбитых на три группы, исходя из наличия или отсутствия в них топонимов. Англичане, как и татары, активно использовали топографические объекты в своих высказываниях, ибо пословицы и поговорки выражают характерные черты народа, в них достаточно ярко отражаются мудрость и дух народности.

**I. AKHMETZYANOV, A. GARAEVA
PECULIARITIES OF MICROTOPONYMS IN ENGLISH AND TATAR PARABLES**

Key words: proverbs, toponyms, English language, Tatar language, geographical object, microtoponyms, equivalent, the Parables.

Geographical names, as well as proverbs and sayings, are created by people and they were formed according to the rules of the language these people belonged to. The paper deals with the English and Tatar proverbs and sayings containing toponyms which may be used in both languages or only in one of them. The authors consider the examples of proverbs divided into three groups, according to the usage of toponyms. English and Tatar people actively used toponyms in their speech, because proverbs and sayings express characteristic features of the nation, they reflect its wisdom and spirit.

У каждого народа пословицы своеобразны. Из этого становится понятным, что подавляющее большинство пословиц происходит из историко-хозяйственного жизненного опыта и верований каждого народа, в их основе лежат творческие и описательные возможности каждого языка. Неизвестно начало их зарождения, безымянны их авторы, но их образование не останавливается. Да и невозможно, чтобы они не рождались там, где кипит жизнь и живут люди: потому как человек по своей природе поэт, он же носитель опыта и творчества. Если даже первоначально пословица была высказана определенным человеком, народ, цепляющий каждую удачную фразу, хранит ее в языке, шлифует, возводит ее до уровня обобщенного значения, ведь народ есть великий поэт, великий творец жизни.

Нет в мире народностей без своего языка, без задушевных песен; также нет в мире языка, который не имел бы в своем арсенале народных пословиц. Каждый народ использует их для украшения речи, каждый народ хранит безмерное уважение к проверенным годами пословицам.

В Татарстане ситуация та же: татары очень любят при удачном случае, ради краткости речи и усиления впечатления от сказанного использовать пословицы. Порой рассказчик и не замечает, что высказывает свою мысль пословицей, например: *Сүз күрке мөкаль, ир күрке сакал* (Пословица – украшение языка, борода – украшение мужчины) [4].

Топонимы, а также пословицы и поговорки являются продуктом народного творчества. Они зарождались, развивались по законам языка того народа, который их породил. Иные из них устаревали и не закреплялись в языке, иные оставались на многие тысячелетия в истории народного творчества.

Изучение топонимов позволяет глубже заглянуть в историю народа, понять суть его существования, узнать его род занятий и многое другое. В топонимах содержится та многогранная информация, которая может помочь не только географам, историкам, краеведам, но и лингвистам и филологам в раскрытии вопросов истории развития языка.

Топонимы, которые народ использовал при создании пословиц и поговорок, представляют интерес не только для филологов, но и для географов. Филологам в первую очередь интересно узнать причины использования именно тех или иных топонимов в пословицах, например, во многих английских пословицах встречается название города Рим, возможно, это связано с римскими завоеваниями. У татар лишь в немногих пословицах встречаются непосредственно названия географических объектов, например, название города Мекки, вероятно, это связано с вероисповеданием татар. В большинстве случаев в татарских пословицах и поговорках встречаются общие наименования географических объектов, такие, как тау – гора, урман – лес, өй, йорт – дом, сарай – крепость и др.

Проанализировав достаточное количество пословиц и поговорок английского и татарского языков по сборникам Н. Исанбета, Р.Г. Гизатуллиной-Старцевой и И.Г. Гизатуллина, Л. Васильевой, а также по Интернет-источникам, мы пришли к выводу, что пословицы и поговорки, содержащие географические названия, можно рассматривать с различных ракурсов.

В данной статье рассмотрим английские и татарские пословицы и поговорки, где есть топонимы в обоих языках или в одном из этих языков (в другом топоним не использован вообще).

Первая группа. Пословицы и поговорки с географическими названиями как в английском, так и в татарском языках. В этой группе можно выделить несколько подгрупп:

1) когда топоним встречается в обоих языках:

*With a tongue in one's head one can find the way to **Rome**.*

Язык до Киева доведет.

*Тел **Мәккәгә** илттер;*

2) когда топоним встречается только в одном языке:

*When in **Rome**, do as the Romans do.*

В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Кем арбасына утырсаң, шуның жырын жырларсың;

3) когда в одном языке указан топоним, а в другом встречается топографический объект:

*To carry coal to **Newcastle**.*

*To send owls to **Athens**.*

Ездить в Тулу со своим самоваром.

***Урманга** утын ташымыйлар.*

Вторая группа. Английские и татарские пословицы и поговорки, в которых народ использовал микротопонимы. В эту группу можно отнести большинство английских и татарских пословиц и поговорок, например:

*East or West – **home** is best.*

*There is no place like **home**.*

В гостях хорошо, а дома лучше.

*Кунакта яхшы, **өйдә** бик битәр [3].*

*Читне макта, **өендә** тор [3].*

*Үз **өендә** үз көең [4].*

*Every **country** has its customs.
So many **countries**, so many customs.*
Во всяком подворье свое поверье.
Что город – то норы, что деревня – то обычай.
*Һәр халыкның үз холкы бар.
Һәр **ул**нең үз йоласы [4].
Төрле **авыл**да төрле әттәхият [3].*

*To keep the **home** fires burning.*
Поддерживать огонь в домашнем очаге.
*Хужасыз **йор**мта бәрәкәт юк.
Ызба күрке – хатын, **йор**м күрке – ир [3].*

*Men may meet but **mountains** never.*
Гора с горой не сдвинется, а человек с человеком свидится.
***Тау** белән **may** гына очрашмый.
Тау mayга килмәс, мөгәр адәм адәмгә очрап [3].*

*My **house** is my **castle**.*
Мой дом – моя крепость.
*Үз **куыш**ың – үз тынычың [3].
Болгар **йор**ты – Идел **йор**м
Идел эче – имин **йор**м [4].*

***Still waters** run deep.*
В тихом омуте черти водятся.
***Тымызык күлдә** корт ятар [3].*

Третья группа. Эту группу составляют пословицы и поговорки, в которых народ использовал микротопонимы. Однако если в английском языке встречается микротопоним, то в его эквиваленте в татарском языке народ обошелся без этих элементов, например:

*It's no use pumping a dry **well**.*
Решетом воду не черпают.
*Иләк белән су ташу.
Сәнәк белән су сөзү [3].*

*To make a **mountain** out of a molehill.*
Делать из мухи слона.
*Берне биш итү.
Тәймәдән дөя ясау [3].*

*We never know the value of water till the **well** is dry.*
Что имеем – не храним, потерявши – плачем.
Исәпкә бар, санга юк [3].

*When the cows come **home**.*
Когда рак на горе свистнет.
*Кызыл кар яугач.
Кояш кире яктан чыкканда [3].*

И если в татарском языке встречается микротопоним или топоним, то в его эквиваленте в английском языке народ обошелся без этих элементов, например:

***Тау**ның да колагы бар [3].*
И у стен есть уши.
Walls have ears.

Агыйделдә салчымын, ак сарайда балчымын [3].

Мастер на все руки: и швец, и жнец, и на дуде игрец.
Head cook and bottle washer.

Бүредән курыккан урманға бармас [3].

Волков бояться – в лес не ходить.
He that fears every bush must never go a-birding.

Исереккә диңгез тубыктан.

Пьяному море по колено.
Pot valour.

Проанализировав пословицы и поговорки, в которых народ использовал топонимы и микротопонимы, можно прийти к нижеследующим заключениям:

1. И англичане, и татары активно использовали топографические объекты в своих высказываниях.

2. Англичане чаще, чем татары, использовали названия городов в своих пословицах и поговорках.

3. Татарский народ чаще использовал микротопонимы в своих пословицах и поговорках, вероятно, для более обобщенного выражения мысли.

Пословицы и поговорки выражают характерные черты народа, в них достаточно ярко отражаются мудрость и дух народности. Пословицы и поговорки разных народов выражают суждения, мысли, свойственные только им, с учетом этнографических, географических особенностей, обычаев, характера.

Пословицы и поговорки – это часть культуры того или иного народа, которые всегда будут актуальными.

Литература

1. Берсенева К. Русские пословицы и поговорки. М.: Центрполиграф, 2010. 384 с.
2. Васильева Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. М.: Центрполиграф, 2003. 352 с.
3. Гизатуллина-Старцева Р.Г., Гизатуллина И.Г. Татарско-русский словарь пословиц. Уфа: Вагант, 2011. 274 с.
4. Исанбет Н. Татар халкы мэкәльләре. Яр Чаллы: «Идел-Йорт» нәшрияты, 2003. 99 б.
5. Татарские пословицы и поговорки с переводом на русский язык [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poslovitza.ru/tatarskie.html>.

References

1. Berseneva K. *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2010, 384 p.
2. Vasil'eva L. *Kratkost' – dusha ostroumiya. Angliiskie posloviitsy, pogovorki, krylatye vyrazheniya* [Brevity is the soul of wit. English proverbs, sayings, aphorisms]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 352 p.
3. Gizatullina-Startseva R.G., Gizatullina I.G. *Tatarsko-russkii slovar' posloviits* [Tatar-Russian dictionary of proverbs]. Ufa, Vagant Publ., 2011, 274 p.
4. Isanbet N. *Tatar khalky mekal'lere* [Tatar folk proverbs]. Naberezhnye Chelny: Idel-Iort Publ., 2003, 99 p.
5. *Tatarskie posloviitsy i pogovorki s perevodom na russkii yazyk* [Tatar proverbs and sayings with translation into Russian]. Available at: <http://www.poslovitza.ru/tatarskie.html>.

АХМЕТЗЯНОВ ИЛЬДАР ГАБДРАШИТОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ildar-rashit@yandex.ru).

AKHMETZYANOV ILDAR – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

ГАРАЕВА АЛЬМИРА КАДЫРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (almiragaraeva09@yandex.ru).

GARAEVA ALMIRA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

УДК 811.161.1`373.2+811.111`373.2
ББК Ш12=411.2*316+Ш12=432.1*316

Е.А. ГРИГОРЬЕВА, О.А. ПЕТРОВА

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале русских и английских фитонимов
с компонентом *чёртов*, *devil*, *devil's*)**

Ключевые слова: фитонимика, народные названия растений, номинация, оценочная функция.

Исследование посвящено изучению русских и английских фразеологизмов-фитонимов как уникального источника языковой информации о русском и английском концепте ирреального мира. Русский и английский языки располагают большим массивом фразеологизмов, в состав которых входят указанные компоненты. Фитонимы с указанными компонентами служат для обозначения особого круга растений, обладающих рядом специфических признаков: это сорные или ядовитые растения, паразитирующие растения, растения с колючками или шипами. Форма данных растений может быть весьма необычной и напоминать части человеческого тела или предметы домашнего обихода. Кроме того, с некоторыми из указанных представителей флоры связаны суеверные представления о колдовстве.

E. GRIGORYEVA, O. PETROVA

**SEMANTICS OF COMMON NAMES OF PLANTS IN DIFFERENT STRUCTURE LANGUAGES
(based on Russian and English phytonyms
with component «chertov (Rus. чёртов), devil, devil's»)**

Key words: phytonymics, common names of plants, nomination, evaluation function.

The research is devoted to the study of Russian and English phraseological units containing phytonyms as a unique source of information about Russian and English concepts of surreal world. Russian and English languages have a vast array of phraseological units, which include these components. Phytonyms are used to identify a particular range of plants with a number of specific features: weeds or poisonous plants, parasitic plants, plants with burs or thorns. The shape of these plants can be quite unusual and may resemble the parts of human body or household items. In addition, some of the floras are associated with superstitious notions of witchcraft.

Известно, что лексические и фразеологические единицы любого языка являются носителями не только собственно языковой информации, но и фактов общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса. Исследование языкового материала с позиций лингвокультурологии позволяет реконструировать знания и представления того или иного народа об определенном фрагменте окружающего мира, проследить, как внеязыковая действительность преломляется в языке.

Объектом исследования является народная фитонимическая лексика в разноструктурных языках, а именно: русские и английские фразеологизмы-фитонимы, в состав которых входят лексические компоненты *чёртов*, *devil* и *devil's*. Специфика этого раздела слов и устойчивых словосочетаний заключается в том, что один объект номинации имеет два параллельных названия: научное и народное. При этом народные названия растений в отличие от терминологической, номенклатурной, конкретной лексики выполняют не только номинативную, но и оценочную функцию.

Рассмотрим более подробно группу народных ботанических терминов, в которых элементы *чёртов*, *devil* и *devil's* выступают в функции имени прилагательного. Как правило, в обоих языках указанные фразеологизмы объединяют в себе определение и определяемое, между которыми существуют отношения конкретизации. Определяемое слово выступает носителем родового понятия и имеет прямое (свободное) значение. Определитель, в качестве которого вы-

ступает элемент *чёртов*, *devil* или *devil's*, суживает объем родового понятия, обозначенного определяемым словом и всегда имеет переносное (связанное) значение, т.е. в этом случае можно говорить о частичной метафоризации термина. Согласно классификации терминологических сочетаний, предложенной В.Н. Прохоровой, эти единицы языка представляют собой словосочетания, в которых «метафоризировано определяющее слово, причём метафоризация этого прилагательного осуществляется именно в этом словосочетании» [4. С. 65]. К подобным фразеологизмам-фитонимам относятся английские единицы ***devil grass*** (букв. чёртова трава; *пырей ползучий*), ***devil ivy*** (букв. чёртов плющ; *арум, аронник*), ***devil wood*** (букв. чёртово дерево; *американская маслина, олива*), ***devil's apple*** (букв. чёртово яблоко; *мандрагора; дурман обыкновенный*), ***devil's cotton*** (букв. чёртов хлопок; *джут*), ***devil's-fig*** (букв. чёртова фига; *опунция, колючий мак*), ***devil's-flow*** (букв. чёртов цветок; *дрёма лесная*), ***devil's-flax*** (букв. чёртов лён; *льнянка обыкновенная*), ***devil's ironweed*** (букв. чёртова вернония; *молокан канадский*), ***devil's-hop-vine*** (букв. чёртов хмель; *сассапариль круглолистная, смилакс*) и русские фитонимы ***чёртов орех*** (*водной орех, чилим, рогульник*) и ***чёртово дерево*** (*аралия маньчжурская*).

Другая часть составных фитонимов, в которых отношения между компонентами носят атрибутивный характер, также объединяет в себе два начала: слово-определение и определяемое слово. Однако в этом случае как определитель, так и определяемое слово имеют не прямые, а переносные значения. В отличие от первой подгруппы фразеологических единиц, где семантический сдвиг произошел только у одного лексического компонента фразеологизма, данные термины образовались в результате соединения компонентов, каждый из которых претерпел семантическое преобразование. В.Н. Прохорова считает, что подобные составные наименования «представляют собой результат метафоризации словосочетания в целом» [4. С. 66]. Следовательно, основным способом образования единиц этого типа является метафора.

В рассмотренных нами английских и русских метафорических наименованиях средством сравнения, с одной стороны, всегда выступают представления о злом духе, которые реализуются элементами *чёртов*, *devil* и *devil's*, с другой стороны, различные предметы, например, части тела (коготь, палец, кишки, волосы, рука, язык, борода), ср.: ***devil's-claw (s)*** (букв. чёртов коготь; *люттик полевой*), ***devil's-finger (s)*** (букв. чёртов палец; *лядвенец рогатый*), ***devil's-gut (s)*** (букв. чёртова кишка; *повилика европейская*), ***devil's-hair (s)*** (букв. чёртовы волосы; *ломонос виргинский*), ***devil's-hand (s)*** (букв. чёртова кисть, рука; *хирантодендрон*), ***devil's-tongue (s)*** (букв. чёртов язык; *опунция*); ***чёртова борода*** (*аралия маньчжурская*), ***чёртово ребро*** (*клоповник европейский*).

Кроме того, в английских фразеологизмах в качестве признака, положенного в основу наименования растительного объекта, могут выступать предметы быта, внешний вид которых напоминает форму листьев растения, его цветов или семян. Это кисточка (***devil's paintbrush*** (букв. чёртова кисть; *ястребинка оранжево-красная*), вилы (***devil's-pitchfork (s)*** (букв. чёртовы вилы; *череда олиственная*), погремушка (***devil's-rattlebox (es)*** (букв. чёртова погремушка; *смолёвка широколистная*), трость (***devil's-walking-stick (s)*** (букв. чёртова трость; *аралия колючая*), дубинка (***devil's club*** (букв. чёртова дубинка; *эхинопанакс высокий, заманиха высокая*), фартук (***devil's-apron*** (букв. чёртов фартук; *ламинария*), труба (***devil's trumpet*** (букв. чёртова труба; *дурман вонючий*), удила (***devil's-bit*** (букв. чёртовы удила; *сивец луговой*), тиски (***devil's-grip (s)*** (букв. чёртовы тиски; *моллюго муточатый*), ср.: ***devil's-tether*** (букв. чёртовы путы; *горец птичий*).

Исходные мотивы номинации указанных растений в русском и английском языках, вероятно, следует искать и в свойствах самих объектов номинации (это растения, чья морфология отличается необычной формой, напоминающей какую-либо часть человеческого тела; растения, формы плодов, листьев, стебля, цветов которых схожи с предметами быта; растения с колючками, шипами, роговидными выступами; растения-паразиты или ядовитые растения, наносящие вред человеку и животным), и в субъективных факторах, связанных с языческими представлениями и верованиями номинаторов. В этой связи справедливым представляется замечание Н.И. Коноваловой о том, что именно народная фитонимика – одна из самых древних систем, «в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы» [1. С. 11].

Таким образом, лингвокультурологический анализ русских и английских фитонимов с компонентом *чёртов*, *devil*, *devil's* позволяет сделать следующие выводы. Как русский, так и английский язык располагают достаточно большим массивом фитонимических наименований, в состав которых входят указанные компоненты. Как правило, между компонентами единиц этого типа развиваются атрибутивные отношения. При этом лексема *devil* может выступать как в качестве определителя, так и в качестве определяемого элемента. Русские и английские фитонимы служат для обозначения особого круга растений, обладающих рядом специфических признаков. Это сорные или ядовитые растения, паразитирующие растения, растения с колючками или шипами. Форма данных растений может быть весьма необычной и напоминать части человеческого тела или предметы домашнего обихода. Кроме того, с некоторыми из указанных представителей флоры связаны суеверные представления о колдовстве.

Привлечение этнографического и фольклорного материала во многом способствует верификации сделанных выводов. Так, многочисленные русские народные легенды о происхождении вещей или явлений часто содержат сюжет о сотворении некоторых растений нечистым духом, ср.: «Когда Бог, разгневавшись на чертей, сбросил их с неба, один чёрт летел-летел и упал на вершину сухого дуба. Чёрт висел на дереве до тех пор, пока не начал гнить. Из него на землю стала сыпаться гнилая труха, и из этой трухи вырос табак» [3. С. 144]. Нечистыми растениями у русских крестьян считались бузина и верба, что отражается в пословице «Влюбился, как чёрт в сухую вербу»; шиповник и боярышник, согласно народным представлениям, сотворены чёртом [3. С. 150]. На наш взгляд, эти факты свидетельствуют об общности указанного фрагмента картины мира носителей русского и английского языков и могут быть подтверждены представленным выше языковым материалом.

Литература

1. Коновалова Н.И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 17 с.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 945 с.
3. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2004. 528 с.
4. Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 87 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

References

1. Konovalova N.I. *Fitonimika govorov Srednego Urala v sistemno-funktsional'nom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Phytonymic of dialects of the Middle Ural in the system-functional aspect. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1993, 17 p.
2. Kunin A.V. *Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian phrasebook]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984, 945 p.

3. Levkieskaya E.E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian nation]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2004, 528 p.

4. Prokhorova V. N. *Polisemiya i leksiko-semanticheskii sposob slovoobrazovaniya v sovremen-
nom russkom yazyke* [Polysemy and lexical-semantic method of word formation in modern Russian
language]. Moscow, Moscow University Publ., 1980, 87 p.

5. Molotkov A.I., ed. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phrase Book of Russian lan-
guage]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1987. 543 p.

ГРИГОРЬЕВА ЕВГЕНИЯ АРТУРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафед-
ры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия,
Чебоксары (geva1979@yandex.ru).

GRIGORYEVA YEVGENIYA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Depart-
ment of Russian Language as Foreign Language, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафед-
ры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия,
Чебоксары (zadumka@mail.ru).

PETROVA OLGA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of
Russian Language as Foreign Language, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811.512.111' 373

ББК Ш12=635.1*34

М.Г. ДАНИЛОВА

«РУССКО-ЧУВАШСКИЙ СЛОВАРЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ» И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русско-чувашский словарь юридических терминов, понятия пра-
ва, словник, образование терминов, синонимия, полисемия.

*Рассмотрены структура словаря юридических терминов, языковая корректность
выражения на чувашском языке круга необходимых терминов, проблема использо-
вания собственно чувашского, русского и заимствованного через русский язык
терминологического материала во взаимосвязи и лингвистически грамотном
оформлении. Дается анализ синонимических рядов, появляющихся в результате
параллельного употребления национальных и интернациональных терминов. С
учетом уровня современной чувашской терминологии синонимия вполне оправдан-
на, так как в заимствованном варианте обозначения отвечают принципу кратко-
сти, а перевод или толкование их отвечает принципу понятности. Чувашские ана-
логи (в некоторых случаях несколько), их толкование, предлагаемые составите-
лями, способствуют унификации научных терминов.*

M. DANILOVA

«RUSSIAN-CHUVASH DICTIONARY OF LEGAL TERMS» AND PROBLEMS OF ESTABLISHING LEGAL TERMINOLOGY IN CHUVASH LANGUAGE

Key words: Russian-Chuvash dictionary of legal terms, a «right» concept, slovník, forma-
tion of terms, synonymy, polysemy.

*The author considers the structure of the dictionary, the lingual correctness of a circle of
necessary terms of the Chuvash language, the issue of using the Chuvash, Russian terms, as
well as terms borrowed by the Chuvash language via Russian, in interrelation and linguisti-
cally correct forms. The author analyses the synonymic rows of terms that appeared as a
result of parallel use of national and international terms. Because of the level of modern
Chuvash terminology, the synonymy is quite justified as denotations of borrowed terms
provide the terms' brevity, while their translated or interpreted versions provide clarity. The
Chuvash analogs (in some cases – several of them), interpretation, explanation, offered by
the compilers, promote standardization of scientific terms.*

Прошло уже девять лет, как вышел в свет «Русско-чувашский словарь юри-
дических терминов» [4], однако до сих пор он не стал объектом лингвистического
анализа. В предлагаемой работе мы попытались в какой-то мере восполнить
этот пробел.

Авторы-составители указанного лексикографического труда – доктор фи-
лологических наук М.И. Скворцов и опытный чувашский журналист Д.Ф. Семе-

нов, научный редактор – кандидат юридических наук А.И. Ухтияров. Впервые в практике чувашской лексикографии и юриспруденции создан корпус терминов и терминологических сочетаний, рассчитанных прежде всего на государственных и муниципальных служащих, юристов, двуязычных работников средств массовой информации, переводчиков, научно-педагогический персонал, студентов, учащихся общеобразовательных школ, а также широкий круг лиц, интересующихся вопросами права. До издания этого словаря термины для обозначения понятий права приходилось искать в разных русско-чувашских словарях [2, 3].

В соответствии с «Законом о языках в Чувашской Республике» применение одного из государственных языков – чувашского – в сфере управления, правопорядка и правового воспитания населения является обязательным требованием. Однако реализация этого положения сталкивается с большими трудностями, в частности, из-за отсутствия соответствующих авторитетных словарей, справочников на чувашском языке. Рассматриваемый словарь призван в какой-то мере восполнить этот недостаток.

Юридическая терминология весьма обширна и многопланова. Руководствуясь конкретными целями и задачами, учитывая социальные функции русского и чувашского языков в местных условиях, авторы данного словаря из огромного массива юридической терминологии отобрали около 9000 единиц, большинство которых до сих пор не переводились на чувашский язык. Приведены необходимые дефиниции слов и выражений юридического содержания, предложен их перевод. Для этого использованы необходимые словари и справочники, общие и юридические энциклопедии, тексты федеральных и республиканских законов и периодические издания. Многословные терминологические наименования в словаре даны не группами при основных терминах, а по алфавиту определяющих элементов, так как в русском языке они стоят перед определяемыми словами.

Большой интерес для практиков представляет приложение, состоящее из списков законодательных и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации и Чувашской Республики, так как их перевод на чувашский язык вызывает много трудностей, а разноречивость здесь недопустима.

К пособиям такого рода предъявляются два главных требования:

- 1) адекватное, правильное выражение обозначаемых понятий с учетом их актуальности на современном этапе развития общества;
- 2) языковая корректность выражения на чувашском языке круга необходимых понятий.

В словаре нашли отражение и получили то или иное решение следующие вопросы:

- 1) проблема адаптации (переосмысления и приспособления) в новых условиях чувашской лексики, имеющей отношение к выражению правовых, юридических понятий и категорий, к номинации современных их модификаций;
- 2) проблема использования собственно чувашского, русского и заимствованного через русский язык терминологического материала во взаимосвязи и лингвистически грамотном оформлении и т.д.

Поиск эквивалента, т.е. термина, который по содержанию и функции сопоставим с исходным термином, – лишь первый шаг. Как правило, полной эквивалентности в языковом выражении понятий в разных языках не существует. Наблюдаются разные степени приблизительной и частичной эквивалентности.

При создании, переводе и толковании юридических терминов авторы словаря старались с возможной полнотой использовать ресурсы чувашского языка. Создание новых юридических терминов в чувашском языке осуществляется разными способами: лексико-семантическим, аффиксальным, лексико-синтаксическим. Имеют место и смысловой перевод, и описание значений терминов [1. С. 165].

Это неизбежно, так как в словник «Русско-чувашского словаря юридических терминов» включено большое количество русских и интернациональных номинаций. Следует отметить, что соотношение чувашских и заимствованных терминов в различных отраслях неодинаково. Если, скажем, из общей массы сельскохозяйственных терминов 60 процентов являются собственно чувашскими, то в юридической терминологии, естественно, преобладают русские заимствования и интернациональные термины.

Авторы словаря приводят не только сами интернациональные термины, но и указывают чувашские аналоги, дают объяснения этим терминам. Например, *аброгаци* (кивелнĕ саккуна пĕрахăç туни) «аброгация»; *амнисти* (*уголовлă йĕркеле айăпланă сынсене аслă власть каçарни е наказание çăмăллатни*) «амнистия»; *аноним* (*ятне кăтартмасăр сыру сырнă сын*) «аноним»; *апартеид* (*тĕрлĕ раса сыннисене шуррисемпе хутшăнна памасăр, правăсăр пурăнтарас йĕрке*) «апартеид»; *атташе* (*дипломати предствительствинчи пĕр-пĕр ёç специалисчĕ*) «атташе»; *виндикаци* (*пурлăх хуци сав пурлăха саккунсăр майпа тытакан сынсенчен суд урлă шыраса илни*) «виндикация»; *секуляризаци* (*патшалăх чиркĕ пурлăхне тытса илни е унăн прависене чакарни*) «секуляризация»; *вексель* (*пĕрне тепринчен укça илме право паракан документ*) «вексель» и др. Как видим, если в заимствованном варианте обозначения соответствуют принципу краткости термина, то перевод или толкование их отвечает принципу понятности.

В результате параллельного употребления национальных и интернациональных терминов появляются синонимические ряды. Их в словаре немало, например, *обыск*, *ухтару*, *ухтарни* «обыск»; *аренда*, *тара* (*пурлăх, çурт-йĕр, çĕр тара илни*) «аренда». Нередко на выбор дается второй вариант чувашского термина. Например, *ансат ёç*, *квалификацисĕр ёç* «неквалифицированный труд»; *чĕн еткерсĕ*, *тивĕслĕ еткерсĕ* «необходимый наследник»; *банкрота тух*, *путлан* «обанкротиться». Унификация научной терминологии предполагает отбор наиболее приемлемого варианта из имеющихся наименований. В данном случае, с учетом уровня современной чувашской терминологии, синонимия вполне оправданна.

Вполне понятно, в словаре встречаются и не совсем верные термины, требующие исправления или доработки. Например, в значении «глава сельского поселения» вместо *ял поселенийĕн пуслăхĕ* следовало бы использовать *ял тăрăхĕн пуслăхĕ*; «опекун» *пăхса усракан* вместо *опекун*, *опека тăвакан*; «обязанность загладить причиненный вред» *кĕнĕ сиене саплаштарас тивĕç* вместо *кĕнĕ сиене саплас тивĕç*; «опрос общественного мнения» *халăх шухăшне ыйтса пĕлни* вместо *общественность шухăшне ыйтса пĕлни*; «организатор преступления» *преступлени йĕркелÿси* вместо *преступлени йĕркелевси*; «личное подсобное хозяйство» *харпăр хушма хуçалăх* вместо *харпăр пулăшу хуçалăхĕ*; «насильственная смерть» *вĕлерни* вместо *сарăмсар вилĕм* (*сарăмсăр вилĕм* означает понятие «внезапная смерть» или «трагическая гибель»); «нарушение правил торговли» *суту-илÿ йĕркине пăсни* вместо *суту-илÿ правилсене пăсни*; «гласные торги» *усă суту-илÿ* вместо *усă торги*; «жалоба» *жалоба* в переводе на чувашский *çăхав*; «отдел по работе с комитетами» *комитетсемпе ёслекен пай* вместо *комитетсемпе ёслес ыйтусен пайĕ*; «одинокая мать» *ашшĕсĕр ача амăшĕ* вместо *мăшăрсăр ача амăшĕ* и др.

Анализ юридических терминов, предложенных в словаре, показывает, что терминология данной отрасли на чувашском языке развивается и совершенствуется. Ей, как и терминологии вообще, присущи синонимия, название нескольких понятий одной лексической формой; употребление терминов, создающих искаженное представление о соответствующих понятиях. Некоторые юридические понятия не имеют в чувашском языке общепринятых или утвердивших-

ся обозначений. Это приводит к тому, что юридические тексты и законодательные акты понимаются населением неоднозначно или неверно. Имеются также проблемы с правильным употреблением юридических терминов, их адекватным и однозначным пониманием. Поэтому формирование чувашской юридической терминологии, ее дальнейшее совершенствование и унификация являются весьма актуальной задачей. Это поможет скорейшему решению важной социальной проблемы – повышению правовой грамотности широких слоев населения.

Литература

1. Данилова М.Г. Источники пополнения и способы образования чувашских лингвистических терминов // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 165.
2. Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева, Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 893 с.
3. Скворцов М.И. Русско-чувашский словарь социальной лексики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 222 с.
4. Скворцов М.И., Семенов Д.Ф. Русско-чувашский словарь юридических терминов. Чебоксары: Чувашия, 2006. 304 с.

References

1. Danilova M.G. *Istochniki popolneniya i sposoby obrazovaniya chuvashskikh lingvisticheskikh terminov* [Sources of replenishment, and methods of forming the Chuvash linguistic terms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 1, p. 165.
2. Andreev I.A., Petrov N.P., ed. *Russko-chuvashskiy slovar'* [Russian-Chuvash Dictionary], Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1971, 893 p.
3. Skvortsov M.I. *Russko-chuvashskii slovar' sotsial'noi leksiki* [Russian-Chuvash Dictionary social vocabulary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2004. 222 p.
4. Skvortsov M.I., Semenov D.F. *Russko-chuvashskii slovar' yuridicheskikh terminov* [Russian-Chuvash dictionary of legal terms]. Cheboksary, Chuvashiya Publ., 2006. 304 p.

ДАНИЛОВА МАРГАРИТА ГАВРИЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dru1995@gmail.com).

DANILOVA MARGARITA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Journalism Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811.512.11142(092)Азамат

ББК Ш12=653.1*52Азамат

Г.А. ЕРМАКОВА

РОЛЬ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В СБОРНИКЕ С. АЗАМАТ «СТРУЯТ КАПЕЛИ»

Ключевые слова: бинарные оппозиции, антагонистичность мира, лексические единицы, гармония, дисгармония, мновение, вечность, мифологическое сознание.

Рассмотрены функции бинарных оппозиций в сборнике С. Азамат «Струят капли», выявлены и проанализированы такие оппозиции, как: свет – тьма, земное – небесное, жизнь – смерть. При представлении временных и пространственных реалий (весна – зима, лето – осень, верх – низ), открытых и замкнутых пространстве, сакральных и профанных локусов художник слова использует бинарные оппозиции. В сборнике пространственно-временные оппозиции соседствуют с константными оппозициями: миг – вечность, красота – безобразное, счастье – беда. С их помощью поэтесса создает полярное художественное пространство. Основная роль диад – интегральная, кроме того, они являются универсальным средством познания мира, поэтому с их помощью автор сборника и его героиня стремятся познать и понять окружающий мир. Диады используются поэтессой для осмысления качественной структуры бытия: понимание – непонимание, любовь – нелюбовь, характеризуют пространственные, временные, цветовые, природно-естественные, культурно-социальные противопоставления. Поиски сакрального рожают бинарную оппозицию «сакральное – профанное». Сакральное связано с гармонией, природой, лением, наличием любви. Оно чаще всего встречается в природе: «теплые ливни поют», капли являют собою «диво», но дисгармония, хаотические локусы напоминают о своем присутствии в

этом мире, лирической героине тогда становится больно, ибо наполненное пространство сменяется пространством пустым, открытое – закрытым. Автор исследования рассматривает дискурсы поэта как выстраданное и обретенное, ее исповедь как поиск ориентира в жизни, а мышление – как «новельное», в основе которого – осмысление происходящего. Для чувашского народа характерен именно такой тип мышления, что мы и видим в анализируемом сборнике, представляющем ведущие диалогические пары художественного мира поэта.

G. ERMAKOVA

ROLE OF BINARY OPPOSITIONS IN S. AZAMAT'S COLLECTION OF POETRY
«DROPLETS ARE FALLING DOWN»

Key words: binary oppositions, antagonism of the world, lexical units, harmony, disharmony, moment, eternity, mythological consciousness.

The author considers the role of binary oppositions in Svetlana Azamat's collection of poetry «Droplets Are Falling Down», by identifying and analyzing such oppositions as «light – dark, earth – heaven, life – death». The poet uses binary oppositions to introduce temporal and spatial realities (spring – winter, summer – autumn, top – bottom), open and closed spaces, sacral and profane loci. Spatial and temporal oppositions in the collection of poetry coexist with constant oppositions: moment – eternity, beauty – ugliness, happiness – trouble. These oppositions help the poet create a polar artistic space. The integral function is the main function of the dyads, in addition, they are a universal means of perceiving the world, which the author of the collection and its heroine use to learn and understand the surrounding world. The poet uses the dyads in order to perceive the qualitative patterns of being: understanding – misunderstanding, love – dislike; to characterize the spatial, temporal, color, natural, cultural and social oppositions. The search of sacral world gives birth to a binary opposition of «sacral – profane». Sacral world is associated with harmony, nature, singing, love. It occurs most often in nature: «warm showers are singing», «dripping» is regarded as «wonder», but disharmony, chaotic loci remind of themselves in this world, the lyric heroine suffers pain, because the replete space is replaced by an empty space, the open one – by the closed. The author of the study considers the poet's discourse as something gained through suffering, her confession – as the search of guidance in life, and her mentality – like that in a «novel», which is aimed at understanding of what is happening. Such mentality is typical for the Chuvash people, which is illustrated by the poet in her collection of poetry via the leading dyads of her artistic world.

Бинарные оппозиции имеют место в сборнике Светланы Азамат «Струят капли» при представлении временных и пространственных реалий (весна – зима, лето – осень, верх – низ), открытых и замкнутых пространств, сакральных и профанных локусов. В сборнике пространственно-временные оппозиции, как и в поэме П. Хузангая «Песни Тилли», «соседствуют с константными оппозициями: свет – тьма, земное – небесное, жизнь – смерть, миг – вечность, красота – безобразное, счастье – беда» [3. С. 280]. С их помощью поэтесса создает полярное художественное пространство. Основная роль диад, как и в указанной поэме, – интегральная, кроме того, они являются «универсальным средством познания мира» [6. С. 162], поэтому с их помощью автор сборника и его героиня стремятся познать и понять окружающий мир. Следует заметить, что система бинарных оппозиций зародилась в недрах «мифологического сознания» [5. Т. 2. С. 162]. Автор и его лирический субъект, используя его, стремятся понять, что каждая вещь, так считал и К.Г. Юнг, чтобы существовать, «требует противоположности. Эго нуждается в самости и наоборот» [7. С. 49]. Диалогические пары используются поэтессой для осмысления качественной структуры бытия: понимание – непонимание, любовь – нелюбовь, характеризуют пространственные, временные, цветовые, природно-естественные, культурно-социальные противопоставления. В сборнике представлены земной и небесный миры, они не обособлены друг от друга. Связь между ними осуществляется через образы «свет», «небеса», «земля», «родник», «ветла». Лирическая героиня соединяет эти два мира, она говорит о том, что пригодится и на земле, и в небесах:

В небеса устремлюсь,
по земле разольюсь,
Я и тут пригожусь,
я и там пригожусь [1. С. 13].

Образ света – один из основных в указанном сборнике, героиня готова сквозь свет ночных и дневных светил умчаться к милому:

Я на Пегасе – невидимкой
Сквозь мыслей облака, сквозь свет
Ночных, дневных светил
Рвалась туда, где милый жил... [1. С. 18].

Душа героини полна света, она, как природа, плачет, щебечет, светит:

Плачет душа, как небо,
Скачет душа, как ветер,
Душа, как природа – светит,
Душа, словно пташка – щебечет [1. С. 98].

Мы видим полное слияние лирической героини с природой: пространство ее души не пустое, оно наполнено светом. Автору сборника удалось показать вмещенность макромира в микромир, бесконечности в просторы души, вечности – в пределы счастливого мгновения, поэтому в уста героини она вкладывает следующие слова:

Мы перевязаны холстами всех дорог
От издалека давне-давнего...
Перепоасаны истоками-протоками
От бесконечного бескрайнего... [1. С. 98].

Две стихотворные строки поэтесса завершает многоточием, знаком, представляющим бесконечность бытия. Через данный знак говорит о том, что лирическую героиню на пути жизни ожидают многие события: как счастливые, так и события, полные тревог, волнений, бед.

Поиски сакрального рождают бинарную оппозицию «сакральное – профанное». Сакральное связано с гармонией, природой, пением, наличием любви. Оно чаще всего встречается в природе: «теплые ливни поют», капли являют собою «диво», но дисгармония, хаотические локусы напоминают о своем присутствии в этом мире, лирической героине тогда становится больно, ибо наполненное пространство сменяется пространством пустым, открытое – закрытым:

Ливни моей любви откапали...
Любовь растаяла
В озерах, речках, океанах...
Росинкой отблестала
В разнотравьях...
Росинку пили пташечки, букашечки...
И опустели всех цветочков – чашечки...
Капля за капелькой, за каплей капелька,
Даже на доньшке уже ни капельки...
Ополоснулась в миражах и маревах...
В своем дольмене схоронилась – заживо... [1. С. 78].

Через многоточия и фонетическое сочетание звуков *ни-ли-ин-си* поэтессе удается представить внутреннее состояние героини – боль души, сказать о том, что в пространство света входит пространство тьмы. Мотив тьмы усиливается посредством словосочетания «схоронилась заживо».

Когда приходит дисгармония, героиня спасается, общаясь с природой:

В травы кинусь, наревуся –
На смех юным травам...

Не понять им, молодым,
Как тиранят раны –
Старые, глубокие,
Колкие, жестокие [1. С. 77].

Остановимся на глаголах будущего времени «кинусь, наревусь». Через них автор сборника сообщает о том, что состояние «схоронилась заживо» может повториться неоднократно в будущем, его шаги чувствуются уже в настоящем времени, подобная семантика прочитывается через глагол настоящего времени «тиранят», расшифровывающий лексему «раны», которая семантически углубляется через определения «колкие, жестокие». Для изображения дисгармонии поэт воспользовался таким приемом, как градация («раны старые, глубокие, колкие, жестокие»).

Употребление указанных выше лексем позволяет сказать о художественном обобщении: путь человека в этом мире полон преград, он нередко сопровождается слезами, бедами, т.е. ударами судьбы, но человек должен их, с точки зрения поэтессы, встречать достойно, как это удастся лирической героине сборника.

Вызывает интерес оппозиция «земное и небесное». Небесное наполнено светом, земное – светом и слезами. Эта оппозиция организует вертикальную плоскость – подобие мифологической мировой оси: верх и низ. В данной оппозиции, представленной в сборнике, все же преобладает верх: солнце продолжает светить, теплый ливень петь свою песню. Горизонтальный пласт связан с образом воды: родника, речки, речушки. Лексемы «родник», «речка» использованы автором для связи вертикальных противоположностей – верха и низа, в то же время они выступают и как символы вечного движения, и как символы мгновений и вечности. Эти лексемы способствуют объединению времени и пространства, организуя полярный, но цельный хронотоп. Земное время и вечность соединены благодаря этим лексемам.

Диады (мгновение – вечность, земное – небесное, свет – тьма, сакральное – профанное, любовь – отсутствие любви и многие другие) приобретают в нарративе С. Азамат универсальный характер, представляя один из основных законов бытия – единство и борьбу противоположных начал бытия. Оппозиции имеют место быть во многих стихотворениях сборника. Они представляются через определенные лексемы, обратимся к ним: «темный занавес – святая даль», «здесь – там», «встречи – расставания» («Чувствуем»); «миг – вечность», «счастье – несчастье» («Сказы»); «сухие слова – живые слова», «заря – закат», «век – миг» («До-тебя»); «благая суть – немая жуть», «земной – неземной» («Земля»); «здесь – там» («Поток»); «сближение – разрыв», «согласие – противоречие», «яд – мед», «истина – блеф» («Чего вкушаем»); «едины – поврозь» («Врозь»); «гладкая дорога – ухабы», «упадок – подъем» («В моей рабочей келье»); «счастье – ненастье» («Надо!»); «зрячие – слепые», «теплые лица – понурые лица» («Нарисую»); «сокровенное счастье – безобразная напасть», «радость – уныние», «находка – пропажа» («Образ»); «трава взошла – трава скошена», «белый свет – черная густота» («Житейское»); «встречи – расставания», «знойные взгляды – суровые взгляды» («Он и она»); «пело – отзвенело», «смеюсь – плачу» («Игровороты»); «ночь – день», «сиянье – мгла» («Жила-была»); «яд – мед» («Покой»). Как видно из дискурсов данного сборника, согласно С. Азамат, мир есть диада. Основная роль бинарных оппозиций – показать единство этих оппозиций. Целое состоит из полифонического единства разных мотивов, среди которых основными являются мотивы любви, поиска смысла бытия, гармонии. Встречи и расставания, согласие и противоречие, сиянье и мгла, смех и слезы слагаются у поэтессы в дорогу любви,

стержнем которой являются духовно-нравственные ценности чувашского этноса, представленные через такие синтагмы и лексемы, как «поющий родник», «наш родник», «улыбка памяти в родниках», «кроны дуба и липы», «холст», «знакомая ветла», «мои ветлы», «наши древние песни», «хоровод», «размах движений пахаря, клубок видений знахаря», «овражек», «магический круг», «память-дверь», «дерево срублю и выдолблю челнок», «душа, как природа, светит», «укрепиться, смириться, прощать», «всепрощение – вечности суть», «утушка», «трава духмяная, пожалуйста, прости», «поклон земле», «поклон реке», «спасибо лесу». Смысловое содержание указанных образов «соотносимо с коннотацией мифопоэтического чувашского этноса и представляет семантику национального мировидения» [4. С. 123]. Наличие указанных образов имеет особое идейно-художественное значение – оно говорит «о художественной концепции поэта, о его вере в чистоту, гармонию, свет» [2. С. 126].

В стихотворении «Жила-была», как нам кажется, присутствует двойная антитеза: первая: день – ночь; вторая: природа – человек, но природа не противопоставляется, а сопоставляется с человеком; через человеческое, прочитывающееся в подтексте, поэт приводит нас к мысли о единстве явлений природы и человека. Таким образом, вторая (видимая лишь через подтекст) антитеза исчезает, остаётся лишь первая: «день и ночь», через неё художник слова рассказывает о единстве и борьбе противоположных начал бытия.

Природа, как мы уже заметили, в данном произведении подана в рамках антитезы (день – ночь), но она предстаёт как целое, как единый организм. Стихотворение проникнуто романтическим чувством «вселенской жизни», ощущением целостного мирового бытия, что весьма характерно для мироощущения чувашского этноса, хотя в композиционном плане оно есть антитеза: «день – ночь». Попробуем проникнуть в глубины текста стихотворения «Жила-была»:

Ночь проводила, утро встретила,
Сутки прошли, и не заметила,
Ночь моросила, день сияет,
Привет погасших звезд мерцает...

День начинается светло,
День начинается тепло,
И настроенье – широко,
И вдохновенье – высоко.

И облака накучерявились,
Рады, что солнышку понравились.
Природа светится, цветет,
После дождя она поет.

Дождик бальзамом напоил.
Истым напитком угостил.
Птичий ансамбль утру, солнцу
Устроил песнопений – пир...

Настроилась на птичий лад,
Учусь рулады распевать... [1. С. 107].

Образом, объединяющим диаду (день – ночь), является природа. Она светится и поет, ибо соприкоснулась с сакральным – дождик «...бальзамом напоил / Истым напитком угостил» землю. В природе все ликует, птичий ансамбль устроил пир – он прославляет утро, солнце. Гармония восторжествовала, по этой причине у лирического героя «И настроенье – широко, / И вдохновенье – высоко».

Автор исследования рассматривает дискурсы поэта как выстраданное и обретенное, ее исповедь как поиск ориентира в жизни, а мышление – как «новельное», в основе которого осмысление происходящего. Для чувашского народа, а С. Азамат является его дочерью, характерен именно такой тип мышления, что мы и видим в анализируемом сборнике, представляющем ведущие диалогические проблемы бытия через такие образы, как «ливни любви», «дольмен» («Заживо»); «пышноцветие», «чувствотрагма-крепези», «мысли-желобы» («На мажорной струне»); «метель души» («Метель души»); «росинки-бриллианты», «нектар богов» («Нектар»); «пра-корни», «юнцы-семена» («Поток»). В стихотворении «Поток» она размышляет о быстротечности жизни, о том, что она состоит из «потока мгновений», «исчезающих в безднах Вселенной»:

Мы – таем.
Таем, как снег,
исчезая в таинственных
безднах Вселенной...

Мы – в потоке мгновений –
мгновения –
пленники бременя...[1. С. 36].

Язык анализируемого сборника богат оригинальными эпитетами, метафорами, сравнениями, много пауз, умолчаний. Лирические произведения С. Азамат – это своеобразные исповеди, где видны боль и вера в человека. В художественном мире сборника соединяются две стилевые интонации: конкретность изображения и метафорическая семантика, где подаваемый образ связывается с категориями вечности, где соединяется настоящее, прошлое, будущее, делается попытка увидеть человека во всем космическом пространстве. Лирический герой безмерен, он вмещает в себя свет и тьму, миг и вечность, боль и радость. В стихотворении «Благозвучие» поэтесса замечает, что стихи ей «диктовали серафимы», песни «напевали херувимы», что она чувствует «уколы стрел волшебных», слышит музыку «органного эфира», вся Вселенная для нее – «таинственная лира». В стихотворении «Искала и нашла» поэтесса душу свою уподобляет небу, ветру, всей природе:

Плачет душа, как небо.
Скачет душа, как ветер.
Душа, как природа – светит,
Душа словно пташка – щебечет [1. С. 97].

Она посылает поклон, что так характерно для представителей чувашского этноса, земле, реке, лесу, говорит спасибо времени, каким бы тяжелым оно ни было:

Поклон земле – взрастила, угостила.
Поклон реке! – водицей освежила.
Спасибо лесу за целебный воздух!
Спасибо времени за чудный отдых! [1. С. 103].

В лирической миниатюре «Струят капли» поэтесса замечает о том, что небо дарует ей радости:

Струят капли...
Радость сыплется с небес,
Каждая капля – гостья
Из страны Чудес... ...[1. С. 115].

Лирический герой радуется каждому мигу бытия, ибо знает, что жизнь быстротечна:

Но время быстротечное уносит
С собою все, что в эту жизнь привносит,
С утробы матери – из колыбели в колыбель... [1. С. 106].

Исходя из изложенного, мы вправе сделать вывод о том, что основная функция бинарных оппозиций в лирике С. Азамат – представить один из основных законов бытия – единство и борьбу противоположных начал. Таким образом диады, поданные через такие лексемы, как «мгновение – вечность», «земное – небесное», «свет – тьма», приобретают в нарративе творца универсальный характер.

Как видно из дискурсов сборника, мир, согласно художнику слова, есть диада, роль бинарных оппозиций – показать единство этих оппозиций. Целое состоит из полифонического единства разных мотивов, среди которых основными являются мотивы любви, поиска смысла бытия, гармонии. Сияние и мгла, смех и слезы слагаются у поэтессы в дорогу любви, стержнем которой являются духовно-нравственные ценности чувашского этноса, представленные через такие синтагмы и лексемы, как «поющий родник», «улыбка памяти в родниках», «кроны дуба и липы», «холст», «знакомая ветла», «хоровод», «размах движений пахаря», «душа, как природа, светит», «поклон земле». Смысловое содержание указанных синтагм и лексем соотносится с коннотацией мифологического чувашского этноса и представляет семантику национального мировидения.

Итак, мы можем констатировать: художественный мир сборника С. Азамат «Струят капли» полифоничен, роль оппозиций заключается в представлении многообразия, сложности и объемности бытия.

Литература

1. Азамат С. Струят капли...: стихи, миниатюры, триптихи, циклы (2011–2014). Чебоксары: Новое время, 2014. 144 с.
2. Ермакова Г.А. Эстетические основы художественного мира Г.Н. Айги. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 380 с.
3. Ермакова Г.А. Функция бинарных оппозиций в поэме П. Хузангая «Песни Тилли» // Вестник Чувашского университета. 2011. № 3. С. 211–217.
4. Маковский В.В. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр, 1996. 416 с.
5. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. А–К. 671 с.; Т. 2. К–Я. 719 с.
6. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1998. 384 с.
7. Юнг К.Г. Йога и Запад: сб.: пер. с нем. Львов: Инициатива, Киев: Airland, 1994. 230 с.

References

1. Azamat S. *Struyat kapeli...: stikhi, miniatyury, triptikhi, tsikly (2011–2014)* [The droplets are falling down...: poems, miniatures, triptychs, cycles (2011–2014)], Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2014, 144 p.
2. Ermakova G.A. *Esteticheskie osnovy khudozhestvennogo mira G.N. Aigi* [The aesthetic fundamentals of G.N. Aigi's artistic world]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2004, 380 p.
3. Ermakova G.A. *Funktsiya binarnykh oppozitsii v poeme P. Khuzangaya «Pesni Tilli»* [The function of binary oppositions in P. Khuzangai's poem «Tilli's songs»]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 211–217.
4. Makovskii V.V. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [The comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr Publ., 1996, 416 p.
5. Tokarev S.A., ed. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the World: Encyclopedia. 2 vols.]. Moscow, Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1997, vol. 1: A–K, 671 p.; vol. 2: K–Ya, 719 p.

6. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [The Dictionary of culture of the XX century]. Moscow, Agraf Publ., 1998, 384 p.

7. Jung C.G. *Ioga i Zapad: sb.: per. s nem.* [The Yoga and the West: collected works, translated from German], L'vov, Initsiativa Publ.; Kiev, Airland Publ., 1994, 230 p.

ЕРМАКОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ermakil@yandex.ru).

ERMAKOVA GALINA – Doctor of Philology, Professor, Culturology and Cross-Cultural Communication Department, Chuvash State university, Cheboksary, Russia.

УДК 81'42:398.7(=512.111)(470.4/5)

ББК Ш23(2)(=635.1)*43*011.7

В.А. ИВАНОВ

ЧИСЛО, АРТИКЛЬ И ПУНКТУАЦИЯ В ТЕКСТАХ ЧУВАШСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Ключевые слова: бинарная структура, категория числа, координация, транскрипция, сингуляриа тантум, диалект, обожествление, транслитерация, пунктуация, алфавит, этимология, тембр, интонация, жестикуляция.

Изучение текстов чувашских народных песен Приуралья, записанных немецким чувашеведом Робертом Лахом при их исполнении военнопленным солдатом Первой мировой войны, позволили выявить случаи отсутствия подчинительной связи подлежащего и сказуемого, особенности сингулярности и плюральности, специфику выражения определенности и неопределенности, многофункциональность знаков препинания, явлений пунктуационной синонимии. Буквальный перевод текстов на немецкий язык, выполненный немецким чувашеведом, способствует извлечению глубинного смысла фольклора, а использование внеалфавитных знаков интенсифицирует информативность письменного текста.

V. IVANOV

CATEGORY OF NUMBER, ARTICLE, AND PUNCTUATION IN TEXTS OF CHUVASH FOLK SONGS

Key words: binary structure, category of number, coordination, transcription, singularia tantum, dialect, deification, transliteration, punctuation, alphabet, etymology, timbre, intonation, gestures.

The study of texts of Chuvash folk songs sung in the Urals recorded by Robert Lach, a German researcher of the Chuvash language, as they were sung by a World War I prisoner, revealed the cases of subordination between the subject and the predicate, as well as the peculiarities of plurality and singularity, the specificity of expressing certainty and uncertainty, the multifunctionality of punctuation marks, and the phenomena of punctuation synonymy. The literal translation of the texts into German done by the German researcher, contributes to understanding the message of folklore, and the use of special non-alphabetical signs adds to the information value of the written text.

На примерах из текстов чувашских народных песен, собранных в 1917 г. немецким исследователем, членом-корреспондентом Венской академии наук Робертом Лахом (*Robert Lach*) рассматривается бинарная структура числа не как противопоставление единичности и множественности, а как слияние форм сингулярности и плюральности, выражение общности через единичность и наоборот; нестандартность согласования субъекта и предиката; естественность перехода от изучения категории числа к неопределенному артиклю, исходя не только из положения «*der unbestimmte Artikel herleitet sich von dem Zahlwort*» (неопределенный артикль восходит к числительному), но и прежде всего из обилия «пёр» (один) в текстах песен – в анализируемых 43 куплетах 22 строки содержат данное числительное, которое не всегда выражает определенность или числовой показатель. Тему исследования актуализирует и факт исполнения народных песен участником Первой мировой войны, сверстником и земляком Константина Иванова. В Год литературы песни родины чувашского классика в исполнении

чувашским военнопленным солдатом Иваном Никифоровым представляют не только лингвистический, но и культурно-логический интерес. Приводимые строки, записанные автором в транскрипции латиницей, переведены дословно на немецкий язык [1. С. 131–144], где пунктуационные знаки сильно отличаются от оригинала. Они даются нами с указанием номера куплета и использованием букв современного чувашского алфавита.

I. *Xěvelsem tuhat xěrelse* (22) – хёвелсем тухат хёрелсе – *die Sonne geht auf und errötet* – солнце восходит и краснеет.

Данный пример привлекает внимание прежде всего нестандартным согласованием подлежащего и сказуемого: количественная характеристика предмета мысли – подлежащее во множественном числе, а сказуемое в единственном числе в чувашском языке. То, что «солнце» относится к *singularia tantum*, учтено при переводе на немецкий язык – *die Sonne*. Употребление главного небесного светила в *Plural* в фольклоре можно отнести к учету особенностей древнечувашской религии, в которой солнце представляется как «сўлти турă» (верховное божество), его обожествление и обращение к нему в форме множественного числа означают вежливость, что не является новизной: и в русском языке «Вы» вместо «ты», и единство «он(и)», и немецкое *Sie* вместо *du* общеизвестны. Мы сами являемся свидетелями, как наши бабушки и матери молились во имя бога солнца (турăшăн хёвелшён). Вполне понятно также, почему в словарном тексте рядом с чувашским «хёвел» этимологи параллельно приводят шумерское *gibil* (бог солнца). И древнегреческое *helios* в значении божества по форме и семантике близко к чувашскому «хёвел». Известно и то, что для выражения величия в королевских и царских документах было нормой употребление «мы». Нестандартное согласование субъекта и предиката как случай стирания грамматического отношения между *Plural u Singular* налицо, оно соответствует особенностям спряжения глагола и исходит из совокупности его форм в пределах одной глагольной леммы. Кроме того, в указанном примере имеет место еще одна особенность – в 3-м лице ед. ч. у глагола «тухат» (восходит) отсутствует мягкий знак. Роберт Лах данное явление называет *Durativform* (лат. *durus* – твердый) и объясняет диалектическими нюансами.

В рамках данной специфики в песнях родины Константина Иванова, героев его «Нарспи» – Сетнера, Михетера, Тăхтамана, участников свадебного обряда, можно указать на следующие примеры: *şilsem vyşyl vēret* – şилсем вăшăл вёрет – *sausend weht der Wind* – ветер веет шумно; *şynkyr sivsem juxat* – шăнкăр шывсем юхат – *brausend fließt das Wasser* – с шумом течет вода. В этих примерах субъект в чувашском языке имеет также форму *Plural*, а в переводе на немецкий язык функционирует *Singular* – *der Wind* (ветер), *das Wasser* (вода). Обожествление воды и ветра в свете вышеизложенного представляется обычным. Но особое выражение субъектно-предикатных согласований в ряде других примеров: *кук-куксем авăтат* (кукушки кукует) – *der Kuckuck singt*, *хёрсем юратат* (девушки любят) – *die Mädchen haben uns gern*, *самоварсем вёрет* (самовары кипит) – *der Samovar kocht*, *чёпписем ёсет* (птенцы пьют) – *die Jungen trinken*, *şырлисем йўçё пулат* (ягоды будет кислым. – дословный перевод) – *Erdbeeren werden sauer* – вероятно, допустимо лишь в диалектах.

II. *Şulë tusem şinçe pěr çija* (6) – сўлё тусем şинче пёр чийа – *Auf dem hohen Berg steht ein Kirschbaum* – на высокой горе стоит вишня. В данном предложении чувашское *pěr* выполняет функцию неопределенного артикля – грамматического элемента в виде служебного слова для выражения неопределенности именной категории, он указывает на невыделенный предмет как представителя класса подобных предметов и рассматривается только вместе с существительным.

В текстах песен Ивана Никифорова он употреблен в предложениях, в которых просматривается его многофункциональность, что легко обнаруживается в переводах на немецкий язык и вполне согласуется с его происхождением – *ein, en, äñ, einn*. А латинский *unus* уже в древнеиндоевропейский период принял форму *ena-er* (он), *dieser* (этот), *jener* (тот). Нижеследующие примеры и их перевод на немецкий язык расширяют многообразие вариантов трансформации чувашского «пёр» (в целях удобства мы их даем вне транскрипции):

пёр лаша (1) – *das kleine Pferd* (лошадка), пёр сёр чия (6) – *zu hundert Kirschbäumen* (около 100 вишен), пёчэксё пёр сьрма (13) – *der kleine Fluß* (речка), анкарти пёр витёр (14) – *über die Dreschtenne* (через гумно), нумай пёр хулара сурерём (17) – *in vielen Städten* (во многих городах), вуникё пёр явнă чён тилпеке (20) – *der zwölfte geflochtene Zügel* (двенадцать раз плетенные вожжи), расна пёр суралса пёрле ўснё (20) – *wir sind einzeln geboren worden und zusammen herangewachsen* (мы по одному родились и росли вместе).

В указанных и других примерах из текстов песен приуральских чувашей «пёр» в немецкоязычном трансляте по форме выражает как неопределенность – пёр чийа (6) – *ein Kirschbaum* – одна вишня, так и определенность – пёр сьрма (13) – *der kleine Fluß* – речка; и иногда выполняет функцию притяжательного местоимения – пёчэксё пёр пуçам (1) – *mein kleiner Kopf* (моя голова) или генерализирующую роль – пёр хулара (17) – *in vielen Städten* (в ряде городов). В выражении «пёр турă» (3а) – *der eine Gott* – один Бог – определенность и неопределенность выражены одновременно, и его значение можно понять, лишь исходя из ситуации – сўлте те турă, сёрте патша, шет памё пире пёр турă – *Gott in der Höhe und der Zar auf Erden, sollte er uns nichts Gutes geben, der eine Gott?* (Бог наверху, царь на землях, не должен ли нам дать ничего хорошего единственный Бог?).

Многофункциональность артикля в немецком языке богато представлена в грамматике современного немецкого языка [2]. Мы ограничиваемся лишь утверждением, что в трансляте чувашских песен на немецкий язык в исследовании Роберта Лаха учтены многие особенности употребления артикля в процессе перевода с чувашского на немецкий язык.

III. Знаки препинания, принимающие активное участие в процессе извлечения глубинного смысла чувашских народных песен и претерпевающие изменения в ходе перестройки исходного чувашского текста при их транслитерации на немецкий язык, уже по генезису (*punktatio* <- *punktum* – точка) демонстрируют, что точка в системе графических внеалфавитных знаков выполняет основную функцию членения и организации письменного текста. В рассмотренных нами куплетах в побуквенной передаче текстов, записанных с помощью чувашской графической системы с использованием латиницы, точка доминирует, однако перевод на немецкий язык допускает введение других знаков препинания, т.е. вместо точки в конце предложения поставлен, например, восклицательный знак: «Кил, хурар-и иккён кашмине» (2) – *Komm, lasst uns beide eine Brücke schlagen!* (Давай вдвоем установим мост). А повествовательное предложение «Турă та тёнче тытман пулсан каштарахчё пире ку сурт тёнче» (3а) переводится на немецкий язык вопросительным предложением: *Wenn Gott nicht die Welt beherrsche, woher sollte uns diese lichte Welt kommen?* (Если бы Бог не владел миром, откуда бы явился к нам этот светлый мир?) предложение заканчивается восклицательным знаком. Подобные внешне видимые отклонения имеют неспорадический характер: в 43 куплетах 11 раз использован вместо точки вопросительный знак и 8 раз – восклицательный, например: «Шурăмпус килет шуралса» (1) – *Der Morgen bricht an und es wird hell* (Утро наступает и становится светло), хотя здесь заманчиво передать «Шурăмпус» через *Morgenrot* (заря), но нас в данном случае

интересует как знак препинания точка с запятой, которая встречается в трансляте 22 (!) раза. Она, возможно, могла бы быть заменена точкой (с учетом пунктуационной функциональной синонимии), однако немецкий автор выбрал точку с запятой и совместил два знака. Что касается использования знаков препинания в целом, то при записывании на слух чувашского текста и передаче его содержания на немецком языке Роберт Лах, безусловно, учитывал ударение, громкость произношения, тембр, паузы, жестикуляцию и другие экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на интонацию белебейского исполнителя чувашских песен Ивана Никифорова.

Знаки препинания как тонкая проблема, тесно связанная с нюансами поведения, побуждения вопроса и восклицания, как и передача песенного текста транскрипционными знаками, которыми мы не стали перегружать наше исследование, а также специфика сингулярности и плюральности, артикль как спутник (*Begleiter*) и заместитель (*Stellvertreter*) существительного рассмотрены немецким исследователем в единстве с интонационными особенностями чувашских народных песен. Генезис и концептуализация фольклора и их реализация в языковой сфере, базисные понятия при решении проблемы общего и единичного на основе общеизвестной позиции «Слова из песни не выкинешь», систематизация лингвокультурной терминологии на примере 216 народных песен в исполнении 20 представителей Урало-Поволжья подробно изложены немецким чувашеведом во введении своего труда объемом в 23 страницы, иллюстрированы нотами на 53 страницах, 67 страниц посвящены транскрибированию текстов песен. Целенаправленно отобранные нами примеры для решения поставленных трех задач позволили нам выявить в исследовании немецкого ученого и пансофическую истину: чувашский этнос имеет финно-угорский базис и находится на стадии тюркизации, что находит свое отражение больше в языке, чем в музыке. Объединяющую функцию народной песни Лах демонстрирует и на примере распространенных в чувашском мире слов «Шăнкăр-шăнкăр шыв юхать» (течет вода, журчит ручей) продолжением которых следует традиционно «Чул юлатъ» (камень остаётся), однако у Ивана Никифорова дан вариант «Шăнкăрч чѣппи шыв ёсет» (птенец скворца пьет воду). После указанных слов у него читаем «хура пуллăн мѣн ёс пур» (какое дело чёрной рыбе) [1. С. 141]. А у Ивана Аликова из Курмышского уезда данное составляющее выглядит как «чѣкеç чѣппин мѣн ёс пур» (какое дело птенцу ласточки) [1. С. 94], в то же время Егор Яструб из Бугульминского уезда пел «Шыври шашкăн мѣн ёс пур» (какое дело норке в воде) [1. С. 105]. Следовательно, текст песни имеет и общий компонент, и локально отличительный элемент – налицо гармония общего и отличительного.

Литература

1. *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener / aufgenommen von R. Lach. Wien, Leipzig: Kommissions-Verleger der Akademie der Wissenschaften in Wien, 1942. S. 94–144.
2. *Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1962. S. 154–163.

References

1. *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener / aufgenommen von R. Lach. Wien, Leipzig: Kommissions-Verleger der Akademie der Wissenschaften in Wien, 1942. S. 94–144.
2. *Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1962, S. 154–163.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (bella-lucia@rocketmail.com).

IVANOV VLADIMIR – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Foreign Languages Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811.111'367/37

ББК 123.34

Ю.Н. ИСАЕВ

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И КАК МЕТОД КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, языковая картина мира, русский и чувашский языки, ассоциативное поле фитонимов, информант, коммуникативное значение, национально-культурный компонент семантики.

Рассмотрены особенности ассоциативного эксперимента, ассоциативной модели языковой семантики. Материалы данного ассоциативного эксперимента направлены на изучение лексической системности, семантической структуры фитонимов, культурно-языковых сопоставлений. Проведен анализ семантической структуры фитонимов, типичных моделей соответствующего ассоциативного поля. Определены проблемы, возникающие при составлении словарной статьи в двуязычном (русско-чувашском) ассоциативном словаре.

Yu. ISAEV

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS SOURCE OF STUDYING LINGUISTIC WORLD AND METHOD OF COGNITIVE RESEARCH

Key words: associative experiment, linguistic world, the Russian and Chuvash languages, phytonym associative field, informant, the communicative value of the national-cultural component of semantics.

The research is aimed at studying the peculiarities of the associative experiment and the associative model of the language semantics. This associative experiment is designed to study the lexical systemacy, semantic structure of phytonyms, linguistic and cultural comparisons. The author analyzes the semantic structure of phytonyms and the typical models of corresponding associative field defining the problems arising in the process of compiling a dictionary entry in a bilingual (Russian and Chuvash) associative dictionary.

Процесс ассоциирования включает в себя процесс установления ассоциативной связи между двумя объектами, основанный на личном, субъективном опыте, «который может лежать в плоскости общественного опыта, культуры и принятых обществом традиций» [4. С. 117]. В данном процессе происходит усвоение социального опыта, что является определяющим в понимании особенностей национальных языковых картин мира. Ассоциативный метод можно рассматривать как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [4. С. 66].

Способом изучения ассоциаций и видов ассоциативных связей служит методика ассоциативного эксперимента, которая является достаточно разработанной техникой семантического анализа. Результатом ассоциативного эксперимента выступает ассоциативный словарь. В частности, первый словарь ассоциативных норм русского языка, подготовленный на материале 500 слов-стимулов, был издан в 1977 г. под редакцией А.А. Леонтьева [3]. Словарная статья в ассоциативном словаре, как принято, начинается со стимульного слова, затем идет ранговое упорядочение реакций по частоте. Вот как представлено в словаре, например, ассоциативное поле стимула «дерево»: статистика по запросу: всего реакций на стимул – 520, различных реакций на стимул – 172, одиночных реакций на стимул – 108 и т.д.

Нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент со стимулами-фитонимами с группой информантов: а) студентов филологического факультета и факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (500 человек); б) жителей Чебоксарского, Моргаушского, Янтиковского, Аликовского, Козловского, Шемуршинского, Батыревского районов Чувашской Республики (1000 чел.); в) представителей чувашской диаспоры вне территории ЧР (в настоящее время в 55 субъектах Российской

Федерации насчитывается от 1000 и более чувашей: в Поволжье (75%), на Урале (10%), в Западной Сибири (5,3%). Для определения национально-культурного компонента семантики слов-фитонимов каждый информант получил следующую инструкцию: 1. Внимательно прочитайте нижеприведенные слова, выражающие названия деревьев, кустарников, и переведите их на чувашский язык. 2. Напишите рядом с каждым словом слова, которые приходят Вам в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая: быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в нашем с Вами эксперименте. В дальнейшем Ваши результаты в ассоциативном эксперименте могут иметь применение в самых разнообразных сферах Вашей деятельности – от реализации контекстного поиска в сети Интернет до составления наиболее убедительных рекламных текстов на русском и чувашском языках.

Информанты напротив предложенного слова-стимула должны были записать первое слово, которое придёт им в голову. Отметим, что в качестве стимулов используются не только целые слова, но и сочетания букв или звуков, а также словосочетания.

По характеру способа ассоциирования слова-реакции информантов разделились на два основных типа: парадигматические (слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы, подчиняются принципу максимального контраста, согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе) и синтагматические (ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула).

В ходе ассоциативного эксперимента нами были использованы также такие методы, как метод шкалирования, метод семантического дифференциала, метод построения и моделирования семантических пространств.

Первый метод можно рассматривать как промежуточный этап между ассоциативным экспериментом и методом семантического дифференциала. Метод шкалирования представляет собой оценку (в баллах) реципиентом какого-либо явления (понятия, слова и т.д.) с точки зрения степени выраженности в нем предложенного экспериментатором признака (признаков). В целом система шкалирования по тому или иному признаку выглядит так: 1 балл – признак не проявляется; 2 балла – слабое проявление признака; 3 балла – среднее проявление признака; 4 балла – высокое проявление признака; 5 баллов – очень высокое проявление признака. Данную методику можно использовать при фоносемантическом анализе текста, в частности текстов с фитонимами. Вот как звучало подобное задание «Флора в творческой картине писателя (сравнение прозаических и поэтических флористических текстов русских и чувашских писателей)» (параметры задания: а) общая оценка текста; б) неудачно использованные слова; ваши альтернативные слова, улучшающие текст; семантический объем флорем: 1) исходное значение, закрепленное за фитонимом в словарной дефиниции; 2) приобретенное, контекстное значение; 3) мифологическое, символическое значение; 4) коммуникативное значение, возникающее в результате современного взаимодействия, выраженного моделью «язык ↔ автор ↔ текст ↔ действительность ↔ читатель». Примерные тексты: *Ку ёс ёлĕк-авалах пулса иртнĕ. Пĕр сұлхине кĕр ир килнĕ. Йывăс сұлсисем тăкăнма та ёлкĕреймен, санталăк хытă сивĕтсе пăрахнă. Вёсен кайăксем карталанса кăнтăралла васканă. Сёлен-калтасем, пётĕм вăрманти чёрчунсем сивёрен хайсен шăтăкёсене, йывăс хăвăлĕсене кёрсе пытаннă. Пĕр пёчĕк кайăк сес суначе хусăллине пула ниста та вёссе каяйман, хирте витĕр сил синче шăнса кўтнĕ. Ларать сапла хуйхăрса пёчĕкскер эрем тёмĕ айёнче, мён тумалла – нимён те пёлмест. «Нивушлĕ сакантах шăнса вилмелле-ши вара?» – тет. Уй хёрринче сём*

вӑрман пусланӑ. «Вӑрманӑ кайса пӑхам-ха, тен, йывӑссем мана хӗрхенӗс те хӑйсен тураттисен айне хӗл кашма йышӑнӗс», – шухӑшланӑ пӗчӗк кайӑк, вара вӑрман еннелле сиккелесе кайӑн (Чӑваш халӑх юмахӗсем). – Это было давным-давно, в незапамятные времена. Как-то в один из годов очень рано наступила осень. Еще и листья с деревьев не опали, а уже наступили сильные холода. Птицы начали сбиваться в стаи и заторопились в теплые страны. Змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки, спасаясь от холода, залезли в свои норы и дупла. Лишь маленькая птичка с пораненным крылом не смогла улететь со стаей и осталась одна в чистом поле на пронизывающем ветру. Сидит птичка под кустиком полыни, горюет, что делать – не знает. Неужто так и придется погибать? А на краю поля начинался большой дремучий лес. «Поскачу-ка я в этот лес, может, деревья сжалются надо мной и пустят перезимовать», – подумала птичка и, оберегая свое раненое крылышко, поскакала к лесу. 2. Хура вӑрман кӗр кӗрлет. Ҫил тухать те ҫил каять, Выҫӑ кашкӑр пек ӳлет. Ҫиҫӗм пӗрмай ҫуттипе Вӑрман ӑшне ҫутатать. Тӗттӗм вӑрман ӑшӗпе Пӗр юланут кустарать. Лаша пырать тулхӑрса, Вӑрман ӑшне янтратса, Иккӗн ларӑн утланса, Лаша ҫитет ывӑнса. Йывӑс ларать улӑп пек, Тӗттӗм ҫӗрте кашласа: «Чипер кайӑр!» – теет те Пусне таять ҫул парса (К. Иванов). – Лес густой шумит, а ветер воет, как голодный волк. Лес дремучий освещая, Всюду молнии блестя. По тропинке темной чащи Скачет всадник наугад. Громко фыркая, несется Конь горячий напролом; Устает он, – мчатся двое На хребте его крутом. Дуб стоит во тьме, как улап – Великан, шумя листвою; Говорит: Счастливым путь вам!» И кивает головой.

При изучении эмоционального пространства соответствующих текстов испытуемые определяли и выделили зоны текста, несущие положительную и отрицательную эмоциональные модальности; оценивали степень проявления положительных и отрицательных эмоций, используя вышеназванную градацию.

Второй метод, метод семантического дифференциала, в современной лингвистике получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. И популярность метода можно объяснить тем, что исследователи получили возможность определять такие латентные процессы, как отношение субъекта к миру вещей, социальному окружению и самому себе.

Данный метод успешно используется в настоящее время в связи с проблемой экспликации слоев (уровней) субъективной семантики. Так, Е.Ю. Артемьева выделяет три таких уровня: перцептуальный уровень, уровень картины мира и уровень образа мира [1]. Ядерным для личности является уровень образа мира, характеризующийся максимальной семантической нерасчлененностью. Семантический дифференциал ассоциативного поля фитонимов может состоять из антонимичных пар (красивый – некрасивый, лёгкий – тяжёлый, грустный – радостный и т.д.). Например, было предложено задание «Пополните синонимический ряд фитонимов, выражающих положительные и отрицательные эмоции человека»: а) «человек легкомысленный, несерьезный»: *йывӑс, тунката, ...*; б) «человек беспорядочный, бессовестный»: *кӗлте, сӗлӗ кӗлти, ...*; в) «человек жадный»: *тимӗр пӑрса, ...*; г) «человек легкомысленный, несерьезный»: *ӑвӑс сулҫи, ...*; д) «человек глупый, тупой, недалекий»: *арпа пус, вӑрман тункати, уй тункати, ...*; е) «человек неаккуратный. неряшливый»: *пӑрса мӗлки, ...*; ж) «сухопарый человек»: *хытӑнӑ юман, ...* и т.д.

Третий метод, построения и моделирования семантических пространств, направлен на изучение организации субъективного мира человека. Основной метод исследований в этой области – моделирование. Построение моделей основывается, в первую очередь, на постулате о существовании систем личностных смыслов, через призму которых каждый человек воспринимает окружающую его действительность (см. таблицу).

**Фоно(звуко)-семантические параметры слов-фитонимов
по антонимическим парам**

	Береза	Ель	Сосна	Рябина	Калина	Черемуха	Клен
Красивый – корявый							
Добрый – злой							
Светлый – темный							
Грубый – нежный							
Веселый – грустный							

Система личностных смыслов создается на основе усвоенных личностью систем значений: психологическая онтология «разворачивается» на базисе социальной онтологии. Соответствующие системы как психологические образования отражают отношение индивида к значению языковых единиц.

Модели семантических пространств (СП) складываются из многообразия параметров. Размерность СП равна числу независимых векторов и определяется обычными алгебраическими и вероятностными способами [1. С. 33]. Соответствующее моделирование включает следующие процедуры: а) с помощью различных методик выявить семантические связи между анализируемыми объектами (в качестве методической базы используются ассоциативный эксперимент и метод шкалирования; на основе ассоциативного эксперимента моделируется структура связей между объектами; шкалирование предполагает размещение реципиентами объектов на заданных признаковых шкалах; метод семантического дифференциала выявляет градуальное распределение оценок объектов на шкалах, полюса которых представляют собой антонимичные пары признаков); б) применение различных способов математической обработки полученных реакций (процедуры классификации, факторный анализ, построение разного рода шкал, кластер-анализ); в) представление выявленных структур семантических связей в виде кластеров.

Структура словарной статьи в двуязычном или полиязычном ассоциативном словаре должна быть построена в сопоставительном плане. Например, в русско-чувашской словарной статье за порядковым номером словарной статьи должен следовать слово-стимул и его перевод на русский язык (одним словом или, если необходимо, несколькими словами); после чувашского ассоциата дается его русский перевод, являющийся более или менее нейтральным, общим по значению словом (при полисемии или омонимии приводятся два слова), причем при выборе русского эквивалента к чувашскому ассоциату прежде всего должна учитываться его ассоциативно-семантическая связь с исходным словом.

Частотность слова-стимула должна определяться по частотным словарям русского и чувашского языков.

Двуязычные словари со всей остротой выявляют и проблемы, связанные с переводом слов-стимулов и их адекватностью [3]. Остро встает и проблема грамматических соответствий в сравниваемых нормах.

Результаты ассоциативного эксперимента могут прояснить такие положения, как: а) каковы общие реакции различных социальных слоев, вовлеченных в эксперимент, на синтагматические и парадигматические модели фитонимов; б) какова глубинная семантическая структура тех или иных семантических классов – фитонимов; в) установить типичные модели ассоциативного поля фитонимов.

Литература

1. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, 1999. 349 с.
2. *Залевская А.А.* Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с.

3. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. Леонтьева А.А. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 191 с.
4. Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 65–71.
5. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2003. 320 с.

References

1. Artemyeva E.Yu. *Osnovy psikhologii subyektivnoy semantiki* [Fundamentals of subjective semantics psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 349 p.
2. Zalevskaya A.A. *Tekst i ego ponimanie* [Text and its understanding]. Tver, Tver State University Publ., 2001, 178 p.
3. Leontiev A.A., ed. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative rules of Russian language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977, 191 p.
4. Ufimtseva N.V. *Sopostavitelnoe issledovanie yazykovogo soznaniya slavyan* [Comparative study of linguistic consciousness of Slavs]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 65–71.
5. Frumkina R.M. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, 320 p.

ИСАЕВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат филологических наук, директор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (human2000@yandex.ru).

ISAEV YURY – Candidate of Philological Sciences, Director of the Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia.

УДК 811.161.1'367.625(07)
ББК Ш12=411.2*212.5р30(2)

Е.А. КОЖЕМЯКОВА, И.А. СИМУЛИНА

КАТЕГОРИЯ ВИДА РУССКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОФОНОВ

Ключевые слова: категория вида, методика преподавания русского языка как иностранного, система упражнений, одновидовые глаголы, организация визуального материала.

Рассматриваются вопросы методики организации грамматического материала и системы упражнений по теме «Виды глагола в русском языке», являющейся одной из самых важных и трудных для усвоения при обучении русскому языку как иностранному; обосновываются поэтапность и концентричность изучения данной темы при обучении инофонов; содержание темы распределяется по этапам обучения (начальный, продвинутый), предлагается визуальный материал в виде таблиц и схем, наглядно представляющих образование и употребление видов русского глагола; описывается система упражнений по данной теме, даётся их классификация, включающая упражнения на понимание, упражнения по отработке и использованию языковых единиц в соответствии с уровнем выработки грамматических или речевых навыков.

E. KOZHEMYAKOVA, I. SIMULINA RUSSIAN VERB ASPECTS IN TEACHING FOREIGN STUDENTS

Key words: verbs aspects, methodology of teaching Russian as foreign language, system of exercises, single-aspect verbs, preparing visual aids.

The paper is devoted to the issue of preparing grammatical material and system of exercises needed for teaching Russian verb aspects, which is one of the most important and difficult subjects in teaching Russian as a foreign language. The authors prove the necessity of phasing the teaching process on this theme, as well as basing it on the principle of concentricity in presenting the material. All the material to be taught is distributed through the stages of learning (beginner, advanced). The authors demonstrate the visual aids: graphs and tables that graphically represent the rules of building and using aspects of Russian verbs in speech, describe the system of exercises on the subject, classifying them into exercises for comprehension, exercises for practicing and using linguistic units depending on the level of grammar and speech skills.

При обучении русскому языку как иностранному важное место занимает проблема методической организации грамматического материала. Повышению эффективности обучения способствуют наглядность в подаче визуально-

го материала и система упражнений, являющаяся основным средством целенаправленного формирования речевого механизма учащихся на базе иноязычного кода.

Грамматическая тема «Виды глагола в русском языке» является одной из самых важных при изучении русского глагола в иноязычной аудитории, поскольку категория вида несет в русском языке большую смысловую нагрузку и фактически заменяет сложную систему времен. По словам А.А. Караванова, «в восприятии иностранца, еще только начинающего изучать виды, категория вида предстает очень неоднородной, “лоскутной”, “разношерстной”» [1. С. 3]. Это создает трудности при изучении данной темы и определяет поэтапность, концентричность её освоения.

Особенность русского глагола заключается в том, что его виды, совершенный и несовершенный, влияют на образование форм настоящего, прошедшего и будущего времени. В языках, где глагол не имеет вида, существует несколько форм прошедшего, настоящего и будущего времени (например, в английском: Present (Past, Future) Indefinite, Present (Past, Future) Continuous, Present (Past, Future) Perfect. Эти формы выражают разное значение: действие длительное; действие, происходящее обычно; повторяющееся действие; действие, законченное к моменту начала другого действия, и т.д.

В русском языке существует всего одна форма прошедшего, настоящего и две формы будущего времени. Различные значения (длительность действия, его законченность, повторяемость, одновременность или последовательность действий) передаются совершенным и несовершенным видом глаголов. Как отмечает К.А. Соколовская, «иностранцы, изучающие русский язык, иногда думают, что необязательно различать глаголы по видам: ведь и так понятно, какое действие происходит. Но в речи глаголы не только обозначают действие. Совершенный и несовершенный вид дают различные характеристики всей ситуации» [4. С. 5].

В научной литературе рассматриваются различные видовые значения: «значения процессности, повторяемости, общефактическое значение, конкретно-фактическое и результативное, а также видовые значения, передаваемые инфинитивом и императивом», значения «последовательности совершенного вида и одновременности несовершенного вида» [5. С. 3]. Но, на наш взгляд, такое детальное изучение на начальном этапе затрудняет восприятие и понимание данной темы. Инофоны прежде всего должны усвоить суть видового значения: несовершенный вид передает длительное действие, у которого нет начала, нет завершения, которое не ограничено по времени; совершенный вид передает действие, завершённое или начатое, или ограниченное по времени.

Соотношение основных значений, которым целесообразно обучать инофонов как на начальном, так и на продвинутом этапе обучения, может быть представлено в виде таблицы (см. табл. 1).

Таким образом, несовершенный вид передает длительное действие, у которого нет начала, нет завершения, которое не ограничено по времени. Совершенный вид передает действие, завершённое или начатое, или ограниченное по времени.

Особую трудность представляет не только понимание разницы в значении и употреблении видов русского глагола, но и образование видовых пар в силу разнообразия их моделей, а также наличия двух направлений: образование совершенного вида от несовершенного и наоборот.

Таблица 1

Основные значения видов глагола

Совершенный вид	Несовершенный вид
1. Законченность длительного действия, достижение результата. <i>Я прочитал книгу</i> (Я закончил это действие) <i>Я построил дом</i> (Дом уже готов) <i>Я посмотрел этот фильм</i>	1. Длительное действие не законченное, не имеющее результата. Повторяющееся действие. <i>Я читаю книгу</i> (Действие еще продолжается) <i>Я строю дом</i> (Дом еще не построен до конца) <i>Я много раз смотрел этот фильм</i>
2. Момент начала, возникновения действия (приставка по-, за-) <i>Певец запел арию</i> (Начал петь)	2. Длительное действие без указания на начало. <i>Певец пел арию</i> (Шел процесс)
3. Мгновенное действие (действие началось и очень быстро закончилось): махнуть, толкнуть, прыгнуть, шагнуть, бросить, схватить, вскочить и т.д. <i>Он махнул рукой на прощанье</i> (Один раз совершилось короткое действие)	3. Длительное прерывистое действие (т.е. повторяющееся мгновенное действие): махать, толкать прыгать, шагать, бросать, хватать, вскакивать и т.д. <i>Он махал рукой ей вслед</i> (Несколько раз совершилось короткое действие)
4. Действие, ограниченное по времени (действие длилось некоторое время, потом закончилось). <i>Я спал два часа после обеда.</i>	4. Длительное действие, не ограниченное по времени. <i>Я спал после обеда</i> (Долго, сколько – не указано)

Начинать изучение образования видовых пар целесообразно с перехода от несовершенного вида к совершенному, который является первой и основной ступенью образования видов. На первой ступени образования видовых пар выделяется несколько основных типов, которые для облегчения запоминания и освоения употребления в речи важно представить визуально в форме таблиц (см. табл. 2).

Таблица 2

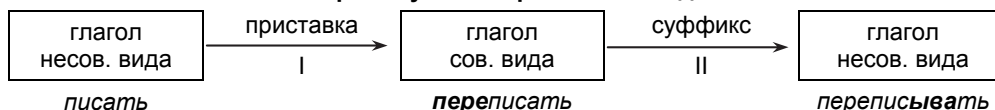
Образование видовых пар

№	Несовершенный вид	Совершенный вид
1.	Без приставки: <i>писать</i>	С приставкой: <i>написать</i>
2.	С суффиксом -а-, -я-: <i>решать</i>	С суффиксом -и-: <i>решить</i>
3.	С суффиксом -ыва-, -ива-: <i>рассказывать</i>	Без этого суффикса: <i>рассказать</i>
4.	С суффиксом -а-: <i>толкать</i>	С суффиксом -ну-: <i>толкнуть</i>
5.	С суффиксом -ва-: <i>одевать</i>	Без этого суффикса: <i>одеть</i>
6.	В корне -ы-, -и-: <i>называть</i>	В корне нет этих букв: <i>назвать</i>
7.	РАЗНЫЕ СЛОВА <i>говорить</i>	<i>сказать</i>
8.	РАЗНОЕ УДАРЕНИЕ <i>насыпать</i> <i>отрезать</i>	<i>насыпать</i> <i>отрезать</i>

В качестве примечания к таблице нужно также отметить, что единичные глаголы имеют смешанный способ образования видовых пар: *сажать–посадить*, *вешать–повесить*, *глотать–проглотить*, *покупать–купить* (суффикс и приставка).

Концентрический принцип обучения предполагает на продвинутом этапе изучение второй ступени образования видов, которую также лучше представить в виде схемы [2. С. 6]:

Вторая ступень образования видов

Таким образом, усвоение темы, выработка навыков образования и употребления видовых пар вызывают большие трудности, так как в языках, которыми владеет большинство студентов-инофонов, категории вида глагола нет. И этим также обусловлены поэтапность изучения данной темы в иноязычной аудитории и особое внимание к наглядной организации визуального материала и системе упражнений. Обращение к категории вида, начиная с обучения русскому языку на подготовительном отделении и на каждом следующем этапе, происходит на все более сложном и глубоком уровне. На подготовительном отделении большое внимание уделяется устным упражнениям, особенно заучиванию видовых пар наиболее употребительных глаголов. На этом этапе чрезвычайно важна художественно-изобразительная наглядность (рисунки, таблицы, схемы, объясняющие разницу в употреблении глаголов совершенного и несовершенного видов).

На более продвинутом этапе обучения необходимо указать и на то, что в глагольной системе русского языка присутствует некоторое количество так называемых непарных глаголов, т.е. глаголов, не имеющих видовой пары. Эти одновидовые глаголы имеют или только совершенный вид, не соотносящийся с несовершенным видом, или, наоборот, только несовершенный вид, не соотносимый с совершенным видом.

Нужно обратить внимание учащихся на то, что одновидовые глаголы совершенного вида обозначают: быстроту действия, его мгновенность, один из моментов действия, результативность, а также смену одного состояния другим: *встрепенуться, грянуть, кануть, молвить, очнуться, рухнуть, ринуться, сглазить, соскучиться, состояться, стать, хлынуть*. Одновидовые глаголы несовершенного вида обычно выражают действия и состояния, не связанные с результатом или отдельным моментом их течения. К этой группе одновидовых глаголов относятся все глаголы движения без приставок, а также глаголы: *бездействовать, весить, висеть, граничить, заведовать, зависеть, значить, лежать, наблюдать, недоумевать, находиться, нуждаться, ожидать, отрицать, отсутствовать, предвидеть, предчувствовать, предшествовать, присутствовать, преследовать, преобладать, приветствовать, полагать, разговаривать, руководить, сидеть, соответствовать, состоять, управлять, утверждать, участвовать, ухаживать, чередоваться* и др.

К непарным глаголам относят и так называемые двувидовые глаголы, т.е. такие глаголы, которые в зависимости от контекста могут выступать то как глаголы совершенного вида, то как глаголы несовершенного вида: *арестовать, атаковать, воздействовать, велеть, гарантировать, заимствовать, женить(ся), использовать, исследовать, казнить, ликовать, образовывать, организовать, обещать, ранить, реализовать, родить* и др. Например: *Сегодня отец обещал (сов.в.) вернуться пораньше. – Он часто обещал (несов.в.) что-нибудь, но не всегда выполнял свои обещания.*

На продвинутом этапе более подробно изучается употребление видов глагола в каждом времени и наклонении. В качестве визуального материала желателен использование средств графической наглядности. Материал в таблицах и схемах для лучшего усвоения должен группироваться по принципу сопоставления видов. В качестве примера можно привести таблицу употребления видов глагола в прошедшем времени (см. табл. 3).

В систему упражнений целесообразно включать различные типы заданий: анализ готовых форм и предложений, выбор правильной формы из

предложенных, составление конструкций, реализующих основные видовые значения, творческие задания.

Таблица 3

Употребление видов глагола в прошедшем времени

Совершенный вид	Несовершенный вид
1. Завершенное действие, действие, имеющее результат. <i>Он прочитал книгу.</i>	1. Процесс, длительность действия <i>Он долго читал книгу.</i> Факт наличия действия в прошлом, когда результат его не важен говорящему. <i>Ты читал эту книгу? – Читал.</i> (Говорящему не важно, было ли действие доведено до конца)
2. Действие, результат которого сохранен в момент речи. <i>Он пришел к нам, и мы пьем чай.</i> (= Он у нас)	2. Действие, результат которого был, но в момент речи отсутствует. <i>Он приходил к нам, но никого не застал дома.</i> (= Уже ушел)
3. Возникновение состояния в прошлом, которое сохраняется в момент речи. <i>Мне понравилась эта книга.</i> (= Нравится и сейчас)	3. Неопределенно длительное состояние, отнесенное к прошлому (в момент речи, возможно, его уже нет). <i>Когда-то мне нравилась эта книга.</i> (= Сейчас, может быть, уже не нравится)
4. Однократное действие. <i>Студенты выполнили задание за полчаса.</i>	4. Повторяющееся действие. <i>Обычно студенты выполняли это задание за полчаса.</i>
5. Последовательные действия. <i>Я написал письмо, потом послушал музыку.</i>	5. Одновременные действия. <i>Я писал письмо и слушал музыку.</i>

Система упражнений должна также подчиняться принципу концентричности, при котором целесообразно выстраивать упражнения в соответствии со следующей классификацией, предложенной в пособии по методике преподавания русского языка как иностранного [3. С. 131]:

1) упражнение на понимание	– уровень выработки языковых грамматических навыков
2) упражнение по отработке	
3) упражнения по использованию	– уровень выработки речевых грамматических навыков

Таким образом, организация визуального материала и системы упражнений при изучении вида русского глагола инофонами имеет большое значение в связи со сложностью и специфичностью данной грамматической категории.

Литература

1. Караванов А.А. Виды русского глагола: значение и употребление. М.: Рус. яз. Курсы, 2005. 176 с.
2. Кожемякова Е.А., Симулина И.А. Виды глагола в русском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997.
3. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / под ред. И.П. Лысаковой. М.: ВЛАДОС, 2004. 270 с.
4. Соколовская К.А. Виды глагола в русской речи. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. 285 с.
5. Соколовская К.А. 300 глаголов совершенного и несовершенного вида в речевых ситуациях. М.: Рус. яз., 2002. 85 с.

References

1. Karavanov A.A. *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie* [Aspects of Russian verbs: the meaning and usage]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy Publ, 2005, 176 p.
2. Kozhemyakova E.A., Simulina I.A. *Vidy glagola v russkom yazyke: Metodicheskie ukazaniya i upravneniya dlya studentov-inostrantsev* [Aspects of verbs in Russian: guidelines and exercises for foreign students]. Cheboksary, Chuvash State University Publ, 1997, 28 p.

3. Lysakova I.P., ed. *Russkii yazyk kak inostrannyi. Metodika obucheniya russkomu yazyku* [Russian as a foreign language. Methods of teaching the Russian language]. Moscow, VLADOS Publ, 2004, 270 p.

4. Sokolovskaya K.A. *Vidy glagola v russkoi rechi* [Verb aspects in Russian speech]. Moscow, 2008, 285 p.

5. Sokolovskaya K.A. *300 glagolov sovershennogo i nesovershennogo vida v rechevykh situatsiyakh* [300 perfect and imperfect verbs in speech situations]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2002, 85 p.

КОЖЕМЯКОВА ЕКАТЕРИНА АРКАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ekozhemyakova@yandex.ru).

KOZHEMYAKOVA EKATERINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language as Foreign Language, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

СИМУЛИНА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (arin7.7@yandex.ru).

SIMULINA IRINA – Assistant Professor, Department of Russian Language as Foreign Language, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXXVI:
А-АНПЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анплатных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в ней дается этимология комонимов «Акаев юрт» (Башкортостан) и «Акаевка» (Мордовия), которые образованы от тюркского мужского имени личного «Акай», регистрируемого в башкирском, киргизском, татарском, чувашском и некоторых других языках. Приведены и подробно рассмотрены апеллятивы, положенные в основу антропонима. Анализ дополнен комментированным списком 32 географических названий, включающих в свой состав номенклатурный термин -йорт/-юрт.

G. KORNILOV

**ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS
(BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT,
CHUVASH REPUBLICS) – XXXVI: A-NAMES OF PLACES**

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The author continues cataloging and interpreting toponyms and appellatives starting with the letter «A» in the languages of the Volga region. The paper presents the etymology of the komonyms «Akayev Yurt (Rus. Акаев юрт)» (Bashkortostan) and «Akayevka (Rus. Акаевка)» (Mordovia), which are derived from the Turkish personal male name «Akai (Rus. Акай)», registered in the Bashkir, Kirghiz, Tatar, Chuvash and some other languages. The appellations underlying the anthroponym are regarded in detail. The analysis is supplemented with the annotated list of 32 geographical names, including the nomenclature term -yort/yurt (Rus. йорт/юрт).

0.0.2.6.5. **АКАЕВ ЮРТ** – отсутствующее в современных справочниках название бывшей башкирской деревни «на Казанской дороге Уфимского уезда». Обнаружено Ф.Г. Хисамитдиновой в рукописи П.И. Рычкова «Лексикон, или

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

Словарь топографический Оренбургской губернии» в 1776 г.: «Акаев юрт – жилище возмутителя башкирцев, сына возмутителя Кусюма близ Нагайбака на озере Акай-куль». Автор убедительно возводит комоним к «имени башкира Акая Кусюмова, участника восстания 1735-1736 гг.» [18. С. 28]. До начала XXI в. в Нагайбак. с-т Бакалин. р-на входили 4 русских нп: с. Нагайбаково, с. Батрак, д. Ивановка и пос. Шумок, т.е. Акаев юрт в XX в. уже не существовал, поэтому его не упоминают авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР», хотя в их справочнике указаны гора Ногайбек / Ногайбэк и рч. Ногайбэк йылғаһы, правда, в Ишимбаев. р-не [16. С. 114а].

От фамилии Акаев, положенной в основу Акаев юрт, образовано название рус. д. Акаевка быв. Болотников. с-та Старошайговского (по некоторым источникам – Лямбирского) р-на Мордовии. В XIX в. д. Акаевка (Старая Матвеевка) значилась в Саран. у. Пензен. губ. «по обе стороны речки Рудни». И.К. Инжеватов: «Название-антропоним: темниковские служилые татары на Атемарской засечной черте юго-восточной границы Российского государства Акаевы были владельцами населенного пункта. Им принадлежали деревни Большая Акаевка и Малая Акаевка. Позднее они объединились в одну деревню – Акаевку» [7. С. 14а, б].

Личное имя Акай: ~Кусюмов, Акай-: ~ев – известно и в других тюркских языках, оно обнаруживается в фамилии первого президента Киргизии Ака Акаева; упомянуто в чувашском именнике у В.К. Магницкого – 201: Акай, с пометой Тат[арское] [10. С. 25в], у Х.Ч. Алишиной: Ақай қайынлык (Вг.) «Акаев березник» [1. С. 51], Акай тóп «Акаево дно», «Акаево пастбище» (Вг.), с пометой: «отантр[опонимное]» [1. С. 53].

В говоре уральских татар (Пермск. обл.) известно нарицательное (инвективное) ақай, в мамадышском говоре Заказанья – ақай в составе парного слова ақай-чуқай; авторы «Диалектологического словаря татарского языка» полагают, что ақай то же, что и алақай, фиксируемое в говоре крещеных татар и в атнинском говоре Заказанья; последним словом называют нескромного, «не знающего предела в своих словах и поступках человека», букв. сүзендә һем хәрәкәтендә чама белмәгән, тыйнаксыз, әрсез кеше турында; отсюда глагол-рефлексив алақайлану «не считаясь с окружающими, делать свое; проявлять беззастенчивость, нескромность», деепричастие алағайып в смысле «чересчур, много» [5. С. 31–32].

В литературных башкирском и татарском языках нарицательное ақай употребляется только в связном виде, ср. тат. лит. ақай күз / ақай күзле «пучеглазый, лупоглазый», «быстро ловящий взглядом неположенное видеть», тат. лит. ақайту «(вы)пучить; (вы)таращить, выкатить глаза; увлечь, увлечь; соблазнять, соблазнить; обольщать, обольстить», баш. лит. -ақайтыу: күз~ «(вы)пучить, (вы)таращить, выкатывать, выкатить (глаза)», ақайыу «выпучиться, (вы)таращиться, выкатываться, выкатиться (о глазах); уставиться на кого-что». Любопытно, что ақай-чуқай известно и в татарском просторечном, но без инвективного оттенка, в сочетании с глаголом: ақай-чуқай килү «увлекаться, увлечься, соблазняться, соблазниться; обольщаться, обольститься». Форму алақай литературные источники не указывают.

Э.В. Севортян, перечисляя фонетические варианты: аққа, ақа, аке, ақә, äкә, әкә, еке и т.д. и указывая их значения почти по всем тюркским языкам (исключая чувашский): «отец», «старший брат», «старший родственник», «дед(ушка)», «дядя» и нек. др., склонен выводить «формы типа ака ~ аке ~ еке ~ әкә ~ еке по всей вероятности – из звательной формы, промежуточную

ступень в эволюции которой образует тип *акей* (из *акай*, ср. дальше форму *акай*) в турецких диалектах...» [15. С. 121].

Г.И. Рамстедт считал *ака* общим достоянием алтайских языков [22. С. 3], указывал производную от *ака* звательную форму *акай* в крым.-тат., караим., ногай. языках и форму *акей* в тур. диалектах в значениях: «папа, отец» (обращение к отцу), «старший брат», «дядя», «дедушка», «мужчина» [14. С. 63]. Селькуп. *акā* «старший брат» (*акай пилянмын* «налево?»), видимо, из сиб.-тюрк. [2. С. 13].

Самое интересное обнаруживается в конце соответствующей статьи Э.В. Севортыана [15. С. 122-123], где приводятся: и.-е. *akkā* «мать» («по широко распространенному мнению, разделяемому также и Ю. Покорным, слово – лепетного происхождения»); др.-инд. «мать», греч. *Ἀκκῴ* «кормилица Деметры», лат. *Acca Larentia* – название богини у римлян (покровительница полей); также в малоазийских языках; ср. *Madder-Akka* «мать земли» [21. С. 23], хотя у И.Х. Дворецкого даны несколько иные значения, а именно: др.-греч. *ἄκκῳ*... «жеманица...» [6. С. 64а], лат. *Acca Larentia* / *Акка Ларентия*, кормилица Ромула и Рема, мать 12 «арвальских братьев»...; *Accalia* (или *Larentalia*)... **аккалии**; ежегодные празднества в честь *Acca Larentia* (в декабре)... [4. С. 19б]. Эту женскую линию продолжают тюркские: уйг. *ākā* «старшая родственница по женской линии, сестра или тетя», ср.-тюрк. *ākā* «старшая сестра мужчины или женщины» и их другие гомогенные параллели в соответствующей статье словаря М. Рясняна [23. С. 38а, б], где приведены также монг. *eke* «мать», *ege-či* «старшая сестра», тунг. *еке* «старшая сестра», дополненные у М.Р. Федотова чув. *ака* (вокатив *акай*) «старшая сестра», вошедшее в мар. Л. *ака*, мар. Г. *āка* «старшая сестра», «младшая тетка по матери»; удм., морд. М. *ака* «старшая сестра»; чув. *акай* > мар. Л. *акай*, мар. Г. *āкай* ... обращение брата и сестры к своей старшей сестре; обращение к младшей тетке по матери [17. Т. I. С. 31].

Разброс языков и значений заставляет несколько усомниться в гомогенности всей совокупности перечисленных выше форм. В самом деле, с одной стороны, мы имеем варианты вокатива звательной формы *ака-й* на базе вариантов **ака* «старший родственник по мужской или женской, прямой или боковой, линии», с другой стороны, в заказанских говорах татарского языка, как было указано выше, зафиксированы инвективные *акай* / *алакай*, причем не известно, является ли *акай* результатом «сокращения» формы *алакай* (выпадение интервокального -л- с последующим стяжением **aa-** > **ā-** > **a-**, в связи с отсутствием в системе татарского вокализма противопоставления гласных по долготе), или, наоборот, форма *алакай* – результат словосочетания / словосложения **ал* и *акай*, где *акай* – рассмотренный выше Э.В. Севортыаном вокатив на базе общетюркского / общеалтайского *ака*, а **ал* – убедительно реконструированная тем же Э.В. Севортыаном основа в значении «лишившийся ума, глупый», конверсивная рефлексиву **ал* – «лишиться рассудка, беситься (о животных)» [15. С. 755б]. Однако представляется еще убедительнее видеть в *алакай* вокатив от *алақ*, известном в тур. диал., койбал., у Радлова (I, 355), со спектром близких значений: «придурак», «шалелый», «сумасшедший», «сумасброд» и т.п. [15. С. 145]. Для бунтаря *Акая Кусюмова* значение «шаловой» кажется вполне подходящим.

Рассматриваемый комоним *Акаев юрт* – рус. вариант предполагаемых башк. **Акай* / **Әкәй йорт(о)*, с рус. притяж. **-ов** / **-ев**, передающим значение башк. показателя принадлежности 3-го лица -о/-ы/-и; в свою очередь, рус. *юрт* – регулярная передача башк. *йорт*, ср. топонимы:

1. **Абдулкарима юрта** (*Абдулкаримова, Каримова*) бив. Барын-Табын. в. Верхнеурал. у., 1-я фиксация (далее – *фикс.*) – 1768 г., по имени «старшины Барын-Табын. в. Абдулкарима Курманаева» [19. С. 217]. Предполагаемый башк. вариант **Әбдулкәрим йорто*.

2. **Айли-юрт** (*Айлина*) бив. Айлин. в. Уфим. у., 1-я фикс. – 1765 г., ср.: д. *Айлина* бив. Кыпчак. в. Бугуруслан. у., 1-я фикс. – 1795 г.; согласно Ф.Г. Хисамитдиновой, оба названия связаны с этнонимом [19. С. 222]. Предполагаемый башк. вариант **Әйли йорт(о)*.

3. **Ақташ йорто**, только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «сращенное название плюс номенклатурный термин плюс аффикс принадлежности» [8. С. 59]. Букв. «Юрт Белого камня».

4. ***Алиш юрт / Әлеш йорт** – назв. урочища (далее – *ур.*) в Бурзян. р-не, где и назв. речки (далее – *рч.*) **Алиш / Әлеш* – лев. пр. р. *Большой Нугуш*, согласно «Словарю топонимов БАССР», «от антропонима *Әлеш*» [16. С. 177а]. В XVI–XIX вв. топоним не зафиксирован. Любопытно созвучие с чув. диал. *элэш* (с. *Бердяш*, с. *Ивано-Кувалат* Зилаир. р-на РБ) «оголец» (ихтионим).

5. **Биләнийорт**, только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «сращенный топоним, изафет 1-го типа» [8. С. 51]; *Биләнийорт* – «атрибутивно-номинативный тип» [8. С. 76].

6. **Бишәй йорто**, только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «двуосновный составной ойконим» [8. С. 56].

7. **Буран йорт**, только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «двуосновное, существительное плюс существительное» [8. С. 52].

8. **Дөбәйорт арқаһы**, только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «ороним на базе двуосновного сращенного топонима» [8. С. 61].

9. **Имян-юрт** (*Имянова*) бив. Кыр-Унлар. в. Бир. у., 1-я фикс. – 1747 г.; согласно Ф.Г. Хисамитдиновой, «связано с микротопонимом (названием кочевья)» [19. С. 244]. Ср.: *Имян-Юрт / Имән йорт* – назв. рус. хутора в бив. Урал. с-те Кугарчин. р-на, «от *имән* «дуб; дубовая» и *йорт* «летовка»» [16. С. 566].

10. **Иске йорт** (*Иски аул, Лагыр, Васкина*) бив. Тырнаклин. в. Уфим. у., 1-я фикс. 1740 г. [19. С. 239]; *Иски-юрт (Иски аул)* бив. Киргиз. в. Бир. у., 1-я фикс. – 1664 г. У А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: *Искейорт* – «сращенный топоним» [8. С. 51], *Искейорт басыуы* – «(прилагательное плюс существительное) плюс существительное плюс аффикс принадлежности» [8. С. 59], у него же противопоставление: *Искейорт – Яңыйорт* («Старый юрт – Новый юрт». – Г.К.) [8. С. 101]. Наибольшее число у Х.Ч. Алишиной: *Иске йорт* (часть деревни, Вг.), *Иске йорт* (Яр) [1. С. 51]; *Иске йорт* (оз., Вг., Яр.), *Иске йорт* (рч., Вг.) [1. С. 64]; «Лексема *йорт* сохранилась в микротопонимии, обозначающей прежние места обитания (*Иске йорт*)» [1. С. 64]; «сема «старый» – *Иске йорт* (старый юрт) (рч., Вг.)» [1. С. 68]; «молодые поселились у р. *Суйыр* на яру в местечке *Иске йорт*» [1. С. 129]; «В середине деревни *Казанлы (Казанские юрты)* изгиб речки образует полуостров *Иске йорт*, где в 1886 г. жили люди» [1. С. 140]; «Имя существительное может определяться прилагательным...: *Ак камыш, Иске йорт, ... Тугыз йорт*» [1. С. 208]; «Модель «имя прилагательное + аппеллятив...: *Иске (йорт, авыл), ...*» [1. С. 209]. В бив. Казан. губ. значились: тат. д. *Искиюрт* в бив. Нов. Кишит. в. Казан. у., *Искиюрт* – в бив. Селенгуш. в. Лаишев. у., *Искиюрт* в бив. Старо-Юмьин. в. Мамадыш. у.; ныне в РТ: тат. д. *Иске-Юрт / Иске Йорт* в бив. Учалин. с-те Арск. р-на и тат. д. *Иске-*

Юрт / Иске Йорт в бив. Больше-Кукмор. с-те Кукмор. р-на. Ф.Г. Гарипова упоминает *Иске йорт чиммәсе* – родник в д. *Бакаево* Север. р-на Оренбург. обл. [3. С. 151], топоним *Ескиюрт* на Украине [3. С. 296; 11. С. 29], д. *Иске Йорт* (рядом археологич. памятник) в Пестречин. р-не РТ (правобережье р. *Камы*).

11. **Йәйгейорт, Йәйләү** – «место кочевки», только у А. Камалова, без локализации, без полного перевода [8. С. 142].

12. **Йорт**, согласно А. Камалову, в РБ имеется топографич. объект (где – автор не указывает), так именуемый; зато указывается лингв. статус: «название, образованное лексическим путем, номинативный тип топонима» [8. С. 76]. Перекличка с иран. *Йортгах* (центр. Иран), где *гах / гех* из араб. *ках* «место», сиб.-тат. *Йортлы кыр* (п., Тб.) [1. С. 64], а также – комоним *Йорткул* – другое назв. *Акмаелга*, «на истоке реки *Үтәк* [3. С. 343].

А. Камалов еще в 1994 г. справедливо отметил: «Семантически и фонетически сопоставимы лексемы *йорт* в тюркских и *горт* в финно-угорских языках» [8. С. 86]. Это перекликается с нашим утверждением, что *-гурт* в составе удм. комонима *Адямигурт* – «удм. географич. номенклатурный термин в значениях «деревня, селение, село», «дом», «родина»; коми *горт* «дом», «домовина», хант. *корт / курт* «хантыйское жилище или поселение»..., равный архетипу тюркских *йурт / йорт / сурт / сорт* «дом; здание, строение и т.д.», родственных славянским и иным параллелям рус. *город, град* из праславян. **горд-* [9. С. 143]. Это неоспоримое доказательство восхождения славяно-тюркских взаимосвязей еще к пратюркской эпохе.

13. **Иылыйорт** «теплый дом, теплое кочевье», только у А. Камалова, без локализации и иных комментариев [8. С. 113].

14. **Карангыюрт / Қараңғыюрт** – назв. местности и речки, лев. пр. р. *Устуманды* в Белорец. р-не, «от *қараңғы* «темная» и *йорт* «дом, двор, летняя стоянка, летовка» [16. С. 89а]. А. Камалов *Қараңғыюрт* «Темная кочевка» противопоставляет *Сағыуйорт* «Светлая кочевка», без указания места регистрации [8. С. 108].

15. **Көзгөйорт, көзләү** – место осенних кочевков, только у А. Камалова, без локализации [8. С. 142]. «*Көзгөйорт қойоҫо* «Родник осенней стоянки» Р.З. Шакуров отнес в группу топонимов, сохранивших в себе сведения об особенностях былого кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства» [8. С. 93; 20. С. 54].

16. **Кюльюртау / Күлйортау** – назв. горы и пос. в Баймак. р-не (в справочниках, начиная с 1961 г., не упоминается), «от *күл* «озеро», *йорт* «летовка», *тау* «гора» [16. С. 80а]. Следовательно, исходным был облик **Күлйорт тау*. Но если признавать диал. *Йур / *йор* «большой, крупный» [16. С. 181б]: *Юр-тыш* переведено «Большой камень». – Г.К.), то архетип **Күл-йор-тау* «Озерная большая гора» (?).

17. **Салауат йорто** – «уроч. на берегу р. *Узень*, в 4-5 км ниже д. *Новые Каратавлы*» [16. С. 125а]. Баш. д. *Новые Каратавлы* входила в бив. Алькин. с-т Салават. р-на. Имя полководца, одного из предводителей Крестьянской войны 1773–1775 гг., *Салавата Юлаева*, популярно в Фамиликоне и топонимиконе Башкортостана, его носят самые разные топографические объекты: нас. пункты, горы, доли, реки, леса и т.д. В араб. оно означает «восхваление, прославление; молитвы», ср. *Салават Аллах* «благославление Аллаха» [12. С. 214].

18. **Саңлыйорт** – назв. рч. в Кумертаус. р-не, приведено в статье на *Санды-Узяк / Сандузәк*, без указания, куда впадает. Из контекста очевидно, что от *саңлы / саңды* «пыльная» и *йорт* «летовка» (*саң* «пыль») [16. С. 126а]. А. Камалов

[8. С. 40] указывает форму *Саңдыйорт* и ее полукальку *Кочевье*, без топографической привязки, определяя как «двуосновный ойконим» [8. С. 52].

19. **Тавлыкая юрт** (*кош Тавлыкая, Тавлыкаева*) быв. Бурзян. в. в Верхнеурал. у., 1-я фикс. 1770 г. у И.И. Лепехина, который «говорит о деревне и коше старшины Бурзянской волости *Тавлукая...*» [19. С. 282].

20. **Ташлыюрт / Ташлыюрт** – назв. возвышенности близ рус.-башк. раб. пос., рц. Альшеев. р-на, «от *ташлы* «каменистое» и *йорт* «жилище, место поселения, место кочевки»» [16. С. 141а].

21. **Терсяк-юрт** быв. Терсяцк. в. Шадрин. у., 1-я фикс. 1703 г., согласно Ф.Г. Хисамитдиновой, «название дано по этнониму *терсяк*» [19. С. 196, 284].

22. **Тубэйюрт** – назв. лев. пр. р. *Урюк* в Ишимбаев. р-не, вариант: *Ялта-ран / Ялтыран* [16. С. 183а]. Если исходить из башк. литер. языка, то от *тубэ* «холм, вершина», «крыша, кровля», «темя, макушка», «род; территория, занимаемая родом» и *йорт* «дом», «двор», исторически «волость». Представляется предпочтительным перевод в качестве диалектного «Холмистая летовка» / «Холмистое кочевье».

23. **Туңюрт** – только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «топоним сращенного типа» [8. С. 59]; далее у него же: гора *Туңюрт тауы* – трехосновный составной ороним» [8. С. 59]. На базе башк. *туң* (чув. *шән*) «мерзлый, холодный; замерзший», откуда и рус. *тундра* (из **туң тора / *туң тура* «пребывающая в состоянии мерзлоты». – Г.К.).

24. **Урайюрт** – «быв[шая] лет[овка] близ с. *Таймасово* в Кумертаус. р-не (в справочниках 1961 г. башк. с. *Таймасово* – в Таймас. с-те Куюргазин. р-на, а рус. хут. *Урай* – в Горн. с-те того же р-на). Оставлено без объяснения [16. С. 153б]. Фонетически сопоставимо с чув. *урай / орай* «подпол, подполье; подпольный».

25. **Уртайюрт** – только у А. Камалова, без локализации, без перевода, с указанием лингв. статуса: «двуосновный ойконим, качественное прилагательное плюс существительное» [8. С. 52]. Букв. «Среднее кочевье» или «Средняя летовка».

26. **Чибинли-юрт** (*Чибинли кош*) быв. Бурзян. в. Белебеев. у., 1-я фикс. 1795 г. [19. С. 205].

27. **Шарибаш-юрт** быв. Кипчак. в. Стерлитамак. у., 1-я фикс. 1795 г. [19. С. 207].

28. **Шэйкейюрт** – урочище в Мелеузов. р-не (без уточнений). «От диал. *шэйек / йэйек* «широкая, раскидистая» и *йорт* «летовка» [16. С. 173а]. Требуются другие примеры на меню *ш-й-* в анлауте.

29. **Юрт-:** *Юрт-бар* – д. быв. Гарей-Кипчак. в. Стерлитамак. у., 1-я фикс. 1816 г. [19. С. 209], букв. «юрт имеется»; *Юрт Юсупа* быв. Елан. в. Бир. у., 1-я фикс. 1705 г. [19. С. 210]; *Юртова* (*Бурамбаева, Кинзябулатова, Асыл*) – д. быв. Бурзян. в. Верхнеурал. у., 1-я фикс. 1812 г. [19. С. 153], при втором упоминании [19. С. 237]: *Юртово* – выс[елок] дер[евни] *Кинзябулатова*, с пояснением: «Название *Юртово* от слова *юрт* «кочевье».

В РТ известно рус. с. *Юртово / Юртау* в быв. Юртов. с-те Мензелин. р-на, тат. вариант вряд ли допустимо членить **Юр-тау* и переводить «Большая гора», тем более, в 1-й части усматривать чув. *юр / йор* «снег, снежный».

В быв. Казан. губернии имелась Юрткульская волость в Спасском уезде, где значилось 7 нп на базе *Юрткули*: рус. с. *Юрткули / Архангельское; Юрткули Мордовские / Базарные; Юрткули Подлесные / Базарные* (в совр. РТ: тат. д. *Подлесный Юрткуль / Урманасты Йорткүл* «Юрт – озеро» быв. Средне-Юрткуль. с-та Кузнечихин. р-на); *Юрткули Подлесные Татарские* (в РТ не зна-

чатся); *Юрткули Средние / Базарные* (в совр. РТ: тат. с. *Средний Юрткуль / Урта Йорткул* быв. Средне-Юрткуль. с-та Кузнечихин. р-на); *Юрткули Средние Татарские / Вершины речки Нараткуль*; *Юрткули Степные Татарские* (в совр. РТ: тат. д. *Степной Юрткуль / Кырый Йорткул* быв. Средне-Юрткуль. с-та Кузнечихин. р-на). Кроме того, в Шиньшин. в. Царевококшай. у. значились два околodka *Новый Юрт / У-Сурт* (мар. у «новый», сурт из чув. *сурт / сорт* «юрт; дом, строение, здание») со смешанным мар.-рус.-тат. населением [13]. В совр. РТ также: *Юрты Большие / Олы Йорт* (рус. с. Нижне-Вязов. с-та Нурлат. р-на); *Юрты Малые / Кече Йорт* (рус. д. Больше-Ширдан. с-та Нурлат. р-на); тат. с. *Юртыш* быв. Мемдель. с-та Дубьяз. р-на.

В монографии Х.Ч. Алишиной на разных страницах упоминаются *Андреевские юрты* (Тм.) [1. С. 63], *Иске йорт* (Вг., Яр.) [1. С. 51, 64, 68, 129, 140, 208, 209], *Казымские юрты* [1. С. 62-63], *Кумтык йорт* (Вг.) [1. С. 51], *Муалымские юрты* [1. С. 62-63], *Мужевские юрты* [1. С. 62-63], *Новые юрты / Йаңа авыл* (в 6 км от г. Тюмень) [1. С. 158], *Такта йорт* (Яр.) [1. С. 51, 131], *Тугыз йорт / Тугыз йорт* (Вг.) [1. С. 51, 177], *Шурышкарские юрты* [1. С. 62-63], *Юртобор / Карагай авыл* [1. С. 63, 67].

Варианты тюркских *юрт / юрд, йорт / йорд* заметно представлены в топонимии Ирана: *Гюль-юрт* (Иранский Азербайджан), *Земестан йорт* (Горган), *Йортгах* (центр. Иран), *Кызь-юрд-и* (гора в Иран. Азерб.), *Семедь-юрд-и* (Иран. Азерб.), *Техте-йорд* (Зенджан), *Чохурь-юрд / Чухурь-юрд* (Зенджан), *Шах-юрд-и* (центр. Иран), *Юрд-шах* (Центр. Иран), *Юрд-зейнель* (Горган), *Юрт-Казем* (Горган) и др., совершенно прозрачные для тюркоязычного населения.

30. **Язги-Юрт / Язгыйорт** – назв. местности и башк. пос. в быв. Турналин. с-те Салават. р-на, «от *язгы* «весенняя» и *йорт* «дом, летовка» [16. С. 182а]. Полным чув. соответствием было бы *Ҙорхиҗорт / Ҙурхиҗурт*, но его в топонимии Урало-Поволжья быть не должно (по причине исключительно оседлого образа жизни чувашей). А. Камалов упоминает *Язгыйорт* в качестве «двуосновного ойконима» [8. С. 52] и как место весенних кочевков [8. С. 142]. У Ф.Г. Хисамитдиновой, кроме *Язги-юрт* в быв. Бурзян. в. Верхнеурал. у., 1-я фикс. 1795 г. [19. С. 210], указан семантический вариант *Язлау-юрт* в быв. Кипчак. в. Оренбург. у., 1-я фикс. 1772 г. [19. С. 210].

31. **Ялтыранйорт** – назв. урочища в окрестностях башк. д. *Верхний Нугуш* быв. Галиакбар. с-та Бурзян. р-на [16. С. 183а]. Видимо, в определяющей части прич. наст. вр. действ. з. на **-ан / -ен** (конкуренент **-акан / -екен / -аган / -еген**) от интранзитива-имитатива *ялтыр* – «блестеть, сверкать».

32. **Янги-Юрт / Яңы Йорт** – назв. башк. д. в быв. Януросов. с-те Макаров. р-на (в «Словаре топонимов Башкирской АССР» – хутор в Ишимбаев. р-не), «от назв. местности, *яңы* «новая» и *йорт* «дом, здание, кочевка» [16. С. 188а]. У А. Камалова: урочище *Яңыйорт* у д. *Кугарчино* Калтасин. р-на РБ [8. С. 100]. У Ф.Г. Хисамитдиновой: д. *Яны-юрт* быв. Юрматын. в. Стерлитамак. у., 1-я фикс. 1795 г. [19. С. 211]. Х.Ч. Алишина единожды упоминает «комоним *Новые Юрты* (в 6 км от Тюмени)» и считает, что это «семантическая калька с татарского *Йаңа авыл*» [1. С. 158].

Обращает на себя внимание тяготение к слитному написанию *-йорт* в башкирской орфографии, хотя встречается и раздельное написание с большой буквы (*Иске Йорт*, п. 10; *Кече Йорт*, *Олы Йорт*, п. 29; *Яңы Йорт*, п. 32), раздельное написание с маленькой буквы (*Әлеш йорт*, п. 4; *Буран йорт*, п. 7; *Иске йорт*, п. 10; *Кумтык йорт*, *Такта йорт*, *Тугыз йорт*, п. 29), исключительно раздельное написание в случае оформления сингармоничным притя-

жательным **-о** (*Ақташ йорто*, п. 3; *Бишәй йорто*, п. 6; *Салауат йорто*, п. 17); в русской же передаче – *юрт*: через дефис с большой буквы (*Имян-Юрт*, п. 9; *Иске-Юрт*, п. 10; *Язги-Юрт*, п. 30; *Янги-Юрт*, п. 32), через дефис с маленькой буквы (*Айли-юрт*, п. 2; *Имян-юрт*, п. 9; *Иски-юрт*, п. 10; *Терсяк-юрт*, п. 21; *Чибишли-юрт*, п. 26; *Шарибаш-юрт*, п. 27; *Гюль-юрт*, п. 29; *Яны-юрт*, п. 32), слитно с маленькой буквы (*Карангыюрт*, п. 14; *Кюльюртау*, п. 16; *Ташлыюрт*, п. 20), раздельно с маленькой буквы в притяжательных словосочетаниях (*Акаев юрт* [17. С. 28], *Тавлыкая юрт*, п. 19, в т.ч. во множ. числе: *Казанские юрты*, п. 10; *Казымские юрты*, *Муалымские юрты*, *Мужевские юрты*, *Новые юрты*, п. 29).

Разумеется, наша констатация разнобоя в написании не преследует нормализаторских целей, а лишь призвана представить на обозрение реальную историческую картину.

(Продолжение следует)

Литература

1. *Алишина Х.Ч.* Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): в 2 ч. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Ч. I. 240 с.
2. *Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П.* Селькуско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2005. 348 с.
3. *Гарипова Ф.Г.* Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1998. Кн. первая. 571 с.
4. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
5. Диалектологический словарь татарского языка / сост.: Н.Б. Борханова, Л.Т. Махмутова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова; под ред. Л.Т. Махмутовой. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 644 с.
6. Древнегреческо-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского. Т. I. А-Л. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1044 с.
7. *Инжеватов И.К.* Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987.
8. *Камалов А.А.* Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
9. *Корнилов Г.Е.* Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – VI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 116–150.
10. *Магницкий В.К.* Чувашскія язычскія имена. Казань: Тип. Императорскаго ун-та, 1905. 101 с.
11. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.
12. Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.
13. Прямой и инверсионный словаря комонимов Казанской губернии / сост.: С.В. Колесникова, Г.Е. Корнилов, А.А. Леонтьева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 708 с.
14. *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
15. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
16. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
17. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I-II.
18. *Хисамитдинова Ф.Г.* Географические названия Башкортостана: Материалы для историко-этимологического словаря. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.
19. *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 304 с.
20. *Шакуров Р.З.* По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Демы. Уфа: Башкнигоиздат, 1986.
21. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München: A. Francke, 1959.
22. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1976. 560 S.
23. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

References

1. Alishina Kh.Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar (na materiale Tyumenskoi oblasti): v 2 ch.* [The Siberian Tatars' onomasticon on the data of the Tyumen area. 2 vols.]. Tyumen, Tyumenskii Gos. Univ., vol. 1, 1999, 240 p.
2. Bykonya V.V., Kuznetsova N.G., Maksimova N.P. *Sel'kupsko-russkii dialektnyi slovar'* [The Selkup-Russian dialects dictionary]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2005. 348 p.
3. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, vol. 1, 571 p.
4. Dvoretiskii I.Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [The Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1976, 1096 p.
5. Makhmutova L.T., ed. *Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [The dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, 1969. 644 p.
6. Sobolevskii S.I., ed. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [The ancient Greek-Russian Dictionary]. Moscow, 1958, vol. 1, 1044 p.
7. Inzhevaton I.K. *Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR. Nazvaniya naselennykh punktov* [The toponymic dictionary of the Mordovian ASSR. The Names of settlements]. Saransk, Mordovia Publishing House, 1987, vol. 1.
8. Kamalov A.A. *Bashkirskaia toponimiya* [The Bashkir toponymy]. Ufa, Kitup Publ., 1994, 304 p.
9. Kornilov G.E. *Toponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Marii El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – VI: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [The toponymy of the Volga republics (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia). – VI: A-Anlaut geographical names]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2004, no. 1, pp 116–150.
10. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [The Chuvash pagan names]. Kazan, 1905, 101 p.
11. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.
12. *Musul'manskii imena. Slovar'-spravochnik* [The Muslim names. The Reference dictionary]. St. Petersburg, DILYa Publ., 2006, 448 p.
13. Kolesnikova S.V., Kornilov G.E., Leont'eva A.A. *Pryamo i inversionnyi Slovarei komonimov Kazanskoi gubernii* [The direct and inversion komonim dictionaries of the Kazan province]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2004, 708 p.
14. Ramstedt G.J. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. Formenlehre. Helsinki, 1952 [Russ. ed.: Ramstedt G.J. Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya. Moscow, 1957].
15. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [The Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Half Turkic bases on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
16. *Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* [The Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 199 p.
17. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [The Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1996, vol. 1-2.
18. Khisamitdinova F.G. *Geograficheskie nazvaniya Bashkortostana: Materialy dlya istoriko-etimologicheskogo slovara* [The Geographical names of Bashkortostan. The Materials for the historical and etymological dictionary]. Ufa, Gilem Publ., 2006, vol. 2, 132 p.
19. Khisamitdinova F.G. *Bashkirskaia oykonimiya XVI–XIX vv.* [The Bashkir oikonymy of XVI–XIX centuries]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1991, 304 p.
20. Shakurov R.Z. *Po sledam geograficheskikh nazvanii: Toponimiya basseina reki Demy* [On the footsteps of geographical names. The toponymy of the Dyoma river basin]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1986.
21. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München: A. Francke, 1959.
22. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1976. 560 S.
23. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and General Linguistics Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 81'25:82-1:821.111(73)
ББК Ш5 (4ВЕЛ)

Н.А. КУРШЕВА

**КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ
КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ
(на примере поэмы Т. Элиота «Четыре квартета»)**

Ключевые слова: перевод художественного текста, комментарий, примечание, интерпретация, поэма, аллюзия, реминисценция, интертекстуальность, идейный мир, авторская интенция.

Анализируются примечания и комментарии к поэме Т. Элиота «Четыре квартета», составленные Я. Пробштейном, в аспекте их значимости для углубления восприятия текста, осмысления его проблематики, пафоса, идейного мира и раскрытия авторских интенций. На конкретных примерах показываются творческие удачи комментатора, вместе с тем выявляются неточности, увлечение, в одном случае – объяснением содержащихся в тексте литературных отзвуков, малозначимых для осмысления высказанных идей, в другом – указанием не на точные, а предполагаемые источники аллюзий.

N. KURSHEVA

**TRANSLATORS' COMMENTARIES AS BASIS
FOR INTERPRETATION OF THE AUTHOR'S INTENTS
(in the context of T. Eliot's poem «Four quartets»)**

Key words: translation of literary text, commentary, notes, interpretation, poem, allusion, reminiscence, intertextuality, conceptual world, author's intents.

The author analyses the notes and commentaries to T. Eliot's poem «Four Quartets» made by Yan Probschtein in the aspect of their role in a more profound perception of the text, understanding its problems, pathos, conceptual world, and disclosure of the author's intents. Specific examples given in the paper demonstrate artistic achievements of the commentator, but at the same time they also reveal inaccuracies, and tendency of the commentator in use of excessive explanations of allusions to literary works which do not contribute to the understanding of the expressed ideas, in one case, and in pointing out not real, but presumed, sources of allusions, in other cases.

Трудности перевода поэтического текста с одного языка на другой обусловлены не только лингвистическими и просодическими особенностями, но и литературными традициями, спецификой использованного художественного метода, наконец, этническими, психологическими и культурными различиями между народами. Данные факторы предопределяют потребность в составлении переводчиками комментариев (культурологических, философских, историко-бытовых, лингвистических, литературоведческих и др.). Это обстоятельство особенно актуально при обращении к текстам сложным, противоречивым, оригинальным, выходящим за рамки традиционно-привычного отображения действительности, насыщенным аллюзиями и реминисценциями, к каковым относится поэма Т. Элиота «Четыре квартета». В одной из своих работ [1] мы проанализировали комментарии к названному произведению, составленные как самими переводчиками (И. Полуяхтовым, В. Постниковым), так и специалистами, привлеченными издательствами (Л. Аринштейном, В. Муравьевым). Однако выход в свет новой книги Т. Элиота на русском языке [5], в которой представлен перевод всего текста поэмы, выполненный Я. Пробштейном (до этого публиковались лишь переведенные им отдельные части), поставил нас перед необходимостью вновь обратиться к обозначенной проблеме. Во избежание повторов сосредоточим внимание на анализе ранее не известных нам примечаний и комментариев Я. Пробштейна, определении их роли в истолковании авторской позиции, опираясь, где это необходимо, на сопоставление с примечаниями других составителей.

Подчеркнем, что Я. Пробштейн, в отличие от других комментаторов [см.: 1. С. 121], в самом начале не сообщает сведения, помогающие понять содержание всей поэмы, а сразу приступает к объяснению названия первого квартета «Бёрнт Нортон». С учетом сложности восприятия произведения русскоязычным читателем (неодаренным студентом-филологом или высококвалифицированным литературоведом) целесообразность подобного подхода к составлению комментариев представляется сомнительной. И хотя во вводной части (своеобразном предисловии к книге) имеются отдельные суждения переводчика-комментатора о тематике и проблематике «Четырех квартетов» [5. С. 31–48], они не исчерпывают потребности в интерпретации авторских интенций, лейтмотивов поэмы, их мировоззренческой базы. Я. Пробштейн, пытаясь рассмотреть произведение в контексте всего поэтического творчества художника, основное внимание уделяет анализу эволюции взглядов писателя (от разрушительного протеста, свойственного его первым поэмам, к утверждению созидательных идей в своем последнем крупном поэтическом произведении), нежели объяснению идейно-художественного содержания. Кроме того, вводная часть характеризуется сложностью языка, изобилует цитатами из работ других литературоведов, в силу чего сама в некоторых местах требует истолкования. Таким образом, включая в свою книгу сергеевский перевод «Четырех квартетов», можно было воспользоваться примечаниями В. Муравьева, сопровождающими его в первом сборнике произведений Т. Элиота на русском языке. В них достаточно четко сформулированы философские лейтмотивы квартетов, тематика, идейный мир, определен их интонационный и образный ключ, ключ соответствий четырем стихиям и человеческим возрастам [2. С. 182–184].

В начале примечаний к поэме Я. Пробштейн не только объясняет заголовок первого квартета «Бёрнт Нортон», но и уточняет, что это «сожженный необитаемый дом в поместье с английским парком и садом, который Элиот посетил в 1934 г.» [5. С. 581]. На наш взгляд, использованные составителем определения «сожженный» и «необитаемый» вряд ли способны углубить восприятие и без того сложного поэтического текста. У читателя они могут вызвать лишь дополнительные вопросы, например, с какой целью поэт посетил такого рода дом? Если дом сожженный, то это пепелище, и оно по определению не может быть домом, тем более, обитаемым. Наряду с этим комментатор не разъясняет смысл эпитафий из Гераклита, которые, с одной стороны, способствуют пониманию авторской трактовки философской категории времени, с другой – предвосхищают парадоксы квартетов. В числе положительных качеств комментария Пробштейна к первому квартету можно отметить правомерное обращение внимания на использованные автором традиционно-поэтические символы: розу, сапфир, подсолнух, тис, олицетворяющие любовь и грязь, духовность и порочность, жизнь и смерть [5. С. 581–582]. Не менее полезна отсылка читателя к образу Короля-Рыбака из «Бесплодной земли» Т. Элиота и лестницы из десяти ступеней Сан-Хуана. Однако ценность этих примечаний была бы гораздо выше, если комментатор указал бы на парафраз имени Христа, пообещавшего своим будущим апостолам (рыбакам Петру и Андрею) сделать их «ловцами человеков» [3. С. 409]; не только упомянул, но соотнес бы десять ступеней со ступенями духовного состояния человека, отображенными в поэтических медитациях испанского мистика Сан-Хуана («Восхождение на гору Кармел»).

Комментарий ко второму квартету «Ист Коукер» начинается, как и в первом случае, с истолкования названия, отмечается, что это «поместье в Сомерсете, принадлежавшее предку поэта, гуманисту сэру Томасу Элиоту (ок. 1489/90 – 1546)» [5. С. 582]. В первоначальной публикации перевода А. Сергее-

ва, в которой заглавия квартетов объясняются в постраничных сносках, сообщается, что Ист Коукер – это «деревня в графстве Сомерсет, где предки Элиота жили около двухсот лет и откуда они в XVII в. эмигрировали в Америку» [2. С. 121]. Формулировка А. Сергеева представляется более информативной, полезной и точной хотя бы потому, что поместье принадлежало представителям многих поколений Элиотов, а не только знаменитому предку писателя. Не совсем верно разъясняет Я. Пробштейн и фразу Элиота «В моем начале мой конец» [5. С. 582]. Девиз, вышитый на драпировке трона королевы Шотландии Марии Стюарт, звучал как «En ta fin est mon commencement» («В моем конце – мое начало»), поэтому в комментарии речь должна идти о перефразированном выражении. В последующих комментариях ко второму квартету смущает написание имени испанского богослова Сан-Хуана де ла Круса – **Сент-Хуан** де ла Крус [5. С. 582–583]. Сеем предположить, что это опечатка, оставшаяся незамеченной автором и редакторским коллективом. Другие явления интертекстуальности, интерпретируемые Я. Пробштейном, менее значимы для понимания авторского замысла, а некоторые вообще представляются излишними, например, «В середине пути – аллюзия на «Божественную комедию» [5. С. 582]. В переводе самого комментатора фраза звучит: «Итак, я прошел полпути», позади еще двадцать лет» [5. С. 300], в изложении А. Сергеева – «Итак, я на полпути, переживший двадцатилетие» [5. С. 332]. Более глубокому восприятию высказывания указание на первоисточник в данном случае не способствует.

Комментарий Я. Пробштейна к третьему квартету «Драй Сэлвейджес» также требует уточнений. Несмотря на то, что название объяснено в эпиграфе самим Т. Элиотом, комментарии переводчиков разнятся. А. Сергеев перевел эпиграф как: «Драй Селвэйджес – очевидно от *les trois sauvages* – группа скал с маяком к северу-западу от Кейп-Энн, Массачусетс» [2. С. 128]; В. Муравьев в примечаниях дополнительно указал, что «эта группа скал», вероятно, памятна Элиоту по детским впечатлениям летних каникул» [2. С. 185]. Перевод эпиграфа Пробштейном отличается от сергеевского тем, что вместо северо-запада им обозначен северо-восток. В комментарии им же сказано, что «В «Драй Сэлвейджес» описаны места, где Элиот провел детство и юность, – Миссури возле Сент-Луиса и острова к северо-востоку от Кейп Энн, Массачусетс» [5. С. 583]. Поскольку местом рождения Т. Элиота и проведения им детских лет является г. Сент-Луис, расположенный в штате Миссури, то «Миссури» никак не может находиться «возле Сент-Луиса». Кроме того, в оригинале сказано: «The Dry Salvages – presumably *les trois sauvages* – is a small group of rocks, with the N. E. coast of Cape Ann, Massachusetts. *Salvages* is pronounced to rhyme with *assuages*. *Groaner*: a whistling buoy.» [3. С. 72] («Драй Сэлвейджес – вероятно, от «три дикаря» (фр.) – это небольшой ряд скал с маяком к северу от побережья Новой Англии на Мысе Энн, Массачусетс. *Сэлвейджес* рифмуется с *эсвейджес*. *Бакен* – свистящий буй»). Как видим, автором назван север, и в этом случае вряд ли имеется потребность в уточнении направления (северо-запад или северо-восток). В полуротации страничных комментариев Я. Пробштейна к третьему квартету много внимания уделяется аллюзиям и реминисценциям из разных христианских молитв, вместе с тем никак не трактуется упоминание в тексте Кришны и индуистской доктрины, гласящей, что «загробное существование человека предопределено его последними мыслями» [2. С. 185]. С точки зрения достижения объективности в истолковании авторских интенций последняя информация важнее, поскольку менее известна русскоязычному читателю. В этом же разделе есть пример приведения комментатором предполагаемого, а не точного источника аллюзии: «Но поиски точки пересечения времени с вечностью» – возможно, Элиот имел в виду Бл. Августина, XI кн. которого посвящена времени, а также

Сан-Хуана де ла Круса» [5. С. 584]. Целесообразность такого рода примечания под большим сомнением.

Комментарий к заключительному квартету «Литтл Гиддинг» включает в себя 15 позиций, содержащиеся в них сведения неоднородны, одни отличаются обширностью, другие – скупостью, третьи – неточностью. Так, Литтл Гиддинг Я. Пробштейн объясняет как название деревни, тогда как другие исследователи правомерно связывают его с названием англиканской общины, созданной пастором Николасом Ферраром, на месте которой и поныне существует одноименная деревушка. Именно по причине того, что община представляла собой оплот англиканства, здесь обретал свое убежище поверженный после поражения при Нейсби (1645) в бою с войсками Парламента король Англии Карл I Стюарт, посещали это место и поэты-метафизики Ричард Крэшо и Джордж Герберт [4. С. 436]. Приведенные сведения более значимы для понимания изображенных в поэме событий, нежели информация о том, что «после реставрации деревушка была восстановлена», а «Элиот был членом совета директоров Общества друзей Литтл Гиддинга» [5. С. 584]. Избыточной при истолковании комментатором образа «черного голубя» (пикирующего бомбардировщика) можно считать информацию о том, чью встречу описывает Данте в «Аде» – с Брунетто Латини, Арнаутом Даниэлем или Батлером Йейтсом [5. С. 585]. Гораздо полезнее, на наш взгляд, было бы при упоминании аллюзии из «Божественной комедии» Данте проведение параллели между Чистилищем и Адом и утром на улицах Лондона после фашистской бомбежки во время Второй мировой войны. Наоборот, скухими являются сведения, сообщаемые Я. Пробштейном при комментировании фразы: «*И того, кто умер слепым, но в लोकое – Джон Мильтон (1608–1674)*» [5. С. 586]. Вряд ли современные читатели обладают знаниями о том, что поэт Мильтон, имея плохое зрение, выполнял в годы английской революции работу секретаря государственного совета Республики, много писал в защиту свободы и впоследствии ослеп. Приведенные факты могли бы в гораздо большей мере способствовать осмыслению поэтического текста. Я. Пробштейн заслуживает упрека и за сокрытие собственной позиции при комментировании смысла символики заключительных строк поэмы. Приводя разные точки зрения исследователей творчества Т. Элиота (Престона, Таверси и Элизабет Дрю) [5. С. 586], он предоставляет читателю полную свободу выбора.

Таким образом, анализ примечаний и комментариев Я. Пробштейна приводит нас к выводу об их неоднородности, проявившейся в разном уровне научности и информативности. И хотя в целом они помогают углублению восприятия «Четырех квартетов» Т. Элиота, местами неточны, иногда недостаточны. Указанных оплошностей вполне можно было избежать, обратившись к положительному опыту предшественников – переводчиков и составителей примечаний/комментариев.

Литература

1. Куршева Н. А. Роль комментариев в углублении восприятия русскоязычным читателем поэмы Т. Элиота «Четыре квартета» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 4. С. 119–125.
2. Элиот Т.С. Бесплодная земля: Избранные стихотворения и поэмы / пер. с англ. А. Сергеева. М.: Прогресс, 1971. 188 с.
3. Элиот Т.С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия / пер. с англ.; состав., вступ. ст. Л. Аринштейна. СПб.: Северо-Запад, 1994. 446 с.
4. Элиот Т.С. Поэзия и драма / пер. с англ. И. Полуяхтова; сост. А. Галина; пред. О. Ушаковой. М.: ИП Галин А.В., 2012. 495 с.
5. Элиот Т.С. Стихотворения и поэмы: сборник: пер. с англ. М.: АСТ, 2013. 605 с.

References

1. Kursheva N.A. *Rol' kommentariyev v uglublennii vospriyatiya russkoyazychnym chitatelem poemy T. Eliota «Chetyre kvarteta»* [The role of commentaries in deepening of perception of T. Eliot's poem "Four Quarters" by Russian readers]. *Vestnik Nil gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia], 2014, no. 4, pp. 119–125.
2. Eliot T.S. *The Waste Land*. N.Y. Horace Liveright, 1922 (Russ. ed.: Eliot T.S. *Besplodnaya zemlya: Izbrannye stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, Progress Publ., 1971, 188 p.).
3. Eliot T.S. *Izbrannaya poeziya. Poemy, lirika, dramaticheskaya poeziya* [Selected poetry. Poems, lyrics, dramatic poetry]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994, 446 p.
4. Eliot T.S. *Poeziya i drama* [Poetry and drama]. Moscow, IP Galin A.V. Publ., 2012, 495 p.
5. Eliot T.S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems. collection], Moscow, AST Publ., 2013, 605 p.

КУРШЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, Москва (nathalia@bk.ru).

KURSHEVA NATALIA – Lecturer of Foreign Languages Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (nathalia@bk.ru).

УДК 811.511.152.2

ББК Ш166.31

М.З. ЛЕВИНА, П.Е. СЕДОВА

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ МОКШАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: диалекты и говоры мокшанского языка, язык художественной литературы, литературный язык, диалектизмы, языковые особенности.

Рассматриваются особенности употребления диалектизмов в языке мокшанской художественной литературы писателями разных ареалов распространения диалектов мокшанского языка и выявляются их стилистические функции. Авторы отмечают, что мокшанский литературный язык, несмотря на долгий и плодотворный путь развития, пройденный им со времени появления вплоть до сего дня, все еще находится в поиске, вбирает в себя из диалектов и говоров элементы, необходимые для становления его системы. Через язык произведений диалектные слова привлекаются, опробуются в литературном языке, а при условии приемлемости некоторые из них включаются в словарь литературного языка.

M. LEVINA, P. SEDOVA

DIALECTICISMS IN LANGUAGE OF MOKSHA FICTION

Key words: dialects and subdialects of Moksha language, language of fiction, literary language, dialecticisms, language features.

The authors consider the peculiarities of using dialecticisms in Moksha fiction by writers from different areas characterized by use of Moksha language dialects and identify their stylistic functions. The authors note that even though the process of establishing the Moksha literary language has been long and quite successful, it never stops in its development, borrowing from dialects and subdialects the elements, necessary for the development of its system. First introduced in fiction, dialect words start to be used in the literary language and after being accepted by the speakers they are included into its active vocabulary.

Развитие художественной литературы тесно связано с развитием литературного языка, установлением, совершенствованием его норм. Нормированность относится, прежде всего, к письменному литературному языку, который представляет собой высшую форму общенародного языка, воплощающую наиболее характерные, основные черты строя языка. Однако непрерывное изменение языка, возникновение новых элементов под постоянным воздействием местных диалектов приводит к накоплению явлений, становящихся как бы «избыточными» и приходящих в противоречие с принятой нормой. По мнению В.В. Виноградова, «язык художественной литературы со свойственной ему «установкой на выражение» имеет законное право на деформацию, на нарушение общелитературных языковых норм» [2. С. 19].

Исследованию употребления диалектизмов в произведениях русских писателей посвящены труды И.А. Оссовецкого [10], В.Н. Прохоровой [11], А.И. Ефимова [5], В.В. Виноградова [2], Г.О. Винокура [3] и др. Многие вопросы функционирования диалектизмов в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках отражены в работах Т.М. Шеяновой [16, 17], Д.В. Цыганкина [15], А.П. Феоктистова [13], М.В. Мосина [9] и др.

Актуальность темы определяется уровнем современного мордовского языкознания, изучением особенностей употребления диалектизмов в языке мокшанской художественной литературы, выявлением их стилистических функций.

В определении понятия «диалектизм» в справочной литературе обнаруживаются значительные различия. Предпочтение дается определению из «Словаря лингвистических терминов», где отмечается, что «Диалектизмы – это диалектные слова, употребляющиеся в языке художественной литературы как средство стилизации слога» [1. С. 131].

Выделение и дифференциация диалектизмов прежде всего определяются особенностями диалектов. В мокшанском языке выделяются пять диалектных типов (диалектов): 1) центральный, лежащий в основе письменно-литературного мокшанского языка и расположенный на территории Атюрьевского, Темниковского, Ельниковского, Краснослободского, Старошайговского, частично Ковылкинского, Рузаевского районов Республики Мордовия (РМ); 2) западный, охватывающий в основном Зубово-Полянский и частично Торбеевский районы РМ; 3) юго-восточный, занимающий территорию соседних районов РМ: Инсарского, Кадошкинского, частично Ковылкинского и Рузаевского; 4) переходный, включающий территорию Белинского района Пензенской области, частично Торбеевского и Ковылкинского районов РМ; 5) смешанный, географически расположенный за пределами Республики Мордовия (в Нижегородской, Пензенской, Саратовской и некоторых др. областях) в соседстве с эрзянскими говорами, которые имеют отличительные языковые явления и относительную территориальную очерченность [14. С. LXXI–LXXXVI].

В художественной литературе самое значительное место занимают диалектизмы, образованные на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Фонетические диалектизмы – слова, передающие особенности звуковой системы говора и составляющие в среднем не более одной десятой части всех диалектных элементов в каждом произведении: кр-синдр. г. *naksada*(ə), ельн.г. *maksada*(ə), зап. д. *naksadə* / *makšu* 'гнилой', 'трухлявый'. Из фонетических особенностей на всех этапах развития литературного языка и его диалектной базы наблюдаются: а) чередование в абсолютном начале слова: шайг. г. *juvadəms*, атр. г. *ivadəms*, м. лит. *juvadəms* 'крикнуть'; центр. д. *jumams*, юго-вост. д. *ju-tams*, зап. д. *imams*, м. лит. *jumams* 'потеряться'; б) выпадение звука или звуков в начале слова: юго-вост. д. *joladams*, центр. д. *joladəms*, зап. д. *oladəms* 'юлить'; юго-вост. д. *ñuřams*, центр. д. *ñuřams*, перех. д. *uřams*, зап. д. *uřams* 'качаться'; в) апокопа или синкопа звука или звуков, например: зап. д. *mol'řam*, перех. д. *mol'řam*, центр. д. *mol'řama*(ə), юго-вост. д. *mol'řama* 'пойдем'; темн.-атр. *šär*, юго-вост. д. *šejeř*, м. лит. м *šäjär* 'волос'; зап. д. *pil*, центр. д. *pejəl* / *pijəl*, юго-вост. д. *pijəl* 'нож'; г) эпентеза звука или звуков: юго-вост. д. *viře*, центр. д. *viř*, зап. д. *vir*, м. лит. *viř* 'лес'; центр. д. *kiřtəms*, зап. д. *kiřtəms*, юго-вост. д. *kšřims*, м. лит. *kšřims* 'плясать, танцевать'; зап. д. *kombl'ä*(e), юго-вост. д. *koml'e*, центр. д. *koml'ä*(e), м. лит. *koml'ä* 'хмель'; юго-вост. д. *novla*, центр. д. *nola*, зап. д. *nola*, м. лит. *nola* 'ленивый'; зап. д. *kunčkasə*, центр. д. *kučkasa*(ə), юго-вост. д. *kəčkasa*, м.лит. *kučkasa* 'в середине'; город. д. *sustams*, центр. д. *stams*, юго-вост. д. *stams*, м. лит. *stams* 'шить'. Например: **Орьгодсь** (вм. м. лит. **ворь-годсь**) *сон тоста лия мастору* (Дорофеев, 1928). 'Убежал он оттуда за

границу'; Сембя сизь-кемонць **страфтф** (вм. м. лит. **срафтф**) *ниля отделе-ниява*. 'Все семьдесят разделены на четыре отделения'; А тонь **тяряце** *учи-тельница, тон рузкс бе-ме!* (Мокша 1970/4: 68). 'У тебя мать учительница, а ты по-русски ни бе, ни ме' и др.

В произведениях же писателей-выходцев из регионов, в которых распро-странен центральный диалект, доля фонетических диалектизмов значитель-но меньше. Писатели и поэты включают лишь наиболее характерные особен-ности говора: и своего родного, и говора, присущего определенному герою.

Морфологическую систему мокшанского языка отличает высокая про-дуктивность слово- и формообразовательных элементов. Их усвоение проис-ходит в большой степени через письменно-литературный язык, нормы кото-рого допускают параллельное употребление исконных морфологических ва-риантов. Грамматическое варьирование может быть двух видов – формооб-разовательным и словообразовательным. Формообразовательные варианты слова характеризуются различными грамматическими формами без наруше-ния тождества значения слова. Отметим, что морфологические варианты в мокшанской художественной литературе весьма широко представлены писа-телями – выходцами из регионов, в которых распространены западный, юго-восточный и центральный диалекты: зап. д. *moL'-t'am*, (вместо м. лит. *moL'-t'ama* 'мы идем'); юго-вост. д. *kud-nəs'k*, центр. д. *kud-nəkə* (вместо м. лит. *kud-ə n'ke* 'наш дом'); темн.-атр. г. *kel'ksa-n*, (вместо м. лит. *kel'ksa* 'я люблю (его, ее)'); ельн. г. *aš s'imən'* (вместо м. лит. *aš-ə-n' s'imə* 'я не пил(а)'); рыбк.-ммл. г. *moləft'ār'an*, (вместо м. лит. *af mol'ən'd'ār'an* 'если я не пойду') и т.д. Например: *Кулевсь звоноксь, минь озсеме вастова-нок* (вместо м. лит. *вас-това-нк*) (А. Тяпаев 1969: 18). 'Послышался звонок, мы расселись по местам'.

Следует отметить, что ряд суффиксов, употребляемых в художественной литературе, составляют синонимичные морфемы, которые неодинаковы по зву-ковому оформлению, но идентичны по значению. Чаще всего они являются сло-вообразовательными. Суффиксы-синонимы, которые присоединяются к одному и тому же корню: а) **-n'ä** и **-kä** – суффиксы со значением ласкательности: *at'ä-n'ä* – *at'a-ka* 'дедуленька', *jalga-n'ä* – *jalga-ka* 'подруженька', *baba-n'ä* – *baba-ka* 'бабуленька'; *samol-ka* – *samol-n'ä* 'подхалим'; б) **-n'ä**, **-kš**, **-kä**, **-ž** – суффиксы со значением уменьшительности: *c'ora-n'ä* – *c'orə-kš* – *c'orə-kš-kä*, *corə-ž* 'мальчик'; в) **-ks**, **-f** и **-ma**, **-ks** – суффиксы абстрактных и конкретных существительных: *kan-ks* – *kan-f* – *kandə-ma* 'ноша', *r'iz-ks* – *r'iz-f* – *r'izna-ma* 'печаль, тоска', *viz'-ks* – *viz'd'ə-ma* 'стеснительность'; *kula* – *kulə-f* 'покойник', *molə-ma* – *mol'-f-ks* 'походка'; г) **-ks**, **-fks**, **-ina**, **-unda** – суффиксы в производных существительных, обозначающих названия плодовых и некоторых дикорастущих деревьев и кустарников: *maf'-ina-fks* / *umaf'-ina* / *umaf'-unda* «яблоня»; д) **-na**, **-za** – суффиксы прилагатель-ных, которые указывают на неполноту качества: *s'en'ema-na* – *s'en'ema-za* 'синеватый', *ravža-na* – *ravža-za* 'черноватый' [6. С. 158].

В языке мокшанских произведений словообразовательные диалектизмы встречаются не так часто. Причины этого мы склонны видеть не в нежелании писателей и поэтов вносить их в свои произведения, и не в том, что при редак-тировании такие диалектные включения вычеркивались редакторами изда-тельств, а в том, что диалекты и, естественно, составляющие их говоры распо-лагают, возможно, ограниченным словообразовательным материалом. То есть большинство словообразовательных суффиксов говоров отличны от литера-турных лишь фонетически или совпадают с таковыми литературного языка. Например: суффиксы **-čn-** и **-kšn-**: центр. д. *kiřəñ-čñ-əš*, зап. д. *kiřəñ-čñ-əš*, юго-вост. д. *kiřəñ-kš-əš*, м.лит. *kiřəñ-kš-əš* 'сокращался'; центр. д. *keñčkä* / *kiñčke*, зап. д. *keñčkä* / *kiñčke*, юго-вост. д. *kiñkš*, м. лит. *keñkš* / *keñkškä* 'дверь'; центр. д. *šorma-čñ-əš*, зап. д. *šorma-čñ-əš*, юго-вост. д. *šormat-kšñ-əš*, м. лит. *šormat-*

kšń-əš 'писал'. Например, в произведении В. Мишаниной «Вальмафтома куд»: *Ольга сявьс васьоньгурмозь чивге и тусь ялганцты, а минь лядоме тядязень мархта кафо-ненк* (вм. м.лит. *кафо-нек*). 'Ольга взяла целую горсть калины и пошла к подруге, а мы с матерью остались вдвоем'; *Лувоськ марнек книгат-нень, налхкси-нек* (вм. м.лит. *налхксе-ськ*) *марнек налхксемаатнень*. 'Прочитаны были все книжки, сыграны были все игры'.

Тем не менее нельзя полностью отрицать наличие словообразовательных диалектизмов. В произведениях мокшанских писателей встречаются лексемы, отличающиеся способом своего образования и, следовательно, могущие быть признанными как словообразовательные диалектизмы: *vor'ŭ-gan* 'воришка', *vor'g-āj* 'беглец' *nolg-ar* 'сопливый', *tur-gan* 'драчун', *čora-baj* 'недоросль', *pazo-la* 'растяпа', *káže-íd'e* 'со злостью' и т.д., в которых основной особенностью суффиксов является выражение экспрессивности и сниженности. Например: *Кие пандсы командировкать? – Сядонга кяжельде* (вм. м. лит. *кяжда*) *мярьгсь директорсь* (С. Ларионов 1989: 96). 'Кто выплатит за командировку? – Еще сильнее и со злостью сказал директор'; *Туят, мярьгат? А коза? Эрька азка, церабай* (вм. м. лит. *цёроки*) (А. Тяпаев 1969: 23). 'Говоришь, уходишь? А куда? Ну-ка, скажи-ка, недоросль'; *Финце Максимнянь лангс варжакстсть оржаста, кяжиста: мрдась, кле, ворягйсь* (вм. м. лит. *ворьгодись*) (А. Тяпаев 1969: 33). 'Одни смотрели на Максимку пристально, со злостью: вернулся, мол, беглец' и др.

Очень часто в языке художественной литературы авторов, представителей западного диалекта, при образовании сравнительной степени прилагательного и наречия функционируют частицы *gerń* 'очень', 'чрезмерно', *раşk* 'очень'. Например: *Инголен путсть гьрнь* (вм. м. лит. *пьяк*) *салу лям*. 'Передо мной поставили чрезмерно соленые щи'; *Ваше сиятельство, – пшкядсь Савва пачк* (вм. м. лит. *пьяк*) *кайгиста* (Кирдяшкин 1953: 122). 'Ваше сиятельство, – окликнул Савва очень громко'.

В представленных примерах лексемы *цёрабай, ворягй, кяжельде, гьрнь салу, пачк кайгиста* являются вариантами более распространенных форм, которые образованы при помощи кодифицированных элементов: *цёроки, ворьгоди, кяжда, пьяк салу, пьяк кайгиста*. При анализе этих вариантов следует отметить, что писатели иногда вкладывают подобные диалектизмы в уста своих героев, представляя индивидуальность и диалектную принадлежность своего героя.

Наиболее многочисленны в художественных произведениях собственно-лексические диалектизмы, которые называют предметы и понятия, имеющие в литературном языке иные наименования, образуя синонимические ряды. Основой синонимичности служит «во-первых, общность номинативного значения, соотносящего данные слова с определенным понятием. При этом возможна или полная аналогия, или семантическая близость, которая допускает незначительные расхождения в оттенках значения» [7. С. 63]. Исходя из этого, следует отметить, что собственно-лексический диалектизм – это местные названия предметов и явлений, являющиеся синонимами соответствующих слов литературного языка с какой-либо другой непроемной основой: центр. д. *šaba* – зап. д. *t'ot'mak* 'ребёнок'; центр. д. *bočar'am* – зап. д. *matf* 'погреб'; юго-вост. д. *konak* – центр. д. *inži* 'гость'; зап. д. *gož* – центр. д. *c'ebäř / čiber* 'хороший'; центр. д. *morkš* – зап. д. *morkš* – юго-вост. д. *šəra* 'стол'; центр. д. *řäsa / řesa* – зап. д. *kaíd'av* – смеш. д. *čolak* – юго-вост. д. *kaíd'av* 'плохой' и др.

Наличие материала художественной литературы позволяет рассмотреть вопросы вариативности лексического уровня мокшанского литературного языка в хронологическом порядке.

На начальных этапах развития мокшанского языка издание художественной литературы затрудняло отсутствие литературной нормы. Писатели опирались на свой диалект, сдобренный лексическими интерполяциями из других мокшанских диалектов. Например, учебник З.Ф. Дорофеева (носителя западного диалекта) представлен на западном диалекте, а в скобках лексема юго-восточного диалекта: *Морозть эзда ловть потмос кяшендихть шумбасня (нумолхня)*. 'От мороза зайцы прячутся в снег'; *Сявмясть мойньга (моньге), монга пионеркс ёран (вешян) арамс*. 'Возьмите и меня, я тоже хочу стать пионером'; *А илятти лисемя кавлянять (лугать) лангс и крвьястемя толмар*. 'А вечером вышли на луг и разожгли костер'; *Сон нолязе тётмакть (шабать) валомне (саворне) ведти*. 'Он тихонько опустил ребенка в воду'; *Шава шиста якамя тинги (пери)*. 'Во вторник мы выходили в огород' (С.З. Дорофеев, 1928).

В более поздний период (30–40-е гг. XX в.) необходимость в скобках отпала, так как произошла более полная кодификация норм мокшанского языка. Были созданы грамматики, словари, отражающие как нормы языка, так и его диалектную основу. Но тем не менее формы западного диалекта продолжительное время характеризовали диалектную основу мокшанского литературного языка. Со временем формы юго-восточного диалекта, так же как и западные, прочно вошли как в художественные произведения, так и во все печатные издания. При помощи такого разнообразия любое печатное издание на мокшанском языке отмечалось образностью, колоритом языковых элементов. Писатели представляли читателю богатство лексики мокшанского языка и тем самым продолжали обогащать диалектную основу современного письменного литературного языка [12. С 41].

Позднее, т.е. в 1960-е гг., процесс обогащения словарного состава мокшанского литературного языка при помощи так называемых диалектных слов продолжался. В данном случае они являлись не чисто диалектными, т.е. употребительными на меньшей территории какого-нибудь мокшанского диалекта, а просто были малоупотребительными до этого времени. Вследствие этого мы наблюдаем картину лексического разнообразия, характеризующегося как синонимы, которые встречаются в разных говорах и диалектах. Например: центр. д. *ärəksta(ə) / jäřəksta(ə) / eřəksta(ə) / äraskədəž*, шайг. г. *bojkasta(ə)*, зап. д. *bojkasta(ə) / kenərdaž*, юго-вост. д. *kurəksta* 'быстро'; центр. д. *goñd'äšt'əms / koñd'äšt'əms*, юго-вост. д. *jaräšt'əms*, зап. д. *koñd'äšt'əms / koñd'ešt'əms* 'пригодиться'; центр. д. *šavañä / šavañe*, юго-вост. д. *šavañe*, зап. д. *čarañä / čarañe* 'посуда'; центр. д. *morkš*, юго-вост. д. *šəra*, зап. д. *morkš* 'стол' и т.д. Нагляднее эта вариативность представляется в контексте. *Аш! Воспитателенди аф кондястян* (Ф. Атянин 1958: 70). 'Нет! В воспитатели я не гожусь'; *Эх, цера, кяттне золотайхть, а вага тонафтема аф яраштат* (Ф. Атянин 1958: 25). 'Эх, парень, руки у тебя золотые, а вот в учебе не годишься'; *Графуня куць кузовти и ушедсь цяраньява лофцонь кайсема. А варжасак – аф стяват моркшть вакста!* (П. Левчаев 1967: 56). 'Агафья поднялась в кузов и начала наливать молоко в посуду. Попробуешь – не встанешь из-за стола!'

В процессе развития письменного литературного языка эти языковые элементы являются следствием преднамеренного включения внелитературных средств в авторскую речь. Наряду с подобными элементами могут оказаться и такие, которые действительно составляют индивидуальную особенность речи самого писателя – выходца из той или иной среды или местности. Индивидуальными элементами наполнены многие произведения мокшанских писателей, которые осознанно введены в авторскую речь. Например: *Ну, сядя курук, ато фкявок васта аф иляды, – стардозе* (вм. м. лит. *эряскофтозе*)

Шуркать (Ф. Атянин 1958: 28). 'Ну, быстрее, а то ни одного места не останется, – поторопил Шурку'. Лексема *стардозе* 'торопил' долго считалась диалектной формой, но со временем она прочно вошла как в художественные произведения, так и во все печатные издания.

В художественной литературе имеет давнюю традицию парное употребление диалектного и литературного слов с одинаковым значением: *višksta / bojkasta* 'быстро', где *višksta* – литературное, а *bojkasta* – диалектное (шайг. г.); *šaba / tot'mak* 'ребенок', где *šaba* – литературное, *tot'mak* – диалектное (зап. д.); *numəl / šumbas* 'заяц', где *numəl* – литературное, *šumbas* – диалектное (зап. д.); *konak / inži* 'гость', *veñč / veñəž* 'лодка', *šormadəms / tã(e)štəms* 'писать', *šärgädəms / tē(i)rdəms / juvadəms (ivadəms)* 'звать', *kel'getñəms / vaškafñəms* 'обманывать' и др. Выявляются случаи, когда писатели употребляют их не только в одном и том же тексте, но и в одном и том же предложении. Такой процесс наблюдался в языке произведений Ф. Атянина. Например: *Тяфтамa ученикне кельготнихть, васькафнихть тядяснон, учительснон и эсь ялгаснон* (Ф. Атянин 1958: 72). 'Такие ученики лгут и обманывают родителей, учителей и своих друзей'; *Сейчас терьдса. Тяниеке серьгядьса* (Ф. Атянин 1958: 92). 'Сейчас позову. Сию минуту позову'. В авторских приемах Ф. Атянина, представителя юго-западного диалекта, в полной мере выражаются: вариативность, внедрение внелитературных элементов, способствующих развитию и совершенствованию мокшанского литературного языка.

По мнению В.В. Виноградова, каждый писатель, используя общепринятую лексику, одновременно прибегает к «строительному материалу» своего диалекта или говора, чтобы придать яркость языку героя или обстановке действия [2]. Очевидно, для характеристики обстановки действия своих героев, литературных персонажей авторы часто пользуются своим диалектом; с помощью диалектизмов демонстрируют особенности языка своего героя. Уместно приведенное слово никогда не бывает непонятным или чуждым. Например: *Эсь умоцонза – эсь мяльсонза, кода ёрась, станя и тись* (М. Бебан 1962: 64). 'По его намерению – желанию, как хотел, так и сделал'. Автор в данном случае с помощью варианта *умоць* уточняет, дополняет и придает дополнительную окраску общеупотребительному слову *мяль* 'желание, мысль'.

Употребление разнообразных лексических форм зависит также от умения пользоваться словом, чтобы оно было понятно всем. Поэтому на одной странице художественного произведения мы часто встречаем два разных слова с одним значением (одно слово мокшанское, другое – заимствованное с русского языка), поскольку в некоторых говорах мокшанского языка один из вариантов отсутствует. Например: *Тон, Агра, вов мезе: шльхтьк цёрать скрось станция! Тя прважамась тейне мзярдовок аф юкстави* (А. Тяпаев 1969: 48). 'Ты, Агра, вот что: проводи парня напрямик до станции! Эти провода мне никогда не забудутся'; *Вов родниконянь ароптсаськ, куроқ кармай работама меленцясь, содасасьт кода кондясти тя эшинясь?* (А. Тяпаев 1969: 22). 'Вот почистим родник, скоро заработает мельница, знаете, как понадобится этот родничек?' Следует отметить, что мокшанский и эрзянский литературные языки на всем протяжении истории своего развития испытывают непрекращающееся влияние не только местных диалектов, но и русского языка.

Отметим, что на языковых конференциях неоднократно рассматривали целесообразность использования не заимствованных слов, а диалектных, для дальнейшего развития мокшанского литературного языка как одного из постоянных источников его обогащения. При решении данной задачи необходимо было: 1) сохранить интернациональную терминологию; 2) разработать единую терми-

нологию для мордовских (мокшанского и эрзянского) языков [8]. Однако тенденция развития лексики мордовских языков за счет собственных ресурсов продолжалась недолго, так как решения, принятые конференциями 1933–1934 гг., были признаны антисоветскими, и уже во второй половине 30-х гг. был взят курс на усиление потока заимствований [9. С. 28]. Это прослеживается и в языке художественных произведений.

В настоящее время из образовавшихся параллелей более активизируются слова мокшанского языка, при этом явно уменьшается употребляемость заимствованных. Авторские элементы являются следствием преднамеренного включения внелитературных средств в авторскую речь. Наряду с подобными элементами в нем могут оказаться и те, которые действительно составляют индивидуальную особенность речи самого писателя – выходца из той или иной среды или местности. Например: *Виде, тяса, карточкаса няеви сяда ажанияста, а тоса – кезганаста* (И. Девин 1991: 27). 'Правда, здесь, на фотографии смотрится тихоней (слабеньким), а там – коренастым'; *Июлень мани шить сюролданзон ала трнаты – вачкаты куднек, ульцянек. Ванка, вирське вачкаты!* (И. Девин 1991: 15). 'Под июльскими лучами солнца дрожат, трясутся дома, улицы. Смотри-ка, даже лес дрожит!'; *И кулхондоль пялевес тетьмаконь котьфти виряватнень колга* (Мокша 1994/3: 35). 'И слушал(а) бы до полуночи рассказы о ведьмах'; *Ся кода стане аф мувору? А докладнойсь? – сересь Опечкин* (Мокша 1994/4: 57). 'Как это не виноват? А докладная? – кричал Опечкин'. В данном случае в языке произведений художественной литературы диалектизмы используются с целью более реалистического показа действительности.

Такая непроизвольная, ненамеренная передача диалектных особенностей – явление, казалось бы, в некоторых случаях отрицательное, следствие недостаточной культуры речи, но в настоящее время это один из путей обогащения языка исторически мокшанскими словами и словоформами. И если в ранние периоды шел процесс освобождения литературного языка от речевых элементов, то в настоящее время в связи с развитием социальных функций литературной речи и художественной литературы идет расширение границ мокшанского литературного языка путем словотворчества, т.е. создания «искусственных слов» и употребления диалектных. Например: *Аш перьфпяльганк цитай мезевек стама, конац кеподелезе ваймэргьяньконь, эжделезе седиеньконь* (Мокша 1994/2: 48). 'Нет вокруг ничего такого, что подняло бы наш дух и согрело бы сердце'; *Морайсь ёфси аф «конень сельмот» моли сиде моронять морвайгяленц (мотивонц) мельге* (Мокша 1994/2: 93). 'Поющий совсем не «с закрытыми глазами» идет за мотивом кашушек'.

Писатели, кроме новообразований, допускают еще и дословные переводы с русского языка: *Кулезе – Фомарясь баба пели нонада, ну, шайтанда-мезьда* (Мокша 1994/4: 7). 'Он слышал – бабушка боится потусторонних сил, ну, шайтанов'; *Мои щас тейть няфтьса коса ракатне тялонзайхть!* (Мокша 1994/2: 63). 'Я тебе сейчас покажу, где раки зимуют!'; *Бабанясь угадась пяк ломанень примай* (Мокша 1994/2: 22). 'Бабушка оказалась очень гостеприимной'.

Следует также отметить, что в художественной литературе кроме неологизмов встречаются и архаичные формы, которые в тексте даны с объяснениями: *Тяла потма вардодсь (покодсь) инксонза кати-кодама козялянди*. 'Целую зиму батрачил на какого-то богача'; *Ушедсть пуромкишнema атятне ораму (пуромку)* (И. Девин 1991: 244). 'Старики начали собираться на сходку'.

В последние десятилетия в художественной литературе широко стали употребляться диалектные формы, многие из которых стали общеупотребительными: *урадомс* (юго-вост. д.) 'умереть', 'сдохнуть'; *кецямс* (юго-вост. д.) 'радоваться';

утлок (зап. д.) 'вранье'; *авазлафста* (центр. д.) 'с благословенья'; *тарькс* (юго-вост. д., центр. д.) 'холодный'; *витькстафнемс* (центр. д.) 'сознаться, сказать правду'; *арженя* (зап. д.) 'оценочная характеристика человеку'; *ямбар* (центр. д., зап. д.) 'бедняга'; *симонця* (центр. д.) 'поздравления'; *пакшт* (зап. д.) 'волосы'; *байтяк* (центр. д.) 'всегда'; *кенордамс* (зап. д.) 'спешить, торопиться'; *кондястомс* (центр. д., зап. д.) – *яраштомс* (юго-вост. д.) 'пригодиться'; *сабаргодомс* (юго-вост. д.) 'сильно устать', 'изнуриться'; *уромкшнемс* (зап. д.) 'намереваться, хотеть' и др. Достаточно богаты подобными лексемами произведения И. Девина. Например: *Вера кецясь* (вм. м. лит. *кенярдсь*), *мирдец тяштеше тя сёрмать!* (И. Девин, 1991: 26). 'Вера обрадовалась тому, что муж написал ей это письмо'; *Эрьдова, аванят, стирнят, поминандасаськ Иванорясь бабазень* (И. Девин, 1991: 74). 'Ну, давайте, женщины и девушки, помянем бабушку (досл. Иваниху)'; *Тясовок, мзярда ни саме сей, станцияв, элякоткшнесь аляце, коли, аф нййса стирнязень?* (И. Девин 1991: 9). 'Даже здесь, когда приехали на станцию, твой отец переживал, что не увидит свою дочь?'; *Нява, ся куцеманятнень лангеса корхтась аляце войнав тумстонза* (И. Девин 1991: 10). 'Вон там, стоя на тех ступеньках, выступал твой отец, прежде чем отправиться на войну'; *Тяфта сабарды* (вм. м. лит. *пьяк сизи*), *лядемшкацка аф ули* (Мокша 1994/4: 31). 'Так он устанет, что сил не будет косить'.

Использование авторами диалектной лексики во всех случаях оправдывается целью, которую ставит перед собой писатель. Нелитературные формы, вводимые в авторскую речь и речь персонажей, не нарушают целостность и стройность языка произведений и не могут характеризовать язык с отрицательной стороны. Отметим, известный драматург современной мокшанской литературы В. Мишанина, представитель юго-восточного диалекта, в своих произведениях использует как просторечные, так и диалектные слова. Например: *А тяни шамазон ёрдазень валонзон и курокоме воряфтезе шотонц* (вм. м. лит. *ворьгодсь*) (В. Мишанина 2002: 85). 'А теперь бросил(а) мне в лицо свои слова и быстрее убежал(а)'; *Плманжане кармасть сокодема* (вм. м. лит. *трнатоме*) (В. Мишанина 2002: 31). 'У меня стали дрожать коленки'; *Тя ёткть сувась тядяц и аткардамань* (вм. м. лит. *апрякамань*): «Тон тяни Натанянди аф ялгат, сон школав якай, а тон шорсят теенза уроконь тонафнемс...» (В. Мишанина 2002: 34). 'В это время зашла мать (его, ее) и стала упрекать: «Ты теперь Наташеньке не друг (подруга), она в школу ходит, а ты мешаешь ей делать уроки...»'.

В представленных примерах просторечные слова и выражения как бы заполняют собой пустоту, которая возникает из-за малого количества разговорных слов. Их ненормативность нейтрализуется. На первый план выступает тот факт, что подобные элементы являются наиболее допустимыми в непринужденной обстановке общения. Благодаря их употреблению у читателя создается впечатление непринужденности «речевого поведения» повествователя: возникает чувство, что они с героями произведения общаются на одном языке. Поэтому лингвисты считают, что впечатления резкого отхода от нормативного повествования, несмотря на присутствие в тексте нелитературных элементов, не возникает.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что диалектные слова в произведениях мокшанских писателей используются главным образом в целях совершенствования стиля: 1) для избегания тавтологий (часто в качестве синонимов используются диалектизмы); 2) для индивидуализации речи героя, его характеристики; 3) для создания местного колорита, придавая художественной речи эмоционально-экспрессивную окраску.

Таким образом, в условиях современного развития мокшанского языка с его многодиалектностью, сохранившимся по сей день компактным расселением носителей конкретных диалектов и говоров, безусловно, диалектные слова и выражения используются в художественных произведениях для выполнения важных стилистических задач: служат для речевой характеристики героя и воспринимаются в тексте как экспрессивные средства, создающие выразительность произведения.

Список сокращений

- атр. г. – говор атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 город. д. – городищенский диалект мокшанского языка
 ельн. г. – ельниковский говор центрального диалекта мокшанского языка
 зап. д. – западный диалект мокшанского языка
 кр.-синдр. г. – краснослободско-синдровский говор центрального диалекта мокшанского языка
 м. лит. – мокшанский литературный язык
 перех. д. – переходный диалект мокшанского языка
 рыбк-ммл. г. – говор рыбкинско-мамолаевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 смеш. д. – смешанный диалект мокшанского языка
 темн.-атр. г. – говор темниковско-атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 центр. д. – центральный диалект мокшанского языка
 шайг. г. – шайговские говоры центрального диалекта мокшанского языка
 юго-вост. д. – юго-восточный диалект мокшанского языка

Источники

- Атянин Ф.* Тунда. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1958. 135 с.
Беган М.А. Тундань нармотть: роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. 195 с.
Девин И. Нардише: роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1991. 365 с.
Дорофеев З.Ф. Од веля. Васенце пъялкссь. М.: Центриздат, 1928. 109 с.
Кирдяшкин Т. Мокша: роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1953. 299 с.
Ларионов С. Хрусталень пайкт: роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1989. 256 с.
Левчаев П. Стирнят-якстернят: роман. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 182 с.
Мишанина В. Вальмафтома куд: повесть, азкст, пьесат. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2002. 320 с.
 Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1970. № 4.; 1994. № 2–4.
Тяпаев А. Ежу сыва: рассказ. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 56 с.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
2. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991. 448 с.
4. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. 208 с.
5. *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1961. 322 с.
6. *Левина М.З.* Интерпретация словообразовательных особенностей прилагательных в диалектах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2 (30). С. 156–163.
7. *Лексикология современных мордовских языков* / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1983. 296 с.
8. Материалы 1-й и 2-й языковой конференции. Саранск: Мордгиз, 1933; 1934. 266 с. (Рукопись. Архив НИИЯЛИЭ).
9. *Мосин М.В.* Мордовские языки: настоящее и будущее. Саранск: [Б.и.], 2010. 336 с.
10. *Оссовецкий И.А.* Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50-х – 60-х годов // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 301–385.
11. *Прохорова В.Н.* Диалектизмы в языке художественной литературы. М.: Учпедгиз, 1957.
12. *Седова П.Е.* Диалектная вариантность в языке мокшанского художественной литературы // Финно-угорский мир. 2013. № 4. С. 40–43.
13. *Феоктистов А.П.* Из истории мордовской письменности второй половины 19 века // Финно-угристика. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 104–115.

14. Феоктистов А.П. Диалекты мордовских языков // Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd. 1. S. LX–LXXXV.
15. Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: Крас. Октябрь, 2000. 316 с.
16. Шеянова Т.М. Языковое строительство и формирование системы лексики мордовских литературных языков в 20-30-е годы // Проблема грамматического строя мордовских языков: труды МНИИЯЛИЭ. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1984. Вып. 77. С. 130–138.
17. Шеянова Т.М. Формирование лексики мордовских языков. История лексики. Языковые контакты. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1989. 92 с.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms Dictionary of the linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., 1966. 607 p.
2. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoi prozy. Izbrannyye trudy* [About language of the fictional prose]. Moscow, Nauka publ., 1980. 360 p.
3. Vinokur G.O. *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [About language of the fictional prose]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1991. 448 p.
4. Gorbachevich K.S. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The standards of the modern Russian literary language]. Moscow, 1981. 208 p.
5. Efimov A.I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The history of the Russian literary language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1961. 322 p.
6. Levina M.Z. *Interpretatsiya slovoobrazovatel'nykh osobennostei prilagatel'nykh v dialektakh mokshanskogo yazyka* [Interpretation of wordbuilding features of adjectives in dialects of the moksha language]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Vestnik by the Research institute of humanities under the government of Mordovia], 2014, no. 2(30), pp. 156–163.
7. Tsygankin D.V., ed. *Leksikologiya sovremennykh mordovskikh yazykov* [Lexicology modern Mordovia languages]. Saransk, Mordovia State University Publ., 1983. 296 p.
8. *Materialy pervoi i vtoroi yazykovoi konferentsii* [The works of the 1st and 2nd language's conference]. Saransk, Mordgiz publ., 1933; 1934.
9. Mosin M.V. *Mordovskie yazyki: nastoyashchee i budushchee* [Mordovian languages: present and future]. Saransk, 2010. 336 p.
10. Ossovetskii I.A. *Dialektnaya leksika v proizvedeniyakh sovetskoi khudozhestvennoi literatury 50-kh 60-kh godov* [Dialect vocabulary in the works of Soviet literature in the 50th and 60th years]. *Voprosy yazyka sovremennoy russkoi literatury* [Modern Russian literature questions]. Moscow, Nauka publ., 1971, pp. 301–385.
11. Prokhorova V.N. *Dialektizmy v yazyke khudozhestvennoi literatury* [Dialects in the language of fiction]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957.
12. Sedova P.E. *Dialektnaya variantnost' v yazyke mokshanskoi khudozhestvennoi literatury* [Dialectal Variation in Fiction in the Moksha Language]. *Finno-ugorskii mir* [The Finno-Ugric world], 2013, no. 4, pp. 40–43.
13. Feoktistov A.P. *Iz istorii mordovskoi pis'mennosti vtoroi poloviny 19 veka* [The history of the Mordovian literature in the second part of the 19th century]. *Finno-ugristika* [Finno-Ugric]. Saransk, Mord. kn. izd-vo, 1978. Vyp. 1. pp. 104–115.
14. Feoktistov A.P. *Dialekty mordovskikh yazykov* [Mordovian dialects]. In: Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd. 1, pp. LX – LXXXV.
15. Tsygankin D.V. *Mordovskie yazyki glazami uchenogo-lingvиста* [Mordovian language through the eyes of the language expert]. Saransk, 2000. 316 p.
16. Sheyanova T.M. *Yazykovoie stroitel'stvo i formirovanie sistemy leksiki mordovskikh literaturnykh yazykov v 20-30-e gody* [Organisation of the mordovian literary language]. *Problema grammaticheskogo stroya mordovskikh yazykov. Trudy MNIIYaLIE* [Grammar difficulties of the mordovian language]. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1984, vol. 77, pp. 130–138.
17. Sheyanova T.M. *Formirovanie leksiki mordovskikh yazykov. Istoriya leksiki. Yazykovye kontakty* [The history of the mordovian language]. Saransk, 1989. 92 p.

ЛЕВИНА МАРИЯ ЗАХАРОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры мокшанского языка, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, Саранск (Lev.Mariya@mail.ru).

LEVINA MARIYA – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Moksha Language Department, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia.

СЕДОВА ПОЛИНА ЕГОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, Саранск (polya.sed@mail.ru).

SEDOVA POLINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Moksha Language Department, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia.

УДК 811.511.131'28+811.511.131'373.6

ББК Ш12=664.1*323+ Ш12=664.1*67

С.А. МАКСИМОВ

ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДРУГ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ: АРЕАЛЬНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: удмуртские диалекты, понятие «друг», слова-обозначения друга, ареальный аспект, этимология, тюркские заимствования.

Рассмотрено лексическое многообразие, используемое в удмуртском языке для выражения понятия «друг». Исследование носит лингвогеографический характер и затрагивает этимологический аспект приведенных слов. Практически весь диалектный ряд для обозначения друга: *дывы* – *уром* – *йултош* – *эш* – *эптэш* – *дус* – кроме первого слова, имеющего неизвестное происхождение, состоит из тюркских заимствований. Автор предполагает, что для понятия «друг» ранее существовало исконное слово, продолжением которого является лексема *музъ* 'подруга', 'любовница; любовник'.

S. MAKSIMOV

NOTION OF «FRIEND» IN UDMURT LANGUAGE: AREAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS

Key words: Udmurt dialects, notion of «friend», word denoting the notion of «friend», areal aspect, etymology, Turkic borrowed words.

The work is devoted to lexical diversity of the Udmurt language concerning the notion of «friend». The research is linguogeographical and reveals the etymological aspect of the given words. Practically, the entire range of dialect words used to denote the notion of «friend»: *dyvy* – *urom* – *yultosh* – *esh* – *epesh* – *dus* – are Turkic borrowings except the first word, which is of unknown origin. The author presumes that previously there was a primordial word to denote the notion of «friend», which has its continuation in the lexeme *Muz'y* 'girlfriend', 'mistress; lover'.

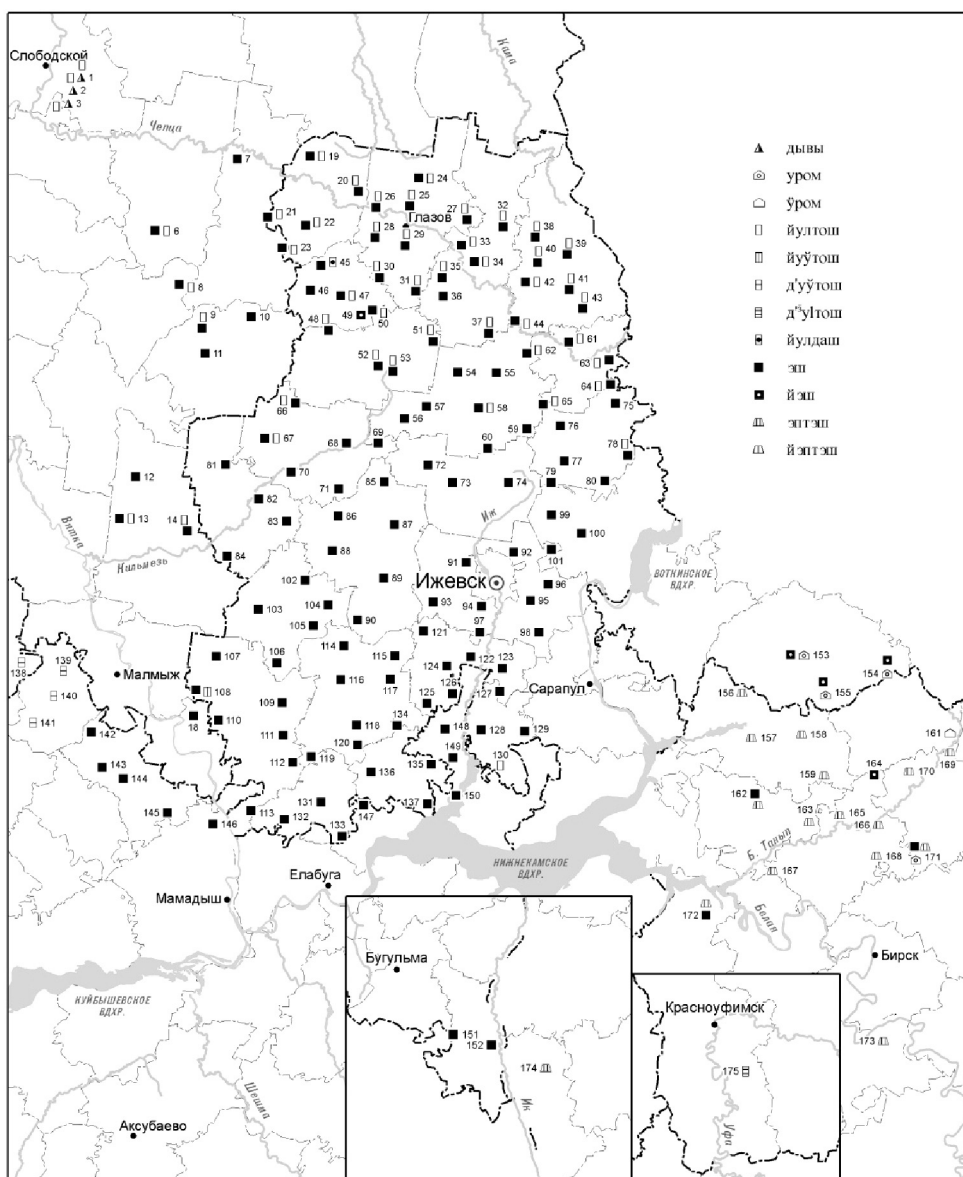
Понятие «друг» находится в тесном синонимичном отношении с понятиями «приятель» и «товарищ» и нередко в удмуртском языке выражается одним и тем же словом. При сборе материалов информанты зачастую в качестве наименования друга указывали и такие слова, которые ближе к понятиям «приятель» и «товарищ». Последние также нашли отражение на карте. Для того чтобы внести большую ясность в понимание понятий, приведём их толкования: *друг* – человек, который связан с кем-нибудь дружбой, т.е. близкими отношениями, основанными на взаимном доверии, привязанности, общности интересов; *приятель* – близкий и дружески расположенный знакомый; *товарищ* – человек, близкий кому-нибудь по взглядам, деятельности, условиям жизни, а также человек, дружески расположенный к кому-нибудь [см.: 2. С. 183, 622, 828].

1. В результате полевых исследований в удмуртских диалектах были выявлены следующие лексемы, обозначающие исследуемое понятие: *дывы*, *йултош*, *уром*, *эш*, *эптэш*. Наименование *дывы* ранее никем из исследователей не было зафиксировано.

1.1. Слово *дывы* употребляется только в слободском говоре северного наречия (см. оп. 1–3 на рисунке). Происхождение неизвестное. Для сравнения можно привести слова *дыды* 'голубка, голубушка', сч. *гъдъ*, *гыды* 'голубчик, милок, голубка, голубушка' (ласкательное слово, чаще ласковое обращение к детям или старших к младшим вообще). Вместо последнего в слободском говоре употребляется лексема *гыл'ык*, которая, по сообщению информантов, заимствована из татарского языка. Слова *дыды* и *гыды* возникли как дескриптивные (изобразительные) образования.

2.1. *Уром*

2.1.1. Территориальное распространение и варианты слова. В качестве наименования друга записано в отдельных опорных пунктах Закамья (153, 155, 171), в варианте *уром* – в пунктах 154, 161. Следует сделать оговорку, что данное слово в первую очередь используется для обозначения приятеля (см. ниже) и имеет более широкий ареал употребления. В большинстве указанных опорных пунктов понятие собственно «друг» выражается словами *эптэш*, *эш*.

М 1:2000000 (в 1 см 20 км)

Ареалы распространения слов, выражающих понятие «друг»

2.1.2. Значение. *Уром* 1. 'приятель; друг-приятель'; *Микта уром ке но, эш өвөл* погов. 'хотя Никита и мой приятель, но не друг (о ненадёжном человеке)'; 2. диал. 'возлюбленный, любовник'; *урум-дусым* диал. собир. 'друзья, приятели; друзья-приятели'; *солэн котькытын урум-дусымез вань* 'у него повсюду друзья-приятели' [5. С. 701].

2.1.3. Происхождение. Венгерский исследователь Б. Мункачи, исследуя мансийско-хантыйское божество *tarém, tórém, türém*, пишет, что конечное *-т* является possessивным суффиксом первого лица единственного числа тюрко-

монгольского слова *taŋrim* = чув. *tórim* < *túrêm* 'мой бог'. Как пример аналогичной структуры заимствования приводит удмуртское слово *dusêm* 'возлюбленный', являющееся татарско-персидским словом *dus* 'друг' с посессивным суффиксом первого лица единственного числа. Также он отмечает, что похожий случай, предположительно, и в северно-мансийском слове *ruma* 'друг', используемый для обращения к русским и зырянам (*ruma-m!* 'мой друг'), что весьма напоминает удм. *ŷromă, uromă* 'мой друг' [8. С. 311].

По мнению Е.И. Емельянова [1. С. 34–35], удмуртское *urom* 'друг, русский, татарин' восходит к татарско-арабскому *rumi* 'римлянин, христианин', а звук *u* является вставочным гласным перед *r*, который в абсолютном начале исконных удмуртских слов не встречается.

3.1. *Йултош*

3.1.1. Территориальное распространение и варианты слова. В качестве собствен но наименования друга функционирует в шошминском и красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта. В первом из них – в вариантах *д'уўтош* (138–141) и *д'ултош* (141), а в последнем – в фонетическом облике *д'ултош* (175). Помимо этого, слово *йултош* в первую очередь как обозначение приятеля повсеместно распространено в северном и бесермянском наречиях; записано также в срединных говорах (66, 67, 78), при этом в оп. 108 в облике *йуўтош*. Кроме того, это слово отмечено в оп. 130 (Стар. Салья), расположенном в ареале центрально-южного диалекта. В бесермянском населённом пункте Шамардан (45) оно зафиксировано в форме *йулдаш*, а в оп. Лонки-Ворцы (58), расположенном на границе северного наречия и срединных говоров, записано в облике *йулдош*.

3.1.2. Наличие в письменных источниках: *jultoš G, juldaš B, juldosh M, d'uutoš MU, d'ultoš U* 'товарищ, приятель', *MU* 'друг, подруга' (1892, 1894) [9. С. 83]; *юлтош* 'друг, приятель; товарищ; спутник' [5. С. 813].

3.1.3. Значение. Как было указано выше, описываемое слово как основное средство для выражения понятия «друг» используется в шошминском и красноуфимском говорах. В остальных диалектах оно обозначает приятеля, товарища; напарника (например, по работе); попутчика [5. С. 813]. Интересную особенность употребления исследуемого слова в конце XIX в. зафиксировал финский учёный Ю. Вихманн, который отметил, что с посессивными суффиксами данное слово имеет значение 'супруг(а)', например, *d'uutoški* 'мой супруг, моя супруга' *MU*, *jultoškiž* 'его супруг(а)' *G*, *jultošezlen* 'у его супруга (супруги)' *G* (см.: 9. С. 83). Подобное употребление слова и в настоящее время сохранилось в некоторых диалектах, в частности в среднечепецком, а необычную огласовку *йултош-кы* вместо ожидаемого *йултош-э* удалось зафиксировать в опорном пункте Слудка (6) Зуевского района Кировской области.

3.1.4. Происхождение. Описываемое слово финский учёный Ю. Вихманн и венгерский учёный Б. Мункачи относят к татарским заимствованиям [9. С. 83; 8. С. 287], российские лингвисты – к чувашизмам [см.: 3. С. 65]. Исходя из фонетики слова (ср. чув. *юлташ* 'товарищ; подруга' [6. С. 582] и современного ареала (преимущественно северная диалектная зона), его следует отнести к болгарским заимствованиям, а бесермянскую форму *йулдаш* – к татаризмам, ср. тат. *йулдаш* 'попутчик, спутник', 'товарищ, друг' [1. Т. 2. С. 689].

4.1. *Эш*

4.1.1. Территориальное распространение. В качестве слова для обозначения друга употребляется в абсолютном большинстве диалектов, за исключением слободского говора северного наречия (1–3), шошминского (138–141) и красноуфимского (175) говоров периферийно-южного диалекта. Также он не был зафиксирован и в некоторых других опорных пунктах, расположенных в ареале указанного диалекта.

4.1.2. Варианты слова. В бесермянском пункте Жувам (49), а также в некоторых опорных пунктах Закамья была зафиксирована форма *йэш*. Йотированное или дифтонгоидное (*“эш*) произношение начального гласного звука возможно и в других населённых пунктах Закамья.

4.1.3. Значение. *Эш* ‘товарищ, друг, приятель’; *боевой эш* ‘боевой друг’; *матысь эш* ‘близкий друг’; *сюрес вып эш* ‘попутчик, спутник’; *ужья эш* ‘коллега, друг по работе’ [5. С. 808]. В слободском говоре (1–3) описываемое слово употребляется в значении ‘чета, ровня’, а в шошминском говоре в сочетании со словом *туган* – *туган эш* означает близкого родственника.

4.1.4. Происхождение. Является татарским заимствованием [3. С. 65; 7. С. 35; 9. С. 52–53]. Для сравнения приведём татарское слово *иш* 1. ‘пара ровня, чета’; 2. ‘один из составляющих пару’; 3. ‘сверстник, сверстница’ [4. Т. 1. С. 407].

5.1. *Эптэш*

5.1.1. Территориальное распространение и варианты слова. Зафиксировано в большинстве диалектов Закамья, за исключением шагиртско-гондырского говора (153, 155), а также в бавлинском говоре (151, 152, 174). В опорных пунктах 160, 164, 168 записан вариант с начальным йотированным гласным. В фонетическом облике *э’тэш* – с гортанным смычным вместо смычного данное слово отмечено в д. Лельвиж (142) Кукморского района Татарстана.

5.1.2. Происхождение. Является поздним татарским заимствованием, ср. тат. *иптэш* ‘товарищ; собрат’, ‘приятель, друг’, ‘компаньон, партнёр; напарник, спутник’ [4. Т. 1. С. 455].

Таким образом, все слова, выражающие понятие «друг» в современном удмуртском языке являются тюркскими заимствованиями, к которым нужно отнести и слово *дус* (*дустъм*), используемое бесермянами только по отношению к друзьям из представителей татар, ср. тат. *дус* ‘друг, приятель, друг-приятель’... в обращении *дус, дускай, дустым* ‘друг, друг мой, товарищ, дружище’ [4. Т. 1. С. 362]. В связи с этим встаёт резонный вопрос: было ли у удмуртов исконное слово для называния друга? Можно предположить, что таковым могло быть слово *музъы*, являющееся, по крайней мере, общепермским, а возможно, и словом более древнего происхождения и имеющее в современном удмуртском языке следующую семантику – ‘подруга’, диал. ‘любовница’ [5. С. 441]. В некоторых говорах оно употребляется и в значении ‘любовник’. Заимствуя иноязычные названия, в данной ситуации языковая система стремилась избавиться от двусмысленности понимания слова.

Условные сокращения

оп. – опорный пункт; сч. – среднечепецкий диалект (северное наречие); тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык; В – бесермянский диалект; G – глазовский диалект; М – малмыжский диалект; MU – малмыжско-уржумский диалект; У – уфимский диалект.

Литература

1. Емельянов Е.И. Грамматика вотяцкого языка / Ленинградский вост. ин-т. им. А.С. Енукидзе. Л., 1927. 160 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
3. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
4. Татарско-русский словарь: в 2 т. Казань: Магариф, 2007.
5. Удмуртско-русский словарь: около 50000 слов / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин и др.; отв. ред. Л.Е. Кириллова; Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. Ижевск, 2008. 925 с.
6. Чувашско-русский словарь / сост. И.А. Андреев, Н.А. Андреев, А.И. Иванов и др.; под ред. М.Я. Сироткина. М.: ГИИНС, 1961. 632 с.
7. Munkácsi B. A vótják nyelv szótára. 2. kiadás. Budapest, 1896. XVI, 836 l.
8. Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie // Keleti szemle. Budapest, 1906. № 7. S. 285–315.

9. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann / Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI. Helsinki, 1987. XXIII, 422 S.

References

1. Emel'yanov E.I. *Grammatika votyatskogo yazyka* [Votyak language Grammar]. Leningrad, 1927, 160 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow, 1993, 955 p.
3. Tarakanov I.V. *Zaimstvovannaya leksika v udmurtskom yazyke: udmurtsko-tyurkskie yazykovye kontakty* [Borrowings in the Udmurt language: Udmurt-Turkic language contacts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1982, 188 p.
4. *Tatarsko-russkii slovar': v 2 t.* [Tatar-Russian Dictionary. 2 vols]. Kazan, Magarif Publ., 2007.
5. Kirillova L.E., ed. *Udmurtsko-russkii slovar': okolo 50000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: about 50,000 words]. Izhevsk, 2008, 925 p.
6. Sirotkin M.Ya, ed. *Chuvashsko-russkii slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, GIINS Publ., 1961, 632 p.
7. Munkácsi B. A votják nyelv szótára [Votyak language Dictionary], 2 ed. Budapest, 1896, vol. XVI, 836 p.
8. Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. In: Keleti szemle. Budapest, 1906, № 7, pp. 285–315.
9. Wotjakischer Wortschatz. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI. Helsinki, 1987, vol. XXIII, 422 p.

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, специалист отдела филологических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Россия, Ижевск (makser02@yahoo.com).

MAKSIMOV SERGEY – Candidate of Philological Sciences, Specialist of Philological Research Department, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

УДК 811.111(075.8)

ББК 81.2 Англ-923

А.П. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА, М.Е. ПОКРОВСКАЯ

ЗООМОРФИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: политический дискурс, национальные стереотипы, зооморфные стереотипы, персонификация, манипуляция сознанием.

Рассматриваются зооморфные персонификации национальных стереотипов в политическом дискурсе на вербальном и визуальном уровне, которые обусловлены картиной мира каждого народа и политической ситуацией в конкретную историческую эпоху. Обострение отношений между странами приводит к возрастанию использования стереотипов в политическом дискурсе. Зооморфные персонификации применяются политехнологами как аксиологические символы и действенные способы манипуляции сознанием масс.

A. MINYAR-BELOROUTCHEVA, M. POKROVSKAYA ZOOMORPHIZATION OF NATIONAL STEREOTYPES IN POLITICAL DISCOURSE

Key words: political discourse, national stereotypes, zoomorphic stereotypes, personification, brainwashing.

The article deals with zoomorphic personifications of national stereotypes in political discourse at verbal and visual levels that are determined by the worldview of every nation and the political environment in a particular historical period. Growing diplomatic tension results in the increased usage of zoomorphic stereotypes in political discourse. Spin doctors use zoomorphic personifications associated with particular nations as axiological symbols and effective ways of brainwashing people.

Мироощущение каждого народа, как некий устойчивый фрагмент картины мира, хранящийся в сознании, получил название стереотип. Стереотипы, на основании которых выстраивается политический дискурс, обусловлены как

картиной мира каждого народа, так и сложившейся политической ситуацией в конкретный исторический период. Персонифицированные образы животных являются одним из наиболее эффективных инструментов внушения. Никогда не воспринимаясь критически, они, искажая действительность, становятся важнейшим средством манипуляции сознанием масс, создавая новые или актуализируя уже сложившиеся шаблоны сознания.

Отношение исследователей к стереотипам неоднозначно. Одни считают, что стереотипы, лишая возможности индивидуума, самостоятельно воспринимающего мир, мыслить, превращают его в некую машину. Другие убеждены, что они играют положительную роль, поскольку, не давая возможности человеку выносить независимые суждения относительно конкретных жизненных ситуаций, облегчают ему жизнь, спасая от утомительного восприятия окружающего мира «свежим взглядом», автоматизируя его мышление [6. Р. 88.], стереотипы – это оплот традиций [6], которые передаются из века в век и являются, в определенной степени, регулятором межгосударственных отношений.

Стереотипное восприятие жизни в мире, разделенном на «своих» и «чужих», видится в черно-белом свете: свои – светлые, сильные, благородные, чужие – ожесточенные и агрессивные. Закрепленные за конкретными культурами и территориальными образованиями стереотипы, получившие выражение на вербальном и визуальном уровнях, ассоциируются с тем или иным народом и неоднозначно воспринимаются соседями.

В вербальных и визуальных зооморфных персонификациях отражаются имплицитное восприятие и оценка одного государства другим. Зооморфные стереотипы отличаются устойчивостью, воспроизводимостью, эмоциональной окрашенностью и передают персонифицированный образ этнической группы. Как правило, зооморфные национальные стереотипы, закрепленные за конкретными культурами и территориальными образованиями, могут существовать не одно столетие. Зооморфные стереотипы не являются целостным континуумом, они подразделяются на реальные и мифологические образы, отражающие особенности страны, в которых они были созданы.

С древнейших времен люди, стремясь найти покровительство, создавали образы своих зооморфных защитников. Не находя поддержки среди себе подобных, они обращались к миру животных. Зооморфные вербальные и визуальные персонификации непосредственно связаны с тотемными животными. В качестве символа они ищут самых сильных зверей, что иногда приводит к выбору мифических или бурлескных животных, например, единорога. Так, персонификацией Римской империи была капитолийская волчица; галльский петух символизировал Францию. Имидж Австралии закрепился в бурлескном образе боксирующего кенгуру. Белоруссия представлена зубром и аистом. Россия воплотилась в образе медведя – белого, бурого, красного, который ходит на двух ногах, как человек [5]. Германия и США ассоциируются с орлом. Лев олицетворяет могущество и господство Британской империи, но является национальным символом не только этой страны, но и Швеции, Нидерландов, Чехословакии, Болгарии, Индии, Ирана, Канады, Испании, Марокко (the Lion and the Unicorn – лев и единорог *(на английском королевском гербе; представляют Англию и Шотландию)*; British Lion – Британский лев *(национальная эмблема Великобритании)*).

Историческая обусловленность зооморфизма персонификаций национальных стереотипов предопределила их функционирование в концептосферах народов мира. Зооморфные персонифицированные образы, корнями ухо-

дящие в глубокое прошлое, постоянно поддерживаются в массовом сознании и редко подвергаются трансформациям. Лев, воплощающий мужество, доблесть, силу, величие, был доминирующим символом в культуре разных народов с незапамятных времен, одним из первых получил свое визуальное воплощение. (The lion is the king of beasts. – Лев – царь зверей). Однако изначально храбрость соотносилась с феминным обликом льва. Наскальные рисунки ориньякского периода передают образ охотящихся подобно современным львам львиц. В более поздние эпохи интерес ко львам в разных культурах усилился. Статуя царицы Хатшепсут в виде сфинкса, львицы с человеческой головой, относится к 1503–1482 гг. до н.э. Богини Баст, Тефнут и Сахмет, ассоциировавшиеся с львицами, господствовали в пантеоне Древнего Египта и считались защитницами страны. Лев с солнечным диском на голове, олицетворявший бога Ра, стал эмблемой божественной власти и царского достоинства в Египте [2]. В Месопотамии лев символизировал мощь царей. В культуре хеттов, вавилонян, ассирийцев, персов, омейядов и аббасидов образ льва был символом могущества и власти. В эпоху античности и последующих времен торжество духа и разума человека над животным миром воплотилось в победе героев над львами. К тому времени, когда образ льва как символа власти укрепился на Европейском континенте, реальные львы там не обитали, их привозили из Северной Африки или Малой Азии для цирковых забав. Однако изображения львов в скульптурных вариантах, представленных как в архитектурных комплексах, так и отдельно стоящих, а также на гобеленах и вышивке, европейцы видели постоянно и воспринимали как своего покровителя и защитника, что нашло отражение и на вербальном уровне. В конце XII в. слово «lion» вошло не только в английский язык из старофранцузского «lion» в значении «герой», восходящее через латинское слово «leonem» (nominative *leo*) к греческому «leon», имеющему семитское «labhi» или древнеегипетское происхождение «labai, lawai», но и было заимствовано языками германской группы напрямую из латыни. В образе Ричарда Львиное Сердце это стало ассоциироваться не только с храбростью, но и с благородством и добродетельностью.

Структура зооморфных стереотипов сложна и многогранна. В значении континентального слова «lion» изначально была заложена его дуальная природа. Двулика суть царя зверей одновременно разделяла и соединяла белое и черное, добро и зло, свет и тьму. В мгновенье позитивный, гордый и храбрый лев, «one who is fiercely brave», превращался в чудовище – «tyrannical leader, greedy devourer» [7]. В средневековом мире льва высоко ценили, почитали и не могли допустить, чтобы его черная сторона разрушала идеальный образ светлой, осложняя воспроизведение бестиарий и эмблем. Выход был прост: негативная, черная половина льва виртуально материализовалась в образе нового животного, имя которого несло печать греха и полностью отделяло его от «совершенного» образа его двойника. Этим животным стал леопард.

С XII в. леопарда представляли в образе низложенного льва, полульва, антагониста льва, соотносили с драконом. В самом имени беспринципного животного «leopard» отразилось его порочное происхождение, запечатленное в латинском слове «leopardus», уходящего корнями к греческому «leopardos». В гибридной лексической единице «leopard» соединились названия двух животных, давших ему жизнь «lion» + «pardos» – «male panther», которая из французского языка вошла в английский [7]. Следует отметить, что архаической формой лексической единицы «leopard» является «pard», которая через латинское слово «pardus» восходит к греческому «pardos», означая «male

panther» и происходящему из того же источника (вероятно иранского), что и санскритское слово «*prdaki-s*» в значении «leopard, tiger, snake» (леопард, тигр, змея) и персидское «*palang*» в значении «panther» (пантера) [7].

Лев и леопард – два антагонистических зверя, составивших пару, относились к излюбленным геральдическим животным, различить которых можно по положению их головы и тела, в отличие от леопарда, голова которого изобращалась анфас, тело в профиль; вид в профиль был типичным для льва. Следовательно, если на карикатуре изображен лев анфас, каким бы дружелюбным не был его облик, становится ясно, что в действительности за этим кроется жестокий и безжалостный леопард. Это особенно хорошо видно на карикатуре «Family Council», когда лев анфас, окруженный своими сородичами, ради их безопасности должен принимать жесткие решения [8].

Невозможность изменить то, что заложено природой, нашло свое выражение в идиоме «a leopard cannot change its spots», свидетельствующей о дурном характере зверя, который никогда не изменится.

На политических карикатурах художники стремятся сохранить геральдическое положение тела льва и леопарда, причем предпочтение отдается вариациям его поз: «*lion couchant*» (лев лежит на лапах, голова его поднята), «*lion sejant erect*» (лев прямо сидящий) и «*lion regardant*» (лев, смотрящий назад), по расположению головы которого можно определить степень угрозы, исходящую от государства. Образ льва создает особую картину мира в сознании англичан, позволяя через призму данного стереотипа постичь себя и других, поскольку в этом облике заложено не только автостереотипное восприятие, но и взгляд со стороны, позволяющий представить восприятие себя другими, заключенное в гетеростереотипах. При заданных обстоятельствах лев одним движением головы из защитника и друга превращается в грозного врага, о чем постоянно напоминают изображения льва «*passant guardant*» (идущего с поднятой правой передней лапой и смотрящего на зрителя), который, по сути, является леопардом, злобной стороной льва.

В англоязычном пространстве функционирует ряд идиоматических выражений со словом *lion*: **lion's share** – львиная доля; **lion in the path / way** – воображаемая опасность, мнимая угроза; **lion's shin** – напускная храбрость; **to put one's head in the lion's mouth** – рисковать; **the lion's den** – логово льва, опасное место; **to beard the lion in his den** – лезть в логово зверя, схватить льва в его логове (крайняя степень храбрости); **to twist the lion's tail** – крутить хвост Британскому льву, раздражать Великобританию; **to throw someone to the lions** – бросить на съедение львам, поставить в крайне опасное положение (выражение отсылает нас в Древний Рим, где христиан за веру бросали на съедение львам). Эти идиоматические выражения находят свое визуальное воплощение в политических карикатурах и объединены общей концепцией, подтверждающей наличие детерминированного мыслительного конструкта, соединяющего конкретную идею с действительностью, что служит основанием для установления тенденций в картировании реальности [1. С. 3–16].

Образ персонифицированного британского льва широко тиражировался в имперской прессе Нового времени. При сравнении львов, изображенных на карикатурах, и геральдических львов можно со всем основанием утверждать, что последние оказали значительное влияние на создание образов первых. Художники-карикатуристы, стремясь подчеркнуть величие царя зверей и уничижить его противников, не могли абстрагироваться от уже имеющихся геральдических представлений о том, как должен выглядеть царь зверей в конкретных условиях. Спокойный, полный достоинства лев, будучи сильнейшим

среди всех зверей, всегда находился в фокусе политической прессы, поскольку позволял в лапидарной форме передать множество смыслов в информационном пространстве. Гордость англичан за свои успехи в покорении планеты проявляется в изображении льва в несколько модифицированной позе «lion rampant» (лев, стоящий на задних лапах), все тело которого, включая гриву и конечности, исписано названиями земель, захваченных ими. Названия всех колонизированных Великобританией стран располагаются на туловище и конечностях льва соответственно их размеру и значимости. Так, название крупнейшей из них, Индии, которую называли «алмазом британской короны», размещено на гриве льва, в ней затерялись совсем мелкие колонии, которые также были существенны для роста империи. Канаде, второй по величине колонии, было отдано место на теле льва. Австралии отдали место на бедре льва, Арктика занимает левую лапу льва, хвост отдан Вест-Индии. Более мелкие колонизованные страны разбросаны по всему оставшемуся незанятому названиями телу льва.

Безмерный аппетит морской державы, поздно вступившей в колониальную гонку европейских стран, приращивающей новые земли и идущей ради этого на любые неблаговидные поступки, воплотился в идиоме «the lion's share», которая используется в политических карикатурах для иллюстрации конкретных событий. На карикатуре, появившейся в журнале Punch 26 февраля 1876 г., на переднем плане изображен лев, обеспечивающий сохранность «ключа от Индии» – «key to India» посредством приобретения Британией египетской доли акций Суэцкого канала. На заднем плане виден британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли, передающий пухлый кошелек Исмаилу-Паши, хедиву Египта [9].

Американская карикатура 1898 г. «Lion's share» высмеивает амбициозные притязания Британии на Китай. На карикатуре, изображающей антропоморфных животных, олицетворяющих сильнейшие страны мира XIX в., лев в одеянии Джона Булля (что усиливает связь данного образа с Британской империей), который толще и больше своих европейских соперников, стоит на карте Поднебесной и, указывая на себя, безапелляционно заявляет медведю, олицетворяющему Российскую империю, орлу, воплощавшему Германию, и петуху, представляющему Францию, о своей неоспоримой привилегии на владение большей частью китайских портов, мотивируя это не только приобретенными новыми территориями, но и правом сильнейшего [8].

Зооморфные стереотипы классифицируются на автостереотипы и гетеростереотипы в зависимости от степени толерантности одного народа к другому, проявляющейся в гетеростереотипах, можно судить об изменениях, происходящих не только в политике каждого народа, но и в его менталитете: традиционный отрицательный гетеростереотип при определенных обстоятельствах может изменить свою модальность независимо от сложностей, сопряженных с этим процессом [3].

Зооморфные стереотипы, являясь концентрированным выражением системы ценностей народов конкретных стран, имплицитно отражают общество, его убеждения и страхи. Зооморфные вербальные и визуальные персонификации используются политтехнологами как аксиологические символы, поскольку позволяют актуализировать и имплицитно передать множество смыслов в информационном пространстве, и прочно ассоциируются с конкретными странами, вызывая заданные эмоции и чувства. Зооморфные стереотипы относятся к одному из действенных способов манипуляции сознанием масс в зависимости от политической конъюнктуры.

Литература

1. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
2. Книга символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=290>.
3. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. 2012. № 2(8). С. 90–94.
4. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 52–65.
5. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. История развития зооморфного стереотипа в политическом дискурсе // Вестник Орловского государственного университета. 2013. Т. 43, № 2. С. 168–172.
6. Lippmann W. Public opinion. N.Y., Harcourt, Brace and Co, 1922, 220 p.
7. Online Etymological Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com>.
8. Sources and media. Электронный ресурс. Available at: <http://www.britishempire.co.uk/media/foreigncartoons/foreigncartoon25>.
9. Tenniel J. The lion's share. *Punch*. 1876. Febr. 26. Available at: <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/satirical-cartoon-showing-the-british-lion-having-secured-news-photo/3375809>.

References

1. Karasik V.I. *Kul'turnye dominanty v yazyke* [Cultural dominants in language]. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, pp. 166–205.
2. *Kniga simbolov* [A Book of Symbols]. Available at: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=290>.
3. Minyar-Beloruicheva A.P., Pokrovskaya M.E. *Etnicheskie stereotipy v sovremennom yazykovom prostranstve* [Ethnic stereotypes in contemporary linguistic environment]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2012, no. 1(8), pp. 90–94.
4. Minyar-Beloruicheva A.P., Pokrovskaya M.E. *Etnicheskie stereotipy v angloyazychnom prostranstve: vizual'nye obrazy-personifikatsii i verbal'nye obrazy-anthroponimy* [Ethnic stereotypes represented by personifications and anthroponyms created through visual and verbal images in the English speaking world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2013, no. 1, pp. 52–65.
5. Minyar-Beloruicheva A.P., Pokrovskaya M.E. *Istoriya razvitiya zoomornogo stereotipa v politicheskom diskurse* [History of a zoomorphic stereotype in political discourse]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Oryol State University], 2013, vol. 43, no. 2, pp. 168–172.
6. Lippmann W. Public opinion. N.Y., Harcourt, Brace and Co, 1922, 220 p.
7. Online Etymological Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com>.
8. Sources and media. Электронный ресурс. Available at: <http://www.britishempire.co.uk/media/foreigncartoons/foreigncartoon25>.
9. Tenniel J. The lion's share. *Punch*. 1876. Febr. 26. Available at: <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/satirical-cartoon-showing-the-british-lion-having-secured-news-photo/3375809>.

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА АЛЛА ПЕТРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (ostvera@mail.ru).

MINYAR-BELOROUICHEVA ALLA – Doctor of Philological Sciences, Professor, Foreign Languages Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ПОКРОВСКАЯ МАРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (astraM1@yandex.ru).

POKROVSKAYA MARINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК 81.23
ББК 81.006

З.А. МОТЫГУЛЛИНА

ОБЩИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КОНЦЕПТА «СУДЬБА» СО ЗНАЧЕНИЕМ «СЧАСТЬЕ» В АНГЛИЙСКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ключевые слова: концепт, судьба, счастье, сопоставительный анализ, удача.

Рассматриваются общие и национально-специфические черты концепта «судьба» со значением «счастье» в английской и татарской лингвокультурах. Выявляются сходства и различия данного концепта в двух генетически неродственных языках на примере английских и татарских фразеологических единиц, пословиц и поговорок. Особое внимание уделяется этимологии концепта «судьба» в английском и татарском языках. В ходе исследования было установлено, что в основе лексико-семантического поля «судьба» в английском языке лежит базовая лексема, представленная родовой семой «fate», а в татарском языке – семой «язмыш». В работе также более или менее четко выделяются такие семантические компоненты, как объективные (внешние жизненные обстоятельства) и субъективные, которые подкрепляются примерами из английской литературы.

Z. MOTYGULLINA

COMMON AND NATIONALLY SPECIFIC FEATURES OF CONCEPT «FATE» WITH MEANING OF «HAPPINESS» IN TATAR AND ENGLISH LINGUAL CULTURES

Key words: concept, fate, happiness, comparative analysis, luck.

The paper deals with the comparative analysis of the peculiarities and common features of the concept «fate» with the meaning of «happiness» in the Tatar and English lingual cultures, which are genetically unrelated. The analysis is based on English and Tatar phraseological units, proverbs, and sayings. Particular attention is paid to the etymology of the concept «fate» in both English and Tatar languages. The research revealed that the lexico-semantic field of the concept «fate» in the English language is represented by a generic seme «fate», and in the Tatar language, it is represented by the seme «yazмыш». The author also distinguishes the objective (external life circumstances) and subjective semantic components of the concept «fate», which are supported by the examples from English literature.

Исключительная важность понятия «судьба» сделала его центром духовной жизни человека, вместившем чувств, настроений, мыслей, религиозных верований, нашедших отражение в художественной литературе и фольклоре.

Во многих культурах «судьба» является как символом некой высшей силы над людьми, так и осознанной необходимостью. Не случайно к нему обращались многие известные лингвисты. Достаточно вспомнить работы А. Вежбицкой, В.Г. Гака, А.Д. Шмелева, З.Х. Бижевой и др. Думается, сопоставительный анализ концепта «судьба» в английском и татарском языках представляет немаловажный научный интерес, ведь нередко то, что может ускользнуть от взгляда ученого при исследовании фактов отдельного языка, становится очевидным при сопоставительном анализе.

В татарском языке понятие «судьба» выражается словом «язмыш» – существительное, которое образовалось при помощи прибавления тюркского окончания **«mis»** к корню «яз». Это же значение передается рядом синонимов, главным образом заимствованных из арабского языка, например, **фәлэк, ләүхелмәхфуз, мөкәддәр, жирәбә, шобага, насып, өлеш**.

Древнеанглийское наименование судьбы выражалось словом **wierd**. **Weird** – это единственное общегерманское прямое наименование судьбы, сохранившее свое исконное значение на периферии своей семантической сферы. Древнеанглийское слово **wierd** вобрало оба понятия – «судьба» и «событие», в совокупности своей во многом определивших семантическую структуру слова. Сформировалась соответствующая концепция судьбы как совокупности событий.

В современном английском языке наименование судьбы *wierd* не употребляется. Оно переместилось в языковую сферу фольклора и приобрело новые коннотации, навеянные атмосферой колдовства и мистики. Можно сказать, что актуализировалось понимание *wierd* как судьбы предсказания, пророчества, ориентированной на будущее.

Понятие «судьба» в современном английском языке выражается словом **«fate»**. **«Fate»** пришло в средневековый английский из средневекового французского, который заимствовал его от латинского **«fatum»**, имевшего форму **«fatus»** в среднем роде и форму **«fari»** в Past Participle. Однако понятия сферы лексем совпадали далеко не полностью, а лишь в одном из аспектов концептов «судьба». Для наименования других – счастливая, случайная, предопределенная судьба – потребовались иные единицы.

Синонимами слова **«fate»** в современном английском языке являются такие слова, как **destiny, fortune, lot, portion, doom**.

Понятие «судьба» в сопоставляемых языках имеет разные значения. Особым случаем для английского и татарского языков, на наш взгляд, является семантическая группа концепта «судьба» со значением «счастье». В татарском и английском языках эти два концепта соединены общностью проявлений и расположением на линии жизни, которая следует своим путем: воспоминания о прошлом – переживания в настоящем – предвкушение будущего. Рассмотрим подробнее данную семантическую группу.

Судя по данным этимологических источников, гиперонимом имен «счастье» и «несчастье» является «судьба» как жизненный путь человека, предназначенный ему богами: «хорошая часть/участь». Первоначально счастливым являлся человек, которому покровительствуют боги, отсюда – *eudaimonia* «благая судьба». С распадом мифологического мышления происходит десакрализация мифологемы «судьба», место «даймона» – божества – занимает «тюхе» – «случай, попадание», и «благая судьба» превращается в «эвтихию» – «благоприятный случай», «везение», «удача», в то, что несет в себе уже обезличенная фортуна. Семантически протагонистом эвтихии является человек, на долю которого выпадает удача, а субъектом – наблюдатель, выносящий оценку благоприятности внешних жизненных обстоятельств протагониста. «Благая судьба» и «благоприятный случай» превращаются в собственно представления о счастье лишь с совпадением «протагониста» и «наблюдателя» в одном лице, что дает субъекту возможность интроспекции и рефлексии – выносить оценку «положения дел» вне себя и судить о своей эмоциональной реакции на нее внутри себя. Таким образом, счастье как оценка человеком «успешности» собственной судьбы концептуально и хронологически производно от удачи.

В современной концептуальной формуле счастья как переживания удовлетворенности человека «жизнью в целом», т.е. своей судьбой и предназначением, более или менее четко выделяются такие семантические компоненты, как:

- 1) объективный – внешние жизненные обстоятельства;

*Cassio: So shall I clothe me in a forced content
And shut myself up in some other course,
To fortune's alms.*

(Кассио: ... Твердо это знать
Мне будет некоторым облегченьем.
Я волею-неволей примирюсь
И счастья поищу в другом призванье);

2) субъективный – их оценка субъектом с точки зрения соответствия его магистральным жизненным установкам.

Необходимо отметить «счастье» и в лексикографическом плане. Счастье – «чувство радости», «желанная насущная жизнь», «покой, довольство», «благополучие».

Вот как это представлено в английском языке:

*Othello: There now to be most happy: for I fear
My soul hath her content so absolute
That not another comfort like to this
Succeeds in unknown fate. [W. Shakespeare].*

(Отелло: Аминь! Да будет по твоим словам.
Я счастлив так, что говорить не в силах.
И сердце бьется чаще, чем твое, –
Единственное наше разногласие).

Счастье, равно как и судьба, и любовь, не является эмоцией. Все эти слова просто символы – гиперонимы, выражающие самую общую идею, за которой скрываются различные ее проявления.

*P/King: This world is not for age; nor 'tis not strange
That even our loves should with our fortunes change
For 'tis a question left us yet to prove,
Whether love leave fortune of else fortune love.
The great man down, you mark his favourite flies
The poor advanced makes friends of enemies
An hitherto doth on fortune tend. [W. Shakespeare]*

(Актер-король: Не вечен мир, и все мы видим вновь,
Как счастьем вслед меняется любовь;
Кому кто служит – мудрый, назови:
Любовь ли счастьем, счастье ли любви?
Вельможа пал – он не найдет слуги;
Бедняк в удаче – с ним дружат враги;
И здесь любовь за счастьем вслед идет;
Кому не нужно, тот друзей найдет).

В пословицах «судьба» и «счастье» не разведены, они понимаются как противоположности общего рода и состояния, причина и цель совпадают, «прошлого поминаем – грядущего чаем», «судьба придет – по рукам свяжет».

По мнению В.В. Колесова, счастье, как и судьба, неопределенно во времени [4. С. 43]. Его не только ждешь как цели, его и переживаешь как прошлое; счастье понимаешь «задним умом», когда уже поздно.

Это знание употребляется в основном в английском языке и выражается словом «*fortune*».

*You must therefore be content to slubber the gloss of your new fortunes with
this more stubborn and boist'rous expedition [W. Shakespeare].*

(Приготовьтесь омрачить ваше молодое счастье этой хлопотливой поездкой).

В татарском языке значение «счастливой судьбы» передается словом «бэхет». Р.Г. Ахметьянов при определении этимологии слова «бэхет» выделяет персидскую основу «бахт» [1. С. 42].

Зур бэхетләр сызганып эшкә бирелгәннән килә [Г. Тукай]
(досл.: Чтобы быть счастливым, необходимо трудиться).

Слово «бәхет» также передает значение удачного случая, подаренного судьбой:

Ләкин мин харап булмадым: каяндыр, минем бәхеткә, коткаручы килеп чыкты [А. Шамов]

(досл.: Но я не пропал, откуда-то на мое счастье появился спаситель).

В татарском языке в определенном контексте слова «язмыш» и «бәхет» могут быть синонимами. Они передают общую идею, заложенную в этих словах. Однако иногда в татарском языке при употреблении слова «язмыш» имеется в виду несчастная или трагическая судьба человека:

Күрәсең, тау кадәр газап йотып, ахыр чиктә үзенең язмышы белән килеште [Ә. Еники]

(досл.: Видно, после всех несчастий, которые ему пришлось пережить, он решил смириться со своей судьбой).

Значение «счастье» в татарском языке часто передается словами «язылган» или «насып»:

Бик бәхетле сәгатәтә тугансың икән, бәбкәм. Остабикә булырга тәкъдиреңдә язылган, күрәсең [К. Тинчурин]

(досл.: Ты родилась под счастливой звездой, деточка. Тебе суждено стать женой муллы).

Необходимо отметить, что татарский язык передает это значение как желаемое событие, которое должно произойти в будущем.

Синоним слова «судьба» – «фәләк», заимствованный из арабского языка, также передает значение «счастья»:

Мондый фәләк биргәнгә Аллага Тәгаләгә рәхмәт укырга кирәк [М. Гафури]

(досл.: Надо благодарить Бога за такую судьбу).

Слово «бәхет» очень часто встречается во фразеологических единицах:

Бәхет ишеге ачылу – счастье привалило;

Бәхет йолдызы – источник счастья;

Бәхет сынау – рискнуть в надежде на счастье;

Бәхет кошы – птица счастья.

В татарских народных сказках птицей, приносящей счастье, считали сову. По преданию, птица счастья сама выбирает человека, которому подарит счастье, т.е. она, как Фортуна, капризна и случайна.

Таким образом, анализ концепта «судьба» со значением «счастье» в английском и татарском языках выявил, что данное значение является ключевым в обоих сопоставляемых языках.

Список анализируемого материала

Shakespeare W. Antony and Cleopatra. L., Penguin Books, 1994.

Shakespeare W. Hamlet. L., Penguin Books, 1994.

Shakespeare W. King Lear. L., Penguin Books, 1994.

Shakespeare W. Othello. L., Penguin Books, 1994.

Shakespeare W. Romeo and Juliet. L., Penguin Books, 1994.

Еники Ә. Әсәрләр: 2 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. Т. 2.

Тукай Г. Әсәрләр: 4 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1976. Т. 2.

Литература

1. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

3. Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 198–206.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

References

1. Akhmet'yanov R.G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [Common Lexis of spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 144 p.
2. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 416 p.
3. Gak V.G. *Sud'ba i mudrost'* [Fate and Wisdom]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 198–206.
4. Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word]. St. Petersburg, YuNA Publ., 2002. 448 p.

МОТЫГУЛЛИНА ЗУХРА АЙВАЗОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (Zuhra711@yandex.ru).

MOTYGULLINA ZUKHRA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

УДК 802/809:37

ББК 81.432.1

Н.К. МУЛЛАГАЛИЕВ

**ВЫРАЖЕНИЕ ИРРЕАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ «THE CATCHER IN THE RYE» ДЖЕРОМА СЭЛИНДЖЕРА
И ЕГО ПЕРЕВОДА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

Ключевые слова: ирреальная модальность, художественная литература, сопоставительное языкознание, непосредственный перевод.

Рассматриваются особенности передачи ирреальной модальности в процессе перевода англо-американской художественной литературы на татарский язык. Перевод основывается на результатах исследований по сопоставительному языкознанию, теории перевода, типологии и контента лингвистики – ирреальной модальности. В статье приводятся примеры перехода с одного языка на другой при непосредственном переводе оригинальных произведений на татарский язык, разбираются случаи выражения ирреальной модальности.

N. MOULLAGALIEV

**EXPRESSING IRREAL MODALITY ON THE MATERIAL OF «THE CATCHER IN THE RYE»
BY JEROME SALINGER AND ITS TRANSLATION INTO TATAR LANGUAGE**

Key words: irreal modality, fiction, comparative linguistics, immediate translation.

The author considers the peculiarities of transferring irreal modality in the process of translating Anglo-American fiction into the Tatar language. Translation is based upon the results of studies on comparative linguistics, translation theory, linguistics and one of the basic components of typology that is known as irreal modality. The paper provides the examples of transferring irreal modality from the source language into the target language by means of immediate translation of the original works into the Tatar language and describes the cases of expressing irreal modality.

Концепт модальности в современном обществе приобретает все большую актуальность. Это связано с новым видением современности: в мире информатизации и компьютеризации очень мало внимания уделяется живому общению, пониманию друг друга не только посредством машинального общения, а средствами чувственного восприятия собеседника. Категория модальности актуальна и в современной науке, основная тенденция которой –

использование междисциплинарных связей для достижения единой цели: когда результаты исследований по истории, психологии, теории перевода, лингвистики – совершенно разных областей миропонимания – выступают как единое целое. Например, при выполнении художественного перевода произведений в неродственных языках (с английского языка на татарский). Будучи носителем татарского или русского языка, переводчик изначально далек от «английского» миропонимания, принятия особенностей культуры языка оригинала, исторических и психологических фундаментов построения речи. Изучение категории модальности как особой лингвистической категории предоставляет возможность понимать не только машинальный перевод предлагаемого произведения, но и «читать между строк», переносить на переводимый язык все тонкости и обычаи иностранного мира. При этом не следует рассматривать модальность как изолированную среду, так как она может существовать, только основываясь на результатах существующих исследований по лингвистике, теории языка, сопоставительном языкознании (изучении неродственных языков), психологии, истории, логике и т.д.

Свое начало учение о модальности получает в античном мире. Аристотель – один из первых, кто затрагивает «модальность» как «учение о материи и формах» и сопоставляет результаты своих размышлений с вопросом о связи языка с бытием. При этом, будучи логиком, он говорит о языке как о чем-то реально несуществующем, он не может отнести то, что нельзя реально потрогать, к миру бытия, но и не может отрицать существование речи. Следовательно, он пытается создать наиболее правильный подход к описанию языка через призму логических рассуждений. Таким образом, он классифицирует все существующие суждения на несколько подтипов: общеутвердительные и частноутвердительные, общеотрицательные и частноотрицательные. Будучи истинным логиком, Аристотель видит в модальности способ существования высказывания – высказывание может существовать, будучи ложью или истиной, но он понимает, что все высказывания не получается собрать под данное логическое заключение и переносит результаты учений в «силлогизм». Получается, что именно Аристотель впервые заговорил о категории модальности или так называемом «добавочном смысле предложения». Дальнейшие учения о категории модальности Ш. Балли и В.В. Виноградова выдвигают ту же самую основу, которую и предложил Аристотель [1. С. 44]. Они же и затрагивают модальность текста, тем самым расширяя горизонты влияния чисто речевой категории. Тем не менее модальность не перестает быть сложной языковой категорией, которая и сегодня имеет огромное количество подходов и направлений исследования. В зависимости от отношения сообщаемого к действительности она имеет объективные и субъективные формы, по характеру устанавливаемых связей между высказываемым и объективной действительностью может выступать реальной и ирреальной [6].

Все особенности проявления модальных отношений прослеживаются в процессе перехода с одного языка на другой, т.е. в процессе перевода художественного произведения, так как в процессе перехода между двумя неродственными языками наиболее четко прослеживаются средства передачи модальных отношений в рассматриваемых языках. Особенно интересны произведения, которые написаны в свободном молодежном стиле и содержат в себе огромное количество волеизлияния, упрека и иных способов выражения чувств. Одним из таких произведений является произведение Джерома Сэлинджера «The catcher in the rye», в котором мы можем встретить огромное количество модально окрашенных высказываний и жизнеописаний. Главный герой – Холден – довольно своеобразный молодой человек с отличным стилем

поведения и рассуждения, которому есть что ответить назойливому обществу. Будучи неуверенным в себе и в окружающем мире, он часто прибегает к использованию ирреальных высказываний. Оригинал произведения на английском языке, и нам необходимо рассмотреть варианты передачи модальных отношений на языке автора. Многие из современных ученых утверждают, что модальность в английском языке в большинстве своем выражается посредством модальных глаголов и особых конструкций предложения. Но Г.В. Колшанский, например, не торопится перечислять модальные глаголы, предложения с «if, whether», вводные слова типа «probably, maybe, certainly, surely и т.д.» как специальные слова, выражающие модальность в английском предложении [3. С. 97]. Наоборот, поддерживая идею В.В. Виноградова, он утверждает, что модальность охватывает весь спектр языка – от простого высказывания до сложного предложения [2. С. 725]. Произведение «The catcher in the rye» полностью пронизано модальностью и представляет собой душевное состояние простого школьника, которого только что исключили из школы. (Из-за избыточной модальности книга была запрещена во многих штатах Америки). Каждое слово, высказанное главным героем, и есть отношение к реальности; его внутреннее «я», оскорбленное социумом, пытается осмыслить и найти себя в обществе. Холден выступает в роли рассказчика, и в целом его рассказ создает такое впечатление, что он никому не пытается навязать свои мысли, а просто делится впечатлениями, никого не утруждая своими рассуждениями. Для этого он и использует ирреальную модальность. Его речь не проста, не всегда Холден уверен в том, что говорит. Создается впечатление, что он просто пытается уверить читателя в том, что он не может говорить всю правду и поэтому прибегает к иносказанию. Часто автор использует общепринятые формы выражения модальности: модальные слова, модальные глаголы, вводные слова, выражающие модальность предложения, но иногда Сэлинджер строит модальность посредством особого использования атмосферы речи и целого контекста.

Например, когда Холден описывает сожителя по комнате в общежитии, он не хочет называть его красивым, но и не может сказать, что он уродлив. Поэтому он выбирает такую тактику, когда автор предоставляет читателю выбор. Каждый сам решает, Холден просто приводит свое видение ситуации: «He thought he was the handsomest guy in the Western Hemisphere. He was pretty handsome, too – I will admit it. But he was mostly the kind of a handsome guy that if your parents saw his picture in your Year Book, they would right away say, «Who is this boy?» I mean he was mostly a Year Book kind of handsome guy» [7. С. 33]. На русском в переводе Райт-Ковалевой это звучит как: «Он считал, что красивей его нет человека на всем западном полушарии. Он и на самом деле был довольно красивый – это верно. Но красота у него была такая, что все родители, когда видели его портрет в школьном альбоме, непременно спрашивали: "Кто этот мальчик?" Понимаете, красота у него была какая-то альбомная» [4. С. 21]. Для того, чтобы выразить свое отношение к высказываемому, в данном случае к красоте Стрэдлейтера, автор использует сочетания «он считал; довольно красивый; красивый, но; понимаете; какая-то альбомная красота», которые дают нам полный образ Стрэдлейтера: «обычный молодой человек, который умеет позировать для альбома и думает о себе, что очень красив, но в целом ничем не отличается от своих сверстников». Чтобы сохранить стиль автора, при переводе произведения на татарский язык, нам придется прибегнуть к суффиксам -ча, -чә, образующие в татарском языке наречия, которые показывают компаративность. Используя слова «аның уйлавынча, хэйран чибәр, үзгә, тик, һичшиксез», можно добиться той не принужденности, которую мы видим в оригинальном произведении: «Аның уйла-

вынча: ул – көнбатыш кисәктәге иң чибәр егетләрнең берсе иде. Дәрәс, ул чыннан да хәйран чибәр, моның белән килешми ярамас. Әмма аның матурлыгы ниндидер үзгә, аны чыгарылыш альбомында күргән эти-әниләр һичшиксез «Бу нинди малай?» – дип сораячаклар. Тик, беләсезме, аның матурлыгы ниндидер «альбомча матурлык» иде». Здесь читатель может понять, что автору не очень приятно говорить про Стрэдлейтера, что он красив. Это говорит о том, что Холден не очень и дружит с ним и не хочет особо его расхваливать. Далее в произведении он приводит примеры того, как Стрэдлейтер пытается показать себя чистоплотным, не являясь при этом таковым. Таким образом, информация, приведенная в нескольких предложениях, раскрывает нам отношение главного героя к своему соседу.

Рассказчик, или главный герой, строит многие свои суждения через фразы, означающие неуверенность «I guess, I think, I could, I mean, I might» и т.д. Все эти фразы также используются для создания атмосферы неуверенности молодого человека, который не знает, что делать со своей судьбой. Например, говоря о Спенсере, автор описывает, как он ковыряется в носу. Реально он не понимает, что делает старик и что хочет этим выразить, поэтому ему остается только догадываться. Холден описывает повадки старика абсолютно равнодушно: «He also started picking his nose. He made out like he was really getting the old thumb right in there. I guess he thought it was all right to do because it was only me that was in the room. I didn't care, except that it's pretty disgusting to watch somebody pick their nose» [7. С. 12]. В переводе это звучит как «И при этом ковырял в носу. Он старался делать вид, будто потирает нос, но на самом деле он весь палец туда запустил. Наверно, он думал, что это можно, потому что, кроме меня, никого тут не было. Мне-то все равно, хоть и противно видеть, как ковыряют в носу» [4. С. 7]. При передаче оригинальной идеи переводчик использовал фразы «будто», «наверно», «мне-то». При переходе на татарский язык у нас также возникает необходимость использовать вводное слово «әйтерсең», частицу «бәлки», глагол «булса кирәк» и иные языковые и конструктивные средства, чтобы всецело показать всю полноту передаваемой идеи. В целом перевод на татарский язык получается довольно близким по смыслу и характеру с английским текстом: «Шул ук вакытта ул бармагы белән борынын актара башлады. Борынын сыпырган төсле генә кыланса да, бөтен баш бармагы ук кереп китте үзенең. Бәлки, ул монда миннән башка беркем дә булмаганга күрә читенсенеп тә тормагандыр булса кирәк. Миңа соң барыбер, ну шулай да берәүнең борынында казынуын карап тору бик күңелле хәлләрдән түгел». Так как татарское предложение получается весьма грубым по смыслу (само суждение молодого человека в таком ключе про старика уже странно), нам необходимо добавить так называемые «смягчающие слова» «булса кирәк», «үзенең». Они помогают татарскому читателю лучше понимать перевод произведения и не чувствовать при этом дискомфорта. В таких предложениях мы видим, что прибегать к ирреальной модальности или усилить существующую модальную окраску переводчик может и в процессе перевода. Ирреальная модальность формирует не критичную речь, смягчает грубые суждения.

Говорящий часто прибегает к использованию ирреальной модальности в силу того, что сам не может понять, как ему действовать, как поступить: «There wasn't anyplace else to go. I thought maybe I might stop in a phone booth and give old Jane Gallagher a buzz before I started bumming my way west, but I wasn't in the mood. For one thing, I wasn't even sure she was home for vacation yet. So I just went over to the museum, and hung around» [7. С. 233]. Предложенный перевод на русский язык передает неуверенность автора различными

ми формами глагола и частицей ли «не звякнуть ли», «не был уверен» и общим настроением говорящего: «Все равно больше идти было некуда. Я подумал, не звякнуть ли Джейн Галлахер из автомата, перед тем как податься на Запад, но настроения не было. Да я и не был уверен, что она уже приехала домой на каникулы. Я зашел в музей и стал там ждать» [4. С. 153]. В татарском языке существуют такие же формы слов, направленных на выражение неуверенности: «Башка барыр жирем булмаганлыктан, кәнбатыш тарафына юл тотар алдыннан, телефон будкасына кереп, Джейн Галлахер карчыкка шалтыратып алыммы соң, дигән фикер дә туды башымда. Тик һич төкәфем юк иде шул. Каникулга кайтканын, кайтмаганын да төгәл генә белми идем, дәрәсен әйткәндә. Шуңарга музейга кердем дә, көтөргә тотындым». При переходе на татарский язык в данном предложении мы также можем сохранить и целостность выражения «old Jane Gallagher», так как в татарском языке есть слово точно в таком же значении, что и слово «old» – «карчык». Оно звучит как «старушка», но переводчик не использовал данное слово в переводе на русский язык скорее в связи с тем, что «старушка» – это уменьшительно-ласкательное от слова «старая» или «старуха», что нельзя сказать о слове «карчык». Его можно употреблять и в отношении молодых особ женского пола, при этом фраза звучит с небольшой иронией и показывает дружеские отношения между Холденом и Джейн.

Сэлинджер часто прибегает к использованию ирреальной модальности, когда возникает необходимость описания непонятного поведения молодого человека. Это добавляет остроту в переживания Холдена, читатель всецело понимает его потерянность и пребывание в состоянии горячки. «Every time I'd get to the end of a block I'd make believe I was talking to my brother Allie. I'd say to him, "Allie, don't let me disappear. Allie, don't let me disappear. Allie, don't let me disappear. Please, Allie." And then when I'd reach the other side of the street without disappearing, I'd thank him. Then it would start all over again as soon as I got to the next corner. But I kept going and all. I was sort of afraid to stop, I think—I don't remember, to tell you the truth» [7. С. 227]. Р. Райт-Ковалева предлагает довольно упрощенный перевод данного отрывка: «Только дойду до угла, сразу начинаю разговаривать с моим братом, с Алли. Я ему говорю: "Алли, не дай мне пропасть! Алли, не дай мне пропасть! Алли, не дай мне пропасть! Алли, прошу тебя!" А как только благополучно перейду на другую сторону, я ему говорю спасибо. И так на каждом углу – все сначала. Но я не останавливался. Кажется, я боялся остановиться – по правде сказать, я плохо помню» [4. С. 149]. С точки зрения психологии произведения этот отрывок представляет собой один из ключевых моментов описания Холдена: у него возникают ничем не обоснованные страхи. Весь отрывок полон сомнений, реальность автора путается с ирреальным миром. Речь главного героя построена с использованием простых предложений, но при этом полны переживаний, нагнетающих обстановку. Конечно, в данном случае автор также пользуется и повторением, как сильным стилистическим средством описания, но и сам контекст представляется модальным или «душевым». При переводе это обязательно надо передать средствами татарского языка: «Өйләр бетеп урам почмагына борылу белән абыем Алли белән сөйләшә башлаганмын сыман тоела. Мин аңа: "Алли, югалырга бирмә миңа. Алли, югалырга бирмә миңа. Алли, югалырга бирмә миңа. Алли, зинһар". – диямен шикелле. Һәм югалмый урамның икенче чыгып җитү белән, мине югалудан саклаганы өчен аңа рәхмәт укыйм. Икенче тыкырыкка барып җитү белән бары да янәдән кабатлана. Ләкин мин туктарга курыккан кеше сыман барам да барам – бәлки шулай тоела гынадыр – белмим

дә, дәресен генә әйткәндә». Слова «сыман, тоела, диямен, шикелле, ғынадыр, белмим» направлены на сохранение изначального контекста потерянности автора и добавляют модальность в живую речь говорящего.

Современный взгляд на перевод художественных произведений, основанный на сопоставительном изучении неродственных языков, таких, как татарский и английский, поможет преодолеть многовековой барьер культур, обогатить знания в области сопоставительного языкознания и интеграции отдельных элементов изучения языка в одно целое видение мира. При этом процесс перевода представляет собой интересный материал для дальнейшего детального изучения и совершенствования, направленный на обогащение татарского языка новыми лингвистическими знаниями, которые ранее были недоступны. Переведенные произведения обогащают библиотеку татарского читателя, что является практически значимой частью исследования.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; ред., вступ. ст. и примеч. Р.А. Будагова. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / под ред. Г.А. Золотовой; предисл. В. Костомарова и др. М.: Рус. яз., 2001. 786 с.
3. Кошанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 80–106.
4. Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи / пер. с англ. Р.Я. Райт-Ковалевой. М.: Кристалл, 2001. 574 с.
5. Миннихметов Р.Г. Модальные слова в татарском языке. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1999. 84 с.
6. Хисамова В.Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 250 с.
7. Selinger D. Catcher in the rye. СПб.: КАРО, 2011. 288 с.

References

1. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1950, 403 p. (Russ. ed.: Bally Ch. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 416 p.).
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: the grammatical doctrine of the word]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 786 p.
3. Selinger D. Catcher in the rye. St. Petersburg, KARO Publ., 2011, 288 p. (Russ. ed.: Selindzher D. Nad propast'yu vo rzhi. Moscow, Kristall Publ., 2001, 574 p.).
4. Kolshanskii G.V. *K voprosu o sodержanii yazykovoi kategorii modal'nosti* [To a question about the content of the linguistic categories modality]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. 1961, no. 1, pp. 80–106.
5. Minniakmetov R.G. *Modal'nye slova v tatarskom yazyke* [Modal words in the Tatar language]. Ufa: Bashkir University Publ., 1999. 84 p.
6. Khisamova V.N. *Glagol'naya sistema tatarskogo i angliiskogo yazykov: sopostavitel'nyi analiz v aspekte izucheniya angliiskogo yazyka na baze rodnogo (tatarskogo) yazyka* [Verbal system of the Tatar and English languages: a comparative analysis in the aspect of study of the English language on the basis of the native (Tatar) language]. Kazan, Kazan University Publ., 2004. 250 p.
7. Selinger D. Catcher in the rye. St. Petersburg, KARO Publ., 2011. 288 p.

МУЛЛАГАЛИЕВ НАРКИЗ КАМИЛЕВИЧ – ассистент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (narkizmoullagaliev@mail.ru).

MOULLAGALIEV NARKIZ – Assistant Lecturer, Department of Romano-Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

УДК 81.23
ББК 81.006

Л.А. НУРГАЛИЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ключевые слова: невербальная коммуникация, жесты, улыбка, культура, традиции.

Рассматриваются вопросы невербальной коммуникации в лингвокультурологическом аспекте на примере англичан (американцев) и татар. Выявляются сходства и различия двух совершенно далеких друг от друга культур. За основу были взяты такие невербальные средства, как улыбка и взмахи рукой при приветствии и прощании. В процессе рассмотрения и сопоставления вышеуказанных средств невербального общения было выявлено, что в отличие от татар для англичан (американцев) улыбка является не только эмоцией радости и поощрения, но и своего рода образом бытия, неотъемлемой частью их культуры, своего рода лозунгом «У меня все хорошо». Для татар же улыбка не что иное, как проявление радости или поощрения. Взмахи рукой в отличие от улыбки являются популярными как среди англичан, так и среди татар.

L. NURGALIEVA

SOME FEATURES OF NONVERBAL COMMUNICATION IN ENGLISH AND TATAR LINGUISTIC CULTURES

Key words: nonverbal communication, gestures, smile, culture, traditions.

The paper deals with the problem of nonverbal communication as a part of linguistic culture. As an example were taken two completely different cultures such as English-American and Tatar. The author considers such nonverbal forms as smile and waving in greetings and farewells. The comparative research of these means of nonverbal communication showed that a smile for English-speaking Americans is not just an emotion of joy and encouragement, but a part of their life mode, an integral part of their culture, a kind of the slogan «I'm fine». As for the Tatars, according to our research, a smile is a manifestation of joy or encouragement. Waving hands, unlike smiling, is popular in both cultures.

На Земле существует множество различных языков, и мы тратим не один год в попытках овладеть в совершенстве тем или иным иностранным языком. При этом мы зачастую забываем, что существует универсальный, доступный во всем мире способ коммуникации – невербальный. Как отмечает И.Н. Кузнецов, «На земле существует один язык, который доступен и понятен всем, – это язык телодвижений, который мы используем каждый миг нашей жизни» [4. С. 3]. Именно невербальные средства коммуникации несут в себе эмоциональную окраску. Без них мы бы не смогли понять, что чувствует в данную минуту наш собеседник, а зачастую они могут выполнять и основную коммуникативную функцию. Например на простой вопрос: *Ты приготовил ужин?* мы можем ответить как *да (нет)*, так и просто кивнуть или покачать головой.

Для большинства людей невербальная коммуникация является способом общения, осуществляемым несловесными средствами. Однако это не отражает адекватно всю сложность данного явления. Как отмечает в своих работах М. Нэпп с соавт., «некоторые жесты имеют лингвистический смысл, так как при различных видах афазии вместе с утраченными вербальными навыками у человека исчезают и жесты с соответствующими лингвистическими функциями. И наоборот, не все слова, которые мы произносим, однозначны и, несомненно, являются вербальными средствами коммуникации, – рассмотрим, скажем, звукоподражательные слова (жужжание, бормотание) или речь, не организованную в предложения, которая наблюдается у страдающих афазией» [5. С. 5]. Таким образом, мы можем заключить, что как вербальные, так и невербальные средства коммуникации являются неотъемлемой частью человеческой речи. Они дополняют друг друга, а порой и заменяют.

Изучая иностранный язык, мы не можем не изучать и культуру данного народа. В процессе изучения культуры мы обязаны также изучать и специфику речевого поведения носителей языка, так как, не зная культуру и традиции, можно попасть в неловкое положение. Казалось бы, какое важное значение могут нести в себе жесты и какую могут представлять сложность. Но существует огромное количество жестов, которые невозможно понять без специального изучения. Приехав в чужую страну и увидев, как нам кажется, знакомый жест, мы по привычке расшифровываем его согласно своей национально-культурной традиции, а он может иметь совершенно другое значение. Рассмотрим хорошо известный в России жест – поднятый вверх большой палец. В нашей стране данный знак означает похвалу, в то время как в Бангладеш – желание поразвлечься с женщиной. И это не случайно, так как межкультурные различия на невербальном уровне представляют одну из проблем, с которой сталкиваются люди, изучающие иностранный язык.

Знание и изучение невербальных средств коммуникации необходимы в первую очередь для «умения» читать язык жестов и помочь человеку понять других людей. Движение глаз, бровей, губ – все несет в себе положительную или отрицательную информацию. К примеру, американский психолог П. Экман полагает, что улыбка – это намного более сложное явление, чем принято думать. Он выделяет 18 типов различных улыбок, большинство из которых являются фальшивыми. Как же различить, какая улыбка искренняя, а какая нет? И.Н. Кузнецов предлагает посмотреть на верхнюю половину лица: при искренней улыбке приходят в движение мышцы, заставляющие глаза довольно щуриться.

Мы не случайно остановились на столь подробном описании улыбки. Именно она является визитной карточкой иностранцев (особенно американцев). Более того, улыбка для них своего рода культ. Считается, что улыбка – это естественное выражение лица, отсутствие которой может означать только то, что ему настолько плохо, что он даже не может скрыть свои эмоции. Но это явление встречается крайне редко, так как американцы не считают важным раскрывать свои истинные чувства собеседнику, если он не самый близкий и родной человек. По этой причине очень часто американцев считают неискренними и двуличными (у них улыбка не сходит с лица, даже если общение не подразумевает ничего приятного).

Как отмечают многие русские психологи, традиция улыбаться не может прижиться в России. С их мнением можно согласиться лишь частично. Многие, выезжающие на заработки или учебу за границу сроком более двух месяцев, возвращаются совершенно другими людьми. Усваиваются западные традиции, а по возвращении наступает довольно тяжелый период адаптации, своего рода привыкание к тому, что у нас народ менее открытый и веселый (особенно распространено после возвращения из Америки). Следующий пример довольно ярко иллюстрирует культурные различия англичан и русских: *«Alexander complained that in England he felt "like the village idiot" because in Russia if you smile all the time people think that you are mad. In fact, this is exactly what my husband's friends thought of me the first time I went to Russia because I smiled at everyone»*. – Александр жаловался, что в Англии он чувствовал себя как «деревенщина», потому что в России, если ты все время улыбаешься, люди думают, что ты чокнутый. Когда я приехала в Россию впервые, друзья моего мужа так и думали обо мне, так как я всем и всегда улыбалась [7. Р. 38].

Теперь рассмотрим более подробно роль улыбки в жизни татар. В первую очередь хотелось бы отметить, что как речевое, так и кинесическое (внешнее проявление человеческих чувств и эмоций) поведение молодого поколения характеризуется влиянием западной культуры. Но в то же время

хотелось бы отметить, что, хоть и частично, сохранились некоторые обычаи и по сей день. К примеру, до XX в. девушка при встрече молодого человека прикрывала лицо платком и застенчиво опускала глаза. Приведем пример из известной татарской повести «Хаят» Ф. Амирхана: «*Хаят бу урамнарда иркәнләп бара алмады: еш-еш очраган татарлардан ул йөзен качыра барырга тиеш иде. Хәер, бу эш өйрәнгән Хаят өчен әллә никадәр авыр эш түгел; аның кулчыгы, күзләр бер татарны күрү белән, хәзер үзеннән-үзе күтәрелә дә, шәлнең бер чите белән йөзнең өч чирек өлешен каплай бара; хәтта күп вакытта Хаят үз кулының бу эшне эшләп өлгәргән икәннен сизми дә кала иде*» [1. С. 212]. – *Хаят не могла свободно ходить по этой улице; она должна закрывать свое лицо от часто встречавшихся татар (мужского пола. – Л.Н.). К счастью, для Хаят это не составляло особого труда; при виде татар ее рука сама собой тянулась за шалью, чтобы прикрыть три четверти лица; часто она даже не замечала того, как ее рука сама закрывало ее личико.*

Из вышеуказанного примера отчетливо видно, что девушка не должна была полностью показывать свое лицо незнакомому мужчине. Если же она улыбалась, то очень скромно, опустив глаза и прикрыв половину лица шалью, только глаза могли подчеркнуть, что девушка улыбается.

В наши дни, как правило, девушки не прикрывают свое лицо при встрече с незнакомцами, более того, под влиянием западной культуры многие современные татарские женщины могут улыбнуться первыми.

Рассматривая самые яркие западные невербальные средства общения, наряду с улыбкой также хотелось бы упомянуть о взмахах руки при встрече или прощании. В отличие от улыбки данный вид является более популярным средством коммуникации. Он, как известно, бывает трех видов:

1) размахивание поднятой на уровне головы или над головой правой рукой из стороны в сторону ладонью вперед;

2) поднятая правая рука на уровне головы или над головой ладонью вперед;

3) поднятая правая рука на уровне головы ладонью вперед, при этом пальцы совершают волнообразное движение, сгибаясь по очереди вперед.

Рассмотрим пример: «*Emile waves excitedly to Joe, who composes his face and gives her his most charming smile...*» [6. P. 145]. – *Эмили возбужденно машает Джо, который, в свою очередь, одаривает ее своей самой очаровательной улыбкой.*

Как видно из примера, взмах руки дополняется улыбкой, которая в большинстве случаев является своего рода знаком, указывающим на степень знакомства. Американский психиатр А. Шеффлен выделяет две стадии процесса приветствия (американцев):

1. Обычно приветствие начинается на расстоянии между коммуникантами около 12 футов (но может быть и больше в безлюдных местах). Причем типичным поведением американца на далеком расстоянии будет следующее: он машет рукой, поворачивается и говорит: *Hi, A!* затем приветствующие идут навстречу друг другу и протягивают руки.

2. Участники коммуникативного акта сближаются, обмениваются рукопожатиями (если они друзья или знакомые). Если они близкие знакомые или родственники и долго не виделись, то обнимаются. Некоторые мужчины и женщины целуются [8. P. 38].

Следует отметить, что данный способ приветствия (прощания) не является характерным для татар, так как у них не принято ярко выражать свои эмоции на публике (в особенности у мужчин). Еще в XIX в. педагог, литератор и философ Р. Фахретдин в своей книге наставлений писал, что, встретив на улице знакомо-

го, нельзя звать его взмахом руки, а нужно привлечь его внимание лишь голосовым приветствием. В 2002 г. в свет выходит книга наставлений для детей, в которой авторы также подчеркивают, что махать руками некрасиво и неприлично [З. С. 44]. Но в последние годы из-за возросшего влияния западной культуры татарская молодежь начала забывать свои традиции и устои и все больше стремится соответствовать европейским стандартам. Она все чаще и чаще перенимает как вербальные, так и невербальные средства коммуникации. Именно по этой причине сегодня все больше людей используют некогда нехарактерные слова и жесты. В то же время следует подчеркнуть, что, несмотря на все попытки современных татар быть похожими на представителей западной культуры, они не смогут полностью изменить свой менталитет и родные традиции рано или поздно восторжествуют.

Таким образом, изучая средства невербальной коммуникации, мы можем сделать вывод, что они несут в себе не только психологическую, но и этнолингвокультурологическую информацию. Только изучив данный вид общения, мы можем более подробно узнать о представителях той или иной культуры.

Литература

1. Амирхан Ф. Избранные произведения: в 4 т. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. Т. 2. 488 с.
2. Аршавская Е.А. Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) // Национальная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 268–277.
3. Балаларга үгет-нәсыйхәт. Казань: Дом печати, 2002. 176 с.
4. Кузнецов И.Н. Современный язык жестов. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2007. 448 с.
5. Нэпп М., Холл Дж. Невербальное общение: пер. с англ. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 512 с.
6. Green J. Spellbound. Penguin UK, 2002, 465 p.
7. Oxenden C. New English file. Intermediate student's book. Oxford, Oxford university press, 2014. 160 p.
8. Schefflen A. Body language and social order. Communication as behavioral control. Prentice-Hall, Englewood Cliffs. N.Y., 1972. 318 p.

References

1. Amirkhan F. *Izbrannyye proizvedeniya: v 4 tomakh* [Selected works. 4 vols]. Kazan, Tatar Publishing house, 1984, vol. 2, 488 p.
2. Arshavskaya E.A. *Rechevoi etiket sovremennykh amerikantsev SShA (na materiale privetstviy)* [Modern Americans' Speech Etiquette (based on greetings)], *Natsional'naya spetsifika rechevogo povedeniya* [National specific of verbal behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 268–277.
3. Ibragimov N. *Balalarga yuget-nesyikhet* [Instruction to children]. Kazan, Dom pechati Publ., 2002, 176 p.
4. Kuznetsov I.N. *Sovremennyyi yazyk zhestov* [Modern body language]. Moscow, ASTKharvest Publ., Minsk, Kharvest, 2007, 448 p.
5. Knapp M.L., Hall J.A. *Nonverbal communication in human interaction*. 5th ed. N.Y., Harcourt Brace Jovanovich, 2002 (Russ. ed.: Knapp M.L., Hall J.A. *Neverbal'noe obshchenie*. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2007, 512 p.).
6. Green J. *Spellbound*. Penguin UK, 2002, 465 p.
7. Oxenden C. *New English file. Intermediate student's book*. Oxford, Oxford university press, 2014. 160 p.
8. Schefflen A. *Body language and social order. Communication as behavioral control*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs. N.Y., 1972. 318 p.

НУРГАЛИЕВА ЛЕЙЛА АЙВАЗОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (lei.pandora@gmail.com).

NURGALIEVA LEILA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages and International Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

УДК 811.161.1'42(07)
ББК Ш12=411.2*53р30(2)

М.Е. ПЕТУХОВА, И.А. СИМУЛИНА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАНТОВ

Ключевые слова: прецедентные тексты, языковая игра, интертекстуальность, трансформация, методика преподавания русского как иностранного.

Рассматривается актуальное средство речевой выразительности – трансформация прецедентных текстов. Дается определение «прецедентный текст». Анализируются причины возникновения трансформированных прецедентных текстов. Обобщается целесообразность обращения к данному языковому явлению при изучении русского языка как иностранного на продвинутом этапе. Подчеркивается необходимость различения намеренного искажения исходной формы устойчивого словосочетания и ошибок, возникающих вследствие незнания фразеологической системы русского языка. Авторы рассматривают основные способы возникновения трансформированных прецедентных словосочетаний (замена компонента фразеологического словосочетания, сокращение или расширение состава фразеологического оборота, контаминация двух оборотов, искажение грамматической формы компонентов фразеологизма, обыгрывание многозначности лексем, изменение интонационной окраски). Предлагается разработанная авторами система упражнений, направленная на формирование навыка идентификации прецедентных текстов, умения отличить свободные словосочетания и предложения от устойчивых, способности восстанавливать исходную форму трансформированных текстов и понимать авторский замысел в интертекстуальном пространстве.

M. PETUKHOVA, I. SIMULINA

TRANSFORMATION OF PRECEDENT TEXTS AS PHENOMENON OF MODERN RUSSIAN SPEECH CULTURE WHEN TEACHING FOREIGN LANGUAGE SPEAKERS

Key words: precedent texts, wordplay, intertextuality, transformation, methods of teaching Russian as foreign language.

The paper is devoted to the actual means of verbal expressiveness – transformation of precedent texts. We give a definition of «precedent text» and analyze the causes that give rise to transformed precedent texts. The authors give reasons for the necessity of using this language phenomenon in teaching Russian as a foreign language at an advanced level. They also emphasize the need to distinguish between intentional distortion of the original form of idioms and errors arising from ignorance of the phraseology of the Russian language. The authors regard the main ways of origin of transformed precedent phrases (replacement of a component of idiomatic phrases, shortening or extension of the idiomatic expression, contamination of the two idioms, the distortion of the grammatical form of the components of a phraseological unit, distinguishing multiple meanings of polysemic lexemes by means of wordplay, and changing of intonation patterns). The authors offer a system of exercises aimed at developing the skill in identifying precedent texts, the ability to distinguish usual phrases from idioms, the ability to restore the original form of the transformed texts and to understand the author's message in the intertextual space.

Наиболее актуальным средством речевой выразительности, которое получило широкое распространение в последнее время, является создание новых словосочетаний и фраз путем намеренного искажения и переосмысления уже существующих в языке устойчивых выражений, прецедентных текстов. Под прецедентными текстами мы понимаем тексты, которые хорошо знакомы носителям данного языка, вызывают у носителей языка прочные ассоциации и очень часто используются в коммуникации данного народа. Именно национальные прецедентные тексты определяют «единство языкового сообщества, помогают носителям того или иного языка делить людей на «своих» и «чужих», формируют общее для них коммуникативное пространство. Национальные прецедентные тексты – один из важнейших факторов, благодаря которым мы можем говорить о русском лингво-культурном сообществе – сообществе носителей русского языка и русской культуры» [5. С. 141].

Языковая игра, построенная на трансформации и переосмыслении устойчивых словосочетаний, призвана оживить восприятие языка его носителями. Устойчивые выражения в результате долгого функционирования в языке частично теряют свою экспрессивность и образность. Современная речевая культура переживает новый всплеск интереса к подобным языковым единицам. Одним из способов реанимирования образности фразеологизмов (в широком понимании) можно считать возникновение новых словосочетаний на основе имеющихся. «Столкнувшись с трансформированной фразой, грамотный читатель получает двойную игровую ситуацию: установить происхождение цитаты (стандартная задача при аллюзии) и разобраться с контекстуальным шлейфом» [3. С. 35]. Таким образом, читатель вовлекается в языковую игру и из реципиента превращается в активного участника коммуникативного акта.

Явление трансформации прецедентных текстов настолько популярно, что к нему обращаются журналисты, поэты-сатирики, рок-музыканты, барды.

Распространенность указанного явления свидетельствует о необходимости его изучения на уроках русского языка как иностранного. Конечно, речь может идти только о продвинутом этапе изучения языка, соответствующего III и IV сертификационным уровням. К этому времени иностранные учащиеся обладают общими сведениями о фразеологической системе русского языка, о корпусе наиболее значимых прецедентных текстов; владеют лингвострановедческой информацией и сведениями о том, что «многие фразеологизмы современного русского языка возникли на базе фольклорных произведений» [4. С. 180].

Однако, не учитывая трансформацию прецедентных текстов в современной речевой культуре, иноязычные коммуниканты не смогут в полной мере понимать окружающую их языковую среду. Исходя из установленных требований, предъявляемых к иностранцам, изучающим русский язык на продвинутом уровне, они «должны понимать и адекватно интерпретировать оригинальные тексты любой тематики: абстрактно-философские, тексты профессиональной ориентации, тексты, предназначенные для широкого читателя, а также художественные тексты, обладающие подтекстовыми и концептуальными смыслами» [6].

Знакомство с трансформированием прецедентных текстов иностранных учащихся целесообразно еще и потому, что они должны проводить четкую границу между сознательным изменением формы или содержания того или иного образца, языковой игрой и ошибками в воспроизведении устойчивых текстов.

Намеренное искажение уже существующих фразеологических оборотов рассчитано на актуализацию в сознании носителей языка или людей, владеющих языком на должном уровне, культурных реалий, связанных с прецедентным текстом. Отсутствие подобных фоновых знаний рождает непонимание полного объема значения и приводит к появлению значительного количества ошибок.

Ошибки следует отличать от рассматриваемого вида языковой игры. Принципиальным отличием новых словосочетаний является тот факт, что они создаются сознательно, при их создании отталкиваются от существующих в языке устойчивых выражений. А ошибки появляются в результате незнания значения и грамматического облика фразеологизмов. Трансформация привносит в уже известный текст новый смысл, дополняющий и обогащающий прежний. Ошибки же не несут дополнительной семантической нагрузки.

Новые словосочетания образуются в языке разными способами:

– замена компонента фразеологического словосочетания; причем один из компонентов может заменяться как синонимом (*О как люблю я пудрить людям извилины. А я одной ногой уже в астрале* [1. С. 127]) или антонимом (*Договор дешееле денег.* [Интернет]), так и отличным по значению словом (*Порой связать двух деушек не может* [1. С. 53], *Артист высокого поле-*

та... [2. С. 35]). Подобных примеров немало в названиях телепередач, в газетных и журнальных заголовках:

Ночь, улица, фонарь, ипотека [Город. 2004. № 19]

Арбитр не спешит, арбитр понимает [Город. 2004. № 11]

Весна, оркестр торжествует [Город. 2004. № 11]

Человек – это звучит горько [Комсомольская правда. 2001. № 6]

Теперь все будет просто: пришел, увидел, поменял [Московский комсомолец. 2000. № 11];

– сокращение или расширение состава фразеологического оборота:

Хорошо там, где нас... [Интернет]

Любовь еще быть может... [Город. 2004. № 16]

Своя смирительная рубашка ближе к телу [Экспресс К. 2014. № 124]

Есть в жизни место подвигу. Ухода [1. С. 33].

Расширение часто связано с «домысливанием». Оно основано на многозначности русских слов: сталкиваются свободное и фразеологически связанное значения:

В картине оголила чувства, в «Плейбое» – остальную часть.

Набил он руку в этом деле, а остальное мы набьем [2. С. 71]

Кишка тонка, зато она прямая [1. С. 51];

– контаминация двух оборотов:

Это всё шито по воде белыми нитками.

Чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу.

Гроша выеденного не стоит.

И ухом не моргнул! [Интернет];

– искажение грамматической формы компонентов фразеологизма:

С кем поведешься, с тем и наберешься.

Вот где собака порылась [Интернет]

И в Думу высокое стремленье [Город. 2003. № 33].

В некоторых примерах, приведённых выше, обыгрывается многозначность лексем.

Большое количество новообразований создается на основе каламбура:

Не смешны в саду даже шорохи.

А ты, улетающий вдаль Соломон [1. С. 56]

ГАИ, ГАИ! Моя звезда.

Поедем в кроссовках кататься.

Один в поле не вой!

Толик еще будет ой-ой-ой.

Ближе к телу!

Мой дядя самых честных грабил.

Не суй свой взнос не в свое дело [Интернет].

Особую группу составляют новые словосочетания, которые образованы по специфической модели. В данных сочетаниях ожидаемая концовка заменяется другими словами и происходит регрессивное переосмысление значения фразеологического оборота. При этом при создании нового выражения происходят различные синтаксические трансформации (*Потупив скромно всё, что только можно. И долго буду тем любезен я и этим.* В. Вишневский, *Бог дал ему и взял обратно* [1. С. 127], *В гостях хорошо, а дома у меня нету. Лучшие иметь синицу в руке, чем утку под кроватью* [Интернет]).

Иногда компонентный состав прецедентных текстов остаётся прежним, а трансформации подвергается интонационная окраска (*Не в деньгах сча-*

сть? Бедность не порок? [Интернет]. Обращение к подобным трансформациям необходимо на занятиях по русскому языку как иностранному на продвинутом этапе. Для успешного прохождения тестирования на III–IV уровень ТРКИ в субтесте «Говорение» иностранцы должны продемонстрировать умение произносить фразы с разной интонацией в зависимости от коммуникативного задания. Отработку данного навыка рекомендуется проводить на трансформированных прецедентных текстах указанного выше типа, что позволяет отработать не только разные типы интонационных конструкций, но и вариативную постановку логического ударения, связанного со смыслом высказывания и авторским замыслом.

Словосочетания, созданные в результате языковой игры, служат средством выражения оценки и создания комического эффекта. Смех и положительные эмоции способствуют возбуждению лингвистического интереса к языковым явлениям. Кроме того, такие выражения создают предпосылки для возникновения разнообразных ассоциаций и обогащают речь смысловыми и эмоциональными оттенками.

Элементы языковой игры обнаруживаются в произведениях разных жанров. Самыми распространенными являются заголовки публицистических текстов, рекламные слоганы, одностишия и др. Но в последнее время на просторах Интернета стал популярным новый жанр – так называемые «порошки» (четверостишия, в которых рифмуются 2- и 4-я строки, и самая короткая, последняя двусложная строчка, нередко является самой важной). Для этого жанра характерно игнорирование заглавных букв и знаков препинания.

Данным поэтическим формам присуща интертекстуальность разного уровня [7]:

– аллюзия на широко известное носителям языка литературное произведение:

*чем меньше женщину мы любим
тем хуже борщ и жиже квас
и дети как-то не похожи
на нас*

*вороне как-то вместо сыра
господь послал тирамису
и этим очень озадачил
лису*

*аркадий женщин привлекает
то как изба горит огнём
то вдруг поскачет длинногривым
конём*

*а если б я была царица
то я б для батюшки царя
царь не дослушал и женился
а зря*

– обыгрывание устойчивых словосочетаний:

*какое море дорогая
мы в отпуск едем по грибы
и наслаждаемся закатом
губы*

– трансформация скороговорок,
*пусть карл и клара постарели
но пронеся сквозь годы страсть
всё смотрят что бы друг у друга
украсть*

Однако необходимо отметить и следующую тревожную тенденцию: частотность использования новых словосочетаний с намеренным искажением прецедентного текста превосходит употребление самих первоисточников. Наряду с этим можно говорить о снижении общей фразеологической грамотности. В такой ситуации многие носители современного русского языка не способны оценить глубину и экспрессивность трансформированных прецедентных тек-

стов. А иноязычные коммуниканты, не имеющие соответствующей подготовки, могут принять изменённые тексты за исходные. Таким образом, иностранцев продвинутого этапа обучения, которые встречаются с текстами, содержащими элементы языковой игры, как на занятиях по русскому языку, так и в повседневной жизни необходимо знакомить с корпусом прецедентных текстов русской речевой культуры. Для этого на уроках русского языка как иностранного рекомендуется использовать разные методические приёмы. Выбор предъявляемого материала осуществляется таким образом, чтобы инофоны могли перейти от стадии нахождения и узнавания прецедентных текстов к их использованию в речи и пониманию авторского замысла при языковой игре. Для достижения этих целей рекомендуются упражнения разного характера:

- упражнения, направленные на формирование навыка идентификации прецедентных текстов, умения отличить свободные словосочетания и предложения от устойчивых (иностранцы должны выбрать из списка предложенных словосочетаний устойчивые и определить их значение; в текстах найти фразеологизмы и проанализировать контекст их употребления);

- упражнения, направленные на узнавание прецедентных текстов по их компонентам (учащиеся должны вставить пропущенные элементы во фразеологизм);

- упражнения, направленные на восстановление исходной формы трансформированных текстов (рассматривая и анализируя изменённый прецедентный текст, учащиеся должны указать его исходную форму);

- упражнения, направленные на понимание авторского замысла в интертекстуальном пространстве (учащиеся должны продемонстрировать умение вскрыть подтекст и объяснять причины трансформации прецедентных текстов).

Языковая игра основана на знании системы единиц языка, норм их использования и способов творческой интерпретации этих единиц. Поэтому изучение фразеологии составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении культуры речи. Правильное и уместное использование фразеологизмов и трансформированных прецедентных текстов придаёт речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность.

В связи с этим необходимо уделять внимание изучению русской фразеологии на всех этапах обучения: в школах – на уроках русского языка и литературы, в вузах – в курсе «Русский язык и культура речи», а также при изучении русского языка как иностранного и русского языка как неродного.

Литература

1. *Вишневецкий В.* 224 избранные страницы. М.: ВАГРИУС, 2000.
2. *Гафт В.* Стихи и эпиграммы. М.: Полина, 1996.
3. *Захарова М.В.* Языковая игра (современный этап) // Вестник Московского городского педагогического университета. 2009. № 1. С. 34 – 38.
4. *Петухова М.Е., Симулина И.А.* Фольклорные прецедентные тексты в практике обучения русскому языку как иностранному // Человек. Культура. Образование. 2012. № 3(5). С. 175–184.
5. *Сидорова М.Ю., Савельев В.С.* Русский язык и культура речи. М.: Проект, 2002.
6. <http://www.testrf.ru/raspisanie/2010-01-14-09-33-13/24-iv>.
7. <http://www.adme.ru/svoboda-kultura/pirozhki-i-poroshki-602405>.

References

1. *Vishnevskii V.* 224 *izbrannye stranitsy* [224 selected pages]. Moscow, VAGRIUS Publ., 2000.
2. *Gaft V.* *Stikhi i epigrammy* [Poems and epigrams]. Moscow, Polina Publ., 1996.
3. *Zakharova M.V.* *Yazykovaya igra (sovremenniy etap)* [Language game (modern stage)]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow city Pedagogical University], 2009, no 1, pp. 34–38.
4. *Petukhova M.E., Simulina I.A.* *Fol'klornye pretsedentnye teksty v praktike obucheniya russkomo yazyku kak inostrannomu* [Folklore precedent texts in the practice of teaching Russian as a foreign language]. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* [People. Culture. Education], 2012, no 3(5), pp. 175–184.

5. Sidorova M.Yu., Savell'ev V.S. *Russkii yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Moscow, Proekt Publ., 2002.

6. <http://www.testrf.ru/raspisanie/2010-01-14-09-33-13/24-iv>.

7. <http://www.adme.ru/svoboda-kultura/pirozhki-i-poroshki-602405>.

ПЕТУХОВА МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (petuhovame@yandex.ru).

PETUKHOVA MARIA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian language as Foreign Language, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

СИМУЛИНА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА. См. с. 165.

УДК 39
ББК 63.5 (2)

А.К. САЛМИН

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ

Ключевые слова: тюрки, монголы, татары, язык, чуваш.

Этнические составляющие – непостоянные признаки. Смена культурообразующих компонентов помогает им преобразовываться, преодолевать кризисы и способствует их возрождению. Народы перерождаются в самом широком смысле. Особенно это относится к кочевникам. Историю татар невозможно рассматривать в отрыве как от истории монголов, так и от истории булгар. Об этом свидетельствуют все источники (армянские, византийские, арабские, «Сокровенное сказание монголов», русские летописи). До монголо-татарского нашествия предки чувашей не были подвержены каким-либо серьезным влияниям ни тюрков, ни монголов. На надгробных надписях Волжской Булгарии еще сохраняется чувашский r/l диалект. Работы В.В. Радлова и других лингвистов подтверждают идею о том, что чувашский язык первоначально не был тюркским, он стал тюркским со временем. С XIII–XIV вв. происходит кыпчакизация булгарского и суварского языков (например, переход звука 'х' в 'к'). Хотя предки чувашей и успели сформироваться в народ до полной тюркизации, кыпчакские и татарские элементы оставили в нем неизгладимый след.

A. SALMIN

CHUVASH LANGUAGE IN MONGOL-TURKIC WORLD

Key words: Turks, Mongols, Tatars, Language, Chuvash.

The ethnic components are not permanent attributes. The changing of the culture-generating components contributes to their transformation, the ability to overcome crises, and promotes their revival. Nations regenerate in the broadest sense. This applies especially to the nomads. It is impossible to consider the Tatar history without regarding either the Mongol or Bulgar history. The evidence can be found in many sources (Armenian, Byzantine, Arab, the Secret History of the Mongols, Russian chronicles). Before the Mongol-Tatar invasion, the ancestors of the Chuvash people had not been subject to any serious influence by either the Turks or the Mongols. Gravestones in the Volga Bulgaria were still bearing inscriptions made in the Chuvash r/l dialect. V.V. Radlov and other linguists in their works corroborated the idea that the Chuvash language initially had not been Turkic, it became eventually Turkic later. In XIII–XIV centuries, the Bulgar and Suvar languages underwent Kypchakization (for example, the sound [h] changed into the sound [k]). Although the ancestors of the Chuvash had succeeded in forming their nation prior to total Turkization, Kypchak and Tatar elements have indelibly changed their language.

Местом существования тюркского праязыка считается широкая территория между Ордосом и южным Саяно-Алтаем, а временем такого состояния считается конец I тыс. до н.э. – первые века н.э. Именно тогда и там пратюркский язык отделился от монгольского и тунгусо-маньчжурского языковых семей [10. С. 199–200]. Еще во времена бытования старотюркского языка (Ancient Turkic), считает А. Рона-Таш, носители древнечувашского языка отошли далеко от других тюрков. Тюркские языки лингвисты делят на две основные группы: это – огурские и огузские языки. Все они, кроме чувашского, имеют

маркер множественности *-лар* (конечно, и *-тар*). Должно быть, обобщение произошло позже, потому что старотюркский язык имел и другие формы множественного числа. Это видно из таких примеров, как *oġul* «сын» > *oġlan* «сыновья», *är* «мужчина» > *ärän* «мужчины», а также *be(n)* «я» – *biz* «мы». У чувашей плюральным суффиксом является *-сем* [36].

В китайских династических летописях и на тюркских надписях упоминается ряд титулов и должностей, указывающих на их заимствования от жуань-жуаней, от Китая, иранских, тохарских и индийских источников. Например: *yabġu*, *šad*, *tegin*, *ilteber*, *tudun*, *tutuq* и др. В целом подавляющее большинство титулов является нетюркским по происхождению [7. С. 217].

Полагают, что огурский/булгарский язык представляет собой предыдущую форму архаического тюркского, а только потом произошла серия фонетических изменений (т.е. *z > r*, **š/*č > l*). Возможно, это произошло в I–III вв. Рудименты этого праязыка сохранились на сегодняшний день у чувашей [11. Р. 30]. Однако не все орхонские надписи принадлежали тюркским племенам. Особенно это касается татар. И это несмотря на то, что перед их именем ставятся тюркские числительные типа *отуз* «тридцать» и *токуз* «девять». В. Томсен справедливо считал, что эти татары были монголами [39. С. 174]. С ним вполне соглашался В.В. Бартольд [5. С. 580]. В ту эпоху степи Восточной Европы населяли такие ираноговорящие номады, как скифы, сарматы и аланы. С IV–VI вв. здесь стали набирать силу тюркские элементы.

На основе аналитического изучения конкретных форм проявления ротацизма и ламбдаизма в огульской группе языков и в чувашском языке А. Рона-Таш констатирует, что чувашеговорящие люди/группы (*Chuvash speaking people/groups*) пришли из Южной Сибири. Например, в рунической надписи на памятнике *Kejilig ħobu* присутствует название племени *Kümül bodun*, вождем которого был *Kümül üge*. Этот предводитель стал *üge* в 30-летнем возрасте (*otuz yašimga*) и умер на 70-м году жизни (*yetmiş yašimga*). Текст, без сомнения, написан на общем старотюркском языке, но в слове *kümül* «серебро» имеет место ламбдаизм (ср. чув. *кёмёл* и общетюрк. *kümüş*). Примечательно, что эти «серебряные люди» говорили на языке чувашского типа, а к VIII–IX вв. от них сохранилось данное название. «Серебряные люди» (*kümül bodun*) упоминаются также в надписи *Kizil Ćira* и в китайских источниках. Такие лингвистические свидетельства и данные показывают, что древние чувашеговорящие группы в Южной Сибири разделились, их основная часть ушла в Европу, но часть осталась в Азии и позже была ассимилирована живущими там тюрками [36]. В енисейской надписи *Кюмюль Оге* – мужское (воинское) имя; его обладатель называет *кюмюлей* «мой народ». Видимо, они состояли из множества родов, ибо *Кюмюль Оге* называет свой народ еще «сто кюмюлей» [1. С. 7–8].

Основные изменения в языке и культуре Восточной Европы произошли в средние века. В XII–XV столетиях степная зона заполнилась тюркоговорящими племенами. Монгольская правящая элита стала несовершенной среди куманов и быстро тюркизировалась. «Западное название монголов – татары в XIV столетии обозначало людей, говоривших по-кыпчакски» [40]. Самым важным источником на кыпчакском языке является *Codex Cumanicus*, составленный в XIV в. в полевых условиях. Язык основных преемников куманского (западнокыпчакского) языка – волжских татар в фонетическом отношении до сегодняшнего дня почти не изменился [23. С. 53].

Ряд исследователей, желая придать предкам чувашей древнетюркский субстрат, активно ищет аргументы. Поводов всегда оказывалось предостаточно, ибо термин *татары* был собирательным понятием. Даже в конце XVII в. Н. Витсен и другие источники именуют чувашей (наряду со всеми фин-

но-угорскими народами) тартарами. «Недалеко от Казани живет малочисленный тартарский народ... Этот народ называют чуваши» [6. С. 906]. Однако тартары в данном контексте – не более чем инородцы.

Не находя достаточных доказательств тюркского субстрата у предков чувашей, исследователи прибегают к савиро-гуннским связям. Однако и здесь отсутствуют ранние факты, свидетельствующие о тюркизме. «Встречающиеся поныне в литературе ошибочные мнения о более ранней датировке этого явления чаще всего основаны на желательных предположениях, а не на твердых фактах, установленных наукой. Не все еще, к сожалению, осведомлены и убеждены в том, что гунны, как и северо-кавказские племена, не владели тюркской речью, но дело обстояло именно так» [16. С. 27–28]. Как уже сказано, Тюркский каганат создан правителями из рода Ашина. Основатели – Бумын и Истеми. Это – середина VI в. В 567 г. Истеми посылает Михаила Согдийца вокруг Каспия и через Кавказ в Византию в целях установления дипломатических связей. При возвращении Михаила сопровождал византийский посол Земархос. Естественно, межгосударственная дипломатия не могла обойтись без письменности. Поэтому предполагается, что с этой целью был создан рунический алфавит. В этой связи выдвигается гипотеза о том, что тюрками был использован иранский алфавит, а к нему добавлены несколько греческих букв для обозначения гласных переднего ряда [14. С. 138–139, 143]. Временем появления тюркоязычной речи в Восточной Европе, бесспорно, признается дата 576 г. Тогда тюркские войска разгромили византийцев на берегу Босфора и основались в Крыму и на Северном Кавказе.

Самый авторитетный Древнетюркский словарь содержит лексику VII–XIII вв. Возьмем из этого словаря с первой же страницы самое заветное слово – *aba* в значениях «мать, отец, прародитель». *Aba* в значении «мать» взято из словаря М. Кашгарского. *Aba* как «отец» вошло в тюркский язык из тибетских языков и зафиксирован также М. Кашгарским. *Aba* в значении «прародитель, предок» пришло из арабского языка. Время фиксации всех аспектов слова *aba* – XI в. Есть это слово в верховом диалекте чувашского языка в форме *апа́й* (в произношении – *аба́й*) и означает «моя мать; моя теща; старшая сестра моего мужа; бабушка по отцу». Появилось оно у чувашей не раньше XIII в. До этого чувашаи вполне обходились словами *атте* «отец», *анне* «мать», *хуняма* «теща», *асанне* «бабушка, букв. старшая мать» и т.д. Да и сейчас *апа* бытует лишь в северо-западной части Чувашской Республики. Производным является *абу́сқа* «старик». У чувашей *упа́шка* «муж, старик» восходит к тому же *aba* «отец». Есть это слово в горномарийском наречии в форме *овышка* «вдовец». Пришло оно туда через чувашский язык. Примеры можно продолжить. Например, арабское слово *adam* «человек» (чувашское *этем*, горномарийское *эдем*), также причисленное в список древнетюркской лексики. Таких примеров сотни. Поэтому говорить, что древнетюркская лексика это и есть древнечувашский лексический фонд – весьма опрометчиво. Да и сам Древнетюркский словарь – это сводный словарь языка средневековых, а не древних тюркских наречий. В то же время в нем есть ряд слов, определить происхождение, хронологию и локус которых практически невозможно. Возьмем, к примеру, *er* в значениях «мужчина, муж, супруг». Зафиксирован он в орхоно-енисейской надписи в 732 г. Слово встречается во всех тюркских и монгольских, а также в шумерском и чувашском языках в формах *ар*, *эр*, *эр*, *ур*, *эре* [37. С. 1969: 46а]. Скорее всего, это слово арийское. Даже слово *тимёр*, воспринимаемое теперь как исконно тюркское, восходит к китайскому *tief-tür*. Отсюда – имя *Тэмуджин* «кузнец».

Г. Рамстедт в своей работе о месте чувашского языка в семье урало-алтайских языков указывал, что «ламбдаизм» и «ротацизм» в тунгусском, мон-

гольском и чувашском языках есть явление дотюркское [33. С. 32]. Он возводил тюркские и чувашский языки к западохуннской и южнохуннской ветвям языков, что, конечно, не однозначно и требует уточнений в свете последних достижений в области исследования истории гунно-савирских взаимоотношений. Н.Н. Поппе и В.В. Бартольд утверждали, что чувашский язык сложился в тот период, когда еще не установились характерные черты языков тюркской группы. В.В. Бартольд также считал, что тюркско-чувашская противоположность в виде фонетического перехода $p > z$ и $l > ш$ произошел, возможно, около начала новой эры [5. С. 198, 579]. Первые контакты носителей чувашского и тюркского языков следует относить не ранее VI в., когда передовые отряды тюркских племен встретили в Европе предков чувашей. Есть ряд других фундаментальных закономерностей, свидетельствующих о чувашском языке как о дотюркском явлении. Например, болгарские намогильные надписи, в которых хорошо отражаются типичные для чувашского языка p и l диалекты в противоположность z и $ш$ диалектам тюркских языков. Здесь имеем слова *тухур* «девять», *саккар* «восемь», *вутур* «тридцать», *хир* «девушка», *арня кун* «пятница», *биалем* «пятый». Эти слова в других тюркских языках звучат как *тугыз*, *секиз*, *кыз*, *атна кон*, *бишенче*. Сюда же следует отнести примеры типа *ġăltăr – juldüz* «звезда, планета». В целом тюркскому звуку z соответствует не только чувашский, но и монгольский r . Рассуждая о такой фонетической ситуации, А. Рона-Таш задается вопросом: «Что помешало бытованию оппозиции $r:z$, $š:l$?». Венгерский лингвист предполагает влияние такого субстратного языка, в котором оппозиции $r:z$, $š:l$ не существовало. Таким субстратным языком он предполагает прамонгольский [34. Р. 209–228]. Если такая гипотеза верна, то это – дополнительный плюс в пользу *селеров/савиров/суваров* как о нетюркском племени. Й. Гринберг указывает на различие местоимений первого и второго лица единственного числа в тюркских и чувашском языках. Например, в первом лице единственного числа в тюркских языках имеет место *мен*, а в чувашском языке номинативом является *элĕ* [29. Р. 326]. Говоря о местоимениях в чувашском языке, Н.Н. Поппе заметил, что они стоят как-то особняком и не могут быть прямо сопоставляемы с общетюркскими местоимениями. Некоторые местоимения в чувашском языке стоят совершенно одиноко, а это лишний раз доказывает, что тюркские языки стоят взаимно гораздо ближе, чем к чувашскому языку. По мнению Н.Н. Поппе, чувашский язык обособился еще до формирования пратюркского языка [22. С. 61, 64].

В.В. Радлов в работе «Phonetik der Nördlichen Türk Sprachen», в частности, писал о переходе гласных звуков y , u , a в a в тюркизмах. 1-й период – это переход y (y) в a . Например, *хырĕм* → *qarup*. На этом этапе слова заимствовались в очень искаженной форме. 2-й период: y (u) → a . Чувашаи заимствовали столько тюркских слов в этот период, что постепенно стали правильно выговаривать тюркские звуки. Тем не менее они имеют искаженный вид: *хурĕнташ* → *qaryndaš*, *пуç* → *baš*, *урпа* → *arba*, *хуран* → *qazan*. В 3-й период чувашское a начинает соответствовать тюркскому a . Таким образом, отношения чувашей и тюрков к звукам становятся вполне общими. Поэтому чувашаи начинают тюркские слова выговаривать относительно верно: *кажĕк*, *кашкĕр*, *капкĕн*, *пазар* [31. С. 90]. «Свои впечатления, которые сложились у меня в ходе изучения отношения чувашского языка к тюркским языкам, я вкратце изложил в Phonetik, – писал академик. – И я теперь считаю, что мое предыдущее мнение подтверждается шаг за шагом». «Чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркский, он стал тюркским со временем», – суммировал В.В. Радлов на закате своей жизни. Эти наблюдения он подтвердил еще раз в неопубликованной рукописи, посвященной изучению грамматики чувашского языка, которую

он готовил к печати, однако не успел издать. «В первые века контакта с тюркским миром ухо чуваша еще не освоило привычку к чужой речи», – заметил В.В. Радлов. К таким словам он отнес примеры типа *хырәм* «der Leib» = *карын*; *оҗых* (*уҗых*) «der Mond» = *аҗык* (Akkus. von *ai*); *тәл*, *тул* «der Stein» = *таш*; *вәҗә* «Spiel» = *оҗун* aber *выл'а* (v.) «spielen» = *өйна* (v.) [32. В. 1–2, 25–26]. Характерно, что в «Классификации тюркских диалектов (языков)», предложенной В.В. Радловым, не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, так как носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена [15. С. 211]. Не зря Н.Н. Поппе назвал В.В. Радлова самым ярким представителем теории не-тюркского происхождения чувашей. Как писал Н.Н. Поппе, В.В. Радлов считал чувашский язык в нынешнем его состоянии результатом перенесения на не-тюркскую почву тюркского диалекта [24. С. 293]. Хотя В.В. Радлов и не указывал исторические даты названных периодов, понятно, что эти явления берут начало с образования Тюркского каганата, но не ранее середины VI в. Как известно, в это время савиры обитали на Кавказе [38].

Интересные наблюдения можно делать при помощи сравнения караимского, болгарского и савирского языков. Эти три племени имели пространственно-временную общность на побережье Черного моря, входя в конгломерат Хазарского государства. Поэтому, считает А. Мухамадиев, «в караимском языке имеются слова, которые в болгарском (татарском) языке потеряли или сменили свое значение» [18. С. 85]. Он же дает длинный список таких слов (к ним привожу чувашские слова. – А.С.): *арғамакь* «боевой конь» (кавалеристы в походах садились на запасной *куш ат*, а перед сражением сменяли его на *аргамака*) – чув. *урхамах*; *ахцацы* «кассир» (видимо, слово имело такое же произношение и в цокающем хазарском языке. – А.С.) – чув. *уксаҗә*; *балкьурт* «пчела» – чув. *пыл хурт* «мед + червяк»; *кыркын* «служанка» – чув. *хәрхәм*; *йэргэ* «строй» – чув. *йёрке*; *йэр-сув* «родина» – чув. *сёр-шыв* «земля-вода»; *цардак* «крыша» – чув. *чартак*; *цэлмэқи* «гончар» – чув. *чұлмексё* «горшочник» и т.д.

В то же время следует констатировать, что образование языка казанских татар начинается с появления на Средней Волге болгар. То, что язык болгар относится к группе звука *к*, а язык чувашей – к группе звука *х*, подтверждается и тем, что русско-славянские и арабо-персидские слова, заимствованные булгарами, утвердились со звуком *к*. Например, *соха* → *сука*, *хазина* → *казна*. А у суваро-чувашей – *суха*, *хысна*. В числе других фактов – переход суварского *дж* в *й* и *р* в *з*. Так, в одной эпитафии болгарского периода читаем параллели *жит жур* и *йите йоз* (700 г.). Как и многие исследователи, А.П. Ковалевский констатировал, что после того как основная масса населения болгарского царства в результате усиления здесь кыпчакского элемента стала говорить на татарском языке, этот язык должен рассматриваться как язык кыпчакско-татарской группы. В XIII–XIV вв. в Волжскую Булгарию проник кыпчакский язык и «проглотил» болгарский. В результате возник язык поволжских татар. Булгария в период Золотой Орды получила статус вассального княжества и находилась в орбите политики Сарая. В условиях, когда положение государственного языка занимал кыпчакский язык, население Булгарии стало пользоваться в интеллектуальных сферах именно этим языком, наряду с арабским. И совсем не имел значения вопрос о том, много ли было в это время кыпчаков, проживавших в Волжской Булгарии [17. С. 60]. Поэтому утверждение о том, что татарский язык образовался на болгаро-тюркском субстрате [27. Р. 207–236; 8. С. 62] является очевидным фактом. С. Хаттори по поводу того, почему чувашаи окончательно не приняли тюрко-татарский язык, полагал, что сувары к этому времени уже составляли народность, отличную от болгар [26. С. 94].

Естественно, следует согласиться с Б.А. Серебренниковым, который констатировал, что современные чувашаи – народ, усвоивший язык пришлого тюркско-

го населения, участвовавшего в процессе формирования чувашского народа [25. С. 41]. Именно с этого времени начинается сложение современного единого лексического фонда болгаро-татарского и суваро-чувашского языков. Слова типа *jaš* «зеленый, молодой» становятся общими. Сюда же относятся общетюркские *jutʷaq* (*јумʷак*) «круглый, шарообразный; клубок» и *jutšaʷq* (*јымшак, јумшак, јумжак*) «мягкий, нежный» [24. С. 501, 581, 585]. У Ал-Кашгарй – *јумгәк* «что-либо покатоое, круглое» и *јумшәк* «что-либо мягкое» [2. С. 774]. В первом случае слово вошло в чувашский язык с отпавшим звуком в конце (*šamxa* «клубок, мяч»), а во втором случае конечный звук сохранился (*šamšak* «болезненный»). Как видим, при этом несколько изменилась и смысловая нагрузка. Выпадение конечного *k* имеет место в ставшем чувашским тюркском слове *булак* «источник, ключ, родник» – чув. р. *Пӑла* «Була», д. *Пӑла касси*, хотя параллельно произносят и *Пӑлак касси* (в произношении – *пӑлаккасси*) «Булаково»). То же самое произошло в чувашском языке с тюркским словом *kairak/kairaʷq*: преобразование *x* → *k* и выпадение конечного согласного звука *k* – *хӑйра*. Аналогично произошло с чувашским словом *тӑпра* «земля, пыль, прах земной»: в казанском наречии татарского языка – *тупрак/топрак*. Город Симбирск, расположенный в болгарское время на левобережье Волги, назывался *Ҷәмләр*, а возникший впоследствии на правобережье – *Чәмләр*, т.е. имеем пример перехода звука *ç* в *ч*. Та же ситуация с чувашским словом *сухӑр* «кричать, звать»: в османском и крымском говорах тюркского языка – *чабыр, чакыр, шакыр*. А также: чув. *çӳс*, тюрк. *чач* «волосы на голове человека»; чув. *ҫатан*, тюрк. *чедән* «плетень»; чув. *ҫавра*, тюрк. *чӑврӑ* «круг»; чув. *çӳп*, тюрк. *чӧп* «сор, мусор»; чув. *ҫӑрӑк*, тюрк. *чӱрӱк* «гнилой». Конечно, первый вариант – сугубое чувашское слово, а второй – уже трансформированное под влиянием тюркской речи. В целом фонетические преобразования в виде *c* → *ç* → *ш* → *ч*, *x* → *k* (*сорпа* – *шорпа* «бульон», *сӑхӑр* – *шӑхӑр* «свистеть», *сӑн* – *чӑн* «истина», *шӑлпӑр* – *чӑлпӑр* «повод», *шиӑӑ* – *чиӑ* «вишня»), а также замены на лексическом уровне (*сытар* – *минтер* «подушка») очевидны.

Носители варианта кыпчакского языка (*speaker of different Kipchak languages*) в Волго-Камский регион пришли после монгольского нашествия. Теперь эти языки сохранились у казанских татар и башкир. Короткое время кыпчаки жили совместно с чувашеговорящими племенами волжско-булгарско-суварской группы. Другие группы чувашей обитали в лесном регионе поворота Волги с запада на юг. Кыпчакское население пользовалось тюркским языком хварезмского варианта в качестве литературного языка, который скоро попал под сильное влияние местного языка. Гибридные хварезмско-тюркский и кыпчакский языки можно видеть на одной из надписей на эпитафии волжских болгар. Эти надписи иногда называют надписями первого типа. Второй тип содержит характерные элементы как болгарского, так и кыпчакско-хварезмского языков. Самым интересным является камень усыпальницы, где эпитафия покойной повелительницы написана на одной стороне в первом стиле, а на другой стороне – во втором стиле.

По сравнению с тюркскими языками чувашский язык представляется далеко отступившим от первоначального типа вследствие всевозможных изменений. Однако некоторые формы этого языка носят более древний характер, чем соответствующие им формы в тюркских наречиях. Сравнивая чувашский язык с тюркскими диалектами, Н.И. Ашмарин выделил несколько характерных особенностей: 1) закон гармонии гласных, свойственный языкам урало-алтайским, у чувашей или не всегда строго соблюдается, или имеет своеобразное применение (например, в курмышском говоре); 2) в некоторых случаях корень слова претерпевает изменения, вообще не свойственные тюркским наречиям; 3) узкие гласные тюркских языков очень часто переходят у чувашей в широкие, чего

нет ни в одном из тюркских языков; 4) в чувашском языке часто удваиваются согласные (как в корнях, так и в аффиксах), чего опять нет в тюркских языках [3. С. XIX–XX]. Конечно, в числе отличий – ротацизм-зетацизм (*çăвар* – *авыз*, *пăр* – *буз*, *хёр* – *кыз*), а также наличие в словарном составе чувашского языка значительного слоя слов, отсутствующих в тюркских языках (*сăмса* «нос», *çатма* «сковорода», *тулă* «пшеница»).

В начале XIII в. монголо-татарские войска вторгаются в Восточную Европу. К. Гандзакеци (ок. 1200–1271 гг.) зафиксировал перечень монгольских слов, услышанных им в Армении. Например: бог – *тангри*, женщина – *эме*, лошадь – *мори*, собака – *нохай*, вода – *усун*, солнце – *наран* и т.д. [13. С. 173]. Г. Рамстедт, всесторонне исследовав лексику и фонетику, пришел к выводу, что развитие чувашского языка шло без непосредственного контакта с монгольским языком [33. С. 34]. Действительно, имеющиеся монголизмы в чувашском языке занимают незначительное место. Например, город Булгар был на некоторое время единственным во владениях дома Джучи, где чеканились монеты монгольских ханов. Однако из надписей на монетах видно, что население к началу XIV в. сохраняло свой прежний язык, следы которого отчетливы в чувашском. В то же время булгарское население начинает подвергаться сильному влиянию кыпчакского языка, который постепенно становится государственным так же, как и в Средней Азии [5. С. 136]. А. Рона-Таш опубликовал все им замеченные среднемонгольские заимствования в чувашском языке. В словаре оказалось 29 слов. Например: чув. *năxta* «недоуздок» ~ ср.-монг. *noyta*; чув. *kēmüker* «дружка жениха» ~ ср.-монг. *nöker*; чув. *хурçăка* «ястреб» ~ ср.-монг. *qarçıya*. Из этих 29 слов 17 встречается и в марийском. Это свидетельствует о том, что большинство чувашских и татарских элементов марийского языка было заимствовано после монгольской эпохи, т.е. позже XIII в. Их главным посредником был татарский язык, а источником некоторых слов – чувашский. Монголизмы делятся на три сферы: коневодство, охота с помощью хищных птиц, общественные отношения [35. Р. 125–141; 9. С. 120–122]. Сюда же следует отнести монгольское *dalai* «всемирный, вселенский, великий». Сохранилось слово как архаизм в чувашских народных песнях. Например: *Çут тёнче талайран юлнă*. Н.И. Ашмарин определил его как неизвестное слово [4. С. 165]. В.Г. Егоров перевел все предложение как «Земля (вселенная) сохранилась (уцелела) от океана» [11. С. 228–229]. Таким образом, монгольское слово *dalai* бытует у чувашей в форме *талай* в значении «море, океан». Зафиксировано *talaj* в XIII в. также в тексте тюркской легенды об Огуз-кагане. Чувашское слово *риуан* «богатый» является эквивалентом монгольского *bayan* [30. Р. 92]. Все эти факты в сумме позволяют констатировать, что из тюркских языков к монгольским ближе всего чувашский, в известных отношениях обнаруживающий особую архаичность [12. С. 611]. А Н.Н. Поппе и вовсе полагал, что чувашский язык «можно, с некоторыми оговорками, считать промежуточным звеном между тюркскими языками и монгольскими» [21. С. 31].

Как видим, о тюркизации предков чувашей писали многие исследователи. Так, В.В. Радлов утверждал, что чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркский, он стал тюркским со временем [32. В. 2]. Однако нет последовательных и системных исследований на этот счет. Например, пишут: как и прочее местное угро-финское население, они были тюркизированы, но когда – этого мы не знаем. Конечно, тюркизация задела савиров еще на Северном Кавказе, однако этот процесс имел существенное место среди чувашей во времена Золотой Орды, Казанского ханства и в последующие этапы.

В свете чувашско-тюрко-монгольских (шире – алтайских) языковых отношений ценными представляются взгляды Н.Н. Поппе. Чувашский язык, по его

мнению, имеет много общего с тюркскими наречиями, а также много общих черт с монгольским языком. Самым характерным признаком, по которому чувашский язык отличается от тюркских, это наличие, как и в монгольском, праязыковое **p*, а также соответствие чувашско-монгольского *л* тюркскому *ш*. Считать чувашский язык тюркским невозможно, невозможно его считать и монгольским. Главный вывод Н.Н. Поппе: чувашский язык отделился от алтайских языков в дотюркскую эпоху [20. С. 425–426]. Можно сказать и шире – чувашский язык отделился от урало-алтайских языков в дотюркскую эпоху.

Литература

1. Айдын Э. Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских памятниках // Эпиграфика Востока. М.: ИВ РАН, 2011. С. 3–13.
2. Ал-Кайшгари М. Диван Лугат ат-Турк. / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзова; индексы Р. Эрмерс. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
3. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1; Ч. 2: Учение о звуках (фонетика). Учение о формах (морфология). Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. [2], XXXIV, 392, XIX, 24 с.
4. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. Вып. XIII. 320 с.
5. Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. 757 с.
6. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. II. С. 622–1225.
7. Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М.: Наука, 1993. С. 211–233.
8. Дмитриева Ю. Тюркологические (чувашские) исследования венгерских финно-угроведов // Vestnik of the Yugorsk State University. 2006. Вып. 2. С. 61–63.
9. Дмитриева Ю., Адыгаши К. Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 239 с.
10. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.
11. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
12. Иванов Вяч. Вс. Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 609–613.
13. Киракос Г. История Армении. М.: Наука, 1976. 359 с.
14. Клосон Дж. Происхождение тюркского «рунического» письма // Зарубежная тюркология. М.: Наука, 1986. Вып. I. С. 135–158.
15. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л.: Наука, 1982. 360 с.
16. Кызласов Л. Первый тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. 1997. № 1. С. 23–30.
17. Малютин С.Р. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1: Хуннская эпоха / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. 78 с.
18. Мухамадиев А. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. 159 с.
19. Поппе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. 1924. Т. XVIII. С. 289–314.
20. Поппе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. 1925. Т. XIX. С. 405–426.
21. Поппе Н.Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары: Чувашоблиздат, 1925а. 32 с.
22. Поппе Н.Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 7. С. 61–64.
23. Радлов В. О языке куманов: По поводу издания куманского словаря. СПб.: Имп. АН, 1884. 53 с.
24. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1905. Т. III. 2204, 98 с.
25. Серебrenников Б.А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 28–47.
26. Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 86–94.
27. Bereczki G. A Volga-Káma vidék areális kapcsolatai // Areális nyelvészeti tanulmányok. Budapest: Tankönyvkiadó, 1983. P. 207–236.

28. Golden P.B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. by C. Hriban. București: Editura Academiei Române, 2011. 424 p.
29. Greenberg J.H. Genetic Linguistics: Essays on Theory and Method. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. 441 p.
30. Németh G. A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 399 p.
31. Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig: T.O. Weigel, 1882. XLV, 320 S.
32. Radlow W.W. [Die Grammatik der Sprache Chuvash]. 1916–1918 JJ. 35 Blätter // Архив РАН (СПб.). Ф. 177. Он. 1. 33.
33. Ramstedt G.J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXXVIII. Helsinki, 1922. S. 1–34.
34. Róna-Tas A. Some Problems of Ancient Turkic // Acta Orientalia Havniae. 1970. Vol. 32. P. 209–228.
35. Róna-Tas A. Középmongol eredetű jövevényszavok a csuvasban II // Néprajz és Nyelv-tuomány. 17–18 (1973–1974). P. 125–141.
36. Róna-Tas A. Nutshell Chuvash. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/NUT-SHELLCHUVASH.pdf.pdf>.
37. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen seura, 1969. XVI, 533 S.
38. Salmin A. Savirs – Bulgars – Chuvash / Ed. P. Golden. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2014. 147 p.
39. Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 78. Lpz., 1924-5. S. 121–175.
40. Zimonyi I. History of the Turkic speaking peoples in Europe before the Ottomans URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/ZimonyiP.pdf>.

References

1. Aidyn E. Zametki po povodu nazvanii tyurkskikh plemen, vstrechayushchikhsya v yeniseiskikh pamyatnikakh [Notes about names of Turkic tribes in the Yenisey monuments]. Epigrafika Vostoka [Epigraphy East]. Moscow, 2011, pp. 3–13.
2. Al-Kāshgari M. Divān Lugāt at-Turk. Almaty, Daik-Press, 2005, 1288 p.
3. Ashmarin N.I. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka [Materials for the study of the Chuvash language]. Kazan, 1898. [2], XXXIV, 392, XIX, 24 p.
4. Ashmarin N.I. Slovar' chuvashskogo yazyka [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1937, vol. XIII, 320 p.
5. Bartol'd V.V. Sochineniya [Compositions]. Moscow, Nauka publ., 1968, vol. V, 757 p.
6. Vitsen N. Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushchaya oblasti, raspolozhennyye v severnoi i vostochnoi chastyakh Evropy i Azii [North and East Tartary, which includes the area, located in the northern and Eastern parts of Europe and Asia]. Amsterdam, Pegasus Publ., 2010, vol. II, pp. 622–1225.
7. Golden P.B. Gosudarstvo i gosudarstvennost' u khazar: vlast' khazarских kaganov [State and statehood by Hazar: power of the Khazar chagans]. Fenomen vostochnogo despotizma: Struktura upravleniya i vlasti [The phenomenon of Oriental despotism: a governance structure and authorities]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 211–233.
8. Dmitriyeva Yu. Tyurkologicheskkiye (chuvashskiy) issledovaniya vengherskikh finno-ugrovodov [Turkological (Chuvash) study of Hungarian researchers of the Finns and Ugors]. Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006, vol. 2, pp. 61–63.
9. Dmitriyeva Yu., Adyagashy K. Hungaro-Tschuvaschica: Annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel' issledovaniy vengherskikh uchenykh XIX–XX vv. [An annotated bibliography of studies of Hungarian scholars of the 19th and 20th centuries]. Cheboksary, 2001, 239 p.
10. Dybo A.V. Lingvisticheskiye kontakty rannikh tyurkov: Leksicheskii fond: pratyurkskii period [Linguistic contacts early türks: lexical Fund: common Turkic period]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2007, 222 p.
11. Yegorov V.G. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka [The Chuvash language etymological dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
12. Ivanov V.V. Yazyki mira [World languages]. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 609–613.
13. Kirakos G. Istoriya Armenii [History of Armenia]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 359 p.
14. Kloson Dzh. Proiskhozhdeniye tyurkskogo «runicheskogo» pis'ma [The origin of the Turkic «rune» letters]. Zarubezhnaya tyurkologiya [Turkic studies abroad]. Moscow, Nauka publ., 1986, vol. I, pp. 135–158.
15. Kononov A.N. Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii: Dooktyabr'skii period [History of the Turkic languages in Russia: Dooktábr'skij period]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 360 p.
16. Kyzlasov L. Pervyi tyurkskii kaganat i yego znachenije dlya istorii Vostochnoi Yevropy [The first Turkic khaganate and its importance to the history of Eastern Europe]. Tatarskaya arkheologiya [Tatar archaeology]. Kazan, 1997, no. 1, pp. 23–30.

17. Malyutin S.R. *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii chuvashei*. Vyp. 1: *Khunnskaya epokha* [Issues of ethnogenesis and ethnic history of the Chuvash. Iss. 1: Hunnish era]. Cheboksary, 1996, 78 p.
18. Mukhamadiyev A. *Novyi vzglyad na istoriyu gunnov, khazar, Velikoi Bulgarii i Zolotoi Ordy* [A new look at the history of the Huns, the Khazars, great Bulgaria and the Golden Horde]. Kazan, Tatar Publishing House, 2011, 159 p.
19. Poppe N.N. *Chuvashskii yazyk i yego otnosheniye k mongol'skomu i turetskim yazykam* [Chuvash language and its relationship to the Mongolian and Turkish languages]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences], series VI, vol. XVIII, 1924, p. 289–314.
20. Poppe N.N. *Chuvashskii yazyk i yego otnosheniye k mongol'skomu i turetskim yazykam* [Chuvash language and its relationship to the Mongolian and Turkish languages]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences], series VI, 1925, vol. XIX, pp. 405–426.
21. Poppe N.N. *O rodstvennykh otnosheniyakh chuvashskogo i tyurko-tatarskikh yazykov* [On the relationships of the Chuvash and Turkic-Tatar languages]. Cheboksary, Chuvashoblizdat Publ., 1925a, 32 p.
22. Poppe N.N. *Ukazatel'nyye i voprositel'nyye mestoimeniya v chuvashskom yazyke* [Demonstrative and interrogative pronouns in the Chuvash language]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Society of Learn of the Tatar], 1927, no. 7, pp. 61–64.
23. Radlov V. *O yazyke kumanov: Po povodu izdaniya kumanskogo slovarya* [Language of the Kumans: about publications Kuman dictionary]. St. Petersburg, 1884, 53 p.
24. Radlov V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii* [Experience a dictionary of Turkic dialects]. St. Petersburg, 1905, vol. III, 2204, 98 p.
25. Serebrennikov B.A. *Proiskhozhdeniye chuvash po dannym yazyka* [The origin of the Chuvash language]. *O proiskhozhdenii chuvashskogo naroda* [On the origin of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1957, pp. 28–47.
26. Khattoni S. *O formirovaniy tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [On the formation of the Tatar and Chuvash languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1980, no. 3, pp. 86–94.
27. Bereczki G. *A Volga-Káma vidék areális kapcsolatai. Areális nyelvészeti tanulmányok*. Budapest, Tankönyvkiado, 1983. S. 207–236.
28. Golden P.B. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes* (Ed. by Cătălin Hriban). București, Editura Academiei Române, 2011, 424 p.
29. Greenberg J.H. *Genetic Linguistics: Essays on Theory and Method*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, 441 p.
30. Németh G. *A honfoglaló magyarság kialakulása. Közéteszi Berta Árpád*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1991, 399 p.
31. Radloff W. *Phonetik der Nördlichen Türksprachen*. Leipzig, T.O. Weigel, 1882, XLV, 320 S.
32. Radlow W.W. [Die Grammatik der Sprache Chuvash]. 1916–1918 JJ. 35 Blätter. In: Archive RAS Archive (St. Petersburg). Fond 177. Anagraph 1. 33.
33. Ramstedt G.J. *Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen*. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1922, vol. XXXVIII, p. 1–34.
34. Róna-Tas A. *Some Problems of Ancient Turkic*. *Acta Orientalia Havniae*, 1970, vol. 32, pp. 209–228.
35. Róna-Tas A. *Középmongol eredetű jövevényszavok a csuvasban II. Néprajz és Nyelvtudomány*. 17–18 (1973–1974), pp. 125–141.
36. Róna-Tas A. *Nutshell Chuvash*. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007NUT-SHELLCHUVASH.pdf>.
37. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. [I]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen seura, 1969, XVI, 533 S.
38. *Salmin A.* Savirs – Bulgars – Chuvash. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2014, 147 p.
39. *Thomsen V.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 78. Lpz., 1924-5. S. 121–175.
40. *Zimonyi I.* History of the Turkic speaking peoples in Europe before the Ottomans. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/ZimonyiIP.pdf>.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia.

УДК 811.512.111'373.611
ББК Ш12=635.1*20

И.П. СЕМЁНОВА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ В СТРУКТУРЕ ЗООНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: зооним, словообразовательный аффикс, чувашский язык, тюркские языки.

Рассмотрены словообразовательные аффиксы в структуре наименований животных чувашского языка, проведен анализ семантики аффиксов. Значительное место в исследовании занимает анализ словообразовательных основ. Как показало исследование, зоонимы в чувашском языке образованы от глагольных, именных основ, междометий, звукоподражаний, имитативов. Аффиксы в составе наименований животных проявляют семантику. Некоторые аффиксы имеют уменьшительно-ласкательное значение.

I. SEMYONOVA DERIVATIONAL AFFIXES IN STRUCTURE OF ZOONYMS IN CHUVASH LANGUAGE

Key words: zoonym, derivational affix, Chuvash language, Turkic languages.

The article deals with the derivational affixes in the structure of animal names in the Chuvash language, and contains the analysis of the semantics of the affixes. A considerable part of the research is devoted to the analysis of the word-formative stems. The research showed that the names of animals in the Chuvash language are derived from verb and noun stems, interjections, cases of onomatopoeia and imitation. Affixes in the structure of zoonyms have their own semantics. Some affixes have a diminutive meaning.

Зоонимы чувашского языка с точки зрения способов словообразования до настоящего времени не были объектом специального исследования. В работе Г.Е. Корнилова [8] при изучении этимологии чувашских зоонимов приведен словообразовательный анализ некоторых названий животных. Теоретической базой нашего исследования являются труды по словообразованию В.В. Андреева [1], Э.В. Севортыяна [12], М.Р. Федотова [15], Л.С. Левитской [9] и т.д.

Аффиксация активно используется при образовании зоонимов в чувашском языке. Основная часть аффиксально производных зоонимов в чувашском языке представлена общетюркскими словами. При анализе словообразовательных аффиксов наименований животных – общетюркских слов – для выявления семантики аффиксов необходимо рассмотреть тюркские соответствия словообразовательных основ, аффиксов. Данные зоонимы могут быть образованы с помощью продуктивных и непродуктивных для современного чувашского языка аффиксов. Также при анализе словообразовательных аффиксов необходимо рассмотреть народные наименования животных, возникшие в чувашском языке. Положенные в основу данных наименований принципы известны и понятны носителям языка, это облегчает вычленение словообразовательных аффиксов и позволяет выявить их семантику.

Аффикс *-чӑк* образуется от глагольных основ названия животных со значением результата действия: *потлан* (*путлан*) «задохнуться» – *потланчӑк* «задохлец, зародыш заячий» [3. Вып. X. С. 48]. А.М. Иванова, Г.Н. Семенова, рассматривая словообразование в чувашском языке, среди имен существительных, образованных от глаголов с помощью аффикса *-чӑк/-чӑк*, выделяют «результативные имена существительные», а также «имена существительные, обозначающие имя действия» [7. С. 81]. В целом дериваты с аффиксом *-чӑк/-чӑк* могут иметь значение склонности к действию, названному основой, а также результата действия. Но в составе *анчӑк* «собака, пес; щенок» *-чӑк* является уменьшительным, поскольку производящая основа восходит к самостоятельному **ан, ан(э)* «зверь, животное; хищник».

М.Р. Федотов отмечает, что «тюркские формы типа др.-тюрк. *enük* «детёныш животных и зверей» (ДТС, 174) представляют собой производные от *en* с помощью аффикса *-ük*. В формах типа тур. *ensek/encik* присутствует тот же корень *en* с аффиксом *-sek/-cik*, что фонетически, морфологически соответствует чув. *анчăк* (е- >чув. а-)» [17. Т. I. С. 51]. Н.И. Золотницкий неверно предполагает, что слово *анчык* «щенок, кутенок, сосунок» образовано от чув. *ўмь* «сосать грудь» (алт. кир. *эм*; алт. *емчек пала* «грудное дитя»; тур. *емеджек* груди, якут. *ämii*) [6. С. 5]. Ср.: *ет* «сосать» [4. С. 172] (чув. соврем. *ём* «сосать»).

При именовании животных часто используется аффикс *-лăх/-лĕх*. Э.В. Севортян считает, что «аффикс *-лăх/-лĕх* передает три основных значения: 1) свойства – качества и состояния; 2) назначения и функции; 3) местности или места (среды), где имеется множество предметов природы или добытых человеком» [12. С. 50]. В.В. Андреев отмечает, что производные с аффиксом *-лăх/-лĕх* – это слова со значением материала, средства, предназначенного для того, что названо мотивирующей основой [1. С. 60]. С помощью аффикса *-лăх/-лĕх* от именных основ образованы наименования животных, несущие значение назначения и функции: *ама* «самка» – *амалăх* «свинья, оставленная на племя» [3. Вып. I. С. 188], *йăх* «порода, сорт (животных и растений)» – *йăхлăх* «на племя» [3. Вып. V. С. 104], *вăрă* «семья» – *вăрлăх* «порода, скотина на племя; семья, семена» [3. Вып. V. С. 320], *кĕр* «осень» – *кĕрлĕх* «полнота, тучность; упитанность; предназначенный на откорм (о скоте), скотина» [3. Вып. VII. С. 292], *сăхăм* «старая лошадь, кляча; животное, предназначенное на колку» – *сăхăмлăх* «предназначенное на колку» [3. Вып. XI. С. 290], *токмак*, *тукмак* «волк» – *токмаклăх* «обреченный на съедение волков» [3. Вып. XIV. С. 109]. Представляет интерес словообразовательная пара *вăй* «сила» – *вăйлăх* > *выльăх* «скот, скотина». М.Р. Федотов соглашается с Н.И. Ашмариним [2. С. 52], что *выльăх* домашний скот восходит к *вăйлăх* (< *вăй* сила), собственно «то, что может доставить силу» [17. Т. I. С. 136]. В.Г. Егоров также считает, что слово *выльăх* образовано от *вăй*, диал. *вуй* «сила», «достаток»: «*вуй* + *лăх* > *выльăх*; выпадение звука *й* со среднеязычной артикуляцией вызвало смягчение последующего согласного *л*» [5. С. 58]. «Аффикс *-лăх/-лĕх* ~ др.-тюрк. *-liŷ/-liġ, -luŷ/-lüġ, -lay/-läġ*» [16. С. 11]. Слова, образованные с помощью данных аффиксов в других тюркских языках: Ср.: бар. *собымнык* (*собым* + *-лык*), тел. *собымтык* (*собым* + *-лык*) «животное для убоя» [11. Т. IV. С. 522, 530–531], тат. *сугымлык* «животное, откормленное для убоя» [17. Т. II. С. 36].

Редко при образовании наименований животных от глагольных основ в чувашском языке используется аффикс *-мăш*. «Производные с аффиксом *-мăш/-мĕш* имеют в чувашском языке значение действующего лица или носителя признака и результата действия» [9. С. 161]. С помощью аффикса *-мăш* образовано слово *кăртмăш* «плохонький жеребенок – стриган» [3. Вып. VII. С. 178, 186–187]: *кăрт* «стричь» + аффикс *-мăш*. «Стригун – годовалый жеребёнок, которому обычно подстригают гриву» [14. С. 950]. М.Р. Федотов отмечает «тюркские соответствия: крым., бар., тоб., тюм., кирг., каз., тур. *кырк*- (ср. тур. *кырп*-) «стричь, обрезать (ножницами); урезать счет, стричь» (Радл. Сл. II, 744, 761); як. *кырт*- «стричь, подстригать». [17. Т. I. С. 260]. «Согласно М. Рясену, чув. *кăрт-мăш* < **кырк-мăш* резаный, ср. мар. *кыркымы* кладеный (Räsänen Ewb., 266b)» [17. Т. I. С. 260]. *Miš* (-*miš, -tuš, -tüš*): *-таš, -тăš* [4. С. 658]. В целом слова с аффиксами *-мăш/-мĕш/-мĕç* представляют собой древние причастия прошедшего времени, которые полностью перешли в разряд имен существительных.

В чувашском языке встречаются и зоонимы с аффиксами *-лан, -ан/-ен*. Э.В. Севортян отмечает, что «наречение животных и растений в тюркских языках часто происходит по действию, характерному для конкретных животных и растений. Среди отглагольно- или глагольно-именных форм наиболее пригод-

ным оказалось глагольное имя на *-кан, -аган, -ан*, обозначающее носителя процесса» [12. С. 7]. К числу древнейших общетюркских названий, входящих в данный лексический ряд, автор относит названия змеи *ыылан ~ жылан ~ чылан*, образованные от глаголов *жыл-* (кир. и др.), *чыл-* (хак.), *сыл-* (як.) и т.д. со значением «ползать» с помощью аффикса *-ан (-ен)* [12. С. 7]. В данный ряд следует поставить и чув. *сёлен, ёслен* (диал.). М.Р. Федотов считает, что аффиксы *-ан/-эн, ын/-ин, -ан/-ен*, встречающиеся в тюркских языках, тесно связаны по форме и по семантике с аффиксами *-уан/-ган, -кан/-кэн, -кан/-кен* [15. С. 56].

В чувашском языке для обозначения льва употребляется слово *арăслан* «лев». В.Г. Егоров отмечает, что «данная форма слова появилась, по-видимому, в последние три-четыре века под влиянием соседних татар» [5. С. 31]. Э.В. Севортыан приводит общетюркское *арслан* – название носителя процесса по его признаку, образованное с помощью аффикса *-лан* от *арс* – подражание рычанью диких зверей, лаю [12. С. 71]. Ср.: др.-тюрк. *arslan*, тур. *arslan* ~ *aslan*, алт., каракалп., кумык., ног. тат., туркм., уйг. *арслан*, башк., каракалп., ног., туркм. *арыслан*, казах. *арыстан*, кирг. *арстан* [10. С. 132]. Мы предполагаем, что слово *таян* «скотина, которую получает в подарок молодая по прибытии в дом свекра: лошадь, корова, пара овец» [3. Вып. XIII. С. 129] представляло собой отглагольное причастие, которое перешло в разряд имени существительного. Данная причастная форма образована в эпоху общетюркского языка от глагольной основы с помощью аффикса *-ан*. Ср.: тюркские соотвещения: алт., тел., леб., шор., саг., койб. кач. *тай-* = монг. *taji* «жертвовать, принимать жертву»; тел. *тайылыа* «жертва» [11. Т. III. С. 766, 820].

Аффиксы *-мас/-мес* образует от именных основ прилагательные, обозначающие отличительные признаки, хорошо заметные особенности животных: *пакарт, пакарта* «мускулисто-железистый желудок у птиц; вообще внутренности животных» [3. Вып. IX. С. 75] – *пакартамас* «так называют человека или животного с большим животом» [3. Вып. IX. С. 76]; *пакалчак, пакълчак* «щиколотка» – *пакалчамас* «так называется лошадь с широкими копытами и длинными щетками» [3. Вып. IX. С. 75]; *хёрлѐ* «рыжий» – *хёрлемес* «назв. рыжей собаки» [3. Вып. XVII. С. 47]. М.Р. Федотов отмечает, что этот аффикс в других тюркских языках словообразовательных соответствий не имеет [16. С. 12].

Представляет интерес наименование *лашалласкер* со значением «некоторое подобие лошади, т.е. лошаде́нка» [3. Вып. VIII. С. 67]. Данное слово образовано от *лаша* «лошадь» + аффикс *-лла* + аффикс *-скер*. Аффикс *-лла* образуется от основ существительных наречия с уподобительным значением: *лаша* «лошадь» – *лашалла* «по-лошадиному, как лошадь, как конь» [18. С. 210], *тиха* «жеребенок» – *тихалла* «по-жеребьячи, как жеребенок» [18. С. 486], *ёне* «корова» – *ёnellе* «как корова, подобно корове» [18. С. 101]. Мы предполагаем, что аффикс *-скер*, который для данного зоонима является словообразовательным, произошёл от чув. слова *ўскер* «вещь; подобие», вышедшего из употребления. Аффикс *-скер* в названии *лашалласкер* несет значение подобия. *Сына́н оқса сахал полсан, калатъ: паян пасарта пѐр лашалласкер тупса илеймѐп-ши, тет. (купить бы мне какую-нибудь лошаде́нку на эти деньѐи)* [3. Вып. VIII. С. 67]. В данном случае слово *лашалласкер* называет не обязательно здоровое, сильное животное, а животное, способное выполнять функции лошади.

Аффиксы субъективной оценки:

С помощью аффикса *-шка/-шке* образуются от именных основ наименования животных с уменьшительно-ласкательным значением. М.Р. Федотов приводит соответствие данному аффиксу: «афф. *-шка/-шке (-ш- + -ка/-ке)* ~ др.-тюрк. *-çqa/-çkă* > вост.-тюрк. *-şqa/-şkă* < -ç- > -ş- + *-qa/-kă*» [16. С. 17]. С помощью данного деминутива образовано слово *тынашка* «телка» < *тына* «телка» [3. Вып. XIII. С. 318]. При этом слово *тынашка* приобретает также дополни-

тельное значение «телка, перезимовавшая зиму» [3. Вып. XIII. С. 318]. Также с помощью уменьшительного аффикса *-шка/-шке* образуются от междометий (возгласов, которыми подзывают животных) наименования животных, употребляющиеся в детской речи: *кенеш* «так манят жеребенка» – *кенешке* «жеребенок (детск. сл.)» [3. Вып. VI. С. 188], *кеньяшкă* «так ласково называют жеребенка» [3. Вып. VI. С. 188]. М.Р. Федотов отмечает, «что такие слова, как *тихашка* (< *тиха* ~ тат. *тай* «жеребенок годовалый») «жеребенок», *тынашка* (< *тына* ~ тат. *тана* «телка двухгодовалая») «телочка», *пăрушка* (< *пăру* ~ тат. *бозау* «теленок») «телёночек» и др. бытуют главным образом в речи верховых чувашей, но тем не менее аффикс *-шка/-шке* носит общечувашский характер» [16. С. 17].

Аффикс *-и* (первонач. афф. 3-го лица) образует от именных основ наименования животных с уменьшительным значением: *упа* «медведь» – *упи* «ласкательное назв. медведя в сказке» [3. Вып. III. С. 253], *ама* «самка» – *амми* «собака на детском языке» [3. Вып. I. С. 203]; также с помощью данного аффикса образуются названия животных от междометий: *кăтьă* «так манят кошек» [3. Вып. VII. С. 204] – *кăчи* [13. С. 18], *кăти* [13. С. 18] «кошка». Слово *шăши* < *шăшă/шăршă* (*р* – вставной звук) «запах», «вонь». Данное наименование в тюркских языках образовано от глагола; ср. тур. *сыч*, кирг. *чыч* «испражняться». Ср.: тат. *тычкан*, башк. *сыскан*, уйг. *чачкан*, узб. *сичкон*, кирг. *чычкан*, казах., ног. *шышкан*, азерб., тур., туркм., гаг. *сычан* «мышь» [5. С. 336].

Дериваты с аффиксами *-ка*, *-ки*, *-ха*, *-хи* также имеют уменьшительно-ласкательное значение. Слово *тиха* «жеребенок» образовано с помощью аффикса *-ха* от именной основы. Ср.: др.-тюрк. *тай* «жеребенок, молодой конь» [4. С. 527], уйг., тур., чаг., вт., крым., каз., алт., тел., шор., леб., тар., кирг., к.-кирг., саг. *тай* «молодая лошадь» (алт., тел., уйг.); «жеребенок по второй весне» [17. Т. II. С. 237], монг. *даага(н)* «годовалый жеребенок», чув. *тиха* < *тайха* [5. С. 254]. В чувашском языке до сих пор бытуют формы *тăйха* [3. Вып. XIV. С. 234], *туйха* [3. Вып. XIII. С. 314]. С помощью данного аффикса имена образованы от междометий: *нях-нях* «так манят собаку» [3. Вып. IX. С. 64] – *няхха* «собака (детск. сл.)» [3. Вып. IX. С. 64]; *мах* «так кличут (манят) собаку» [3. Вып. VIII. С. 216] – *маххи* «собака (детск. сл.)» [3. Вып. VIII. С. 217]; *кăтьă* «так манят кошек» [3. Вып. VII. С. 204] – *кăтьăка* «кошка» [3. Вып. VII. С. 204], *кăтьăки* «кошка (детск. сл.)» [3. Вып. VII. С. 204], *панеç* «так манят корову» [3. Вып. IX. С. 91] – *панеçки* «корова (детск. сл.)» [3. Вып. IX. С. 91]; *му*, *мук* «подр. мычанию коровы» [3. Вып. VIII. С. 257] – *мук* «корова» [3. Вып. VIII. С. 257] – *мук-мук* «корова (детск. сл.)» [3. Вып. VIII. С. 257] – *мука* «корова (детск. сл.)» [3. Вып. VIII. С. 257] – *муки* «корова (детск. сл.)» [3. Вып. VIII. С. 258].

Таким образом, в чувашском языке зоонимы образованы с помощью словообразовательных аффиксов как от глагольных, именных основ, так и от междометий, звукоподражаний, имитативов и других символических звуко-четаний. Словообразовательные аффиксы в составе зоонимов чувашского языка проявляют свою семантику. Некоторые аффиксы являются аффиксами субъективной оценки.

Литература

1. Андреев В.В. Теория и практика чувашского словообразования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 220 с.
2. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Казань, 1898. Ч. 1–2.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахăсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. 1–17.
4. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.

6. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1875. 279 с.
7. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Словообразование в чувашском языке – III // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 80–84.
8. Корнилов Г.Е. К этимологии некоторых чувашских зоонимов // Ученые записки НИИ при СМ ЧАССР. Чебоксары, 1969. Вып. 46. С. 220–227.
9. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. С. 206.
10. Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 104–151.
11. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893–1911. Т. 1–4.
12. Севортян Э.В. Пробные статьи к «этимологическому словарю тюркских языков» (общее и межтюркские основы). М.: АН СССР, 1966. 106 с.
13. Сергеев Л.П., Яковлева И.Г. Детская лексика. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. 70 с.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
15. Федотов М.Р. Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1975. 220 с.
16. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. Ч. 3. 128 с.
17. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.
18. Чувашско-русский словарь: ок. 40 000 слов / сост.: И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982. 712 с.

References

1. Andreev V.V. *Teoriya i praktika chuvashskogo slovoobrazovaniya* [Theory and practice of the Chuvash word formation]. Cheboksary, Chuvashkiy University Publ., 2009, 220 p.
2. Ashmarin N.I. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for the study of the Chuvash language]. Kazan, 1898, vol. 1–2.
3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary of the Chuvash language]. Kazan; Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, vol. 1–17.
4. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnyeturkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
5. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary: Chuvashskoe Publishing House, 1964, 356 p.
6. Zolotnitskiy N.I. *Kornevoy chuvashsko-russkiy slovar', sravnennyy s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugih plemen* [Root Chuvash-Russian Dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan, 1875, 279 p.
7. Ivanova A.M., Semenova G.N. *Slovoobrazovanie v chuvashskom yazyke – III* [Word formation in the Chuvash language]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 80–84.
8. Kornilov G.E. *K etimologii nekotorykh chuvashskikh zoonimov* [To the etymology of some Chuvash zoonyms]. *Uchenye zapiski NII pri Sovete Ministrov CHASSR* [Scientific Notes of the Research Institute of the Council of Ministers of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Cheboksary, 1969, vol. 46, pp. 220–227.
9. Levitskaya L.S. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical morphology of the Chuvash language]. Moscow, Nauka Publ., 1976, p. 206.
10. Novikova K.A. *Inoyazychnye elementy v tunguso-man'chzhurskoy leksike, odnosyashheysya k zhivotnomu miru* [Foreign-language elements in the Tungus-Manchu vocabulary related to the animal world]. *Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskiykh yazykov* [Essays on comparative lexicology Altaic languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 104–151.
11. Radlov V.V. *Opyt slovarya tyurkskiykh narechiy* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. St. Petersburg, 1893–1911, vol. 1–4.
12. Sevortyan E.V. *Probnye stat'i k «etimologicheskomu slovaryu tyurkskiykh yazykov» (obshhe- i mezhtyurkskie osnovy)* [Test articles to the «Etymological dictionary of Turkic languages» (General Turkic and inter-Turkic vocalic stems)]. Moscow, AN SSSR Publ., 1966, p. 106.
13. Sergeev L.P., Yakovleva I.G. *Detskaya leksika* [Children's vocabulary]. Cheboksary, 2010, p. 70.
14. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluyeniem svedeniy o proiskhozhdenii slov (otvetstvennyy redaktor N.Yu. Shvedova)* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008, 1175 p.
15. Fedotov M.R. *Sravnitel'naya grammatika tyurkskiykh yazykov* [Comparative Grammar of Turkic Languages]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1975, 220 p.
16. Fedotov M.R. *Chuvashskiy yazyk v seme altayskiykh yazykov* [The Chuvash language in the family of Altaic languages]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1986, vol. 3, 128 p.

17. Fedotov M.R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.; vol. 2, 509 p.

18. *Chuvashsko-russkij slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1982, 712 p.

СЕМЁНОВА ИРИНА ПЕТРОВНА – аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irinnasemenova@yandex.ru).

SEMYONOVA IRINA – Post-Graduate Student, Russian Language and General Linguistics Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811.512.111-116
ББК Ш 12=635.1*006.1

В.И. СЕРГЕЕВ

ЛИНГВОТАКТИКА И ЛИНГВОТАГМЕМИКА

Ключевые слова: лингвотактика, лингвотагмемика, тактика, тагмемика, фонотактика, морфемотактика, лексемотактика, грамматика порядков, последовательность фонем, последовательность морфем.

Рассмотрены вопросы, связанные с лингвотактикой и лингвотагмемикой с точки зрения лингвоаспектности подходов к изучению этой проблемы. Представлены краткие результаты исследования фонемотактики, морфемотактики и лексемотактики. Лингвотактика (включая фонемо-, морфемо-, лексемотактику) связана с законом о непрерывном развитии формы и содержания вокабул (слов). Фонемотактика – значимая последовательность фонем в морфемах, словах и лексемах. Морфемотактика – значимая последовательность морфем в лексемах, дериватах. Лексемотактика связана с понятием «грамматика порядков».

V. SERGEYEV

LINGUOTACTICS AND LINGUOTAGMEMICS

Key words: linguotactics, linguotagmemics, tactics, tagmemics, phonotactics, morphemotactics, lexemotactics, word grammar, succession of phonemes, succession of morphemes.

In the given article, we touch upon the problem of linguotactics and linguotagmemics from the point of view of multispectral approach to studying this problem. The paper presents in short the results of studying phonotactics, morphemotactics and lexemotactics. Linguotactics (including phono-, morphemo-, lexemo-, derivativotactics) is connected with the law of continuous development of the form and content of vocables (words). Phonotactics is the succession of phonemes in morphemes, words, and lexemes. Morphemotactics is the succession of morphemes in lexemes and derivatives. Lexemotactics is connected with the word grammar.

Цели и задачи лингвотактики и лингвотагмемики – изучение элементов высказывания и выявление расположения единиц в линейной последовательности: слова в пределах фразы или речевого потока, морфемы в пределах слова, фонемы (звука) в пределах морфем, слов и их содержательный анализ.

В отечественном языкознании вопросы лингвотактики и лингвотагмемики не изучены.

Лингвотактика (лингва < лат. *lingua* «язык» + *тактика*). *Тактика* предносится словарями как военный термин наравне со стратегией; (греч. *taktika*) – искусство построения войск < *tassō* – строю войска; 1) составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя; 2) приемы и способы достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо [6. С. 629].

Как лингвистический термин слово *тактика* (англ. *tactics*) фигурирует лишь в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: 1. Значащее расположение элементов высказывания, определяемое как совокупность тагмем. 2. Раздел грамматики, занимающийся описанием сочетаемости грамматических единиц языка. В первом значении дано словосочетание «совокупность тагмем» (англ. *tagmete*) – мельчайшая (минимальная) единица грамматического членения речи на уровне предложения; единица морфосинтаксической организации

речи и здесь же *тагмемика* (англ. tagmemics) – раздел грамматики, занимающийся описанием тагмем данного языка [1. С. 467]. Автор удовлетворился лишь кратким определением термина *тагмемика*, между тем этот термин следует понимать шире. *Тагмемика* (от греч. *tágma* – ряд, порядок, строй) – концепция грамматического описания единиц языка, предложенная в 1950–1960 гг. К.Л. Пайком и его учениками (главным образом в США). Одни и те же единицы языка, по Пайку, должны рассматриваться во множественной перспективе – одновременно в разных аспектах («перспективах»), как заполняющие определенную позицию («прорезь») в тексте и в поведении человека вообще; как член какого-либо класса, как функционирующие в определенной роли в предложении или в тексте, как связанные с другими элементами текста. Единицы языка: 1) речевые (звук, фонема, слог, фонетическое слово, речевой такт, фраза; 2) морфологические (морфема, слово), синтаксические (словосочетание, предложение). Одни и те же языковые единицы могут изучаться в различных разделах лингвистики. Сравни: слово в лексикологии изучается с точки зрения семантики, т.е. плана содержания языковой единицы, происхождения, сферы применения, коннотативной окраски системных отношений (синонимии, антонимии, омонимии, паронимии; слово в морфемике исследуется с точки зрения его морфемного состава; в фонетике – с точки зрения звукового состава, в синтаксисе – выполняемой синтаксической функции [4. С. 502].

Единица языка – отдельная относительно самостоятельная часть в составе целого, элемент системы. В лингвистике в число языковых единиц включаются не только единицы языковых уровней (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, но и единицы речи, т.е. единицы языка в применении (высказывании, реплике, диалоге, речевом акте как фигура речи), а также единицы текста, т.е. речевого произношения (ключевое слово, текстовый фрагмент, композиционная часть, категории текстового времени и пространства). Набор этих «перспектив» для каждой единицы называется тагмемой. Единицы языка рассматриваются в одном ряду с единицами поведения (бихевиоремами ~ англ. behavior «поведение»). В основу бихевиоризма положен принцип поведения человека как совокупность реакций организма на стимул внешней среды. В теории бихевиорем язык трактуется как вербальная (и эмоциональная) реакция человека... на высказывание другого субъекта. В теории бихевиоризма (т.е. бихевиоризма в целом) введено терминологическое противопоставление эмических (ср. *фонемика*) и этических (ср. *фонетика*) единиц. *Фонемика* – подраздел фонологии, объектом исследования которого являются теория фонем и их описание, а *фонетика* – раздел языкознания, изучающий звуковой строй языка (звуки речи, правила их сочетаемости в слове и потоке речи, звуковые законы, позиционные и исторические чередования, а также ударение и интонацию. *Фонология*, или *фонематология* – раздел языкознания, изучающий звуковую систему языка с функциональной точки зрения.

В тагмемике отсутствует последовательный формальный аппарат, позволяющий предсказывать возможность или невозможность конкретных новых единиц языка [6. С. 502].

Исходя из вышесказанного термин *лингвотактика* должен быть интерпретирован шире и глубже того, что сказано О.С. Ахмановой. Мы намереваемся описать лингвотактику в следующих разделах: 1) а) звуко- и фонотактика; б) интонемотактика; 2) словотактика; 3) сематактика; 4) лексемотактика; 5) дериватотактика; 6) синтагмотактика; 7) фраземотактика; 8) паремиотактика; 9) афоризмотактика. Итак, *лингвотактика* – комплексная лингвистическая дисциплина, сообщающая о составе и устройстве разделов языкознания, а также языковая эксцентрика, изучающая значащее линейное (последовательное) расположение элементов высказывания (речи), определяемая как совокупность

тагмем (синтагм). Определяет взаимосвязи между разделами лингвистики и в то же время априорно (умозрительно) соединяет их воедино. Сложность феномена лингвотактики заключается в систематизации, классификации языковых единиц, предполагающей иерархию категорий (таксонов) от низшего к высшему (от фонемы до текста), от вида к роду или от рода к виду (гипонимические отношения), т.е. таксономию (классификацию и систематизацию сложноорганизованных единиц лингвистики, имеющих обычно иерархическое строение). Лингвотактика, а также лингвотагмемика характеризуются многоаспектностью подходов к изучению их сущности, к механизмам формирования языковых единиц и их функциям. Лингвотактика зиждется на лингвотагмемике (а также и на лингвосинтагматике) – одном из способов всестороннего, разноаспектного описания языковых единиц от низшего до высшего. Лингвотактика изучает формальные и содержательные отношения между знаками, элементами языка.

Фонотактика (фонемотактика). Фонологическая тактика (фонотактика), англ. fonotactics – правила, ограничивающие сочетаемость фонем в различных позициях в составе слова или морфемы.

Слова фонотактика и фонемотактика состоят из двух частей: *фон-*, *фонема-*, в которых присутствует элемент греч. phone звук, + *тактика* – раздел лингвотактики, занимающийся описанием сочетаемости языковедческих единиц языка: в составе фонем, морфем, слов, словосочетаний, синтагм.

В чувашском языке 8 гласных и 44 согласных фонем. Им всем присущи только соответствующие дифференциальные признаки, под последними подразумеваются: конститутивный признак, минимальная звуковая единица, различительный признак, самостоятельная сторона фонемы, смыслоразличительный признак [1. С. 355]. Среди этих дифференциальных признаков мы выделим необходимые нам два признака: конститутивный (основополагающий, определяющий) и смыслоразличительный, на этой основе внесем возражение высказыванию В.А. Виноградова: «Фонема – основная незначимая единица языка, связанная со смыслоразличением лишь косвенно» [4. С. 552]. Для того, чтобы доказать обратное тому, что сказано В.А. Виноградовым, обратимся к чувашскому материалу, примеры в котором образованы по формуле СГС, где Г – гласные, С – согласные фонемы.

Характеризуясь различительными (дифференциальными) признаками, содержательные гласные фонемы выявляются в противопоставлении, сравнении. Приведем примеры по формуле СГС, где в англaute фигурирует согласный звук <л>, ауслауте – р, а инлаутные гласные чередуются:

пар I биол. «железа», *пар* II «пара», *пар* III «давать», *пар* IV подражательное слово;

пӑр I «лед», *пӑр* II «повертывать», *пӑр* III подражательное слово;

пер «бросать»;

пӗр I «один», *пӗр* II «сужать», *пӗр* III подражательное слово;

пир I «холст», *пир* II (йывӑҫси);

пур I (мел), *пур* II «есть», *пур* III «каждый»;

пӳр «гной», *пӳр* «предназначать»;

пыр «горло», *пыр* «идти».

Только на основе чередования гласных фонем мы определяем значения вокабул, при этом инициальные и финальные согласные <л> и <р> остаются неизменными. Это дает нам право говорить о смыслоразличительной роли гласных фонем.

Морфотактика (морфемотактика). Морфемотактика состоит из следующих разделов: а) морфотактика релятивная (т.е. словоизменения), вкратце – *лексемотактика*; б) морфотактика деривационная (дериватотактика): *пӗк-ӗр-ӗл-чӗк*, *пӗ-кӗ-рӗн-чӗк*. В этом производном слове *пӗкӗрӗлчӗк* «горбатый» последовательность деривационных морфем не нарушается:

пёк – основа (корень) слова «гнуть»;
 + *ёр*: *пёкёр* (*пёккёр* – А X; 131) «горбатый, сутулый»;
 + *ёл*: *пёкёрёл* «нагибаться, сгорбиться»
 + *чэк*: *пёкёрёнчэк*, *пёкёрёлчэк*, *пёкёрчэк* «сгорбленный».

Нарушение последовательности морфем приводит к нарушения целостности производного слова.

Лексемотактика – раздел грамматики, занимающийся исследованием и описанием грамматических единиц языка. Лексема – основная единица лексико-морфологического состава языка в совокупности всех ее грамматических форм и значений. В лингвистике лексемотактика известна под названиями «грамматика порядков» [3. С. 202], иногда ее называют «последовательностью морфем в словоформе» [8. С. 30–44].

Итак, лексема – одна из системных единиц плана как выражения, так и содержания языка, выделяемая наряду с фонемой, морфемой, семемой и определяемая как совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях [5. С. 122–123; 2. С. 28].

При лексемотактике формальное единство лексем(ы) обеспечивается единством словоизменительной основы ее словоформ, принадлежностью к определенной части речи (единством так называемого категориального значения), принадлежностью к определенному словоизменительному типу. Так при омонимах *пыр* I «горло» и *пыр* II «идти» лексемотактика определяет различные пути словоизменения:

пыр I «горло»; *пыр* – сем ср. *харам пырсем* «дармоеды, паразиты»; падежные формы: *пырән*, *пыра*, *пырта*, *пыртан*, *пырпа*, *пырсәр*, *пыршән*, форма категории личной принадлежности: *пырәм*, *пыру*, *пырө*, *пырәмәр*, *пырәр* (*вёсен*) *пырө*;

пыр II «идти»: а) временные категориальные формы: *пыратап*, *пыратән*, *пырать*, *пыратпәр*, *пыратәр*, *пырассө* (настоящее время); *пытәм*, *пытән*, *пытө*, *пытәмәр*, *пытәр*, *пытөс* (прошедшее однократное время) и другие временные формы; б) формы категории наклонения; *пытәр*, (ед.ч), *пытчәр* (мн.ч.) 3-е лицо повелительного наклонения и другие формы наклонений; в) причастные и деепричастные формы: *пыран*, *пыракан*, *пынә*, *пырас*, *пымалла*, *пырса*, *пырсан* и т.д.

Лексемотактика различных частей речи различна.

Для выяснения морфемного (морфологического) строения слова или проникновения в процесс лексемотактики, морфемотактики, необходимо знать лишь продуктивные в момент наблюдения элементы: реальную лексическую основу, единицу определенной части речи, а также взаимоотношения продуктивных грамматических морфем. Например, морфемотактика или лексемотактика имени существительного во всех тюркских языках представлена в следующем виде:

а) основа имен существительного;
 а+1) аффиксы личной принадлежности;
 а+2) падежные аффиксы;
 а+3) аффикс множественного числа;
 а+4) аффикс личной принадлежности + падежные аффиксы;
 а+5) аффикс множественного числа + аффиксы личной принадлежности;
 а+6) аффикс множественного числа + аффиксы личной принадлежности + падежные аффиксы [7. С. 143].

Но для чувашского языка эта общетюркская схема чуть изменяется, ибо в чувашском языке у прилагательных имеется категория выделения на *-и*, *-скер*.

Как известно, во всех тюркских языках существительные имеют три грамматические категории: множественного числа, принадлежности и падежа, но

нет категории выделения, имеются лишь зачатки форм выделения, типа *ормандагы* (ср. чув. *вӑрман-т(а)-и*). В этом случае после пункта а+2) падежные аффиксы должен быть пункт а¹+2¹ – основа слова + падежные аффиксы + форманты категории выделения на: + *-и*, *-скер*: *юлташӑ(н)-и*, (основа слова + аффикс прит. падежа + аффикс выделения);

– основа слова + аффикс местного падежа: *-та (-те)*, *-ра (-ре)*, *-че* или в усечённом виде *-т*, *-р*, *-ч*, *-скер*: *ялта-скер*, *шывра -скер килӗнче -скер*; *ял-т-и* «то, что в деревне», *шыври* «то, что в воде», *килӗ(н)-ч-и* «то, что в доме»;

– основа слова + аффикс исходного падежа *-тан (-тен)*, *-ран (-рен)*, *-чен* с удлинением конечного <н>: *хуларан-скер*, *хуларанни* «тот, который из города»; *ялтанскр*, *ялтанни* «тот, который из села», *сырмаранскер*, *сырмаранни* «тот, который из оврага»;

– основа слова + аффикс творительного падежа: *-па (-пе)*, *-пала (-пеле)*, *-палан (-пелен)*, *-п*: *лашпаскер* «тот, лошадный», *ёс-п-и(н)-е*, *ёспех килсеттӗм те...* «по делу-то, по делу...»;

– основа слова + аффикс лишительного падежа *-сӑр (-сёр)*, *-и*, *-скер*: *сӗтсӗрскер*, *сӗтсӗрри* «то, что без молока»;

– основа слова + аффикс причинно-целевого падежа: *-шӑн (-шён)*: *шывшӑнни* «тот, который хочет воды», *сӗтшӗнни* «тот, который хочет молока».

В чувашском и в других тюркских языках (а также в алтайских языках в целом) порядок расположения как реляционных, так и деривационных морфем, а также линейная последовательность фонем не нарушается.

Последовательность фонем аффиксов (морфем) – явление объективное, исторически обусловленное, и оно может быть объектом специального исследования (лингвотактики).

В чувашском языке основным критерием выделения фонемы считаем ее смыслообразительную функцию. В этом случае она стоит на одном уровне с морфемой. Морфемикой мы называем совокупность морфем в их формальном и семантическом варьировании. Фонемика – подраздел фонологии, объектом исследования которой является теория фонем в их формировании и семантическом варьировании.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1960. 605 с.
2. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 308 с.
3. Кубрякова Е.С. Лексема // Русский язык: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. С. 122–123.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
5. Ревзин И.И., Юлдашева Г.Ф. Грамматика порядков и ее использование // Вопросы языкознания. 1969. № 1.
6. Словарь иностранных слов. СПб.: Victory, 2010. 813 с.
7. Севортян Э.В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1972. С. 132–144.
8. Щербак А.М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 39–44.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1960, 605 p.
2. Kasevich E.S. *Semantika. Syntaxis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morfology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 308 p.
3. Kubryakova E.S. *Leksema* [Lexeme]. *Russkii yazyk: entsiklopediya* [Encyclopedia «Russian Language»]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979, pp. 122–123.
4. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 683 p.

5. Revsin I.I., Yuldasheva G.F. *Grammatika poryadkov i eyo ispolzovanie* [The Grammar of Orders and its usage]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics], 1961, no. 1.
6. *Slovar inostrannykh slov* [The dictionary of Foreign words]. St. Petersburg, Victory Publ., 2010, 813 p.
7. Sevortyan E.V. *Morfologicheskoye stroeniye slova v svyazi s drugimi ego harakteristikami* [Morphological structure of a word in relation with its other characteristics]. *Tyurkologicheskii sbornik, 1971* [Turkological collection, 1971]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 132–144.
8. Tscherbak A.M. *Posledovatel'nost morfem v slovoforme kak predmet lingvistikeskogo issledovaniya* [Sequense of morphems in a wordform as a subject matter of linguistic research]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics], 1983, no. 3, pp. 39–44.

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (cervitchuv45@rambler.ru).

SERGEYEV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chuvash and Oriental Linguistics Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811
ББК 81.04

А.А. ФОКИНА

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, НОМИНИРУЮЩИХ ХАРАКТЕРИСТИКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (на материале русского, марийского и английского языков)

Ключевые слова: русский язык, марийский язык, английский язык, фразеологизм, значение, компонент, сема, коннотация, семантика.

Статья имеет целью обобщить результаты сопоставительного исследования тематической группы фразеологических единиц с соматическим компонентом голова / вуй / head русского, марийского и английского языков. Указанный соматический компонент является полисемным во всех исследуемых языках. Моделируемые семантические подгруппы, основополагающим понятием которых является характеристика деятельности человека, формируются на основе образных составляющих фразеологизмов с одним из значений компонента голова / вуй / head. В процессе анализа семантической основы выявляется внутренний образ фразеологических единиц разноструктурных языков, устанавливаются значимые межъязыковые расхождения и фиксируются различные интерпретации сюжетов окружающей действительности языковыми культурами. Рассматриваются как тождественные по семантике подгруппы, так и не имеющие аналогичных фразеологических моделей. Доказывается, что многие тождественные факты действительности у разных народов получают независимо друг от друга одинаковое переосмысление.

A. FOKINA

COMPARATIVE STUDY OF SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING CHARACTERISTICS OF HUMAN ACTIVITY (based on material of Russian, Mari and English Languages)

Key words: Russian language, Mari language, English language, phraseological unit, meaning, component, seme, connotation, semantics.

The paper is aimed at summarising the results of the comparative study of the Russian, Mari and English thematic groups of phraseological units with the somatic component «golova (Rus. голова) / vui (Mar. вуй) / head». The specified somatic component is polysemic in all the given languages. The modeled semantic subgroups with the fundamental concept of human activity characteristics are formed on the basis of figurative components of phraseological units with one of the meanings of the component «golova (Rus. голова) / vui (Mar. вуй) / head». The analysis of the semantics of such phraseological units reveals intrinsic images of phraseological units of different structure languages, significant interlingual discrepancies and different interpretations by language cultures of the subjects of the surrounding reality. The author considers identical semantic subgroups, as well as nonidentical ones, proving that many identical facts of reality are conceived identically by different linguistic communities.

Предметом исследования в данной статье послужили фразеологические единицы (далее ФЕ) с соматическими компонентами голова, вуй, head русского, марийского и английского языков, характеризующие оценку деятельности человека с целью решения важной типологической задачи, а именно вы-

явления в процессе сопоставления идентичности (или расхождения) методов осознания объективной действительности представителями различных национально-культурных социумов. На основе сопоставления семантического описания ФЕ предполагается выявить общие и различные способы проявления параметрических значений в рамках полисемности соматизмов *голова*, *вуй*, *head* указанных языков. Изучение внутреннего образа фразеологизмов, их семантики позволит «выявить существенные межъязыковые различия, фиксирующие несовпадения в интерпретации определенных фрагментов действительности разными языковыми сообществами, причем, по-видимому, лишь некоторые из этих концептуальных различий окажутся культурно-значимыми» [2. С. 262]. Целесообразность исследования отмечается недостаточной изученностью данной темы в марийском языкознании и актуальностью сопоставительного подхода к изучению национально-культурной специфики явлений во фразеологии различных языков.

Как показало исследование корпуса ФЕ русского, марийского и английского языков, лексема «*голова*», являясь компонентом фразеологических моделей (по нашей картотеке 148 фразеологизмов в русском, 139 – в марийском, 153 – в английском языке), может формировать различные значения и коннотации в рамках объективной действительности, приобретая эмотивную оценку в дискурсах различных типов. Основопологающим толкованием компонента *голова* в структуре соматических фразеологизмов, бытующих во всех рассматриваемых языках, несомненно, является определение «верхняя часть тела человека, передняя (верхняя) часть тела позвоночного животного, состоящая из черепной коробки и лица у человека или морды у животного» [3. С. 228]. Ср. «the division of the human body that contains the brain, the eyes, the ears, the nose, and the mouth» (букв. *часть тела человека с мозгом, глазами, ушами, носом и ртом*) [14. С. 1042], «голова (часть тела)» [11. С. 298], служащая базовым фактором представления о голове как о важном органе мышления, обладание которым является превалирующей особенностью человека как разумного существа. В процессе исследования нами были выделены ФЕ, «в смысловой структуре» которых «представлен не сам объект, а некоторый его признак (некоторые признаки) или его значение (значения)» [7. С. 56]. В качестве объекта исследования в предлагаемой статье выбрана тематическая группа ФЕ со значением «образ действия», в силу того, что именно во фразеологизмах подобного типа можно обнаружить особенности той или иной коммуникативной ситуации, в которой данный компонент играет существенную роль, не выявляя своего прямого значения и свойства. По мнению В.П. Жукова, «целостное значение возникает вследствие расшифровки реального или нереального образа, лежащего в основе того или иного фразеологизма. При расшифровке и осмыслении образа всегда наблюдается отвлечение, отход от словесной основы внутренней формы» [6. С. 106]. Результатом такого отвлечения является передача семантики фразеологизма посредством слов, не входящих в состав компонентов исследуемой ФЕ.

Центральным понятием фразеологизмов исследуемой группы является деятельность человека. Под деятельностью будем рассматривать «форму активности человека, идеальное и предметно-практическое взаимодействие индивида с миром» [4. С. 618]. В процессе деятельности удовлетворяются многообразные потребности человека, устанавливается его индивидуальное поведение, проявляются важнейшие общественные ценности и мотивы действий. «Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий» [9. С. 104]. Действие, являясь процессом, мотивируемым различными целями, реализуется разными способами в зависимости

от условий и представления о его конечном результате. Различный подход к осуществлению деятельности и его внешняя оценка послужили основой выражения отношения к образу действия людей посредством ФЕ. «Оценочная деятельность, – как утверждает В.Н. Телия, – сопровождает всю деятельность человека – субъекта, соотносящего с его ценностной картиной все, что имеет место, происходит или случается в мире» [12. С. 39].

В рассматриваемой группе ФЕ выявляются значения, представляющие «собой совокупность упорядоченных семантических элементов – сем, соотносимых с определенными свойствами предметов и явлений, хотя прямого соответствия между элементами означаемого и означающего не существует» [1. С. 36]. Распределение ФЕ по семантическим подгруппам с дальнейшим сравнением проводилось на основе выявления и идентификации общих интегральных сем в их семантике. Данная тематическая группа фиксирует ФЕ, участвующие в выражении значений, характеризующих деятельность человека и его отношение к основному занятию.

Разделяя общепринятую точку зрения большинства современных лингвистов об антропоцентричности и антропометричности языка, согласно которому человек репрезентируется «в создании эталонов, или стереотипов, которые служат своего рода ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности», следует отметить, что все вышесказанное можно проиллюстрировать на примере рассматриваемого набора ФЕ [10. С. 174]. Причем целесообразно подчеркнуть, что внутри группы возможно разделение ФЕ на подгруппы в последовательности от характерной для них общей положительной или общей отрицательной оценки деятельности человека.

Фразеологические единицы со значением «**преданное отношение к делу**»: **рус.** *окунуться (погружаться, уходить) с головой во что. Окунуться (уйти) с головой.* [13]; **мар.** *вуйге каяш (пижаш, шунгалташ, т. м. кушко, молан. Вуйге кеаш (пижаш, шынгалташ, т. м. кышкы, малан к. м. (букв. уходить (уйти), окунуться с головой во что)* [5]. В перечисленных фразеологизмах сема «преданность делу» выражена при помощи структурного признака превалирующего положения головы по сравнению со всеми другими частями тела, с выделением значения «целиком». Как видим, ФЕ марийского и русского языков показывают семантическую тождественность образности фразеологизмов и свидетельствуют об общности данных идиом.

Фразеологические единицы со значением «**чрезмерность в работе**»: **англ.** *work one's head off* (букв. *отработать головой*) [8]; **мар.** *вуй(ым) нӧлталде (ышташ). Вуй (вуйым) лӱкталде (ышташ) к. м. (букв. не поднимая головы)* [5]. Указанные фразеологизмы марийского и английского языков имеют сему «чрезмерность в работе», выраженную обусловленностью компонентов с описанием конкретного действия: работать, не поднимая головы или не покладая рук – значит трудиться усердно и много. Примечательно, что образ английского фразеологизма создается на сплетении коннотаций компонентов, характеризующих в своем буквальном значении, скорее всего, интеллектуальную деятельность, а идея чрезмерности во ФЕ марийского языка передается сочетанием значений «не поднимая головы, не переводя дыхание», символизирующих в большей степени физическую деятельность.

Фразеологические единицы со значением «**целиком**»: **рус.** *с (от) головы до ног (до пят)* [13]; **англ.** *from head to foot* (тж. *from head to heel* или *head to foot*) (букв. *с головы до ног (ступней)*); *over head and ears* (тж. *head over ears*) (букв. *над головой и ушами*): 1) по уши (в долгу); 2) по горло (дел) [8]; **мар.** *вуй гыч (тӱналын) йол марте. Вуй гыч (тӱналын) йолыш шумеш. Йол гыч*

(*тӗнгалын*) *вуй марте* (*вуйышко шумеш*). *Вуй гӗиц* (*тӗнгалын*) *як якте* к. м. (букв. с головы до ног); *вуй-поч йотке*. *Вует-пачет* *якте* к. м. (букв. с головой и с хвостом) [5]. В представленной подгруппе связь фразеологизмов обусловлена общностью семы пространственного измерения «целиком, полностью». Семантика ФЕ передается при помощи противопоставления «верх – низ», а именно иерархического превосходства головы человека над ногами, служащими эталонами его вертикального измерения. Отправными точками этой измерительной шкалы являются, с одной стороны, голова, а с другой – ноги, пятки, ступни (в одной ФЕ марийского языка – хвост).

Фразеологические единицы, характеризующие негативные действия человека по отношению к другим людям, организуют подгруппу со значением «неожиданное действие»: **рус.** *ударять* (*ударить, бить*) *как* (*будто, словно, точно*) *обухом по голове* [13]; **мар.** *вуй гыч* (*вуйым*) *ӱш* (*кестен*) *дене перыме гай* (*перымыла*) *чучаш*. *Вуй гӗиц* *ӱш* (*кестен*) *доно севымы гань чучаш* к. м. (букв. как *будто, словно*) *обухом* (*дубиной*) *по голове кому ударили*); *пуйто ӱшдене* (*вуй гыч*) *пераш* (*пуаш*). *Вуйта ӱш доно* (*вуй гӗиц*) *пӑраш* (*пуаш*) к. м. (букв. как *будто дубиной* (*обухом*) *по голове дать*) [5]. В данной подгруппе сема «неожиданность» выражена при помощи метафоризации исходного словосочетания, мотивированного сравнением процесса неожиданности с внезапностью удара. Здесь нами выделены ФЕ только русского и марийского языков. Лексические компоненты создают семантическую структуру фразеологизмов и обладают образностью и экспрессивностью. Фразеологизмы имеют прозрачный внутренний образ, отражающий конкретные действия: ударить обухом, дубиной – внезапно поразить, ошеломить.

Фразеологические единицы со значением «безрассудно», имеющие негативную оценку поступкам, употребляются во всех рассматриваемых языках: **рус.** *очертя голову* [13]; **англ.** *оп* (или *упоп*) *head* (тж. *оп* или *упоп a head* или *the head*) уст. (букв. на голове); *hand over head* (уст.) (букв. рука над головой) во 2-м значении) – поспешно, опрометчиво, очертя голову, необдуманно [8]; **мар.** *вуй сӑрал* к. м. (букв. безрассудно, не думая о последствиях) [5]. При сопоставлении фразеологизмов с семой «безрассудность» была выявлена абсолютная тождественность образности при несовпадении лексических компонентов.

В ходе сопоставительного исследования были зафиксированы подгруппы ФЕ, не имеющих аналогий в анализируемых языках, иллюстрирующие своеобразие выражения морально-нравственных ценностей того или иного народа, особенности взгляда на окружающий мир, духовный опыт.

1. Фразеологические единицы **английского языка**, не имеющие параллели в русском и марийском языках: *hand over head* (уст.) (букв. рука над головой) во 1-м значении) – легко, без затруднений; *be able to do it on one's head* (разг.) (букв. быть в состоянии сделать это на голове) – сделать с легкостью, без всякого труда; *on one's own head* (букв. на свою голову) – на свой страх и риск; *to one's head* уст. (букв. в лицо) – в лицо, в глаза; *out of one's own head* (букв. из собственной головы); *of* (или *оп*) *one's own head* (уст.) (букв. из собственной головы) 1) из собственной головы, самостоятельно; по собственной инициативе; 2) самопроизвольно [8];

2. Фразеологические единицы **марийского языка**, не имеющие аналогий в сопоставляемых языках: *вуй гыч опталаш гай*. *Вуй гыц оптал мыла* к. м. (букв. так, что готов вылить на голову) – назойливо, насильно (угощать, потчевать, заставлять есть и т. п.); *вуй кушко пура*. *Вуй кышкы пыра* к. м. (букв. куда голова денется) – в неопределенном направлении (идти, брести); *вуй ӱмбалне мо*. *Вуй турешты ма* к. м. (букв. над головой что) – близко, над

головой что; *вуй-вуй шалгаш* к. м. (букв. *стоять голова к голове*) – каждый, всякий по-своему; недружно; *вуй ора дене. Вуй доно* к. м. (букв. *с головой*) – сам с собой; наедине с собой; тихо. Про себя [5].

3. ФЕ **русского языка**, не имеющие параллели в марийском и английском языках: *сломя голову* – стремительно, опрометью, стремглав (бежать, скакать); *как (будто, точно, словно) снег на голову* – совершенно неожиданно, внезапно (появляться и т.п.) [13].

Обращение к внутренней форме перечисленных фразеологизмов, не имеющих аналогий в сопоставляемых языках, дает основание полагать, что лишь ФЕ русского языка ***сломя голову*** обладает важным компонентом *сломя*, свидетельствующим о национально-культурной составляющей семантики данного фразеологизма. Поскольку этот компонент маркирует фразеологизм как исконно русский. Во всех остальных ФЕ марийского и английского языков прослеживаются межъязыковые различия семантики, внутренней формы, что свидетельствует о несовпадении в интерпретации определенных фактов действительности различными языковыми социумами.

Сопоставление семантики ФЕ дает основание полагать, что установление принадлежности к определенной тематической группе возможно на основе факта соотношения фразеологизмов по линии их содержания, т.е. внутренней формы. В тематической группе «оценка деятельности человека» были выделены семантические тождества при несовпадении лексических компонентов ФЕ всех рассматриваемых языков, характеризующих безрассудность и поспешность действий. В значениях «чрезмерность в работе» наблюдается совпадение образности ФЕ английского и марийского языков, а «преданное отношение к делу» – фразеологизмов русского и марийского языков. Одинаковое переосмысление ФЕ происходит по линии метафорического и образного сравнения характера деятельности человека. Многие тождественные факты действительности у разных народов получают независимо друг от друга одинаковое переосмысление. Однако были выявлены пять ФЕ марийского языка и шесть ФЕ английского языка, не имеющих аналогов во фразеологическом фонде других сопоставляемых языков, что может свидетельствовать об индивидуальном развитии языковых и культурно-исторических явлений народов.

Список условных сокращений

англ. – английский; *к.м.* – курык марла (горно-марийский); *мар.* – марийский; *рус.* – русский; ФЕ – фразеологическая единица.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* О статусе фразеологического значения среди семантических единиц других уровней языка // Проблемы фразеологии: межвуз. сб. науч. тр. Тула: Изд-во Тулгоспединститута им. Л.Н. Толстого, 1980. С. 34–41.
2. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Большой академический словарь русского языка: в 21 т. Т. 4. Г–День / РАН. М.: СПб.: Наука, 2006. 677 с.
4. Большая российская энциклопедия: в 30 т. Т. 8. Григорьев–Динамика / отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. 767 с.
5. *Грачева Ф.Т.* Марий фразеологий мутер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 328 с.
6. *Жуков В.П.* Роль образности (метафоричности) в формировании целостного значения фразеологизма // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1967. С. 103–112.
7. *Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е.* Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
8. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь – English – Russian phraseological dictionary: ок. 25000 фразеол. единиц. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1456 с.

9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
10. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
11. Словарь марийского языка. Т. 1. А–З / А.А. Абрамова, И.С. Галкин, И.Г. Иванов и др.: гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 488 с.
12. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразагеография в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 32–47.
13. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков; А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
14. Webster's third New International Dictionary of the English language unabridged with seven language dictionary. Vol. II: H to R. Chicago, Encyclopedia Britannica Inc, 1993, 1993 p.

References

1. Alefirenko N.F. *O statute frazeologicheskogo znacheniya sredi semanticheskikh edinits drugikh urovnei yazyka* [About the status of idiomatic values among the semantic units of other levels of language]. *Problemy frazeologii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Problems of phraseology. Interuniversity collection of scientific papers: Collected papers]. Tula, 1980, pp. 34–41.
2. Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znack Publ., 2008. 656 p.
3. *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka: v 21 t. T. 4. G–Den'* [Large Collegiate Dictionary of the Russian language. 21 vols. Vol. 4]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 677 p.
4. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 30 t. T. 8. Grigor'ev – Dinamika* [Great Russian Encyclopedia. 30 vols. Vol. 8]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2007. 767 p.
5. Gracheva F.T. *Marii frazeologii muter* [Mari phraseology dictionary]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1989. 328 p.
6. Zhukov V.P. *Rol' obraznosti (metaforichnosti) v formirovanii tselostnogo znacheniya frazeologizma* [The role of imagery (metaphor) in the formation of a holistic values phraseologism]. *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshei i srednei shkole* [Problems of phraseology and problems of its study in higher and secondary school]. Vologda, 1967, pp. 103–112.
7. Kozerenko A.D., Kreidlin G.E. *Frazeologicheskie somatizmy i semioticheskaya kontseptualizatsiya tela* [Phraseological somatism and semiotic conceptualization of body]. *Voprosy yazykoznanii* [Questions of linguistics], 2011, no. 6, pp. 54–66.
8. Kunin A.V. *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English – Russian phraseological dictionary]. Moscow, 1955. 1456 p.
9. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow, 1977. 304 p.
10. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and world picture]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p.
11. Abramova A.A., Galkin I.S., Ivanov I.G. et al. *Slovar' mariiskogo yazyka. T. 1. A–Z* [Dictionary of the Mari language. Vol. 1: A–Z]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1990. 488 p.
12. Teliya V.N. *Semantika idiom v funktsional'no-parametricheskom otobrazhenii* [The semantics of idioms in the functional-parametric mapping]. *Frazeografiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka* [Phraseography in the mechanical fund of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 32–47.
13. Voinova L.A., Zhukov V.P., Molotkov A.I., Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phrasebook Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986, 543 p.
14. Webster's third New International Dictionary of the English language unabridged with seven language dictionary. Vol. II: H to R. Chicago, Encyclopedia Britannica Inc., 1993, 1993 p.

ФОКИНА АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, старший преподаватель кафедры иноязычной речевой коммуникации, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (allafokina70@mail.ru).

FOKINA ALLA – a competitor of scientific degree of Philological Sciences candidate, senior teacher of Foreign Speech Communication Department, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

УДК 811.512.111'373
ББК Ш12=635.1*321

Э.В. ФОМИН

МАРИЙСКИЙ МАТЕРИАЛ В СЕМАНТИЗАЦИИ АБСОЛЮТНЫХ АГНОНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА*

Ключевые слова: абсолютные агнонимы, чувашский язык, марийский язык, языковые контакты, семантика.

Рассматриваются слова чувашского языка с неизвестным или предположительным значением, при семантизации которых используется марийский материал. Результаты исследования базируются на ближней этимологии. В условиях, когда чувашско-марийские языковые взаимосвязи являют собой образец наилучшим образом исследованной области, маргинальные лексико-фразеологические единицы чувашского языка могут послужить новым пластом контактологических разысканий.

E. FOMIN

MARI LANGUAGE IN SEMANTIZATION OF ABSOLUTE AGNONYMS OF CHUVASH LANGUAGE

Key words: absolute agnonyms, Chuvash language, Mari language, language contacts, semantics.

The author considers the words of the Chuvash language with an unknown or presumptive meaning, which can be semantized by means of the Mari language. The results of the study are based on the same language etymology. In conditions when the Chuvash and Mari language contacts are an example of the well-studied area, marginal lexical and phraseological units of the Chuvash language can become a new course in contactology research.

По подсчетам чувашеведов, общий лексический фонд чувашского и марийского языков составляет 1599 единиц, из которых 1352 являются чувашизмами и 247 – мариизмами [6. С. 164, 296]. Казалось бы, проблематика чувашско-марийских лексических контактов изучена досконально, и новый материал возможен в крайне ограниченных объемах. Между тем исследовательское внимание, проявленное к абсолютным агнонимам чувашского языка, позволило обнаружить среди них около десятка слов, обусловленных марийским участием.

Анализ каждого агнонима, рассматриваемого в статье, производится по единой схеме: в первой части приводится описание агнонима на основе словаря Н.И. Ашмарина, во второй – изучаются возможные толкования. Представляется, что в целях семантизации абсолютных агнонимов необязательно проведение глубоких этимологических исследований, достаточно найти лексические аналоги с осознаваемым значением в диалектах или контактировавших языках. Методы звукосоответствий между первичной и производной единицами, выработанные сравнительно-историческим языкознанием и контактологией, здесь не всегда могут быть выдержаны последовательно, поскольку анализируемый материал функционально представляет глубокую периферию языка и, кроме того, не застрахован от ошибок при его фиксации.

Марийский след в чувашской агнонимичной лексике можно усмотреть в фонетическом, морфемном, контекстуальном или ареальном планах. Из всей совокупности абсолютных агнонимов чувашского языка условно марийской допустимо признать следующие лексемы: по фонетическим параметрам – *шек, шёрё, шўслёк*; по морфемным признакам – *вакйш*; на основе контекстуального подхода – *вакйш, кяплъя, шёрё, шўслёк*; по ареалу распространения – *шалантай*. Фонетически и контекстуально с марийским языком связаны

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00045.

чалăк и *юмăк*, но в первом случае слово является тюркизмом, проникшим в марийскую среду, а этимология второго еще не получила какого-либо убедительного решения.

Вакăш [ва́гш] ‘блестеть’? Опечатка вместо *йалкăш* (?) ‘пылать; блестеть’. *Хайсенён кувёсенче тёттём сёрте йăлтăртатса, вакăшса вут сунса тăнă*. ‘В их глазах в темноте с блеском, *вакăшса* горел огонь’ (перевод наш. – Э.Ф.) [1. Т. 5. С. 158].

Предположить столь значительную опisku или опечатку сложно. По контексту *йăлтăртат* и *вакăш* являются синонимами, т. е. согласно значению *йăлтăртат* ‘блестеть’ агноним *вакăш* должен означать действие, связанное с отсвечиванием, блеском.

Фонетически и семантически близкая параллель обнаруживается в марийском языке: диал. *волгаш* ‘блестеть, сверкать, сиять’ [2], см. также *волгалташ* ‘светиться, освещаться’; *вильгыжаш* ‘блестеть (о блеске шерсти, перьев, ворса, волос)’; *волгыдо* ‘светлый, ясный’. В свою очередь, чувашско-му языку слова, созвучные *вакăш*, не известны.

Однако установление безусловно марийского происхождения агнонима *вакăш* требует решения некоторых вопросов.

Во-первых, объяснить отсутствие инлаутного [л] в предполагаемом чувашском эквиваленте. С одной стороны, это может быть ошибкой в фиксации, с другой – звук [л] в чувашских словах обладает свойством выпадать: лит. *въл* ‘он’ = чувН. *у*; *килсе кур* ‘прийти посмотреть’ = разг. *кисе кур*, чувВ. *кис кур*; *кин* ‘сноха, невестка’ = тат., башк. *килен*.

Во-вторых, *вакăш* имеет иную акцентологическую характеристику, нежели предполагаемый марийский источник *волгаш* [волгáш]. Однако наблюдения показывают, что перестановка ударения в чувашско-марийских заимствованиях допустима, ср.: чув. *кача* [ка́ш] ‘горько’ < марГ. *качы* [ка́чы], марЛ. *кочо* [кóчо]; чув. *вёлкеш* [в’ь’л’г’ьш] ‘развеваться’ = мар. *вильгыжаш* [выл’гы’жаш].

В-третьих, не подозрительно ли заимствование слова в инфинитивной форме, тогда как марийские глаголы чувашским языком воспринимались в императиве? Ср.: мар. *ньыргыжаш* ‘стонать’ > чув. *ньаркаш* букв. ‘издай стон’; мар. *тышкаш* ‘клеить; лепить что-то; заделывать; готовить (стряпать)’ > чув. *тăшка* букв. ‘лепи; заделай; приготовь’. Важная контактологическая параллель: русские глаголы заимствуются чувашским языком в неопределенной форме в функции имени существительного, например: рус. *венчать* > чув. *венчет* ‘венчание’; рус. *мешать* > чув. *мешетле* ‘мешать’; рус. *жарить* > чув. *шаритле* ‘жарить’, где *-ле* – аффикс отыменного глаголообразования. В целом же русские глаголы встраиваются в аналитические конструкции чувашской речи без каких-либо изменений: *подарить ту* ‘подарить’, *звонить ту* ‘звонить’.

Возможно, одна из причин заимствования марийских глаголов не в инфинитивной, а императивной форме обусловлена целью избежать омонимичных отношений с чувашскими возвратными глаголами на *-аш*: *аташ* ‘баловаться, шалить’, *тавлаш* ‘спорить’, *тăрмаш* ‘возиться, копаться’.

Таким образом, представляется справедливым возведение чувашского *вакăш* к марийскому *волгаш*.

Кăплă [к’ь’пл’ъ] в *алăк кăпли* ‘дверной пробой’; *пăчкă кăпли* ‘железный обхват на конце пилы’ [1. Т. 7. С. 165].

У Н.И. Ашмарина лемма приводится в неожиданной исходной форме: *кăплă* вместо *кăпăл* ‘проух (дудка у топора, заступа, железной лопаты и пр.), куда вставляется черен’ [1. Т. 7. С. 161]. (*Алăк*) *кăпли* представляет *кăпăл* в верховой диалектной форме посессива третьего лица единственного числа с

синкопой [ъ], ср. с должной быть металектической формой (*алӑк / пӑчкӑ*) *кӑпӑлӑ* 'проушина (двери / пилы)'. По М.Р. Федотову, слово возводится к марийскому *ковыл* 'пазник' [6. С. 303] с закономерными межъязыковыми звукопереходами.

Чалӑк [чӑлӑк] [1. Т. 15, 134].

По Л.П. Сергееву, то же, что *чалак* 'резвый, пугливый' [3, 84]. Марийское диалектное *чалаклык* 'быстрота, резвость' является производным от чувашской или татарской по происхождению основы, отсутствующей в современном марийском языке, ср.: чув. *чалак* 'резвый, горячий; проворный, подвижный; прыткий, ретивый' [8. С. 577]; тат. *чалак* 'быстрый; норовистый (о лошади; тж. о людях)' [5. Т. 2. С. 557].

Чувашская и татарская аналогии (**чалаклях*, **чалаклык*) неизвестны, при этом в чувашском языке имеется глагольная форма *чалаклан* 'становиться резвым, горячим (о лошади); становиться проворным, подвижным (например, о ребенке)' [8. С. 577].

В словаре чувашских заимствований в марийском языке М.Р. Федотова равно и в словаре марийских заимствований в чувашском языке слово *чалак* (*чалӑк*) отсутствует [6].

Шалантай [шаландӑй] [1. Т. 17. С. 102].

Слово паспортизировано д. Березовые Олгаши, входящей в горномарийско-чувашскую контактную зону, и уже потому можно допустить, что настоящий агноним обусловлен марийским участием.

Данный агноним имеет прозрачную структуру. Он состоит из корневой части с неизвестным значением *шалан* и аффикса *-тай* с номинативным или адъективным значением, нередко совмещающимся в одном слове, ср.: *пахмат* 'смелый, безрассудный, отчаянный' – *пахматтай* 'невежа, грубиян; бестактный, грубый'; *чуман* 'ленивый (о лошади); нерасторопный, вялый' – *чумантай* 'лентяй; ленивый, нерасторопный'.

Фонетически наиболее близким марийским словом является *шалан*, марГ. *шӧлӧн* 'вразброс, вразброд, разрозненно' [2], в свою очередь связанное с чувашским заимствованием в марийском языке *шаланаш* 'развалиться; разбросаться; расходиться' (< чув. *салан* 'расходиться, разъезжаться, расползаться, разлетаться') [6. С. 220]. В итоге нельзя ли чувашский агноним *шалантай* семантизировать как разбросанный, разрозненный?

Однако более предпочтительным представляется допущение собственно именного характера слова. Так, той же контактной зоной паспортизируются дохристианское мужское имя *Салантай* (д. Большие Олгаши Моргаушского района) [1. Т. 11. С. 30] и отыменная фамилия *Шаландаев* (д. Большое Карачкино Ядринского района), согласующиеся с традиционным чувашско-марийским звукосоответствием *с ~ ш*. Фамилия же Саландаев локализуется южной территорией Чувашии и западной частью Ульяновской области – Шемуршинским и Барышским районами, соответственно.

Исходя из сказанного, логичным было бы вывести марийское имя в форме *Шаландай*, где *-дай* – марийский (= чувашский) имяобразовательный формант. Однако в словаре марийских личных имен настоящий оним не обнаруживается, но в нем имеется *Саландай* [7. С. 389].

Шек [шэ'к]. *Ҷинӧ шекпех вилӧн*. 'Тотчас умрешь' (перевод наш. – Э.Ф.). *Ҷинӧ шекпех* – 'тотчас', *Ҷисессӧнех* [1. Т. 17. С. 155].

Агноним является обратным заимствованием из марийского языка: чув., тат. *шик* 'страх, испуг; сомнение' > мар. *шек* 'сомнение' [6. С. 281]. В ходе

функционирования в марийском языке *шек* расширило семантику и со значением 'причина, повод, предлог; явление, обстоятельство, служащее основанием чего-либо или обуславливающее появление другого явления' [2] вернулось в чувашский язык.

Шёрё [шь'р'ь]. *Ѕăкăр-тăварсăр пулсан шёрё теççё*. 'Если встречаются без еды, говорят *шёрё*' (перевод наш. – Э. Ф.) [1. Т. 17. С. 379].

В словаре приведено явно ошибочное орфографирование: вместо *ѕăкăр-тăварсăр* 'без еды, угощений' уместнее *ѕăкăр тăварсăр пулсан* 'если хлеб оказывается без соли'.

Слово является марийским заимствованием и восходит к *шере* 'пресный, бессоленный; без соли, недосоленный' [2]. См. также у Н.И. Ашмарина: *шерё* и *ширё* 'несоленный, без соли (кушанье); безвкусный', локализованные чувашско-горномарийской контактной зоной – д. Большое Карачкино Моргаушского и Малое Карачкино Ядринского районов Чувашской Республики [1. Т. 17. С. 165, 203]. М.Р. Федотовым *шерё* и *ширё* отмечены как марийские заимствования, ссылка на вариант *шёрё* отсутствует [6. С. 319].

Шўслёк [шў'сл'ьк] в *шўслёк ёçмешкён* 'на время' [1. Т. 17. С. 264], букв. на питье *шўслёк*.

В марийском языке имеется параллель *суслык* 'черпак для разливания пива'. Не идентичны ли семантически *шўслёк* и *суслык*, если принять во внимание значение марийского слова, также представленного шипящими диалектными вариантами *šúšlə̌k*, *šúšlə̌ok*, *šúšlúk* [9. С. 645], и контекста рассматриваемого чувашского агнонима? *Шўслёк* может являть сингармонический вариант *шуслăк*, ср.: *тупала* ~ *тўпеле* 'бичевать', *çура* ~ *çўре* 'детеныш'.

Согласно "Tscheremissisches Wörterbuch", марийское *суслык* татарского происхождения, при этом его исходная форма авторами не приводится [9. С. 645].

Видимо, протоформой марийского *суслык* выступает татарское диалектное слово *сослок*, зафиксированное в значении 'жевка для грудных детей, завернутая в тряпку; резиновая соска', где *сос-* 'черпать' (перен. 'лопать, трескать' [5. С. 248]), *-лок* (= *-лык*) [4. С. 578, 209], ср. с лит. *соскыч* 'черпак, половник'.

Юмăх [júмъх] во фраземе *юмăх тăвар* 'пересол'. Сообщение Н. Романова [1. Т. 4. С. 329].

В марийском языке наблюдается такая диалектная параллель, как *юмык*, с отчетливо осознаваемым значением 'пересоленный, слишком соленый, с большим количеством соли' [2], выступающая ключом к семантизации чувашского агнонима. При этом случай представляется более чем интересным с функциональной точки зрения: в обоих языках слово имеет ограниченное распространение и не обладает внутренней обусловленностью, а в чувашском употребляется лишь в составе тавтологической фраземы (не является ли заимствованием из марийского?).

Кроме рассмотренных выше чувашских агнонимов, в семантизации которых прослеживается марийское участие, имеются и другие, возможно также обусловленные марийским языком, например: *ламтилё* [1. Т. 8. С. 15], *лелтешки* [1. Т. 8. С. 79], *лăшкан* [1. Т. 10. С. 184], *сатал* [1. Т. 11. С. 81], *çул теренё* [1. Т. 12. С. 293], *тăкта* [1. Т. 14. С. 254], *топпус* [1. Т. 14. С. 148], *чыклан* [1. Т. 15. С. 182], *шатыка* [1. Т. 17. С. 150], *шăлак* [1. Т. 17. С. 285].

Изученный материал показывает, что в условиях исчерпанности темы, основанной прежде всего на металектическом материале, маргинальные явления могут стать новым объектом контактологических исследований. И уже прогнозируемо: итоги таких разысканий чаще всего будут завершаться уста-

новлением в чувашском языке новых иноязычных единиц. Так, в нашем случае из восьми рассмотренных агнонимов шесть напрямую обуславливаются марийским участием (*вакӑш, кӑпльӑ, шалантай, шек, шӗрӗ, шӱслӗк*), одно слово скорее восходит к татарской основе (*чалӑк*) и одна единица в обоих случаях оказывается неизвестной по происхождению (*юмӑх*).

Список условных сокращений

башк. – башкирский язык; диал. – диалектное слово; лит. – литературное слово; марГ. – горный диалект марийский язык; мар. – марийский язык; марЛ. – луговой диалект марийского языка; низовой диалект чувашского языка; разг. – разговорное слово; см. – смотрите; ср. – сравните; тат. – татарский язык; тж. – то же; чув. – чувашский язык; чувВ. – верховой диалект чувашского языка; чувН. – низовой диалект чувашского языка.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: репринт. Чебоксары: Руссика, 1994–2000. Вып. I–XVIII.
2. Десятитомный словарь марийского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru> (дата обращения: 31.12.2013).
3. Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1968. 104 с.
4. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. 839 б.
5. Татарча-русча сүзлек: ике томда. Казан: Мәгариф, 2007.
6. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 335 с.
7. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1995. 623 с.
8. Чӑвашла-вырӑсла словарь / М.И. Скворцов редакциленӗ. Мускав: Русский язык, 1985. 712 с.
9. Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 924 S.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogoazyka: reprint* [Chuvash language dictionary. Reprint ed.]. Cheboksary, Russika Publ., 1994–2000, vol. 1–17.
2. *Desyattomnyj slovar' mariiskogoazyka* [A ten-Mari language dictionary]. Available at: <http://marlamuter.com/muter/ru> (Accessed 31 December 2013).
3. Sergeev L.P. *Dialektologicheskij slovar' chuvashskogoazyka* [Dialectological Dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1968, 104 p.
4. *Tatar teleneng zur dialektologik syuzlege* [Big Dialectological Dictionary of the Tatar language]. Kazan, 2009. 839 p.
5. *Tatarcha-ruscha syuzlek: ike tomda* [Tatar-Russian Dictionary. 2 vols]. Kazan, Megarif Publ., 2007.
6. Fedotov M.R. *Chuvashsko-mariiskieazykovye vzaimosvyazi* [Chuvash-Mari language relationship]. Saransk, Saratov University Publ., 1990. 335 p.
7. Chernyh S.Ya. *Slovar' mariiskich lichnych imen* [Mari Dictionary of personal names]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 1995. 623 p.
8. *Chavashla-vyrasla slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkijazyk Publ., 1985. 712 p.
9. Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches Wörterbuch* [Cheremis dictionary]. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, kotimaisten kielten tutkimuskeskus Publ., 2008. 924 p.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, Чебоксары (yeresen@yandex.ru).

FOMIN EDUARD – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia.

УДК 811.161.1'37
ББК Ш12=411.2*31

Э.В. ЧУЕВА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ-МЕТОНИМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДВИЖЕНИЕ ВОЗДУШНЫХ МАСС, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантика, парадигматика, лексико-семантическая группа (ЛСГ), лексема.

В основе изучения системных свойств лексики лежат различные способы измерения семантического потенциала, выражающиеся в понятиях «парадигматика», «синтагматика», «дериватика». Лексический состав языка представлен различными элементами, отражающими соотношенность слова с внеязыковой действительностью и регламентирующими его как единицу лексико-семантической системы языка. Рассмотрены имена существительные со значением процессной семантики, входящие в лексико-семантическую группу слов, называющих стихийные природные явления, с опорным компонентом «ветер». При описании лексико-семантической парадигмы основными целями ставятся выявление общих и дифференциальных признаков у членов ЛСГ, объединенных наличием семантического компонента «прямолинейные или круговые потоки», и определение места понятийных единиц этих подгрупп в составе парадигматического поля ЛСГ. За основу установления факторов семантической близости лексем ближней и дальней периферийной зоны рассматриваемой ЛСГ взяты такие параметры, как наличие в корпусе толкового словаря слов, дефиниция которых определяется непосредственно через понятие «ветер», а также наличие определенного набора семантических признаков, участвующих в определении смыслового содержания лексем. Материалом для анализа послужили обобщенные данные лексикографических источников, являющихся одним из видов реализации парадигматических связей в системе языка.

E. CHUEVA

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN METONYMS DENOTING CIRCULATION OF AIR MASSES

Key words: semantics, paradigmatics, lexico-semantic group (LSG), lexeme.

The systemic features of lexis are studied by means of various methods of estimating the semantic potential, which are defined as paradigmatics, syntagmatics and derivation. The lexical structure of a language is built up of different elements that mirror the correlation of a word with the extralinguistic reality and define this word as a unit of lexico-semantic system of the language. The author analyses the nouns denoting a process and belonging to the lexico-semantic group of words that denote the elemental natural phenomena and have the word «wind» as their permanent constituent. The main goal of describing the lexico-semantic paradigm is to reveal common and deferential features of words belonging to the lexico-semantic group with the permanent semantic constituent «straight-line or circular flows» and to find out what place the conceptual units of these subgroups take in the paradigmatic field of the lexico-semantic group. The identification of factors proving the semantic proximity of lexemes of the near and peripheral zone of the lexico-semantic group under study is based on such criteria as the availability in an explanation dictionary of words defined directly by use of the word «wind» and the availability of a certain selection of semantic attributes which can be used to define the meaning content of lexemes. The analysis is based on generalized data from lexicographic sources which present one of the methods of realising paradigmatic relations in the system of the language.

В основе изучения системных свойств лексики лежат различные способы измерения семантического потенциала, основанные на парадигматических и синтагматических свойствах слов. В частности, парадигматические отношения пронизывают всю языковую систему и имеют всеобъемлющий характер. Как известно, лексический состав языка представлен различными элементами, отражающими соотношенность слова с внеязыковой действительностью и регламентирующими его как единицу лексико-семантической системы языка. В исследуемую группу включены слова, обозначающие одно из важнейших

метеорологических явлений – движение воздушных масс в атмосфере, реализующееся в конкретных событиях, свойствах и протекающее во времени. Этот тип метеорологических явлений включает имена с событийным и конкретно-предметным значением. Их особый статус определяется тем, что материальный денотат этих слов членим, а идеальный денотат (представление, которое связано с этим процессом) недискретен и по своему значению связан с процессом и вещественностью.

На физическом уровне движение воздуха есть явление, постоянное во времени и пространстве и различающееся лишь скоростью движения. Даже если скорость движения равна нулю, она все равно определяется в научном сознании как движение, равное нулю. Поэтому можно говорить о природных явлениях, связанных с движением воздушных масс, как о явлениях, реализующихся в конкретных событиях, свойствах, процессах и протекающих во времени. Это атмосферное явление характеризует особая метеорологическая величина – ветер, который является неупорядоченным и способным вызывать явления мощного стихийного характера: тайфуны, ураганы, смерчи, шквалы, метели, бури и т.д. Научная метеорологическая классификация выделяет ветры двух основных классов: крупномасштабные прямолинейные потоки и вихревые.

В семантическом каркасе лексико-семантической группы слов, называющих метеорологические явления, связанные с движением воздушных масс (далее ЛСГ «ветер»), обнаруживается несколько линий, которые определяют логически внутренние отношения конституэнтов, основанные на парадигматических связях. Установление факторов семантической близости членов ЛСГ «ветер» может быть основано на следующих параметрах: а) наличие в корпусе толкового словаря слов с непосредственной семантической связью со словом ветер», дефиниция которых определяется через это понятие; б) наличие определенного набора семантических признаков, участвующих в определении смыслового содержания лексем.

Ядерное положение в структуре ЛСГ занимает лексема «ветер». С логической точки зрения эта единица является родовым понятием, с лингвистических позиций объем понятия определяется рядом факторов, обеспечивающих доминантное положение данного слова в структуре парадигмы. Лексема «ветер» является немотивированной единицей с широким объемом понятия, которое формируют интегральные признаки. Общие свойства объекта входят в состав дефиниций всех других членов ЛСГ, которые, в свою очередь, уточняют родовое понятие и специфицируют его видовыми значениями. В толковых словарях русского языка значение лексемы «ветер» определяется следующим образом: ветер – *движение* потоков воздуха в горизонтальном направлении [4. Т. 1. С. 158].

Метеорологические словари предлагают более специфицирующую характеристику: ветер – движение воздуха относительно земной поверхности. Ветер имеет горизонтальную и вертикальную составляющие [3. С. 43].

Во всех словарях дается указание на процессную характеристику данного природного явления через три семы: движение, поток воздуха, направленность его вдоль земной поверхности. Все эти семы являются определяющими, интегральными, они формируют ядро значения данного слова, однако возникает вопрос о соотношении этих сем в составе лексического значения. Если сравнить лексическое значение (ЛЗ) слова «ветер» с ЛЗ других слов, например, «вихрь, смерч», то выявляется следующее: вихрь – атмосферное образование с вращательным движением воздуха вокруг некоторой оси [5. С. 79]; смерч – сильный маломасштабный вихрь ... с приблизительно вертикальной, но часто изогнутой осью [5. С. 425].

Как видим, в семантической структуре данных лексем присутствуют все три семы, однако сема «направленность движения» указывает не на горизонтальное движение воздуха, а на другой тип: вращательное и даже «изогнутой осью». Поэтому нам представляется возможным выделить в качестве основополагающей сему «движение», которая конкретизируется через две другие семы: «воздух» и «направленность его в горизонтальном положении». Семы «движение» и «воздух» определяются как образующие ядро лексического значения, связь между ними можно охарактеризовать как двустороннюю и взаимообусловленную, а сема «направленность вдоль» является возможной, но необязательной, она поясняет и дополняет сему «движение», вступая с ним в одностороннюю связь. Это означает, что общее значение направленности движения является обязательным, а тип направления может варьироваться. Таким образом, слово «ветер» образует ядро центра ЛСГ как содержащее в структуре значения ядерные семы, организованные иерархически. Каждая из выделенных сем является постоянной и конструктивно обязательной в семной структуре других членов, однако степень их проявления может оказаться различной.

Ядерность лексемы «ветер» определяется также ее словообразовательной активностью. Ядро ЛСГ расширяется за счет словоформ «ветерок – ветрище», образующих бинарные привативные оппозиции: ветер – ветерок и ветер – ветрище. Маркированным членом оппозиции выступает слово с большим количеством семантических признаков, а второй член оппозиции включается в значение первого компонента. Интегральные семы являются общими для обоих членов оппозиции, а специфицирующие значения представлены дифференциальными семами «сильный» и «слабый». Признаки понятий, являющиеся дифференциальными при сопоставлении парадигм, оказываются интегральными внутри их. У слова «ветер» интенсивность движения воздушных масс может проявляться опосредованно, через контекстную сочетаемость (сильный ветер – слабый ветер), и непосредственно через словообразовательные формы: в словах ветерок и ветрище семы «слабый» и «сильный» выражаются непосредственно через суффиксы субъективной оценки. Одновременно они выражают общее значение движения воздушных масс в горизонтальном направлении и выполняют двойную функцию: конкретизируют лексическое значение родового понятия «ветер» и образуют как бы «внутреннее» периферийное поле самого гиперонима. Отношения противопоставленности, выражаемые семами «сильный – слабый» внутри ядра ЛСГ, «разбивают» его на две полярные части. На одной стороне «доминирует» компонент значения «слабый», на другой – «сильный». Как показывает анализ, окооядерная зона формируется с учетом наличия в значении членов ЛСГ «ветер» семы «сильный» или «слабый» непосредственно или опосредованно через лексическую сочетаемость с другими словами. На их базе образуются два противоположных по значению синонимических объединения. Проследим это явление на видовых подгруппах ветров.

Как в научной, так и в бытовой практике родовое слово «ветер» может заменяться видовым понятием. «Словарь ветров» Л.З. Проха содержит названия, определения и характеристики как общих ветров планетарного масштаба, так и местных (локальных). В словаре около 2000 терминов, включающих и понятия, связанные с действиями ветров. Анализ этого словаря показал, что видовые названия ветров мотивированы самыми разными понятиями. Наиболее типовым способом образования видовых названий ветров является соотнесенность с пространственно-временной ориентацией: 1) относительно сторон света (север, северян, сиверко – северный ветер; юг, пассат, южак – южный ветер); 2) название по географическому расположению (афганец, муссон Кольского полуостро-

ва, муссон Дальнего Востока, Ставрополец и т.д.); 3) название по рельефу местности включает такие видовые названия ветров, как горник, гора – горный ветер, моряна – морской ветер, горно-долинные ветры, долинные, степные ветры и т.д.; 4) в названиях ветров по временной ориентации наблюдается временная дифференциация (летний муссон, полуденка, утренний ветер), обязательно дополняющаяся в определении направленностью и локальностью проявления. Многие из этих названий терминологизированы и представляют собой составные наименования: дарданелльский ветер, восточный ветер, испанский ветер и т.д. Устойчивость определений объясняется тем, что они выражают специфицирующие характеристики.

Наличие в содержательной структуре видовых названий ветров сем обобщенно-родового значения указывает на понятийную близость слов в пределах семантической парадигмы. Кроме интегральных сем имеются дифференциальные, уточняющие общее понятие и специфицирующие его видовыми значениями. Дифференциальные семы, заложенные в сигнификативном значении видовых названий ветров, характеризуются высокой повторяемостью одних и тех же признаков: температура, скорость движения, локальность проявления, влажность. Видовые понятия находятся в полной семантической зависимости от гиперонима «ветер» и расширяют объем его значения. Чем меньше набор дифференциальных сем в составе видового понятия, тем ближе оно располагается к ядерному центру семантической структуры ЛСГ, тем сильнее его связь с опорным членом парадигмы – гиперонимом «ветер».

Одновременно наблюдаются отношения противопоставленности внутри членов видовой подгруппы по специализирующим семам. Семантические оппозиции между членами ЛСГ являются минимальным проявлением парадигматических связей, в которых выявляются дифференциальные признаки понятий. Они образуют несколько семантических микрогрупп, формирование которых происходит по степени активности той или иной семы. По степени интенсивности движения образуется градуальная оппозиция: бриз (слабый ветер) – бора (ветер большой силы). По семе «температурная характеристика» различают виды жарких и холодных ветров, образующих противопоставленные синонимические ряды: суховей, хамсин, фен – бора, мистраль, норд. Сема «среда проявления» дифференцирует названия ветров локально: фен, бора – горные ветры, свежак, бриз – морские ветры.

Каждая специфицированная видовая сема накладывается на ту или иную интегральную, характеризуя и уточняя ее. Чем большее количество дифференциальных сем уточняет интегральную сему в лексическом значении слова, тем большую самостоятельность проявляет данная лексема в своем функционировании, тем меньшей является ее зависимость от опорного члена. Такие слова образуют свои микрогруппы, выступая в них в качестве доминантов, что ярко демонстрируют слова-метеонимы, имеющие семантический компонент «вихревые или круговые потоки».

Научный спектр ветровых систем по вихревому характеру движения потоков воздуха включает следующие понятия: 1) вихри, не связанные с облаками; 2) смерчи; 3) шквалы, роторные вихри, локальные бури; 4) тропические циклоны; 5) вистропические циклоны; 6) циркумполярные вихри [3. С. 46]. Наш материал включает следующие названия: вихрь, смерч, шквал, тромб, циклон, ураган, тайфун. Данная группа слов не отличается простотой и структурной четкостью.

В.П. Васильев, исследовавший природную лексику Кузбасса, считает, что общность синонимических рядов внутри тематической группы «ветер» доказывается сочетательными способностями этих слов с прилагательными, указывающими на интенсивность проявления скорости движения по степени их

дифференциации на «сильный/слабый» [1]. Действительно, подобная дифференциация создает конкретные условия для определенного расположения элементов ЛСГ в полевом пространстве, помогает создавать синонимические ряды, внутри которых образуются менее крупные образования. Однако отметим, что особенность слов типа «вихрь», «смерч», «шквал» и т.д. заключается, на наш взгляд, в том, что сочетательные возможности этих слов с прилагательным «сильный» ставят последнее в факультативную позицию, так как они не столько определяют характер атрибутивного признака, сколько подтверждают его дополнительно, потому что сам признак изначально содержится в значении данных субстантивов, например: шквал – «внезапный резкий порыв сильного ветра» [4. Т. 4]; вихрь – стремительное круговое движение ветра – «сильный ветер» [4. Т. 1. С. 179]; тромб – мощный смерч над сушей [4. Т. 4. С. 414]; смерч – сильный маломасштабный вихрь под облаками с приблизительно вертикальной, но часто изогнутой осью. Синонимы для смерча над сушей: тромб, торнадо [5. С. 425]; циклон – область пониженного атмосферного давления с преобладанием пасмурной погоды и сильными ветрами [4. Т. 4. С. 645]. Уже на первом этапе можно заметить, что эта микрогруппа формируется на основании не только кругообразного или осевого движения, но и наличия в семантической структуре слов компонента «сильная скорость передвижения».

Степень семантической близости этих и других лексических единиц обуславливается и тем, что они определяются через понятие «сильный ветер» и характеризуются взаимопроникаемостью: тромб → смерч → вихрь → ветер. Эту особенность отмечал еще В.В. Виноградов. Он указывал на то, что «связь слов в пределах семантической группы может быть очень тесной и такой, что некоторые слова становятся взаимозависимыми, хотя и соотносительной» [2. С. 88]. Члены парадигмы могут определяться как гипонимы через ядерную единицу и специфические дифференциальные признаки, а также через другую понятийную единицу лексико-семантической парадигмы. При этом в некоторых синонимических позициях наблюдается снятие противопоставленности между членами семантического ряда: смерч ↔ тромб; циклон ↔ тайфун.

Как показывает анализ, внутренние связи подобных слов внутри структуры ЛСГ могут быть осложнены двойными связями: абсолютным подчинением ядру поля – с одной стороны, относительным подчинением другим членам ЛСГ – с другой. Это связано с тем, что внутри ЛСГ видовые понятия (гипонимы) могут стать опорными словами и образовывать свои микрогруппы. Так, например, члены парадигмы «вихрь–тромб–смерч–циклон» образуют один синонимический ряд, одну микрозону в составе ЛСГ. Элемент «вихрь» является видовым по отношению к гиперониму «ветер», но родовым – к членам семантического ряда, так как включается в состав их значений. Словарное закрепление таких отношений находим в «Метеорологическом словаре» под редакцией С. Хромова: «вихрь – атмосферное образование с вращательным движением воздуха около некоторой оси. Например: циклон, тромб, смерч и т.д.» [5. С. 79].

Принадлежность лексемы «циклон» к синонимическому ряду определяется тем, что данное явление представляет собой тоже вихревое движение атмосферы, но значение этого понятия полисеманлично, что позволяет ему одновременно входить в состав другого семантического образования: циклон–тайфун–ураган. «Тайфуном называется местный тропический циклон» [3. С. 186]. Ураган – «1. Ветер разрушительной силы и значительной продолжительности. 2. Тропический циклон, тропический ураган» [5. С. 123]. В представленном синонимическом ряду «тайфун» выступает как видовое понятие родового слова «циклон», а ураган образует с ним синонимическую пару. Возникает вопрос: можно ли трактовать слово «ураган» как видовое понятие? Нам кажется, что подобное

возможно, так как семантика слова фиксирует в себе два значения: ураган–ветер и ураган–циклон. Тогда слово «ураган» должно находиться на пересечении периферийных зон, включаясь одновременно в ближнюю и среднюю зоны. Ураган, как слово с полисемантической структурой, может расширять синонимический ряд за счет семантического пересечения с другими словами (ураган–буря) и вступать в родо-видовые отношения.

Таким образом, слова-метеонимы, обозначающие круговое движение воздушных масс и актуализирующие компонент значения «интенсивность движения», характеризуются, на наш взгляд, более ослабленными семантическими связями с ядерным словом «ветер», что создает условия для формирования внутренних микроструктур, основанных на родо-видовых отношениях. Они образуют ту часть периферии, которую условно можно назвать «дальней».

Как можно заключить, усложнение семантической структуры осуществляется за счет частных парадигматических группировок: семантических оппозиций привативного характера и синонимических рядов. Единство членов ЛСГ во многом определяется сходными или тождественными значениями единиц, что создает условия для «взаимной поддержки» и укрепляет семантический каркас ЛСГ. Одновременно следует отметить неравномерность структурного пространства относительно его ядра, явную диспропорциональность в покрытии его лексическими элементами. По нашим наблюдениям, расширение периферийной зоны ЛСГ осуществляется в той его части, где концентрируются элементы группы, объединенные, помимо интегральных сем, наличием общей периферийной семы «сильный», которая становится функционально значимой, доминирующей среди периферийных компонентов и тяготеющей к интегральным семам. Для слов этой зоны сема «сильный» оказывается обязательной. Очевидно, что ветровые системы, имеющие вихревой характер движения воздушных потоков, являются стихиями с высокой активностью проявления процессного признака, что отражается в семантической структуре соответствующих понятий.

Литература

1. Васильев В.П. Русская метеорологическая лексика: автореф. дис... канд. филол. наук. Томск, 1986. 18 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 718 с.
3. Прох Л.З. Словарь ветров. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 312 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.
5. Хромов С.П., Мамонтова Л.И. Метеорологический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 568 с.

References

1. Vasil'ev V.P. *Russkaya meteorologicheskaya leksika: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Weather lexicon in Russian language. Abstract of PhD thesis]. Tomsk, 1986. 18 p.
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. 4-e izd. [The Russian language (Grammatical Studies on the Word). 4th ed.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001, 718 p.
3. Prokh L.Z. *Slovar' vetrov* [Wind vocabulary]. St. Petersburg, Gidrometeoizdat Publ., 1983, 312 p.
4. Evgen'eva A.P., ed. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. 2-e izd., ispr. i dop.* [Vocabulary of the Russian Language. 4 vols. 2nd ed.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981–1984.
5. Khromov S.P., Mamontova L.I. *Meteorologicheskii slovar'*. 3-e izd., pererab. i dop. [Weather vocabulary. 3rd ed.]. St. Petersburg, Gidrometeoizdat Publ., 1974, 568 p.

ЧУЕВА ЭЛЬВИРА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (570065@mail.ru).

CHUEVA ELVIRA – candidate of philological sciences, associate professor of Russian Language and General Linguistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'34(=811.112.6+512.145)

ББК 81.2Афр+81.2Тат

Р.Т. ЮЗМУХАМЕТОВ

**ИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА АФРИКААНС
В СРАВНЕНИИ С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ**

Ключевые слова: африкаанс, татарский язык, консонантизм, вокализм, сравнительное изучение.

Язык африкаанс локально удален от ареала распространения татарского языка, тем не менее мы можем обнаружить близость фонетических систем этих двух языков. Согласные звуки татарского языка и африкаанс имеют мало отличий, в системе вокализма отличием является, главным образом, наличие долгих гласных в африкаанс. Близость фонетических систем, очевидно, объясняется общностью исторических условий формирования тюркских и германских языков из протоязыка.

**R. YUZMUKHAMETOV
STUDYING PHONETIC SYSTEM OF AFRIKAANS
IN COMPARISON WITH TATAR LANGUAGE**

Key words: Afrikaans, Tatar language, German languages, Turkic languages, consonantism, vocalism, comparative study.

The Afrikaans language is locally removed from the area the Tatar language is spoken in; however, we can detect the proximity of the phonetic systems of the two languages. There is little difference between the consonants of the Tatar language and Afrikaans, and the difference between their vowel systems lies mainly in Afrikaans having long vowels. The proximity of the phonetic systems may be explained by common historical conditions underlying the development of the Turkic and Germanic languages from the protolanguage.

Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию звукового строя татарского языка и языка африкаанс. Язык африкаанс, относящийся к германским языкам и распространенный в Южной Африке (язык потомков голландских поселенцев), преподается в Казанском университете, и поэтому представляется важным дать представление о характере звукового строя этого языка на основе сопоставления с татарским языком, так как, во-первых, африкаанс и татарский язык обнаруживают некоторую близость звучания, во-вторых, многие из числа изучающих язык африкаанс в Казанском университете владеют татарским языком, для кого-то он является родным, и для этих людей важно понимать, как соотносится звуковой строй чужого языка с их родным.

Рассмотрим по отдельности консонантный и сонантный состав двух языков. Татарский консонантизм состоит из 25 фонем (не считая мягкого *к'* в заимствованных из русского языка словах типа *кино*), тогда как в языке африкаанс насчитывается 27 согласных фонем. Количество приблизительно одинаковое. Вокализм языка африкаанс представлен 19 фонемами, в то время как татарских гласных – 13 (включая три русские гласные фонемы в заимствованиях). Особенностью вокализма африкаанса является наличие долгих гласных, чего мы не наблюдаем в татарском языке, да и в русском языке долгота проявляется лишь в ударной позиции *молоко* [м'лако:], *хороший* [харо:ший].

До того как начать сравнивать звуки двух языков, необходимо оговориться о принципах транскрибирования в данной статье звуков двух достаточно удаленных локально друг от друга языков, татарского и африкаанс. Дело в том, что существующая система международной транскрипции может быть достаточно трудна для восприятия читателем, поэтому мы решили при транскрибировании звуков языка африкаанс использовать транскрипционные знаки на основе латиницы, взятые из учебных пособий по этому языку, а для передачи татарских звуков использовать привычные кириллические транскрипционные знаки, кроме того, это обстоятельство поможет читателю на-

стоящей статьи чётко видеть, где показаны звуки африкаанс на латинской основе, а где татарские – на кириллической основе.

Рассмотрим систему гласных звуков в языке африкаанс и татарском языке. При классификации гласных звуков учитываются как артикуляционные, так и акустические признаки звуков. Гласные звуки принято классифицировать по горизонтальному, вертикальному движению языка, а также по огубленности, долготе звуков и палатализованности (табл. 1).

Таблица 1

Гласные звуки языка африкаанс и татарского

Подъем	Ряд					
	передний		средний		задний	
	огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.
Верхний	[y]	и		-	[y]	[<i>mat.</i> ый], [<i>рус.</i> ы]
	[y], [y:]	[i] [i:]			[u], [u:]	-
Средний	[ə] ø	<i>mat.</i> э, <i>рус.</i> э э [e:] (как иэ) [ɛ], [ɛ:] -	- [œ] (слабо-огубленный э), [œ:]	[ə] [ə:]	[o], [<i>рус.</i> о] [o:] (как uə), [ɔ], [ɔ:] -	[ы] -
Нижний		ə -		- [a], [aa]		[а] -

Примечание. В табл. 1 звуки африкаанс выделены полужирным шрифтом.

Мы для простоты будем сравнивать два языка по горизонтальному ряду гласных. Целая группа гласных языка африкаанс обнаруживает качественную близость к татарским гласным.

1. Гласные переднего ряда огубленные и неогубленные практически полностью соответствуют друг другу: *mat.* [y] – *афр.* [y], [y:], *mat.* [ə] – *афр.* ø, *mat.* [и] – *афр.* [i], [i:], *mat.* и *рус.* [э] – *афр.* [ɛ], [ɛ:]. Исключение составляет татарский нижнего подъема [ə], которому нет соответствия в африкаанс.

2. Гласные среднего ряда в татарском языке отсутствуют, а в африкаанс представлены следующими фонемами: [œ] (слабо-огубленный э), долгий [œ:], [ə], долгий [ə:], долгий [aa], краткий [a] соответствует русскому [а].

3. Гласные заднего ряда огубленные имеют полное сходство: *mat.* [y] – *афр.* [u], [u:], *mat.* [o], [*рус.* о] – *афр.* [ɔ], [ɔ:], и специфический звук африкаанса [o:] (произносится как uə) в африкаанс (не имеет соответствия в татарском языке). Что касается неогубленных гласных заднего ряда, то они встречаются только в татарском языке: *mat.* [ый], *рус.* [ы], кратк. [ы], нижнего подъема [а] (полностью все гласные двух языков приведены в табл. 1.).

Примеры слов на некоторые транскрипционные знаки гласных звуков:

1) в языке африкаанс: [œ] – *rut* «ну», *ruk* «в то время как», *brug* «мост»; [ə] – *in* «в», *pit* «ядро», *dik* «толстый»; [aa] – *plaas* «ферма», *klaag* «готовый», *pa* «папа», *ma* «мама» [2, С. 15];

2) в татарском языке: [y] – үзгәреш «перемены», күңел «душа»; [*mat.* ый] – ашый «кушает», башлый «начинает»; ə – эни «мама», бәйрәм «праздник».

Как мы видим, в языке африкаанс имеются краткие и долгие гласные. В татарском языке долгота звука не имеет значения. В языке африкаанс противопоставление краткости-долготы имеет смысловозначительное значение. В русском языке долгота звуков в основном связана с ударением.

По положению мягкого нёба гласные разделяют на назализованные и неназализованные. Назализованные гласные встречаются только в языке

африкаанс, в татарском не встречаются. В языке африкаанс носовое произношение гласных имеет место перед *n* + глухой щелевой (особенно *s*, если это не показатель мн. ч.); *n* при этом не произносится, а гласный удлиняется: *wens* [vɛ:s] «желание», *ongeluk* [ɔ:χelœk] «несчастье», *aangeseg* [ä:χesex] «лицо». В татарском языке таких звуков нет [1. С. 236].

При классификации гласных также учитывается и деление на монофтонги и дифтонги. Большинство звуков – монофтонги (греч. *monos* – один, *phongos* – звук); они состоят из одного целого звука: например, [a], [y], [i]. Дифтонги (греч. *di* – два, *phongos* – звук) представляют собой сочетание двух гласных. Дифтонги наблюдаются во многих языках, в том числе и татарском и африкаанс.

Дифтонги по своему составу делятся на две группы: истинные и ложные. Истинные дифтонги состоят из двух полноценных гласных. В языке африкаанс дифтонги истинные, т.е. представляют собой сочетание полноценных гласных: *ei*, *ou*, *œu*, *a:i*, *o:i*, *ui*, *e:u*, *ai*, *oi*, *ei*.

В татарском языке нет истинных дифтонгов. «Ложные» дифтонги имеют в своем составе один полноценный гласный и второй полугласный звук. К «ложным» дифтонгам в татарском и других тюркских языках можно отнести сочетания [эй] – [ай], [эw], [aw]. Во всех остальных тюркских языках также имеются лишь «ложные» дифтонги, они возникли на позднем этапе. Например, слово *айырым* «отдельный» (кирг. *айрым*) – от слова *азрым*, в азербайджанском языке слово *дәј* – от слова *тәг*, слово *бөйөр* – от слова *бүгзэк*, слово *төймә* – от слова *түгмә*; в турецком языке слово *беј* – от слова *бәк*, в татарском языке слово *буј* произошло от слова *будун*. То есть ложные дифтонги образовывались в результате ослабления согласных звуков *д*, *з*, *г*, и превращения их в полугласный *й* [3. С. 189].

По расположению звуков дифтонги бывают нисходящие и восходящие. Нисходящие дифтонги начинаются с полноценного гласного и заканчиваются полугласным. Такие дифтонги встречаются как в татарском, так и в африкаанс. Например, в татарском: [тай] «жеребенок», [жай] «место», [куй] «ягненок», [көй] «мелодия», [кой] «лей», [таw] «гора», [даw] «напасть»; в башкирском: [һыw] «вода»; в каракалпакском языке: [бугaw] (пути) и т. д. В африкаанс: *Mei* «май», *uii* «из», *mooi* «красивый», *baie* «очень».

В восходящих дифтонгах первый звук – полугласный, второй – полноценный гласный: [wa], [йа], [йә], [йу]. Такие дифтонги в интересующих нас языках африкаанс и татарском отсутствуют.

Рассмотрим систему согласных звуков татарского и африкаанс языков. При классификации согласных звуков, как известно, учитываются способ образования, уровень шума (сонорность/шумность), глухость/звонкость, твердость/мягкость. Мы сгруппируем сравнительные пары по месту образования согласных (табл. 2).

Согласные в африкаанс и татарском в некоторых случаях обнаруживают полное сходство, например, в группе губных согласных: *там. б* – *афр. b*, *там. п* – *афр. p*, *там. м* – *афр. m*, *там. w* – *афр. w*, *там. в* – *афр. v*, *там. ф* – *афр. f*. Те согласные, которые образуются с помощью языка, обнаруживают разную степень сходства, например, только в татарском языке встречается межзубный звук [ʒ] (*диал.*).

Большую степень сходства проявляют переднеязычные зубно-языковые согласные: *там. з* – *афр. z*, *там. с* – *афр. s*, *там. д* – *афр. d*, *там. т* – *афр. t*, *там. н* – *афр. n*, *там. л* – *афр. l*, *там. р* – *афр. r*. Остальные звуки из этого ряда являются заимствованными в обоих языках: *рус. ч* – соотв. *афр. tʃ*, и *рус. ц* – соотв. *афр. ts*. Нёбно-языковые звуки характерны только для татарского языка: *ж*, *ш*, *щ*. Эти звуки, впрочем, заимствованы татарским из других

языков. Интересна пара глухого и звонкого татарского среднеязычного ч (похож на рус. щ) и ж, имеющая парное соответствие в африкаанс – ʃ и ʒ. Отдельно стоит афр. звук ɕ, не имеющий соответствия в татарском и русском, этот звук встречается в немецком языке, например, в слове Ich «я».

Таблица 2

Согласные звуки языка африкаанс и татарского

Участие тона и шума	Способ образования	Участие голосовых связок	Место образования										
			губы		язык						увулярные	фарингальные	ларингальные
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные			среднеязычные	заднеязычные				
					межзубные	язык-зубы	альвеолярные		язык-небо	средненёбные			
Шумные	щел.	звонк.	в v	з z		ж ʒ	ж ʒ				ф f		
		глух.	ф f	с s		ш ʃ ц tʃ	ч (там.) ʃ, ɕ		рус. х x	х x	һ h	е e	
	взрыв.	звонк.	б b		д d					г g			
		глух.	п рус. p		т рус. t			к' рус. k мягк.		к рус. k	қ рус. q		
	аффрик.	звонк.						дж диал. dʒ					
		глух.			ч, ц (рус.) tʃ								
Сонорные	взрыв.		м m		н n				- ñ мягк.	- ŋ	ң ŋ		
	щел.		w w		л l		й j						
	вibr.				р r								

Примечание. В табл. 2 звуки африкаанс выделены полужирным шрифтом.

Среди заднеязычных согласных интересна близость средненёбного афр. ñ и увулярного там. ɲ, однако татарский ɲ слышится гораздо тверже. Что касается других заднеязычных, то они вполне близки друг к другу по своему качеству: в татарском языке заимствованный из русского языка звук х близок к афр. x, там. ɣ – соотв. афр. g, там. мягк. k – афр. k.

Фарингальные звуки в обоих языках очень близки друг к другу – это там. h и афр. ɦ с той лишь разницей, что при артикуляции в африкаанс этот звук иногда едва слышится, либо вообще не произносится, при этом слышится только последующий гласный звук.

Увулярные и ларингальные звуки характерны только для татарского языка: ʁ, x, q и ɲ. Впрочем, к татарскому звуку ɲ приближается по своему качеству заднеязычный задненёбный ŋ. А фарингальный [ʕ] не имеет аналога в африкаанс.

Примеры слов на некоторые транскрипционные знаки согласных звуков:

1) в языке африкаанс: ɕ (мягкий x) – gieter «лейка», gier «причуда», geen «ни один, нет», geel «желтый»; ŋ – sing «петь», dink «думать», sanger «пе-

вещ», dankie «спасибо»; ñ (мягкий n) – oranje «оранжевый», hondjie «щенок», rantie «толерантность»; x (англ. loch) – gaap «идти», dag «день», dagga «анаша», niggie «кузен»; h – (англ. head) – hu «он», behaal «забить»; з (рус. дрожжи) – genge «жанр», regie «режиссёр», genie «гений»; k – kies «выбрать», keel «горло»; ts – tsar «царь», tj – Tjechov «Чехов» [2, С. 34];

2) в татарском языке: ɛ – тээмин [тə мин]; h – хава «воздух», һәр «каждый»; х – халық «народ», хыял «мечта»; дж – джәлеп (*диал.*) «привлекательный»; к' – кино (слово, заимствованное через русский язык); ғ – ғаләм «вселенная», ғәди «простой»; ж – жәй «лето», жай «место»; з – Азнакай (*геогр.*) «Азнакаево».

Таким образом, мы видим, что природа звуков языков татарского и африкаанс во многом сродни друг с другом. Возможно, это объясняется историей происхождения этих языков. Татарский язык, как известно, относится к кыпчакско-булгарской ветви тюркской группы алтайских языков, а язык африкаанс возник из старого южно-голландского языка XVII в., впоследствии ощутившего влияние отчасти языка французских колонистов Южной Африки и местных африканских языков (коса, зулу, сесото и др.). Тем не менее можем предположить, что общее евразийское происхождение этих двух древних языков и определяет причину сходства их звукового состава, что очень важно учитывать при изучении истории мировых языков.

Литература

1. Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. Введение в германскую филологию. М.: ГИС, 2000. 314 с.
2. Игнатенко А.К. Учебник языка африкаанс. М.: Муравей-Гайд, 2000. 240 с.
3. Сафиуллина Ф.С., Закиев М.З. Современный татарский литературный язык. Казань: Магариф, 2002. 407 с.
4. Языки мира: Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. 544 с.

References

1. Arsen'eva M.G., Balashova S.P., Berkov V.P., Solov'eva L.N. *Vvedenie v germanskuyu filologiyu* [Introduction to German philology]. Moscow, GIS Publ., 2000, 314 p.
2. Ignatenko A.K. *Uchebnyk yazyka afrikaans* [Textbook Afrikaans]. Moscow, Muravei-Gaid Publ., 2000, 240 p.
3. Safiullina F.S., Zakiev M.Z. *Sovremennyi tatarskii literaturnyi yazyk* [The modern Tatar literary language]. Kazan, Magarif Publ., 2002, 407 p.
4. *Languages of the World. Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Turkic languages]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 544 p.

ЮЗМУХАМЕТОВ РАМИЛЬ ТАГИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков и культур, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, Казань (magg73@mail.ru).

YUZMUKHAMETOV RAMIL – candidate of philological sciences, assistant professor of Oriental Languages and Cultures Chair, Kazan Federal University, Russia, Kazan.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *две внешние рецензии;*
- 3) *ходатайство научного руководителя;*
- 4) *лицензионный договор в двух экземплярах;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписанные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяются полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редакцией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агеева Н.Н. Публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова.....	5
Васильева Ж.С., Михайлова С.Ю. Взаимоотношения местных народных судов и крестьянского населения чуваших уездов Казанской губернии в 1918 – начале 1920 годов.....	10
Васильева И.В., Минеева Е.К. Душевладение дворян Казанской губернии в конце XVIII – начале XIX веков (по материалам Генерального межевания земель).....	14
Гаранин Л.А. Возникновение и развитие представительного органа местного самоуправления городского округа «Город Йошкар-Ола»	21
Данилов А.П., Данилов А.А. К вопросу об информационной безопасности в регионах Российской Федерации: историко-правовые аспекты	26
Евдокимова А.Н. Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления Русской Православной Церкви на территории Чувашского края в XIX веке.....	31
Ерофеев Б.Н. Развитие художественного творчества в Чувашии в период социальных перемен (90-е годы XX века)	39
Зуева М.А. Освещение школьной реформы конца XVIII века в трудах дореволюционных авторов	46
Иванов В.А., Бояринцева И.А. О добровольных народных дружинах и роли партии в организации их деятельности (конец 1950-х – середина 1980-х годов).....	49
Иванов Н.В., Михайлова С.Ю. Ход и результаты борьбы органов милиции с преступностью несовершеннолетних в Чувашии во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов XX века.....	55
Казаков Н.А., Широков О.Н. «Позитивная» сторона репродуктивного поведения населения: основные показатели текущей статистики для пространственно-временных сравнений	60
Кирсова Н.В. Социальный портрет политической элиты Коми автономии в 1920–1930-е годы.....	64
Коршунова О.Н., Карпов А.В. Христианское просвещение народов Среднего Поволжья в контексте исторической памяти	69
Ледров С.М. Становление системы государственного регулирования кожевенной промышленности России в годы Первой мировой войны (на примере Нижегородской губернии)	77
Минеев А.И., Сануков К.Н. Опыт формирования и развития советов народного хозяйства в РСФСР в 1950–1960-е годы (на материалах Чувашской и Марийской автономий).....	84
Мишин А.В. Экономическая стратегия Веймарской республики на Балканах (германо-югославские отношения)	89

Мясникова А.Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX – начале XXI веков	96
Романов В.В. Противодействие оскорблению императора и экстремистской пропаганде и агитации – функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 годы: нормативная база и ее реализация.....	101
Сошко И.А. Специфика исследований российского предпринимательства на рубеже XX–XXI веков ...	112
Телепень С.В. Римский полководец: содержание и смысл личного примера.....	119
Учватов П.С. Деятельность Совета Народных Комиссаров Мордовской АССР по приему и размещению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	124
Фатыхова М.Х. Особенности регионального вещания в 1990-е годы	131

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ахметзянов И.Г., Гараева А.К. Особенности микротопонимов в английских и татарских паремиях	135
Григорьева Е.А., Петрова О.А. К вопросу о семантике народных названий растений в разноструктурных языках (на материале русских и английских фитонимов с компонентом <i>чёртов, devil, devil's</i>)	139
Данилова М.Г. «Русско-чувашский словарь юридических терминов» и проблемы формирования правовой терминологии в чувашском языке.....	142
Ермакова Г.А. Роль бинарных оппозиций в сборнике С. Азамат «Струят капли»	145
Иванов В.А. Число, артикль и пунктуация в текстах чувашских народных песен	152
Исаев Ю.Н. Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования	156
Кожемякова Е.А., Симулина И.А. Категория вида русского глагола при обучении инофононов	160
Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVI: А-анлаутные географические названия	165
Куршева Н.А. Комментарии переводчиков как основа интерпретации авторских интенций (на примере поэмы Т. Элиота «Четыре квартета»)	174
Левина М.З., Седова П.Е. Диалектизмы в языке мокшанской художественной литературы	178
Максимов С.А. Выражение понятия «друг» в удмуртском языке: ареальный и этимологический аспекты. 188	
Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Зооморфизация национальных стереотипов в политическом дискурсе	192
Мотыгуллина З.А. Общие и национально-специфические черты концепта «судьба» со значением «счастье» в английской и татарской лингвокультурах	198
Муллагалиев Н.К. Выражение ирреальной модальности на материале произведения «The catcher in the rye» Джерома Сэлинджера и его перевода на татарский язык.....	202
Нургалиева Л.А. Некоторые особенности невербальной коммуникации в английской и татарской лингвокультурах.....	208

Петухова М.Е., Симулина И.А.	
Трансформация прецедентных текстов как феномен современной русской речевой культуры при обучении иноязычных коммуникантов	212
Салмин А.К.	
Чувашский язык в тюрко-монгольском мире	217
Семёнова И.П.	
Словообразовательные аффиксы в структуре зоонимов чувашского языка	227
Сергеев В.И.	
Лингвотактика и лингвотагмемика	232
Фокина А.А.	
Сопоставительное изучение семантики фразеологизмов, номинирующих характеристику деятельности человека (на материале русского, марийского и английского языков)	237
Фомин Э.В.	
Марийский материал в семантизации абсолютных агнонимов чувашского языка	243
Чуева Э.В.	
Структурно-семантические особенности слов-метонимов, обозначающих движение воздушных масс, в современном русском языке	248
Юзмухаметов Р.Т.	
Изучение фонетической системы языка африкаанс в сравнении с татарским языком	254
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	259

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Ageeva N. JOURNALISTIC ACTIVITY OF S.F. FORTUNATOV	5
Vasilieva J., Mikhaylova S. INTERRELATIONS BETWEEN LOCAL PEOPLE'S COURTS AND PEASANT POPULATION OF KAZAN PROVINCE CHUVASH DISTRICTS IN 1918 – EARLY 1920s	10
Vasileva I., Mineeva E. OWNERSHIP OF SERFS BY NOBILITY OF KAZAN PROVINCE IN LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES (BASED ON THE GENERAL LAND SURVEYING)	14
Garanin L. ORIGIN AND DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT REPRESENTATIVE BODY OF «YOSHKAR-OLA» URBAN AREA.....	21
Danilov A., Danilov A. TO THE QUESTION OF INFORMATION SECURITY IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS	26
Evdokimova A. ECCLESIASTICAL CONSISTORY, BOARD AND RURAL DEANS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH MANAGEMENT IN XIX CENTURY CHUVASH REGION	31
Erofeev B. DEVELOPMENT OF ARTISTIC CREATIVITY IN CHUVASHIA IN THE PERIOD OF SOCIAL CHANGES (1990s).....	39
Zueva M. COVERAGE OF XVIII CENTURY SCHOOL REFORM IN WORKS BY PRE-REVOLUTIONARY WRITERS	46
Ivanov V., Boyarintseva I. ON VOLUNTARY PEOPLE'S GUARDS AND THE ROLE OF THE PARTY IN ORGANISING THEIR ACTIVITIES (LATE 1950s – MID 1980s)	49
Ivanov N., Mikhaylova S. COURSE AND RESULTS OF POLICE FIGHTING JUVENILE DELINQUENCY IN CHUVASHIA IN YEARS INCLUDING SECOND HALF OF 1950s – FIRST HALF OF 1960s	55
Kazakov N., Shirokov O. «POSITIVE» SIDE OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE POPULATION: MAJOR INDICATORS OF CURRENT STATISTICS FOR SPATIAL AND TEMPORAL COMPARISONS.....	60
Kirosova N. SOCIAL PORTRAIT OF THE POLITICAL ELITE OF THE KOMI AUTONOMY IN 1920–1930-ies	64
Korshunova O., Karpov A. CHRISTIAN EDUCATION OF PEOPLES LIVING IN MIDDLE VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY	69
Ledrov S. ESTABLISHING SYSTEM OF STATE REGULATION OF LEATHER INDUSTRY IN RUSSIA DURING WORLD WAR I (BASED ON THE NIZHNY NOVGOROD REGION).....	77
Mineev A., Sanukov K. EXPERIENCE OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY COUNCILS IN USSR IN 1950–1960s (BASED ON THE EXAMPLES OF THE CHUVASH AND MARI AUTONOMIES).....	84
Mishin A. ECONOMIC STRATEGY OF WEIMAR REPUBLIC IN BALKANS (GERMAN-YUGOSLAVIAN RELATIONS)	89
Myasnikova A. DEMOGRAPHIC LOSSES IN FINNO-UGRIC WORLD IN LATE XX – EARLY XXI CENTURY	96

Romanov V. PREVENTING OFFENSE AGAINST THE EMPEROR AND EXTREMIST PROPAGANDA AND AGITATION AS THE FUNCTION OF THE POLITICAL POLICE OF RUSSIAN EMPIRE IN 1825–1860: NORMATIVE BASE AND ITS IMPLEMENTATION	101
Soshko I. SPECIFICITY STUDIES OF RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES	112
Telepen S. THE ROMAN COMMANDER: THE CONTENT AND SENSE OF THE PERSONAL EXAMPLE	119
Uchvatov P. ACTIVITIES OF THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE MORDOVIAN ASSR ON MEETING AND LODGING EVACUATED POPULATION DURING GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)	124
Fatykhova M. SPECIAL ASPECTS OF REGIONAL BROADCASTING IN 1990s	131

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

Akhmetzyanov I., Garaeva A. PECULIARITIES OF MICROTOPYMS IN ENGLISH AND TATAR PARABLES.....	135
Grigoryeva E., Petrova O. SEMANTICS OF COMMON NAMES OF PLANTS IN DIFFERENT STRUCTURE LANGUAGES (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH PHYTONYMS WITH COMPONENT «CHERTOV (RUS. ЧЕРТОВ), DEVIL, DEVIL'S»)	139
Danilova M. «RUSSIAN-CHUVASH DICTIONARY OF LEGAL TERMS» AND PROBLEMS OF ESTABLISHING LEGAL TERMINOLOGY IN CHUVASH LANGUAGE.....	142
Ermakova G. ROLE OF BINARY OPPOSITIONS IN S. AZAMAT'S COLLECTION OF POETRY «DROPLETS ARE FALLING DOWN»	145
Ivanov V. CATEGORY OF NUMBER, ARTICLE, AND PUNCTUATION IN TEXTS OF CHUVASH FOLK SONGS.....	152
Isaev Yu. ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS SOURCE OF STUDYING LINGUISTIC WORLD AND METHOD OF COGNITIVE RESEARCH	156
Kozhemyakova E., Simulina I. RUSSIAN VERB ASPECTS IN TEACHING FOREIGN STUDENTS	160
Kornilov G. ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXVI: A-NAMES OF PLACES	165
Kursheva N. TRANSLATORS' COMMENTARIES AS BASIS FOR INTERPRETATION OF THE AUTHOR'S INTENTS (IN THE CONTEXT OF T. ELIOT'S POEM «FOUR QUARTETS») ...	174
Levina M., Sedova P. DIALECTICISMS IN LANGUAGE OF MOKSHA FICTION.....	178
Maksimov S. NOTION OF «FRIEND» IN UDMURT LANGUAGE: AREAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS.....	188
Minyar-Beloroutcheva A., Pokrovskaya M. ZOOMORPHIZATION OF NATIONAL STEREOTYPES IN POLITICAL DISCOURSE.....	192
Motygullina Z. COMMON AND NATIONALLY SPECIFIC FEATURES OF CONCEPT «FATE» WITH MEANING OF «HAPPINESS» IN TATAR AND ENGLISH LINGUAL CULTURES.....	198
Moullagaliev N. EXPRESSING IRREAL MODALITY ON THE MATERIAL OF «THE CATCHER IN THE RYE» BY JEROME SALINGER AND ITS TRANSLATION INTO TATAR LANGUAGE	202
Nurgalieva L. SOME FEATURES OF NONVERBAL COMMUNICATION IN ENGLISH AND TATAR LINGUISTIC CULTURES.....	208
Petukhova M., Simulina I. TRANSFORMATION OF PRECEDENT TEXTS AS PHENOMENON OF MODERN RUSSIAN SPEECH CULTURE WHEN TEACHING FOREIGN LANGUAGE SPEAKERS.....	212

Salmin A. CHUVASH LANGUAGE IN MONGOL-TURKIC WORLD	217
Semyonova I. DERIVATIONAL AFFIXES IN STRUCTURE OF ZOONYMS IN CHUVASH LANGUAGE	227
Sergeyev V. LINGUOTACTICS AND LINGUOTAGMEMICS.....	232
Fokina A. COMPARATIVE STUDY OF SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING CHARACTERISTICS OF HUMAN ACTIVITY (BASED ON MATERIAL OF RUSSIAN, MARI AND ENGLISH LANGUAGES)	237
Fomin E. MARI LANGUAGE IN SEMANTIZATION OF ABSOLUTE AGNONYMS OF CHUVASH LANGUAGE	243
Chueva E. STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN METONYMS DENOTING CIRCULATION OF AIR MASSES.....	248
Yuzmukhametov R. STUDYING PHONETIC SYSTEM OF AFRIKAANS IN COMPARISON WITH TATAR LANGUAGE ..	254
RULES FOR THE AUTHORS	259

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки
№ 2 2015

Редактор **Н.И. Завгородняя**
Корректор **Г.Ф. Губанова**
Технический редактор **Н.Н. Иванова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51087 от 04.09.2012 г.

Сдано в набор 01.04.2015. Подписано в печать 15.06.2015. Выход в свет 25.06.2015.
Формат 70×100/16. Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 27,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 655. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета